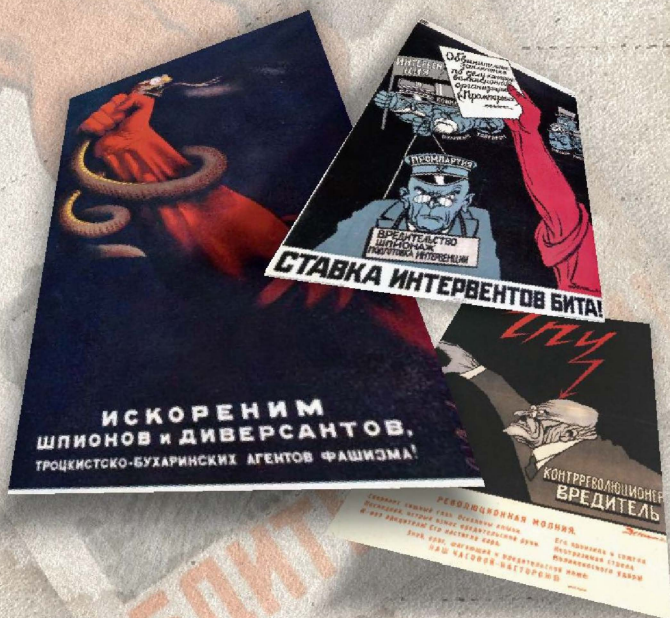


С. А. Красильников

# СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В 1920–1930-е гг.: ПРИЧИНЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ



Министерство образования и науки РФ  
Новосибирский национальный исследовательский  
государственный университет

Гуманитарный факультет  
Кафедра отечественной истории

**С.А. КРАСИЛЬНИКОВ**

**СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ  
в 1920–1930-е гг.:  
ПРИЧИНЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ**

Учебное пособие

Новосибирск  
2014

УДК 343.32  
ББК 67.408.14+63.3(2)61-361  
К 78

Ответственный редактор – проф. И. С. Кузнецов

Издание подготовлено в рамках реализации *Программы развития государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный университет»* на 2009–2018 гг.

**Красильников, С.А.**

**К 78** Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия : учеб. пособие / С.А. Красильников ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. – 300 с.

ISBN 978-5-4437-0301-5

В пособии рассматривается феномен советских судебных политических процессов в межвоенный период (1920–1930-е гг.) в качестве одного из важнейших инструментов утверждения большевистского политического режима. На основе изучения ряда крупнейших процессов эпохи (над лидерами партии социалистов-революционеров (1922 г.), над группами инженерно-технических работников Донбасса (Шахтинский, 1928 г.), научно-технических кадров («Промпартия», 1930, «Союзное бюро меньшевиков», 1931), над «партийными оппозиционерами» (Московские показательные, 1936–1938 гг.)) раскрываются механизмы подготовки и реализации политических, репрессивных, судебных и пропагандистских решений, связанных с осуществлением указанных процессов. Пособие включает приложение, сформированное из документов и материалов судебных процессов.

Издание рассчитано на студентов и аспирантов исторических факультетов и отделений университетов.

**УДК 343.32**  
**ББК 67.408.14+63.3(2)61-361**

ISBN 978-5-4437-0301-5

© Новосибирский государственный  
университет, 2014  
© Красильников С.А., 2014

## Оглавление

<b>Введение. Судебные политические процессы 1920–1930-х гг. в Советской России/СССР как исследовательский феномен: дискуссионные проблемы</b>	4
<b>Глава 1. Процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.)</b>	14
1.1. Процесс социалистов-революционеров: историографический контекст	14
1.2. Причины процесса	17
1.3. Подготовительная стадия	20
1.4. Коллизии процесса	27
1.5. Борьба вокруг приговора	37
1.6. Прецедент отложенного исполнения приговора	44
<b>Глава 2. «Вредительские» процессы 1928–1931 гг. Шахтинский политический процесс 1928 г.</b>	57
2.1. Шахтинский процесс: историографический контекст	57
2.2. Вначале было «дело»: «чекистский след»	62
2.3. «Немецкий след» в «Шахтинском деле»	71
2.4. Шахтинский процесс как социально-политический заказ	76
2.5. Идеолого-пропагандистский контекст «Шахтинского дела»	90
<b>Глава 3. Московские процессы (1936–1938 гг.). Первый Московский открытый процесс (август 1936 г.)</b>	113
<b>Заключение</b>	142
<b>Список литературы и источников</b>	148
<b>Приложение 1. Документы и материалы судебного процесса над социалистами-революционерами (1922 г.)</b>	154
<b>Приложение 2. Документы и материалы Шахтинского процесса 1928 г.</b>	200
<b>Приложение 3. Письмо М. П. Якубовича Р. А. Руденко</b>	256
<b>Приложение 4. Справка И. Серова о процессе 1938 г.</b>	265
<b>Приложение 5. Хроника основных судебных политических процессов 1920–1930-х гг.</b>	299



## **Введение.**

# **СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1920–1930-х гг. В СОВЕТСКОЙ РОССИИ/СССР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Судебные политические процессы (СПП) привлекали издавна и привлекают ныне неподдельный социальный интерес. Тому есть несколько оснований, среди которых выделяются: *традиционность* организации и проведения публичных/открытых процессов с того времени, как сформировалась система судопроизводства и оказалась включенной в более широкую систему политических отношений; *целесолагание* (процессы как социально-политический заказ – «если бы процессов не было, их следовало придумать»); *идентификационная функция* (процессы выступают как визитная карточка (идентификатор) режима – «скажи мне, кто твои враги, и я скажу, кто ты»); *мобилизационная функция* (канализировать потенциал социального недовольства в ненависть против «врагов»).

Политическим является тот судебный процесс, который проводится в рамках существующего судебного порядка в интересах действующего режима для подавления реальных или потенциальных противников (лиц, организаций, страт). Открытый (публичный) характер процессов является средством массовой социальной мобилизации.

Существует определенный исследовательский стандарт для изучения феномена СПП. В него входят:

- определение СПП как феномена репрессивной политики;
- законодательно-нормативная база рассмотрения «антигосударственного преступления» в открытом судебном порядке;
- институциональные взаимоотношения охранительных органов (охранка и юстиция) и влияние/воздействие политических структур;
- причины, способы организации и проведения СПП, их последствия;
- «центр-периферийные» процессы – общее и особенное в их проведении.

Исследование постреволюционных СПП в отечественной исторической литературе насчитывает две стадии. Можно согласиться с точкой зрения Ж.А. Рожневой, согласно которой первая совпадает с советской эпохой (1920–1980-е гг.) и вторая – с постсоветской/российской (1990–2000-е гг.) [2008, с. 5].

В советской историографии доминировала и нашла свое законченное выражение концепция судебных процессов как закономерного

го отражения «краха» антибольшевистских движений периода Гражданской войны и последовавшего за этим в 1920–1930-е гг. «краха антисоветского подполья». Классическим произведением данного жанра стало двухтомное сочинение Д.Л. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР», выдержавшее четыре переиздания (1975–1986 гг.). В частности, для нашей темы книга 2 (период 1920–1929 гг.) представляет историографическую ценность, поскольку в ней содержатся краткие обзоры о наиболее значимых, с точки зрения автора, судебных процессах политического характера 1920-х гг., включающие информацию о причинах организации процессов, составе подсудимых и судов, формуле приговора. В формализованном виде сведения о них вошли в помещенную в качестве приложения к основному тексту «Краткой хроники событий» [Голиков, 1986, с. 343–353]. В хронике оказалось 25 процессов 1920-х гг., которые вслед за Голиковым можно считать своего рода знаковыми.

Открывается «список Голикова» четырьмя крупными процессами над самыми различными группами обвиняемых, и с этой точки зрения являвшихся «матричными» для 1920-х гг. Это процессы над группой духовенства и мирян г. Москвы (дело «Совета объединенных приходов Москвы», 11–16 января 1920 г.), над «колчаковскими министрами» (Омск, 20–30 мая 1920 г.), по делу «Тактического центра» (16–20 августа 1920 г.), по делу членов правления «Центросоюза» (31 августа – 4 сентября 1920 г.).

В указанных процессах обозначились и в дальнейшем реализовывались в судебной форме репрессии в отношении главных противников большевистского режима, обозначенных как разновидности «контрреволюции»: «церковная», «вооруженная», «подпольная», «экономическая». В последующие несколько лет «матричные» формы дополнились «контрреволюцией» «националистической», «повстанческой» (т. н. политический бандитизм), «белогвардейско-эмигрантской», «кулацкой». Особую функцию выполняли гласные процессы о должностных преступлениях советской бюрократии, разложении последней и «сращивании» с «экономической контрреволюцией» (пример – «астраханское дело» 1929 г.). В отдельную группу («суперпроцессы») выделялись серийные политические процессы 1936–1938 гг. над бывшими лидерами большевизма.

Тем самым существовало до десяти «матричных» форм, в которые в известной степени умещались судебно-политические процессы данной эпохи. В различные периоды времени, в зависимости от при-

оритетов (социально-политического заказа) те или иные политические процессы становились «знаковыми». Так, в начале 1920-х гг. такую функцию выполняли процессы победителей над побежденными: над деятелями колчаковского правительства, лидерами партии социалистов-революционеров, руководством Православной церкви, в 1927 г. – над представителями т. н. белого террора, после 1928 г. – над группами, обвиненными в «экономической» и «кулацкой контрреволюции».

Ряд «матричных» форм на протяжении 1920-х гг. в целом был «отработан» и отошел на второй план. К их числу может быть отнесена т. н. церковная контрреволюция (пик процессов пришелся на 1922 г.), линия «вооруженной», далее «исторической контрреволюции» (от «колчаковцев» (1920) через Б. Савинкова (1924) к Б. Анненкову (1927)), повстанческое движение. Следует при этом отметить, что и т. н. историческая контрреволюция, и национализм, и повстанчество оказались затем вмонтированы в многослойные обвинения в отношении бывших большевистских лидеров на Больших московских процессах.

Анализ «списка Голикова» позволяет выявить в формально-процедурных сторонах открытых судебных процессов ряд черт, одни из которых носили устойчивый характер, другие подвергались трансформации. Судебно-процессуальная сторона претерпела изменения при переходе от Гражданской войны к «гражданскому миру», когда трибунальская вертикаль менялась на судебную от местных до Верховных Судов РСФСР/СССР. При организации т. н. макропроцессов дела слушались Особым/Специальным присутствием Верховного Суда. Другие «знаковые» процессы, связанные с крупными политическими или военными деятелями антибольшевистских движений (дела Савинкова, Анненкова, кутеповцев и др.), рассматривались Военной коллегией Верховного суда (ВКВС). Имели место и Выездные сессии верхов судов.

Состав и численность обвиняемых был представлен в широком диапазоне, в зависимости от политического заказа. Наиболее очевидными в данном ряду являлись персонализированные процессы над Унгерном, Савинковым, Вели Ибрагимовым и др. Свое место в спектре процессов занимали те из них, которые носили деперсонализированный характер, поскольку речь шла не только о лидерах, но и активистах и даже рядовых участниках различных движений, организаций. Особое значение отводилось процессам над «знаковыми»

институциональными структурами. И если для начала 1920-х гг. характерны реально существовавшие институты – эсеровские, меньшевистские, церковные, то для конца десятилетия – квази-организации, в реальности не существовавшие.

В количественном аспекте наиболее многочисленными по числу участников являлись не центральные, а региональные процессы, проходившие как «эхо», или «эпилог» Гражданской войны. Здесь в судебное слушание нередко объединяли несколько следственных дел. Среди наиболее значительных в количественном отношении выделялись процесс по делу т. н. Казачьей Рады Правобережной Украины (осень 1922 г., 245 подсудимых), процесс по делу т. н. Волынской повстанческой армии (март 1923 г., 285 чел.), т. н. Базаровско-незнамовский процесс (Сибирь, весна 1923 г., около 100 чел.). Достаточно крупными были т. н. хозяйственные процессы, перетекавшие далее в политические: дело Серпуховского текстильного треста (1924 г., 30 чел.), уже упоминавшееся Астраханское дело (1929 г., 129 чел.).

Важным параметром для понимания механизмов принятия решений о формате процесса и численности подсудимых является соотношение числа арестованных на стадии подготовки процесса и число тех, кто находился на скамье подсудимых. Так, для крупных, мега-процессов, где предварительное следствие велось длительное время, число подследственных могло существенно превышать окончательную цифру подсудимых. В частности, в начальном формате «дела ПСР» 1922 г. чекисты опубликовали список обвиняемых в 177 чел., включив в него даже значительное число членов ПСР, находившихся в эмиграции (Судебный процесс..., 2002, с. 164–166). Фактически же состав подсудимых определялся вплоть до последних дней в канун процесса, а на самом процессе число подсудимых составило 34 чел. (Там же, с. 31). По Шахтинскому процессу было арестовано несколько сотен сотрудников треста «Донуголь», но затем, в результате «селекции», часть арестованных была освобождена за недоказанность обвинения, 82 чел. («Список № 2 обвиняемых, проходивших по отдельным следственным делам, связанным с Шахтинским делом») прошли через осуждение коллегией ОГПУ, то есть во внесудебном порядке (ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 1. Л. 11–14).

По продолжительности судебные заседания разделялись на проходившие в минимальные сроки – 2–3 дня (процесс по делу левых эсеров Гана–Погодина, 1922 г., Б. Савинкова, 1924 г.), в течение 5–15 дней

(большинство процессов). Наиболее значимые длились от месяца и более (процесс над лидерами ПСР и Шахтинский заняли по 1,5 месяца, Астраханский длился около 2 месяцев).

Для непродолжительных по времени процессов период от завершения заседаний до вынесения приговора составлял 1–2 дня. Для наиболее крупных, «знаковых», (эсеровское, Шахтинское) обсуждение приговора занимало 4–5 дней. Степень суровости приговора определялась в границах от вынесения смертного приговора до освобождения из-под стражи. После судебного решения следовала процедура его утверждения законодательным органом, что давало возможность для некоторой корректировки приговора. Так, в 1922 г. решением Верховного Трибунала к смертной казни было приговорено 12 лидеров ПСР, однако постановлением ВЦИК исполнение приговора было отложено и отменено только в начале 1924 г. уже постановлением ЦИК СССР. Шахтинский процесс завершился смертным приговором для 11 подсудимых; ЦИК СССР постановил привести приговор в исполнение в отношении пятерых. Наиболее суровыми были приговоры по процессам 1927 г. в отношении «белогвардейцев». Большинство процессов 1920-х гг. завершалось приговорами без высшей меры наказания (ВМН).

При рассмотрении публикации материалов судебных политических процессов следует исходить из того, что наиболее полной могла быть публикация, включавшая в себя все три базовые компоненты: обвинительное заключение, стенограмму процесса и приговор. Этому критерию отвечают документальные комплексы немногих процессов, приходившихся на начало 1930-х гг. (процесс «Промпартии», меньшевистский (1931), «Союза освобождения Украины» (СВУ, 1931)). Применительно к 1920-м гг. стенограммы публиковались в отношении двух процессов, связанных с Украиной (дело членов ЦК Украинской ПСР, 1921 г. и дело «Киевского центра действия», 1927 г.).

Две же другие составные части открытых процессов носили обаятельный характер, обозначая «пролог» (обвинение) и «эпилог» (приговор), оставляя «за кадром» само центральное действие – суд. Газетные отчеты следует рассматривать как часть агитпроповской машины, передававшей формат и последовательность судебных заседаний, но отнюдь не их суть. В контекст публикаций необходимо включать отдельные материалы, выходившие до суда, во время суда и по его завершении. Так, часть корпуса документов и материалов по процессу над лидерами ПСР выходила тогда же, но отражала

только позицию правящей партии (обвинительные речи, речи защитников группы бывших эсеров-ренегатов и речи последних) (Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного Трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна. М., 1922; Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922). В начале 1920-х гг. еще существовали каналы переправки судебных материалов за рубеж: лидерам ПСР удалось в 1922 г. передать часть доступных им материалов за границу, в т. ч. последнее слово обвиняемых первой группы, лидеров ПСР, где они публиковались в эсеровском издании «Революционная Россия» (ср. газетные отчеты в «Известиях ВЦИК» от 5 августа 1922 г. и тексты речей подсудимых в «Революционной России» (Париж, 1922. № 21–22).

Материалы Шахтинского процесса в рассматриваемом контексте примечательны тем, что подсудимые не являлись политическими противниками большевиков и иначе воспринимали бремя выдвигавшихся против них обвинений. Не желая участвовать в «игре», предложенной ими вначале чекистами, затем обвинителями, часть подсудимых стремилась отстаивать свое профессиональное и человеческое достоинство, выражая в последнем слове личный протест советской судебной системе.

Получив доступ к корпусу источников по двум крупнейшим политическим процессам 1920-х гг. – ПСР и Шахтинскому, исследователи могут осуществить более обстоятельную реконструкцию не только механизмов их организации и проведения, но и поведения ключевых субъектов процессов (политических организаторов, судебных исполнителей, подсудимых, защитников). При сравнительном анализе выясняется, что между этими, казалось бы, весьма несхожими по целеполаганию организаторов и составу подсудимых процессами есть схожие черты. В частности, в сценарий их осуществления закладывался алгоритм дифференциации, выделения в составе обвиняемых как минимум двух групп: в процессе ПСР одну группу (нераскаявшихся) составляли лидеры и активисты ПСР численностью 22 чел., другую – бывшие члены ПСР, вышедшие к моменту процесса из партии и сотрудничавшие со следствием (вторая группа из 12 чел., которую «чекисты» именовали «ренегатами»). Подсудимые второй группы выступали на суде фактически на стороне обвинения, выполняя функции важных свидетелей обвинения.

В Шахтинском процессе линия водораздела на две группы сложилась уже на стадии предварительного, а затем, за небольшими ис-

ключениями, подтвердилась на судебных слушаниях. Деление прошло по линии «оговорщики» (так на процессе именовались те, кто активно свидетельствовал против других) – «нераскаявшиеся» (на Шахтинском процессе около 40 % подсудимых не признали себя виновными – одни полностью, другие частично).

Ставшие доступными исследователям стенограммы Шахтинского процесса со всей очевидностью показывают, почему большевистское руководство не было заинтересовано в том, чтобы стенограмма процесса не увидела свет. И, напротив, на публикацию стенограмм процессов «Промпартии», меньшевиков, далее Московских процессов большевистское руководство шло потому, что они, в отличие от эсеровского и Шахтинского, имели четко постановочный, сценарный, т. е. полностью управляемый характер. Что же касается не вписывавшихся в этот ряд вышеназванных процессов, то каждый из них имел свою специфику, не вписывавшуюся в чекистско-судебные сценарии. В связи с отмеченной выше чертой (сидели ли на скамье подсудимых реальные противники большевистского режима, в частности, эсеровские лидеры, или «буржуазные спецы», часть которых пыталась доступными им средствами доказывать свою невиновность – шахтинцы) можно констатировать очевидный парадокс открытых политических процессов: ближе к концу 1920-х гг. из процессов «вымывалась» категория лиц, противостоявших суду. С 1930 г. («Промпартия») подсудимыми оказывались «враги», но «раскаявшиеся», «разоружившиеся». Тонко чувствовавший логику процессов, где ценным признавалось реальное противостояние с «врагами народа», Н.В. Крыленко на таких процессах вынужден был оправдывать отсутствие данной «интриги» тем, что даже самые злейшие враги «разоружились» перед силой пролетариата и идей большевизма.

С разрушением коммунистической системы власти и скреплявшей ее идеологии неизбежно должен был уйти в прошлое голиковский стереотип судебной справедливости и юридической законности проведенных в 1920–1930-е гг. судебных политических процессов. Более того, еще до официального юридического пересмотра самих судебных дел, положенных в основу политических процессов и вынесенных на них приговоров, уже в конце 1980-х гг. как историки, так и юристы весьма единодушно высказывались о фальсифицированности и дел, и процессов. Однако, сравнительно быстро проведя соответствующие реабилитационные действия в отношении обвиняемых на громких московских процессах коммунистических оппозиционеров,



органы юстиции в лице Генеральной прокуратуры РФ изучили и пересмотрели приговоры по таким «знаковым» процессам, как процесс эсеров и Шахтинский, только в начале 2000-х гг. Впрочем, и здесь юристы не избежали новых коллизий. Так, если по Шахтинскому процессу оказались реабилитированы все 53 подсудимых, то по процессу ПСР 1922 г. Генпрокуратура не признала возможным реабилитировать ряд лидеров ПСР (А. Гоца, Д. Донского, М. Лихача и др.), найдя в их действиях состав уголовных деяний (санкция на проведение экспроприаций, санкция на покушение на Ленина, получение денежных средств и связь с интервентами и т. д.). Оставляя в стороне детали, отметим, что в данном случае российские юристы пользовались той же аргументацией, что и Крыленко с Пятаковым в 1922 г.

Главным же позитивным моментом постсоветского периода следует считать то, что историки получили возможность доступа к документам и материалам подготовки и проведения всех основных СПП эпохи 1920–1930-х гг. Благодаря этому появился ряд документальных изданий, дающих максимально возможное полное представление о механизмах организации и проведения политических процессов. В первую очередь это относится к публикациям эсеровского (1922) и меньшевистского (1931) процессов (Судебный процесс..., 2002; Меньшевистский процесс..., 1999). Коллективом новосибирских историков и московских архивистов в 2010–2011 гг. осуществлена документальная публикация материалов Шахтинского процесса в двух книгах. В первой публикуются документы из бывшего архива Политбюро, ныне архива Президента РФ, отражающие политические, пропагандистские и судебные технологии подготовки и проведения указанного процесса; во второй представлены материалы предварительного и судебного следствий (Шахтинский процесс..., 2010, 2011).

В современной историографической ситуации, когда на смену прежней, «голиньковской», системе доказательств («и так все ясно») приходит другая, по форме также однозначная («и так все ясно»), задача историков не становится легче: возникает необходимость обоснования механизмов и технологий тенденциозности постановочных судебных процессов и фальсифицированности следствия. Это — одна из центральных исследовательских задач, предполагающая применения арсенала средств критики источников. Другая, не менее значимая задача состоит в выявлении социально-политических контекстов СПП. Ее решение предполагает разработку типологии и

функционального предназначения (целеполагания) процессов. Ниже приводится наше видение данного вопроса.

Судебные политические процессы (СПП) использовались большевистским режимом для достижения следующих целей: как средство утверждения/легитимации режима; как инструмент в системе социальной мобилизации конфликтного/конфронтационного типа; как средство канализирования социального недовольства.

Процессы своим проведением, целеполаганием, форматом и т. п. неотъемлемым образом связаны с социально-политическими фазами эволюции режима (становление – развитие – кризис). Для большевистского/сталинского режима характерны показательные процессы для каждой из указанных фаз: а) над политическими противниками (ПСР) и РПЦ (1922 г.); б) над группами интеллигенции («вредительские») (1928–1931 гг.); в) над бывшими большевистскими лидерами (1936–1938 гг.).

СПП имели различную степень политизированности: высшая степень прослеживалась в 1922 г. (процесс ПСР) и в 1936–1938 гг. («Московские процессы»). Особое место занимали процессы, имевшие более широкий, социально-политический контекст (1928–1931 гг., «вредительские»), а также антирелигиозные процессы (1922–1925 гг.) (идеократический режим против теократической структуры). Наиболее массовой разновидностью на уровне регионов выступали судебные процессы как часть «хозяйственно-политических кампаний».

СПП имели разную степень соотношения внутри- и внешнеполитических аспектов: наличие ярко выраженного международного аспекта и резонанса в процессах над лидерами (ПСР 1922 г. и Шахтинский 1928 г., отчасти в процессе «Промпартии» 1930 г.).

СПП имели различный территориальный масштаб («Центр – периферия») на двух-трех уровнях: центральные процессы (Москва); региональные процессы (краевые/областные центры); местные процессы (районный уровень); а также различный институционально-личностный масштаб: лидеры политических партий, движений (знаковые фигуры); ординарные фигуры, представлявшие «группы риска» («вредители» и т. д.).

Дальнейший прогресс в разработке тематики советских судебных политических процессов зависит от сочетания ряда базовых факторов, действие которых может иметь разнонаправленные векторы. К факторам позитивного порядка можно отнести социальный интерес и востребованность данной тематики не только в среде профессио-

нальной гуманитарной интеллигенции, но и в медийной сфере; возможность совместных исследований с зарубежными коллегами; информационные возможности, позволяющие работать не только с архивными документами и периодикой, но и с визуальными источниками (кинодокументалистика о процессах). К факторам противоположного свойства можно отнести тенденцию в сфере государственной политики исторической памяти («славное советское прошлое») и связанные с этим механизмы «торможения» в доступности историков к материалам ведомственного хранения.

В данном учебном пособии помимо основной, аналитической, части представлены документальное приложение, включающее опубликованные с участием автора источники по истории эсеровского и Шахтинского процессов, а также хроника основных судебных политических процессов эпохи. При подготовке данного пособия использованы тексты, написанные в соавторстве с доктором исторических наук К.Н. Морозовым (процесс ПСР 1922 г.), а также кандидатами исторических наук А.И. Савиным и С.Н. Ушаковой (Шахтинский процесс 1928 г.). Материалы Первого Московского процесса 1936 г. использованы с согласия Ж.В. Артамоновой. Всем им автор приносит свою признательность.

## **Глава 1**

### **ПРОЦЕСС НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ (ИЮНЬ-АВГУСТ 1922 г.)**

#### **1.1. Процесс социалистов-революционеров: историографический контекст**

По своему завершению в августе 1922 г. процесс оставил не слишком обширную источниковую базу, заметно уступавшую в объеме изданной в тот же период пропагандистской литературе. Помимо подневных газетных отчетов о ходе процесса, печатавшихся в центральной прессе, следует, безусловно, отметить публикацию «Обвинительного заключения» (М., 1922) и материалов самого процесса в двух выпусках (Процесс П.С.-Р. ..., 1922). В этот же разряд источников необходимо отнести и предшествовавшую самому процессу публикацию в Берлине брошюры Г.И. Семенова (Васильева) [1922], напечатанной также в газетах «Новый Мир» (Берлин) и «Известия». Очевидна тенденциозность изданных в тот период советской стороной материалов: публиковались обвинительные речи, но не защитительные речи обвиняемых – лидеров ПСР; публиковались последние слова той части обвиняемых, что сотрудничала со следствием и обвинением, но игнорировались речи «нераскаянных» обвиняемых.

Всевозможную литературу, выпущенную в Советской России в канун, во время и после завершения процесса, нельзя без серьезных оговорок отнести к разряду исторических работ – настолько очевиден продиктованный ситуацией социальный заказ. Именно поэтому работы, вышедшие из-под пера лучших на тот момент большевистских публицистов – М.Н. Покровского [1922], А.В. Луначарского [1922], И.В. Вардина [1922], Ю. Стеклова [1922] – несут на себе печать агитпроповской машины, из недр которой они появились на свет. Выявленные ныне архивные материалы позволяют реконструировать основные моменты технологии создания названных работ – от утверждения названий и структуры до согласования объемов, тиражей и сроков их опубликования.

В сферу собственно исторического рассмотрения проблемы подготовки, хода и итогов процесса 1922 г. попали уже в 1960–1980-е гг. Спрос на эту тематику на этот раз был продиктован необходимо-

стью для советской исторической науки обосновать закономерность и неизбежность «краха», «крушения», «распада» антибольшевистских партий и движений. Практически все писавшие об этом истории так или иначе упоминали в данном контексте о процессе 1922 г. как о логичном завершении «исторического банкротства» ПСР. Заслуживают отдельного упоминания две работы, авторы которых воспользовались для своих схематических построений не только очевидными и лежавшими «на поверхности» материалами периодики и опубликованными тогда же, в 1922 г., отдельными документами, сопровождавшими процесс (обвинительное заключение, приговор и т. д.), но и обратились к доступным архивным источникам (материалам Верховного Трибунала, хранящимся в ЦГАОР, ныне ГА РФ) [Голинков, 1986, с. 207–221; Костин, 1990].

Д.Л. Голинков, располагая достаточно широким кругом документов, прежде всего материалами предварительного следствия и стенограммой судебного заседания, нарисовал, тем не менее, достаточно тенденциозную картину подготовки и хода процесса, разбавив общепринятую схему 1920-х гг. лишь рядом «живых» извлечений из стенограммы. Тем не менее, нельзя не отметить, что сквозь схему в его работе проглядывали и реальные события и факты объективного характера. Так, автором отмечалось, что толчком для развертывания процесса стали ведомственные интересы ВЧК–ГПУ, которое инициировало показания Л.В. Коноплевой и брошюру Г.И. Семенова (Васильева). Достаточно подробно, хотя и тенденциозно, автор обрисовал ситуацию вокруг решения Берлинской конференции Трех Интернационалов о неприменении к обвиняемым на предстоящем процессе смертной казни; о дискуссии вокруг применения к членам ПСР амнистии ВЦИК от 26 февраля 1919 г.; описал в общих чертах механизм того, как из 200 первоначально обвиняемых путем отбора было выведено на процесс 34 чел.; обратился к дебатам в первые дни процесса с участием иностранных защитников об отношении к берлинскому соглашению, о праве последних на ведение отдельной стенограммы, имеющей юридический характер и т. д.

Д.Л. Голинков также обозначил в своей работе ряд характерных особенностей формирования состава обвиняемых и их поведения на процессе. Речь идет в первом случае о делении обвиняемых на две группы: первая (22 чел. – «чекисты» и активные члены ПСР) и вторая (12 бывших членов ПСР, порвавших с партией). Вторая группа выполняла специфические функции, укрепляя позиции обвиняющей

стороны: «Конкретные показания этих подсудимых являлись существенной частью доказательственного материала» [Голинков, 1986, с. 210].

Противоречивое впечатление производит книга Н.Д. Костина, озаглавленная вполне в духе публицистики 1920-х гг. – «Суд над террором». Публицистическая манера изложения исторических событий усилила это сходство и привела к тому, что автор и в самой их интерпретации следует за такими своими предшественниками, как Стеклов, Луначарский и др. Фразы типа «разоблачения Григория Семенова и Лидии Коноплевой потрясли советских людей и прогрессивную общественность мира» изобилуют на страницах издания. Автор создал своеобразный коллаж из источников, в числе которых центральное место отведено брошюре Г. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.», стенограммам заседания Верховного Трибунала, обвинительного заключения и т. д.

Настоящий же прорыв в научной разработке темы произошел с появлением в 1982 г. монографии голландского историка Марка Янсена, переведенной и опубликованной на русском языке в 1993 г. [Jansen, 1982; Янсен, 1993]. Значение исследования не умаляет авторский подход, явно генетически связанный с оценками событий, выработанными эмигрантской социалистической оппозицией в 1920-е гг. Стержень работы состоит в реконструкции противостояния и противоборства – идейного, морального, психологического – эсеровской оппозиции и большевистского режима. При этом, в отличие от работ Голинкова и Костина, Янсен не утрирует и не упрощает до абсурда мотивы и действия большевистской стороны, а достаточно объективно и взвешенно анализирует деятельность большевиков по целенаправленному и форсированному подавлению своих политических оппонентов. Особую ценность работе Янсена придает то, что в ней впервые вводятся в научный оборот документы и материалы из зарубежных библиотек и архивохранилищ, а также воспоминания ряда очевидцев и участников событий. Безусловно, его работа и по сей день является лучшей из всего того, что было написано по этой теме.

Краткий обзор публикаций по данной теме дает основание считать, что начатое сравнительно недавно научное исследование московского процесса 1922 г. над группой членов ПСР и ренегатов от этой партии, требует всесторонней реконструкции причин, обстоятельств и механизма подготовки и проведения большевистской пар-

тийно-государственной машиной антиэсеровского показательного политического процесса, воссоздания картины мужественного поведения подсудимых в ходе и после него, сквозь призму оценки процесса как части исторического противостояния «тоталитарного» и демократического социализма.

## 1.2. Причины процесса

Поиск ответа на вопрос о том, зачем большевистской власти понадобилось тратить гигантское количество сил и средств для решения такой, казалось бы, неактуальной для 1922 г. (два года спустя после окончания Гражданской войны) задачи, как процесс над эсерами, приводит к следующим выводам. Борьба с социалистическими партиями в 1921–1922 гг. для большевиков становится не просто актуальным вопросом, а одним из способов выживания. Тамбовское и особенно Кронштадтское восстания со всей очевидностью поставили перед властью проблему потери популярности и сужения ее социальной базы даже в рабочих кругах обеих столиц и в детище этой власти – Красной Армии. Забастовки рабочих Петрограда и Москвы наносили ощутимый удар по большевистской демагогии о «рабочей власти» и «диктатуре пролетариата». Сотни крестьянских восстаний в 1918–1920 гг. на территории Советской России не оставляли у власти иллюзий и об отношении к ней большинства крестьянства несмотря на то, что формально на выборах в Советы коммунисты получали «единодушную» поддержку. Тамбовские крестьяне всерьез обеспокоили власть, показав, что они способны отнюдь не только к спорадическим кратковременным выступлениям, легко локализуемым и подавляемым, но и к созданию повстанческой армии, использующей тактику партизанской войны, уничтожение которой потребовало использования лучших частей Красной Армии, вынужденных применять авиацию и боевые газы, институт заложничества и концлагеря.

Представляется, что планировавшаяся организация серии процессов над социалистическими партиями должна была решить еще и другие задачи. В условиях ожиданий различных социальных и политических групп, что вслед за экономической нэповской «либерализацией» режима последует и его политическая демократизация, большевистское руководство демонстрировало всем (в т. ч. и слегка растерявшимся партиям), что политического «отступления» не будет.



Более того, давался четкий сигнал, что, во-первых, никакие альтернативные проекты, даже социалистические (эсеровские, меньшевистские, анархистские) рассматриваться не будут, а во-вторых, не будет и никакого сотрудничества с социалистами. Представляется, что сторонники «жесткой линии» в большевистском руководстве пытались решить еще две задачи: 1) сломить в большевистской среде то «мягкое» отношение к социалистам, корнями уходившее во времена совместной революционной борьбы и очень ярко проявившееся в многочисленных ходатайствах ряда видных большевиков за арестованных социалистов и даже в их противодействии ВЧК–ГПУ; 2) отрезать пути отступления для колеблющихся элементов большевистской элиты, способных, как и в ноябре 1917 г., начать хвататься в кризисный момент за идею «однородного социалистического правительства».

В атмосфере всеобщих разговоров о том, что нэп неизбежно приведет большевиков не только к экономическим, но и к политическим уступкам, а именно к некоторой демократизации режима, демонстративный расстрел социалистов означал бы и крах всех такого рода ожиданий. В условиях вероятности ответных террористических актов эсеров и эскалации взаимного озлобления «колеблющиеся» из большевистской элиты лишались всякого выбора. Подобное они уже испытали в конце 1917 – начале 1918 г., когда Ленин и Троцкий, стремясь пресечь попытки договориться с меньшевиками и эсерами, вполне сознательно обостряли ситуацию и толкали соратников к прямому насилию.

В судебном процессе по «делу правых эсеров» следует выделить три стадии: до процесса (конец 1921 г. – начало июня 1922 г.); сам процесс (8 июня – 7 августа 1922 г.); после процесса (8 августа 1922 г. – 14 января 1924 г.). На допроцессной стадии на ход и сроки подготовки и определения начала процесса влияло несколько важных факторов, вносящих серьезные коррективы в первоначальные замыслы большевистского руководства. Внутренний фактор определялся темпами ведения следствия, выбором подходящего времени для начала процесса, определением приоритетов и т.д. Внешний выступал как необходимость формировать позитивный образ большевистского режима накануне и в ходе проведения Генуэзской конференции и Берлинской конференции трех Интернационалов.

Документы устанавливают начало решения вопроса о предании суду Верховного Ревтрибунала лидеров ПСР – постановление Плену-

ма ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г., но когда началась подготовительная работа и кем она велась – до конца так и неясно. Говоря о политическом обеспечении руководства процессом, нельзя не отметить, с одной стороны, крайнюю громоздкость созданной большевиками конструкции в виде комиссий, временных групп, совещаний и т. д., а с другой – привлечение к участию в процессе многих виднейших коммунистов. Первой по времени создания (и ключевой) стала комиссия Политбюро (в документах она иногда именовалась комиссией ЦК) «по руководству процессом», или «тройка». 15 марта 1922 г. Политбюро включило в «тройку» Ю.М. Стеклова (редактор «Известий»), Д.И. Курского (нарком юстиции) и Ф.Э. Дзержинского (нарком внутренних дел и председатель ГПУ). Но она в таком составе так и не успела собраться для текущей работы. Последовало новое решение Политбюро. В комиссию кроме Дзержинского вошли лидеры большевиков – Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев. Последний был назначен руководителем с «правом созыва». «Тройка», первое заседание которой прошло 29 апреля 1922 г., а официальный роспуск состоялся по постановлению Политбюро 7 сентября 1922 г., обладала правом контролировать деятельность, реорганизовывать и расформировывать все другие комиссии, созданные в связи с процессом. Именно этому негласному и фактически конспиративному органу принадлежала ведущая роль в определении стратегии и тактики ведения процесса (к сожалению, в ходе архивных разысканий публикаторам не удалось выявить полного делопроизводства указанной комиссии – сохранились только отдельные протоколы и частично переписка в делах Политбюро, Секретариата ЦК и ГПУ).

Все наиболее ответственные решения, связанные с процессом и регулярно обсуждавшиеся с мая 1922 г. на заседаниях Политбюро, либо предварительно рассматривались на заседаниях «тройки», либо Политбюро направляло подобные вопросы на окончательное решение «тройки». Обойти или опротестовать решение «тройки» в Политбюро было практически невозможно, поскольку в нее входило два члена Политбюро. Однако рекомендации и решения «тройки» не всегда воплощались в жизнь и «увязали» в массе дальнейших согласований, нередко в недрах самого аппарата ЦК.

Помимо «центральной тройки», как ее иногда называли, были еще две комиссии, специально созданные для проведения процесса. С 12 мая 1922 г. начала заседать созданная на базе Агитпропа ЦК «Агитационная тройка по эсеровской кампании», в которую вначале

вошли Я.А. Яковлев (председатель), И.В. Вардин и Б. Малкин, а позже к ним присоединился Н.Н. Попов. Чуть ранее, 6 мая 1922 г., в целях пропагандистского воздействия на левые круги за рубежом по каналам Коминтерна, появилась Коминтерновская «тройка», включавшая Ф.Я. Кона (председатель), Г. Эберлейна и Б. Суварина. Путем включения представителей ЦК РКП(б) и РОСТА планировалось превратить ее в «пятерку», но затею осуществить не удалось: накануне процесса Политбюро рекомендовало Г.Е. Зиновьеву обеспечить участие двух представителей Коминтерна в заседаниях «центральной тройки» для согласования и координации действий ЦК РКП(б) и ИККИ.

Проведением процесса ПСР занимались помимо перечисленных выше комиссий специальные комиссии и группы. Было, например, несколько комиссий ГПУ («троек»), в которые входили видные чекисты; возглавляемая К.Б. Радеком группа обеспечивала ведение пропаганды за рубежом и т. д. Учесть общее количество всех этих групп и комиссий весьма сложно, ведь среди них были и «однодневки» с очень узкими задачами, как, например, созданная по решению «центральной тройки» от 6 мая 1922 г. комиссия в составе Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского и В.Н. Дени для редактирования «плаката трагического характера», раскрывающего преступления эсеров в годы гражданской войны, или организованные Московским комитетом партии в каждом районе «двойки или тройки» по распределению среди коммунистов билетов на процесс.

### 1.3. Подготовительная стадия

Анализ материалов предварительного следствия, проведенного следователями ГПУ в крайне сжатые сроки (2 марта – 21 апреля 1922 г.), оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, все указывает на то, что в отличие от многих последующих процессов 1920-х и особенно 1930-х гг., когда «преступления» придумывались в партийных и чекистских кабинетах, а сами обвиняемые либо под пытками сознавались в них, либо в попытках вымолить себе лучшую долю становились соавторами следователей, переплетая ложные и истинные факты, следствие по делу «правых эсеров» в целом выглядело иначе. Вопрос об «искусственности» обвинительного материала сложен и неоднозначен. Многие факты борьбы ПСР против РКП(б), например, деятельность «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде в конце октября 1917 г., во главе которого стояли эсеры,

или образование в Самаре летом 1918 г. правительства Комуча, чья Народная армия вела боевые действия против Красной Армии, были общеизвестны. Вопрос же заключался в том, можно ли эти действия считать преступлением и судить за них. Некоторые стороны этой проблемы были верно схвачены Э. Вандервельде, который по возвращении из Москвы заявлял: «Большевики выставили против с.-р. четыре обвинения: 1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим. 2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца. 3. С.-р. вели вооруженную борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию. 4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля – кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит» (См.: Голос России. 1922. 25 июня. № 999).

Без всяких сомнений, самым уязвимым местом для организаторов процесса стала проблема его правовой обоснованности. Попытки решения этой проблемы породили массу юридических коллизий даже в рамках следствия, не говоря уже о самом судебном слушании, и придавали всему процессу (достаточно абсурдному с юридической точки зрения) характер политической расправы.

Во-первых, перед большевиками встала задача обойти один из основных постулатов римского права, гласившего – «нет закона, нет преступления». Другими словами, все преступления, совершенные в конце 1917–1918 гг., должны были рассматриваться в рамках закона того времени. Здесь уместно отметить, что, когда после Февральской революции Временным правительством была создана Чрезвычайная следственная комиссия, объектом внимания которой стал целый ряд высших должностных лиц, правовой основой ее деятельности стали законы Российской империи, действовавшие на момент совершения преступления. Именно поэтому следствие и шло по направлению выявления «должностных преступлений», т. е. превышению своих служебных полномочий в рамках действующих законов. Этот путь большевикам был заказан уже хотя бы потому, что после захвата власти ими путем отмены всех прежних законов, выкраивания лоскутных новых, ставших системой лишь к середине 1922 г., было соз-

нательно разрушено правовое поле. Конечно, законы времен Гражданской войны были в высшей степени приспособлены для эффективной расправы с политическими врагами, но устраивать на их основе процесс, находившийся в центре мирового общественного внимания, а следовательно, расписаться в вопиющем правовом нигилизме и потерять лицо, значило не достичь целей, поставленных перед процессом над эсерами. Власть нашла достаточно простой выход из ситуации – она судила эсеров по законам, принятым уже после «совершения» инкриминируемых им преступлений.

Во-вторых, огромной проблемой стала (и остается таковой до сих пор) правомочность применения юридических норм к событиям, трансформирующим общество и запрещаемым законами любого государства (революция, государственный переворот, гражданская война). Уступая место политике, юриспруденция оказывается бессильна перед лицом общественных катаклизмов. Большевики пытались решить эту проблему, встав на чисто формальную точку зрения – есть ряд действий эсеров в 1917–1918 гг. и есть положения более поздних законов, под которые эти действия подпадают. С этой позиции вооруженная борьба эсеров с большевистской властью становилась противоправной, т.к. была направлена на свержение существующей власти. Но, выводя за рамки обсуждения вопросы о законности существования самой большевистской власти и методах ее борьбы с оппонентами, большевики, используя двойной стандарт и прикрываясь шумной демагогией, занимались своего рода политическим шулерством.

Многое из аргументов и логики действий большевистской власти, снимавшей с себя ответственность за развязывание и эскалацию гражданской войны и перекладывавшей ее на своих противников, в последующие годы оформилось в аксиомы, часть из которых бытует и сегодня. Однако во многих случаях за эсерами стояли не только логика и здравый смысл, но и закон. Обвиняя эсеров в оказании вооруженного сопротивления большевикам в Петрограде и Москве в октябре 1917 г. и развязывании гражданской войны, большевики обходили достаточно очевидный вопрос, что уже сам их курс с апреля 1917 г. на силовой захват власти, в условиях демократического волеизъявления народа, незаконен и недостойн партии, имеющей в своем названии слово «демократическая». Захват власти (кем бы то ни было) накануне выборов в Учредительное собрание, первых действительно свободных и равных выборов, которые и должны были

дать настоящую легитимность будущему правительству, совершенно неизбежно вел к недовольству и противодействию большинства политических партий и отчасти со стороны различных слоев общества, и как результату – эскалации гражданской войны. Аргумент большевиков, что Гражданскую войну развязал мятеж Корнилова, лишь подтверждает этот вывод. Двойной стандарт большевиков заключался в том, что предотвращение ими (совместно с другими социалистами) захвата власти Корниловым считалось благом, а попытки предотвращения захвата власти большевиками – преступлением, ведущим к развязыванию Гражданской войны.

Двойной стандарт ярко проявился в оценке как недопустимой защиты эсерами легитимно избранного Учредительного собрания (им вменялись в вину не только стремление поднять на защиту Учредительного собрания часть войск Петроградского гарнизона, но и организация мирной демонстрации). В случае с Учредительным собранием за эсерами было многомиллионное волеизъявление народа, а также моральное и юридическое право защищать и сам народ. Большевики отдавали себе отчет, что в зале суда будут выглядеть весьма бледно в полемике не только по этим двум пунктам своего «обвинения» эсеров, которые немедленно сделают настоящими обвиняемыми именно большевиков (оперируя аргументами, которые сложно отразить лишь демагогией «двойного стандарта»), но и по всем другим пунктам (крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж и т. д.). Именно поэтому обвинения Семенова оказались столь ценны для большевиков. Ведь обвинения в связях с союзниками и получении от них денег, в совершении покушений на видных большевиков, от которых ЦК ПСР отказывалось, в проведении ряда экспроприаций, часть из которых была типичным грабежом, подрыве воинских и санитарных поездов и т. п. били эсеров по самому уязвимому месту, разрушая их образ борцов за идею и превращая (не без помощи умелой пропаганды) в агентов мировой буржуазии, получающих жалование за свою подрывную деятельность против советских трудящихся.

Все это определило выбор стратегии организации следствия, перед началом которого и была опубликована брошюра Семенова. Все первые аресты и допросы базировались на именах и фактах, названных Семеновым и Коноплевой (только Семенов в своей брошюре, по подсчетам В. Войтинского, назвал 93 фамилии, а это давало весьма богатый выбор) и лишь позже появились новые фамилии, когда маховик следствия раскрутился вовсю и стал затягивать (благодаря

ряду «откровенных» показаний) все новых и новых лиц, многим из которых предъявили обвинение. В рамках предварительного следствия (где был отработан и весьма немалый массив эсеровских партийных документов) расследовалась по большей части совершенно реальная деятельность эсеров, пытавшихся свергнуть большевистскую власть. Задача следователей заключалась, как правило, не в выдумывании фактов, а лишь в их отборе и нужной трактовке. В этом плане примечательно, что, например, стенограммы эсеровских конференций и съездов испещрены карандашными пометками видных чекистов, которые из полудюжины противоречивых мнений и позиций выбирали лишь самые крайние, антибольшевистские, игнорируя тот факт, что большинством голосов принимались куда более умеренные резолюции. Мошенничество и гениальность подобного приема очевидны: с одной стороны, инкриминируемые слова, действительно, произносились, с другой – они приписывались всем присутствующим. Проводя обратную аналогию, можно сказать, что это все равно, что процитировать речи Зиновьева и Каменева, выступающих против захвата власти большевиками 25 октября 1917 г., и скромно умолчать о позиции на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского и др., сформировав у слушателя убеждение об отрицательном отношении всего большевистского руководства к планам захвата власти.

В ряде случаев реальные факты так переплетались с фальсификацией, что различить их сегодня крайне сложно. Так, например, существование боевой группы Семенова и совершенные ею покушения и экспроприации – реальный факт, а вот утверждение самого Семенова, а затем и большевиков, что эта группа действовала по приказу и под контролем ЦК ПСР, – явная фальсификация. Впрочем, похоже, можно обсуждать и версию о том, как один или два члена ЦК действовали как авантюристы за спиной ЦК ПСР и версию о существовании БО, но без террористических функций (см. показания Н.Н. Иванова), и версию о санкции, данной Д.Д. Донским Ф. Каплан на покушение на В.И. Ленина в индивидуальном, а не партийном порядке.

Много тенденциозности и, вероятно, прямых фальсификаций внесено в освещение вопросов о связях с союзниками и об их финансовой помощи. (По крайней мере член ЦК ПСР Тимофеев на заседании Трибунала 29 июня 1922 г. признал сам факт своей встречи с социалистами Дюма и Эрлишем, которые прибыли в Россию по поручению своей партии. Эсеры пошли на эти встречи, чтобы дать западным



социалистам точное представление о позиции ПСР в происходящих событиях. Дюма и Эрлишу были переданы некоторые воззвания ЦК ПСР с просьбой довести их до сведения трудящихся Запада. Какое положение Дюма и Эрлиш занимали во французской миссии, Тимофеев, по его словам, не интересовался и не знает).

Факты подтасовок и прямой лжи со стороны многих свидетелей обвинения и обвиняемых 2-й группы (все они прошли через предварительное следствие ГПУ и Верхтриба), вскрывшихся на процессе благодаря вопросам обвиняемых 1-й группы и их защиты, позволяют говорить о том, что фальсификация и тенденциозность на следствии или своего рода «программирование» ряда свидетелей и обвиняемых (покупавших себе свободу), применялись все-таки достаточно широко.

В целом анализ материалов следствия ГПУ рисует следующую картину. 2 марта 1922 г. первым был допрошен член ЦК ПСР А.Р. Гоц, который от показаний отказался без каких-либо объяснений (Там же. Т. 2. Л. 179). 4 марта Агранов допросил Семенова по частному вопросу – «об участии Федорова-Козлова в террористической работе партии с.-р.», и в этот же день подверг допросу самого Ф.Ф. Федорова-Козлова (Там же. Л. 63, 92–92 об.). Последний опроверг лишь один факт из показаний Семенова – о времени своего вступления в боевую дружину Невско-Заставского района Петроградской организации ПСР (не конец 1917 г., а начало 1918 г.), но признал все остальное: участие по поручению Семенова в слежке за Володарским, факт убийства Володарского членом их боевой группы Сергеевым, участие в качестве члена Центрального летучего боевого отряда ПСР в двух экспроприациях, а также в слежке (вместе с Ф. Каплан и Л. Коноплевой) за Лениным. Признал он и то, что вместе с Коноплевой и Каплан входил в число исполнителей теракта на Ленина и в день покушения был дежурным в одном из районов, где должен был сам узнать, «на каком митинге выступает Ленин[,] и явиться туда для совершения покушения». Интерес представляет заявление Федорова-Козлова, что пули, предназначавшиеся для Ленина, были отравлены Семеновым (Там же. Т. 2. Л. 63, 92–92 об.), о чем тот умалчал и в своей брошюре и на допросе 4 марта 1922 г. (этот факт позже подтвердили и другие боевики). Сам Федоров-Козлов осенью 1918 г. уехал в деревню, активной работы не вел, но из партии не вышел; арестован был после выхода в свет брошюры Семенова (Там же).

Примечательно, что некоторые бывшие эсеры обставляли свою роль разоблачителей бывших сопартийцев различными условиями, настоять на которых им, впрочем, как правило, не удавалось. Так, Дашевский в заявлении от 9 марта 1922 г. на имя Агранова писал, что не считает нужным «скрывать что-либо из своей прежней деятельности», полагая при этом невозможным для себя «по соображениям революционной этики и личной морали делать какие-либо персональные указания» на тех лиц, с которыми он сталкивался в процессе своей предыдущей партийной работе (Там же. Т. 2. Л. 149). Впрочем, уже 11 марта 1922 г. Дашевский изменил свою позицию, сославшись на отрицание Черновым в заграничной прессе правдивости разоблачений Семенова и Коноплевой (по его мнению, это являлось нарушением Черновым и др. видными эсерами «элементарных требований революционной и просто человеческой морали по отношению к рядовым бойцам, действовавшим по их директивам»), и заявил, что будет «делать персональные указания в тех случаях, где это будет безусловно необходимо для точного установления наиболее важных фактов и событий», но воздержится «от подобных указаний в отношении многочисленных рядовых деятелей партии» (Там же. Л. 150).

Вышеприведенные примеры вскрывают лишь часть чекистских приемов, нацеленных на изменение первоначальных показаний в ходе дополнительных допросов. Менее же заметные, но тем не менее очевидные огрехи следствия и масса фальсификаций вскрылись уже на процессе. Масштабы их значительны: на протяжении процесса подсудимые первой группы и их защитники уличали во лжи и неточностях подсудимых второй группы и свидетелей обвинения многие десятки раз. Только после всех этих многочисленных разоблачений и уличений становится ясно, в какой страшной спешке проводилось следствие, до чего грубо подтасовывались многие факты. Представляется, что только после этого процесса для большевистских и чекистских верхов стала очевидной их ошибка – нельзя было готовить сложнейший и огромный по объемам следственного материала процесс в полтора месяца и силами фактически одного Агранова (почти все допросы проводил он).

### 1.4. Коллизии процесса

Процесс начался со скандала – отвода обвиняемыми всего состава суда и обвинителей. Положение усугублялось аргументированностью этого отвода и наличием убедительных доказательств нарушения Верховным при конструировании суда советских законов и собственных инструкций.

Отвод был сделан от имени 22 подсудимых Гендельманом. Он сослался на статью Кодекса, гласившего: «Судья может быть отведен в тех случаях, когда стороной указаны обстоятельства, вызывающие сомнения беспристрастности судьи», распространявшуюся и на общественных обвинителей. Подчеркнув, что все судьи и обвинители – коммунисты, а сам председатель суда Пятаков – член ЦК РКП(б), Гендельман заявил: «[...] то обвинение, которое здесь ставится, это есть продолжение той нашей борьбы с коммунистической партией, которую мы раньше вели в советах. Теперь она перешла, благодаря изменившемуся положению, в залу суда. Ввиду этого я хочу констатировать, что таким образом, этот процесс, который имеет место – это есть состязание между двумя партиями, нашей партией социалистов-революционеров и вашей партией большевиков-коммунистов» (Там же. Т. 23. Л. 3–4). Ссылаясь на материалы следственного дела и обвинительного акта, Гендельман (трижды прерываемый председателем суда, требовавшим краткости) довольно убедительно подытоживал: «Итак, следственные действия производились по предписанию Центрального комитета Российской Коммунистической партии. Кроме того[,] гражданин Галкин, входящий в настоящее присутствие, принимал, оказывается, участие в этих следственных действиях, а это, согласно вашему же заявлению, противоречит Кодексу и требует отвода, ибо кто принимал участие в дознании и следствии, не может принимать участия ни в Распорядительном Заседании, ни в судебном заседании. На предварительном следствии было достаточно фактов, указывающих, что если лицо, ведущее следствие, принадлежит к Российской коммунистической партии, то права обвиняемых и подсудимых не ограждены. Мы все сидим уже давно в ваших тюрьмах, и обвинение нам было предъявлено только теперь, после декрета, в котором вместо Всероссийской чрезвычайной комиссии было установлено Государственное политическое управление. Таким образом, мы уже давно были осуждены и несли наказание по тому делу, которое сейчас только ставится на суд. [...] Имеется целый ряд

лиц, привлеченных вместе с нами к настоящему делу; они[,] тем не менее[,] подверглись административной ссылке, никаким декретом Советской власти не предусмотренной. Этот факт служит доказательством, что приговор наш предрешен, поскольку его выносят члены Комиссии ВЧК и Российской коммунистической партии.

Я имею много доказательств: я констатирую, что благодаря заявлению гражданина Председателя, я отбрасываю ряд оснований для отвода. Приведу следующее: нарушены правила судопроизводства даже во время организации этого суда: – кто является обвинителем по нашему делу. – Гражданин Крыленко, который в то же самое время является Председателем Верховного трибунала, а между тем это, опять-таки, несовместимо и недопустимо и предусмотрено в вашем же кодексе. Гражданин Крыленко является мужем гражданки Розмирович, которая вела предварительное следствие по этому делу. Меня мало интересует, будет ли он обвинять или нет, но это иллюстрация того, что ни с чем не считаются в данном процессе, не считаются[,] прежде всего[,] с процессуальными нормами. [...] Я заявляю, что для нас, граждане, суд этот является судом Коммунистической партии, диктатурой Коммунистической партии. [...] Вот почему мы не рассматриваем себя как подсудимых на этом суде. Вот почему мы заявляем, что мы сюда пришли только потому, что присутствие двух Интернационалов дает нам надежду на то, что мы сможем в известных пределах свободно говорить и свободно, в лицо вам, навстречу вашему обвинению, бросить наше обвинение. Все, что я говорил, вполне доказано и говорит за то, насколько основателен мой отвод и лучшим доказательством правильности моего отвода будет то, что, несмотря на всю его очевидность наш отвод будет оставлен вами без уважения» (Там же. Л. 5–7).

Защитник Муравьев, цитируя циркуляры и положение о Верховном трибунале и народном суде, требовал отвода и прочел целую лекцию о принципах состязательности сторон, организации суда и судебного разбирательства и убедительно доказал нарушение не только духа, но и буквы существующего закона в их организации. Муравьев заявил: «[...] по мнению защиты, участие председателя Трибунала при судебном разбирательстве, которое происходит перед самой той коллегией, в которой он председательствует, главой которой он является, заключается в себе коренное и основное нарушение принципа равенства сторон. [...] Мы конечно, скажем, что и для Юпитера закон должен существовать, что Юпитер, в данном случае Верховный трибунал, своим подчине-

нием этому положению, сам должен показать подведомственным ему трибуналам законопослушность действующим в Российском государстве законоположениям. [...] Защита встречалась с этим в других процессах, и бесплодно я, в течение целого ряда недель обращал внимание высших властей в стране на необходимость исправить, наконец, эту ошибку, дабы приговоры, произносимые трибуналами, не носили в себе этой порочной формальности, которая подрывает доверие к приговору Трибунала» (Там же. Л. 11).

Крыленко отклонил все ссылки на статьи процессуального кодекса, мотивируя это тем, что тот должен был начать действовать только с 1 июля 1922 г., а статья об отводе судей в положении о народном суде на ревтрибунал не распространяется. Его попытка обойти вопрос о себе была настолько неуклюжей, что ее пресек председатель суда. Показательно, что отвечая на претензии обвиняемых и защиты, Крыленко сказал, что «[...] в действующем письменном законе не имеется ни одной статьи, которая говорила бы о праве отвода сторон».

Э. Вандервельде по возвращении за границу так прокомментировал происходящее: «Вообще должен сказать, конечно, что процесс ничего общего с судом и правосудием не имеет. Я уже сказал в Трибунале, что в Европе ничто подобное не было бы возможно. Ни в одной культурной стране нельзя себе представить, чтобы председатель суда – Крыленко, делегировал сам себя в качестве государственного обвинителя, своего свояка и подчиненного назначил председателем суда, а своей жене поручил ведение следствия и составление обвинительного акта. Когда Крыленко было указано, что его собственный циркуляр запрещает председателям суда выступать в качестве обвинителей, то он ответил, что этот циркуляр относится только к провинции. Далее, другим государственным обвинителем на суде выступает член правительства – комиссар Луначарский. Суд отказывает подсудимым в праве пригласить себе определенных защитников на том основании, что они не пользуются доверием Трибунала и т. д. и т. д. Вообще же председатель Пятаков в первый день процесса заявил, что ни о какой другой юстиции, кроме классовой, речи быть не может, и что поэтому Трибунал будет руководствоваться[,] прежде всего[,] интересами советского правительства. Говорить в таких условиях о беспристрастном приговоре, конечно[,] не приходится. До нашего отъезда заседания Трибунала носили характер политического митинга, на котором большевики пытались обвинить

партию социалистов-революционеров в том, что она защищала Временное правительство против октябрьского переворота, а затем – Учредительное собрание против тех, кто его разогнал.

Обвинительный акт представляет собою весьма неискусную, на мой взгляд, попытку дать политическую историю русской революции с большевистской точки зрения» (См.: Голос России. 1922. 25 июня. № 999). Иностранным защитникам от II и Венского Интернационалов Э. Вандервельде, А. Вотерсу, К. Розенфельду и Т. Либкнехту было заявлено, что условия Берлинского соглашения недействительны для Трибунала, т.к. заключались III Интернационалом, и все попытки апелляции к этому соглашению успеха не имели.

Вообще иностранные защитники были поставлены в весьма жесткие условия: беспрецедентная травля в газетах, митинги по пути их следования в Москву, оскорбления в зале суда, постоянная опека ГПУ, попытки рассорить их между собой и т. п. Они честно и добросовестно пытались исполнить свои обязательства по защите подсудимых 1-й группы, но все их усилия и аргументы блокировались, а сами они подвергались оскорблениям и угрозам. Последней каплей, переполнившей чашу терпения посланцев Запада, стала дискуссия вокруг «гласности стенограмм» процесса (защита попросила разрешения вести частную запись стенограмм, получив отказ на просьбу ежедневно предоставлять официальные стенограммы обвиняемым и защите. Русская защита поддержала это требование, а А.С. Тагер даже ссылался на недавние прецеденты, когда по двум делам Трибунал разрешал вести частные стенограммы). Бухарин протестовал против ссылок Вандервельде на Берлинское соглашение (которым обеспечивалась гласность процесса) и назвал II Интернационал желтым. Это взорвало Вандервельде: «Бухарин сделал нападки на партии, которые я представляю, но я не буду возражать ему, ибо председатель мог бы остановить меня, так как это процесс соц[иалистов]-рев[олюционеров], а не II Интернационала, но если Бухарину угодно начать со мной политическую дискуссию, то я готов принять ее где угодно, и на каких угодно условиях, но конечно, не в этом зале, наполненном подобранной публикой, и в присутствии одной лишь оплаченной прессы». И для иностранных защитников и для их подзащитных стало окончательно ясно, что своим присутствием они больше не должны санкционировать эту пародию на правосудие. После соответствующих заявлений защиты и обвиняемых последовали протест Верхтриба, обвинившего защитников в «политической демонст-

рации» и попытка их задержать. Иностранцы смогли получить выездные визы только после 24-часовой голодовки, и 19 июня они уехали домой.

Уход с процесса иностранных защитников оставил обвиняемых и русскую защиту наедине с судом и агрессивно настроенной публикой, подбор которой был первым и успешным опытом, использовавшимся и в других процессах. Невозможность отказаться от проведения открытого судебного процесса и, одновременно, желание избежать проблем, неизбежно возникающих при гласном процессе, заставили власть особо озаботиться подбором публики на процессе. На заседании «особой тройки» ГПУ 13 мая 1922 г., когда было решено детально разработать план распределения билетов, отмечалось, что необходимо «придерживаться принципа, положенного в основу при распределении билетов на партийные съезды. Тетройке надлежит обратить особое внимание на состав аудитории в зале суда, которая должна быть исключительно коммунистической» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 20). В конце мая 1922 г. решениями «особой тройки» ГПУ была определена пропорция в выдаче пригласительных билетов на процесс: 60 % билетов распространял МК РКП(б), 40 % (позже было сокращено до 30 %) – ГПУ. Из доли ГПУ выдавались билеты также «родственникам обвиняемых, корреспондентам, техническому персоналу Верхтриба и представителям Наркоматов».

Анализ стенограмм процесса позволяет сделать вывод о том, что публика играла большую роль во время проведения суда. Она криками и свистом прерывала речи обвиняемых 1-й группы, порой заглушая их слова. Дело доходило до курьезов: несколько раз последние на выкрики зала «Долой» и «Вон их отсюда» не без сарказма отвечали, что находятся здесь не по своей воле. Встречая аплодисментами выступления обвиняемых и защитников 2-й группы, а также речи обвинителей, публика всячески поддерживала эсеров-ренегатов, создавая для них благоприятный психологический климат. Насколько остро обвиняемые 1-й группы чувствовали психологическое давление весьма недоброжелательного к ним огромного зала Дома Союзов, позволяют понять слова Е. Ратнер по поводу 12-часового режима работы. Отвечая Крыленко, она заявила: «Работа по содержанию заключенных очень тяжела, но быть заключенным в тюрьме еще тяжелее, и мы просим суд считаться с нашим психологическим и физическим состоянием. Лишенные всяких впечатлений в течение многих лет, мы не можем сразу привыкнуть к тому, что



здесь происходит[,] и нам нужен довольно длительный промежуток времени, когда мы сумеем работать так интенсивно, как мы должны, а мы должны работать очень интенсивно, потому что нас 22 человека, и нам противостоит обвинение напротив, обвинение в лице суда, обвинение на скамье подсудимых и две тысячи обвинителей, которые сидят в зале (протестующий шум в зале)» (Там же. Т. 23. Л. 116).

Шум в зале иногда мешал стенографистам записывать речи выступающих, и стенограммы процесса фиксировали их не полностью. Председатель суда Пятаков неоднократно делал замечания публике, напоминая о недопустимости аплодисментов и свиста. Ему удалось в течение первых двух дней поддерживать тишину в зале, но потом вновь стали раздаваться аплодисменты, что Пятаков объяснил ротацией зрителей. Первая группа обвиняемых и их защита были вынуждены мириться с агрессией зала.

Исчерпав все более или менее законные средства психологического давления на «непримиримых» эсеров, власти использовали заранее приготовленную, беспрецедентную в судопроизводственной практике (и совершенно незаконную) меру – дать право голоса на суде лицам, не имевшим никакого отношения к процессу – представителям рабочих коллективов. Вероятно, власть планировала таким образом убить сразу двух зайцев – морально сломить «непримиримых», повторявших, что признают суд только «трудящихся масс», которым они служат, и показать всему миру, а главное – стране, что сотни тысяч рабочих клеймят и ненавидят эсеров, предавших их интересы.

Впрочем, само предварительное решение об этом было принято еще 3 июня 1922 г. На заседании «центральной тройки» было решено составить группу рабочих свидетелей с заводов, которые, являясь на процесс, «должны предварительно иметь за собой одобрение максимального числа крупных заводов Москвы, снабженные подписями», а также «признать крупную манифестацию желательной, но не приурочивать ее к 1-му дню процесса, а вырешить вопрос о манифестации в связи с успехом кампании с подписями. В 1-й день процесса ограничиваться сравнительно небольшой демонстрацией» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 8). А уже 7 июня 1922 г. на заседании «агиткомиссии» шла речь о ряде подготовительных мер к проведению демонстрации (и ее агитационной поддержке) 20 июня, в четвертую годовщину убийства Володарского.

Тщательно подготовленная демонстрация 20 июня приняла грандиозный размах (по официальным данным в ней участвовало 300 тыс. чел.). Демонстрации предшествовала мощная газетная кампания, достигшая своего пика 20 июня 1922 г. После укороченного рабочего дня колонны демонстрантов в сопровождении духовых оркестров с плакатами, клеймящими «предателей-эсеров» (от «кричащих форм демонстрации (агиттрамвайные вагоны и проч.)» и «участия воинских частей в демонстрации в каком бы то ни было виде» – на заседании «агиткомиссии по эсеровской кампании» при ЦК РКП(б) 13 июня 1922 г. было решено отказаться), собрались на Красной площади, где перед ними выступили председатель митинга Каменев, председатель трибунала Пятаков, обвинители Крыленко и Цеткин, защитники 2-й группы Бухарин, Кон, Садуль, а также целый ряд видных русских и западных коммунистов, делегированных Коминтерном. Ввиду участия в митинге членов суда, обвинителей и защитников 2-й группы состоялось лишь вечернее заседание суда. Здесь-то и развернулось главное действо.

Председатель суда Пятаков неожиданно объявил о двух ходатайствах рабочих Москвы и Петрограда. Первые прислали на суд делегацию из 7 чел. (по одному от каждого из районов Москвы), вторые просили зачитать заявление от имени рабочих 24 заводов Петрограда. Крыленко, отметив отсутствие прецедентов (оговорившись, впрочем, что «ссылки на прецеденты не наши»), посчитал возможным предоставить слово рабочим, ибо отказать им «это значило бы в данном случае войти в противоречие со всем духом строения нашей Пролетарской республики, в частности[,] с духом строения нашего Пролетарского Суда» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 312–314). Адвокат 1-й группы обвиняемых Муравьев, не видя «никаких законных оснований» для подобного действия, потребовал их отклонения (Там же. Л. 317). От имени «другой части защиты» с поддержкой «инициативы» рабочих выступил Бухарин (Там же. Л. 317–318). Подсудимые 1-й группы устами Гендельмана от слова для заявления по этому вопросу отказались, очевидно, понимая, как это может быть истолковано пропагандой. Выступления рабочих, сопровождавшиеся громом аплодисментов, внесли «новое слово» в практику судебных процессов и поражают своей колоритностью. В первой же речи, прозвучавшей от имени рабочих Бауманского района, отмечалось, что рабочие решили выступить, «узнав, что эсеры хотят суд над собой превратить в суд над рабочим классом, нагло заявляют, что все их

преступные деяния поддерживали рабочие и работницы» (Там же. Л. 319). Заканчивалась декларация требованием «справедливой и суровой кары нашим врагам». Это требование было поддержано неким слесарем Вейнером, утверждавшим, что «рабочие Кремля требуют того же» (Там же. Л. 320).

На следующий день защитники первой группы потребовали стенограммы предыдущего заседания и перерыва работы суда для того, чтобы оценить происшедшее с правовой точки зрения. По их мнению, происшедшее «разломало рамки существующих законов», и на вечернем заседании 22 июня Н.В. Муравьев от имени всех защитников сделал официальное заявление. Указав, что нарушена статья 8 «Наказа кассационным коллегиям Верховного Трибунала о поводах к отмене приговоров», гласившая, что участие в судебном заседании любого лица, кроме предусмотренных процессуальными нормами дает основание для «безусловной» отмены приговора, и отметив, что председатель суда и государственный обвинитель к тому же выступали на митинге, где звучали требования смертной казни (а рабочие в суде оказывали давление на судей и оскорбляли подсудимых), Муравьев потребовал начать новое судопроизводство, при новом составе суда и новом обвинителе.

Представляется, что власти недооценили способности защиты пойти на такое обострение ситуации и устами Пятакова и Крыленко пытались доказать, что ничего экстраординарного в том, что дали высказаться рабочим, не произошло, а их заявления не повлияют на объективность суда и приговора. Крыленко заявлял, что защита никак не доказала, что участие рабочих оказало влияние на совесть судей, а посему ходатайство защиты следует отклонить. Защитники второй группы устами Ф. Кона также выступали против роспуска трибунала. Слова Муравьева – «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими», были встречены криками зала и замечанием председателя суда – «за оскорбление русского народа».

После зачитания Пятаковым письменного заявления защитников о сложении с себя обязанностей, вечернее заседание 23 июня прошло в дебатах о праве защитников отказаться от их «публично-правовой обязанности», закончившихся отказом суда в просьбе защитников.

Вечером 24 июня Гендельман от имени обвиняемых первой группы заявил об освобождении защитников от их обязанностей и самостоятельной защите. Крыленко попросил трибунал обратиться в

Моссовет и Наркомат юстиции с ходатайством о лишении защитников практики и привлечении их к уголовной ответственности за отказ выполнять взятые на себя общественные функции. Трибунал обвинил защитников в том, что они прячутся за спины своих подзащитных и потребовал от каждого из защитников и обвиняемых письменного заявления.

24 июня 1922 г. председательствующий Пятаков огласил следующее решение Верхтриба: «Верховный Трибунал в своем заявлении от 24-го июня, заслушав заявление от группы 22-х обвиняемых обвиняемого Гендельмана, а также заявление Морачевского и, принимая во внимание, что в этом заявлении было сказано, что обвиняемые — лишь дают свое согласие на освобождение защитников от их обязанностей, выразив в дальнейшем полное удовлетворение их действиями на суде, что дальнейшие заявления обвиняемых выражают тот факт, что защитники прячутся за спины своих подзащитных, стремясь уклониться от участия в процессе, вступившем в самую трудную и ответственную фазу своего течения, что, с другой стороны, мотивировка освобождения защитников от их обязанностей совершенно беспредметна, что, наконец, группа обвиняемых тем не менее выразила свое определенное ходатайство об освобождении ее защитников, ОПРЕДЕЛИЛ:

1) Весь материал о поведении защитников препроводить Народному Комиссару Юстиции для принятия соответствующих мер.

2) Затребовать от каждого защитника в отдельности письменные индивидуальные заявления о том, что они не могут исполнять свои обязанности» (Там же. Л. 467–468).

Судя по отраженной в стенограмме двухдневной ожесточенной полемике по данному вопросу, есть основания полагать, что уход защиты явился достаточно тяжелым для защитников и обвиняемых 1-й группы решением, которое вытекало из невозможности для защиты непрерывно возвращать процесс в чисто юридические рамки, которыми не собирались себя больше ограничивать большевики. Об этом, в частности, в несколько завуалированной форме сказал Трибуналу А.С. Тагер, выступая от лица уходившей группы защитников: «Мы должны отказаться от задач защиты, в которую никаких политических целей, никакой политической игры с самого начала не вкладывалось. По всему методу отношения и по всему характеру, пределу и объему интереса, которые проявила защита при исследовании фактов, и обвинитель и суд могут убедиться. Но есть положение

ния, в которых даже фактов нельзя себе позволить исследовать, ибо не факты сами по себе говорят, а оценка их говорит, говорит их сопоставление и выводы из них говорят [...] мы больше стоять между обвиняемыми и Вами моральной силы не имеем» (Там же. Т. 26. Л. 463–464).

М.Я. Гендельман, на которого как опытного в прошлом юриста, получившего профессиональное образование за рубежом, и легла затем громадная нагрузка по обеспечению юридической защиты обвиняемых, заявлял в своем выступлении 24 июня: «Мы отказываемся от участия наших защитников в процессе и вообще от назначения нам каких бы то ни было защитников в дальнейшем [...] Мы считаем, что после того, как наша защита здесь дискредитирована, после того, как она подверглась оскорблениям [...] мы полагаем, что это создает и для защитников и для нас моральную недопустимость дальнейшего пользования их услугами. Получается такое впечатление, что, с одной стороны, они определенным образом третируются, с другой стороны дальнейшее их пребывание в процессе создает видимость, как будто бы все благополучно и ничего не произошло. Мы сами будем своими силами бороться с предъявляемым нам обвинением. Защитники уйдут, процесс будет продолжаться так же, как он шел до сих пор» (Там же. Л. 456–457).

О том, что отказ подсудимых 1-й группы от защиты был своего рода ответным ударом на грубое попрание большевиками процессуальных норм событиями 20 июня 1922 г., свидетельствовало еще одно заявление Гендельмана, сделанное в тот же день: «После того, как мы установили, что с точки зрения защитников, с той точки зрения, которую они здесь подробно излагали, события, имевшие место 20-го июня, являются настолько крупным процессуальным нарушением, которое заставляет их ходатайствовать о том, чтобы был изменен весь состав Суда, после этого мы сделали свой вывод. И, следовательно, инициатива принадлежит нам.

Верна или не верна та оценка, которую наши защитники дали имевшему место процессуальному нарушению, это дело их убеждения, и я могу только констатировать, что когда обсуждался вопрос о допущении Вами (председательствующим Пятаковым. – С. К.) делегации, то их точка зрения совпадала с точкой зрения обвинителя (Крыленко. – С. К.), который указывал, что это идет в прямой разрез с действующими положениями права. Теперь гражданин обвинитель считает, что здесь (с уходом защиты. – С. К.) имеет место крупное,

чуть ли не уголовное нарушение. Что это значит? Это значит, что гр-н обвинитель всякое инакомыслие по отношению к нему со стороны защитников рассматривает как уголовное деяние...» (Там же. Л. 466).

Дальнейшая судьба адвокатов первой группы обвиняемых «блестяще» подтвердила печальную правоту слов Гендельмана. Своими высокопрофессиональными действиями и мужественной гражданской позицией защитники, подкрепляя весьма сильные моральные и политические позиции обвиняемых эсеров грамотной юридической защитой, доставили немало хлопот сценаристам процесса. И власть по достоинству оценила их труд. 18 августа по приказу начальника СО ГПУ Самсонова адвокаты Жданов, Муравьев и Тагер были арестованы. С Муравьева и Тагера была взята подписка о прибытии к 8 декабря 1922 г. в Казань, куда они ссылались на три года. Гуревич, которого ГПУ уличило в передаче члену ЦБ ПСР Г.К. Покровскому стенограмм процесса, в августе 1922 г. был выслан в административном порядке в Нижний Новгород сроком на два года. Безусловно, отказ от участия в процессе сначала иностранных («социал-соглашательских», по терминологии Бухарина), а затем и русских («буржуазно-цензовых») защитников наносил серьезный удар по самому процессу, срывал с него последние остатки флера законности и объективности. Естественно, ГПУ отомстило русским защитникам за столь демонстративное поведение.

### 1.5. Борьба вокруг приговора

Приближавшийся день вынесения приговора все с большей остротой ставил перед властями вопрос о степени суровости наказания. С одной стороны, организаторы процесса опасались (и небезосновательно) эсеровского террора в случае приведения в исполнение смертных приговоров хотя бы для части подсудимых. (Эти опасения базировались на хорошем знании настроений российских и зарубежных эсеров, имевших в это время и силы и возможности для ведения террористической борьбы, и стали одной из причин, почему в большевистской элите оказалось немало противников смертного приговора для подсудимых эсеров). С другой – вопросу о формуле приговора придавала остроту и ситуация вокруг процесса в стране и за рубежом.

Архивные документы позволяют воссоздать узловые моменты динамики позиций большевистского руководства по поводу формулы

приговора. 9 марта 1922 г. Г.В. Чичерин сделал запрос руководству ГПУ о характере и предполагаемом исходе процесса. 10 марта Г.Г. Ягода писал В.Р. Менжинскому: «Процесс политический, дело Ц.К. дать задание, в зависимости от обстановки мое мнение о в[ысшей] м[ере] не может быть речи, придется держать; если процесс вызовет разложение в партии с.-р. и вожди-лгуны потеряют авторитет, можно будет выйти с ходатайством о замене заключения высылкой за границу» 11 марта в своем официальном ответе Чичерину Уншлихт указывал: «Цель процесса эсеров главным образом политическая – разоблачить п.с.р. Конечно, нельзя предвидеть приговора Верховного трибунала, но я полагаю, что чересчур суровым наказание не будет».

Первое согласованное мнение членов Политбюро было выработано 17–18 марта 1922 г. и оглашено в виде «ноты Курского». В нем вопрос о возможном исходе процесса намеренно оставался открытым: «На самом деле не только не вынесено приговора по делу об убийцах, членах партии с.р., [...] но даже не было еще суда и не вручено еще судом обвиняемым обвинительного акта». К этому добавлялось, что советское правительство не отказывается и «от деловых предложений, вроде предложения обмена пленных или освобождения тех или иных категорий пленных».

В апреле 1922 г. на Берлинском совещании представители II и II 1/2 Интернационалов, предваряя сам процесс и желая добиться от большевиков публичных гарантий, добились от представителей Коминтерна Бухарина и Радека подписания соглашения, согласно которому трибуналом не будет вынесен смертный приговор. «Мы заплатили слишком дорого», – так емко выразился сам В.И. Ленин в заголовке своей статьи в апреле 1922 г. об обещаниях Н.И. Бухарина и К.Б. Радека, данных лидерам II и II 1/2 Интернационалов не выносить кому-либо из обвиняемых смертного приговора и допустить на процесс иностранных защитников (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 140–144). Оказавшись связанными данным обязательством, большевистские руководители, особенно Ленин, расценили это как давление на них. В конце апреля ими была предложена альтернативная формула: Верхтриб будет выносить приговор на основании судебных слушаний. В случае же вынесения части обвиняемых смертного приговора выполнение большевиками взятых на себя в Берлине обязательств «состояло бы в амнистии через высший политический орган страны: через Президиум ВЦИК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 27).

Публикуемые документы открывают возможность для достаточно полной реконструкции основного хода событий и кульминационного пункта борьбы вокруг приговора лидерам и активистам партии социалистов-революционеров (обвиняемым 1-й группы, поскольку судьба других была предreshена их ролью фактических пособников обвиняющей стороны). Следует различать (и это четко прослеживается по информационным материалам, предварявшим и сопутствовавшим процессу) две формы этой борьбы – открытую, публичную, и скрытую, конспиративную. Первая отражена достаточно определенно в официальных документах (Берлинское соглашение трех Интернационалов, «нота Курского», обращения к Советскому правительству со стороны зарубежных организаций, частных лиц и т. д.). Относительно второй, закулисной стороны борьбы вокруг формулы приговора, его утверждения и вступления в силу сведения в архивных фондах не носят столь же полного и систематизированного характера, однако ключевые моменты нашли здесь свое отражение. Есть все основания утверждать, что по данным вопросам шла если не борьба, то имелись определенные разногласия как внутри правящей большевистской верхушки, так и внутри руководства Коммунистического Интернационала.

Так, лидеры большевиков приложили большие усилия и понесли значительные издержки, стремясь дезавуировать Берлинское соглашение трех Интернационалов о невынесении смертного приговора обвиняемым и перевести вопрос о приговоре из плоскости политической в юридическую («нота Курского»). При этом резервной оставалась роль Коминтерна в этих событиях. На всех стадиях подготовки и осуществления процесса Коминтерн в лице своего руководства (Исполкома) был призван играть функцию политического буфера между советским руководством и зарубежным, прежде всего европейским, общественным мнением, чтобы в нужный момент вновь перевести вопрос о приговоре из юридической плоскости в политическую.

Вместе с тем сам ход процесса изобилует такими поворотами и коллизиями, которые делали преобладающими политические аспекты, превращая суд в судилище. Достаточно назвать инспирированную организаторами процесса показательную демонстрацию 20 июня 1922 г. с участием рабочих, на которой звучали призывы к смертной казни лидеров ПСР. 25 июня, выступая на Московской губернской партконференции, известный большевик Д.Б. Рязанов впервые и отчетливо поставил вопрос о необходимости рассматривать процесс



как политическое явление, главной целью которого является «политическое уничтожение партии эсеров», а не смертная казнь для ее лидеров. Каменев тотчас определил это как «пропаганду против возможного решения о смертной казни». То, с каким ожесточением обрушился на Рязанова Каменев, являвшийся руководителем «тройки» Политбюро по ведению процесса, служило показателем настроений, господствовавших в руководящих кругах большевиков. Вместе с тем демарш Рязанова стимулировал поиски необходимой формулы, в которой политическая и юридическая сторона сочетались бы друг с другом. Каменевской «тройке» было поручено не позднее 5 июля 1922 г. выработать и согласовать с задействованными в процессе учреждениями власти итоговые документы. Однако рассмотрение вопроса, как и сам ход процесса, существенно затянулось. 10 июля 1922 г., вероятно, по предварительному соглашению с Каменевым, инициативу проявил Зиновьев, предложивший к рассмотрению на заседании Политбюро «Проект открытого письма исполкома Коминтерна Президиуму ВЦИК» по поводу «приговора вождям эсеров». Внеся несколько чисто редакционных правок, а, следовательно, поддерживая этот проект письма Коминтерна, Каменев отправил документ другому влиятельному члену «тройки» Троцкому. Суть позиции руководства Коминтерна состояла в том, что оно, признавая возможность вынесения смертного приговора обвиняемым, предлагало «отказаться от приведения смертного приговора в исполнение», поскольку «партия эсеров Московским процессом в сущности говоря, политически разбита». Нетрудно заметить, что предложенная Зиновьевым формула содержала компромисс между юридической и политической сторонами итога процесса, весьма приемлемый и для Коминтерна, сохранявшего тем самым свое «лицо» за границей.

Однако обсуждение инициативы Зиновьева на заседании Политбюро 13 июля внесло коррективы в замысел лидера Коминтерна: никаких заявлений (тем более открытых) со стороны Коминтерна до вынесения судом приговора; саму формулу приговора предварительно вырабатывает ЦК, затем она сообщается в Президиум ВЦИК и далее «доводится до сведения Исполкома Коминтерна». Таким образом, письмо Зиновьева «до поры» было заблокировано. Между тем, мнение Зиновьева о неприменении высшей меры наказания к обвиняемым, выражавшее позицию других членов Исполкома Коминтерна, стало распространяться в кругах высокопоставленных коммунистов, вовлеченных в обеспечение процесса. Решением Политбюро

была даже создана «комиссия Молотова», поставившая в вину Луначарскому распространение информации о подобных намерениях руководства Коминтерна. 27 июля Политбюро сочло, что со стороны Зиновьева фактически была допущена «утечка» информации о наличии разногласий в ЦК по поводу будущего приговора. Косвенным свидетельством такой утечки может служить письмо И.А. Рубановича в ЗД ПСР от 17 июля 1922 г., в котором он сообщал после встречи с Э. Вандервельде: «Один его друг говорил в Гааге с Литвиновым, который уверял, что смертных казней не будет. И даже... дал **честное слово**» (ГА РФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 36).

Таким образом, по мере приближения окончания процесса нарастало напряжение уже не столько в связи с формулировкой приговора трибунала, сколько по постановлению ВЦИКа и позиции Исполкома Коминтерна по утвержденному ВЦИКом приговору.

30 июля лидеры немецких коммунистов К. Цеткин и Г. Брандлер направили в ИККИ предложение, согласно которому последний «мог бы обратиться к Совправительству с ходатайством о помиловании, т. е. помиловании в смысле не приведения в исполнение смертного приговора». В сложившейся ситуации Зиновьев как председатель ИККИ решил воспользоваться заблокированным Политбюро проектом открытого обращения ИККИ по поводу приговора обвиняемым, тем более что Цеткин и Брандлер также предлагали советской стороне отказаться от приведения смертного приговора в исполнение. Вместе с тем в начале августа даже внутри Политбюро единства не было. Смертный приговор части обвиняемых первой группы стал аксиомой, но далее начинались тактические разногласия. Накопленная в секретариате ЦК разнообразная информация, в т. ч. от Л. Сосновского и Е. Преображенского – эмиссаров, посланных ранее для зондажа западного левого общественного мнения, подталкивала к необходимости компромисса в духе предложения ИККИ. В то же время один из дипломатов П. Мостовенко предлагал применить высшую меру наказания к двум обвиняемым (вероятно, Гоцу и Донскому).

В промежутке между 4 и 7 августа состоялось заседание Политбюро (в неполном составе), где голосами Троцкого, Сталина, Молотова и Томского против голосов Каменева и Рыкова поначалу было принято предложение Троцкого «дать директиву Президиуму ВЦИК расстрелять 4-х эсеров». Однако Каменев, показавший себя ранее сторонником предложения Зиновьева, воспользовался правом перенесения спорных вопросов на заседания Пленума ЦК. Вскоре выяс-

нилось, что и при более широком круге вовлеченных в обсуждение партийных функционеров число сторонников позиций Каменева и Троцкого приблизительно равно. В этой ситуации Каменев предложил приговор о смертной казни подсудимых 1-й группы в исполнение не приводить и заменить его пожизненным заключением, а при определенных условиях в дальнейшем смягчить и это наказание. Троцкий же, вынужденный пойти на уступки, в противовес «мягкому» варианту Каменева выдвинул вариант, предполагающий приостановление исполнения приговора в отношении смертников и превращение последних в фактических заложников.

Каменев и Зиновьев попытались в последний раз вернуть формулу постановления президиума ВЦИК в требуемое русло. 7 августа возглавляемая ими группа членов ИККИ от РКП(б), считая ошибочной «прямую формулировку о заложничестве», предложила обсудить поправку Каменева и решить вопрос путем опроса членов ЦК. Позиция Троцкого, как показали результаты голосования на Пленуме ЦК партии 8 августа, нашла поддержку большинства. В итоге постановление Президиума ВЦИК по приговору Верхтриба приобрело вид механического соединения текстов двух проектов (Каменева и Троцкого). От «мягкого» каменевского текста осталась преамбула постановления, где объяснялась необходимость неприменения смертной казни, а также пояснение того, при каких условиях возможно смягчение приговора в будущем. Стержень же постановления составила «жесткая» установка Троцкого: приговор смертникам утвердить, «но исполнением приостановить». Что же касается воззвания ИККИ, то оно приняло другую тональность. Оно поддерживало решение большевистского руководства, выработанное с таким трудом и оставившее вопрос об исполнении смертного приговора части подсудимым открытым.

Проявление внутри большевистского руководства разногласий по этому острейшему вопросу заслуживает специального анализа. Расхождения между «непримиримыми» и «мягкими» лидерами большевиков не были одномоментными, они проявлялись постоянно на протяжении 1922 г. и при обсуждении «расстрельных» приговоров применительно к духовенству.

## **1.6. Прецедент отложенного исполнением приговора**

Судьба же обвиняемых на процессе перешла в новую фазу. По приговору 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания (исполнение

было отложено и превратило «смертников» в заложников, на случай активной, прежде всего террористической деятельности эсеров) были приговорены 12 подсудимых 1-й группы: В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев. Остальные обвиняемые из этой группы получили различные сроки заключения: Н.И. Артемьев, А.В. Либеров, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович – по десять лет строгой изоляции, Е.С. Берг, М.И. Львов, В.Л. Утгоф-Дерюжинский – по пять лет строгой изоляции, Г.Л. Горьков-Добролюбов – три года строгой изоляции, П.В. Злобин – два года строгой изоляции. Подсудимые 2-й группы Ю.В. Морачевский и Г.М. Ратнер были оправданы, Г.И. Семенов, В.И. Игнатьев и Л.В. Коноплева были приговорены к высшей мере наказания, а остальные – к различным срокам наказания (И.С. Дашевский – три года, П.Т. Ефимов – десять лет, Ф.В. Зубков, К.А. Усов, Ф.Ф. Федоров-Козлов – пять лет, П.Н. Пелевин – три года, Ф.Е. Ставская – два года). Впрочем, по ходатайству Верхтриба Президиумом ВЦИК все они были помилованы и освобождены от наказания.

Степень жесткости наказания членов 1-й группы подсудимых ранжировалась и определялась сугубо политическими и пропагандистскими мотивами, т.к. все они (так же, как и их товарищи, которых не вывели на процесс) были обречены провести остаток своей жизни в тюрьмах, лагерях и ссылках. В высшей степени символична и показательна ситуация вокруг Г.Л. Горькова-Добролюбова, которая могла бы стать символом всего процесса. Он был приговорен к трем годам, но 18 сентября 1922 г. подал в Верховный Трибунал и председателю ГПУ Дзержинскому заявление, в котором протестовал против того, что в приговоре говорилось о его принципиально отрицательном отношении к вооруженной борьбе. Потребовав, но так и не получив стенограмму всех показаний на следствии и на суде, Горьков-Добролюбов утверждал, что «в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах, у меня с ЦК ПСР, а стало быть и с моими товарищами по процессу, никогда никаких расхождений не было, нет и теперь и во всем была полная солидарность». Реакция Дзержинского была молниеносной и предельно жесткой. Уже 23 сентября 1922 г. он переправил заявление Горькова-Добролюбова помощнику прокурора РСФСР с коротким сопроводительным письмом, в котором отмечал: «[...] считал бы полезным вопрос о мере наказания по отношению к нему повысить до 10 лет, созвав для этого новое заседание

Верхтриба». С одной стороны, предельный цинизм и незаконность подобных действий в очередной раз подчеркивали политические цели и самого процесса и наказаний, с другой – позволяют нам по-новому взглянуть на «рыцаря без страха и упрека» с очень «холодной головой» и на его весьма упрощенное представление о судопроизводстве.

Вообще необходимо отметить, что мужество обвиняемых 1-й группы и на предварительном следствии, и на самом суде проявлялось многократно и довольно ярко. Так, например, на одном из июньских заседаний Е.М. Тимофеев заявлял, обращаясь к своим обвинителям: «С Вами непримиримы. В этом – наша гордость и этой позиции мы не уступим и не отступимся от нашего права вооруженной борьбы. От этого мы не откажемся и не можем отказаться» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 187). Важно, что многие из них, как это видно из подслушанных в конце процесса чекистами разговоров, были уверены в возможности своей скорой смерти.

Так, 5 августа 1922 г. сообщалось: «Настроение арестованных весьма похоронное у всех, но Лихач даже поделился с часовыми своими переж[и]ваниями сказавши: "ну теперь наше дело кончено и начинается Ваше: пуля в затылок и готово". Затем добавил: "Мне 34 года, пожил довольно"». 7 августа помощник начальника СО ГПУ Дерибас сообщал о свидании с близкими: «Все родственники плакали. Они убеждены, что части подсудимых не миновать расстрела». Мужественно вели себя на процессе и родственники подсудимых (за ними следили на суде, на свиданиях, на улицах, прослушивали их телефон). В агентурных сводках за 12 июля 1922 г. сообщалось: «[...] возмутительнее всего ведет себя Аверкиева, которая буквально слова не произнесет без ругани или в адрес суда, или Крыленко, или Соввласти, или коммунистов. Не менее вызывающе ведет себя мать обвиняемого Иванова и его жена Юцис. Сегодня, например, когда повезли арестованных в тюрьму, эти две особы грозили вслед стражи кулаками и крикнули: "проклятье вам, коммунисты"».

24 декабря 1923 г. Г.Л. Горьков-Добролюбов, уже находясь в ссылке в Царицыне, писал: «Вы просите меня сообщить Вам о времени, связанном с нашим процессом. Многое можно было бы сказать по этому поводу и немало интересного, но как это возможно в письме изложить? Да, наконец, всему этому еще не настало время. Поэтому, как бы мне не хотелось поделиться с Вами впечатлениями и переживаниями в этот период, я просто уклоняюсь. Как исключение,

упомяну лишь только, да то вскользь, об одном эпизоде из нашего процесса – это о нашем совещании накануне приговора. Совещание это поистине было историческое и публике оно до сих пор неизвестно. Но все – таки я не имею возможности говорить о всех обсуждениях и решениях на этом совещании. Об одном только нашем решении могу сказать, а именно: идти на расстрел спокойно и молча, без демонстрации, отдав таким образом последний свой революционный долг» (Там же. Т. 110. Л. 28).

Характерно, что даже видные большевики еще в ходе его проведения или по горячим следам по завершении суда не могли не признать за обвиняемыми 1-й группы стойкости и преданности своим идеалам. Одни это делали как бы походя, с высоты своего тогдашнего положения. «Быть может, некоторые из них (обвиняемые группы "22-х") находят свое утешение в том, что когда-нибудь летописец будет о них или об их поведении на суде отзываться с похвалой», – отметил в своей обвинительной речи Крыленко [1923, с. 325]. Прошло, однако, не так много времени, и в одной из своих публикаций Покровский, выступавший на суде со стороны обвинения, так сказал о них: «Люди, несомненно[,] храбрые. Мы их судили. Я выступал в качестве прокурора и могу сказать совершенно объективно, что они держались на процессе великолепно, хотя на 90 % им угрожал расстрел... Личное мужество? Оно было у эсеров в достаточной степени» (Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 67–68). Подтекст приведенного высказывания очевиден. Покровский, желая подчеркнуть, что честность, стойкость и прочие человеческие добродетели ничего не стоят, если их обладатели отстаивают политически «реакционные» идеи, давал тем самым лишь облегченную марксистскую интерпретацию сложнейшей проблемы места личности в истории. В подсудимых, а затем и осужденных, большевикам выгодно было видеть лишь политических противников, а не личностей, чье мужество и убежденность колебали уверенность части большевиков в своей правоте и оправданности их методов.

И если большевики относились к своим эсеровским оппонентам вполне «инструментально», то многие «цекисты» так и не научились (или не захотели) отвечать вчерашним соратникам по революционному подполью тем же. Мина Свирская в своих воспоминаниях о минувших событиях писала о Федоровиче: «Это был человек такого обаяния, равного которому не просто найти. Это признавали не только его друзья, но и идейные враги... Ф.Ф. на поселении был по-

сле Александровской каторги (начинал с Орла) в Манзурке вместе с Фрунзе. Их связывала большая дружба. Во время процесса Фрунзе прислал своего адъютанта сказать, что хочет с ним повидаться. Ф.Ф. ответил, что должен узнать мнение товарищей. Больше Фрунзе не присылал. А Флорианч часто вспоминал после смерти Фрунзе, что нужно было как-то иначе ответить» (Минувшее. Исторический альманах. 1992. Вып. 7).

Можно утверждать, что в линии поведения идейных социалистов-эсеров, меньшевиков и др. – перед лицом карательной машины прослеживается гораздо большая цельность и последовательность, нежели в действиях их бывших соратников по борьбе с царизмом, а затем политических антиподов – большевиков. Тех, кого в 1920-е гг. Бухарин иронично-насмешливо характеризовал «перманентными обитателями Бутырок, и только», отличал от властвовавших большевиков такой «пустяк», как следование принципам демократии и народовластия. История российского (не большевистского) социализма в первой трети XX в. – это еще до конца не продуманная и не «освоенная» историками трагедия целой генерации социально-активной отечественной интеллигенции, обреченной на духовное и нравственное противостояние диктатурам, в какие бы цвета и оттенки они не облекались. Поносимые и шельмуемые властями – вначале царскими, затем большевистскими – ссыльные социалисты в своем большинстве не шли на сговор с ними. В этой среде поэтому презирались «подаванцы», или «прошенисты» (просившие о смягчении наказания) и «выдаванцы» (доносившие на других). Примечательно, что многие так называемые бывшие (книга Луначарского, приуроченная к процессу над лидерами ПСР 1922 г., так и называлась – «Бывшие люди»), а здесь наряду со ссыльными эсерами и другими «политиками» должно упомянуть еще и священнослужителей, достаточно органично входили в местную среду, принимались и почитались ею.

Архивные данные и литература, вышедшая в 1990-е гг., позволяют уточнить и дополнить сведения о судьбах части осужденных по процессу ПСР. Практически никто из них не пережил 1941-й год. Драматически завершилась судьба Тимофеева, который избежал расстрела в 1937–1938 гг., однако в самом начале войны при отступлении Красной Армии был вместе с другими осужденными (157 чел.) вывезен из Орловской тюрьмы и расстрелян неподалеку, в Медведевском лесу. В числе погибших в тот день оказалось также и не-

сколько человек, прямо или косвенно связанных с процессом 1922 г.: В.Н. Яковлева – видная большевичка, входившая в партийную элиту и сменившая в 1918 г. погибшего М.С. Урицкого на посту председателя Петроградской ВЧК; О.Д. Каменева – жена Каменева, сестра Троцкого; Х.Г. Раковский – видный партийный деятель, в 1920-е гг. полпред во Франции, разыгрывавший в то время «эсеровскую карту» для того, чтобы склонить левые круги этой страны к поддержке СССР; С.А. Бессонов – бывший эсер, проходивший по процессу в качестве свидетеля обвинения, в последующем также известный дипломат, работавший до ареста в Германии; В.А. Чайкин – бывший эсер, ставший активным разоблачителем своих бывших соратников на допроцессной стадии, но перед процессом заявивший о независимой позиции и оказавшийся неудобным и не востребованным свидетелем; М.А. Спиридонова – лидер партии левых эсеров, отбывавшая часть своей изоляции в «закрытом» санатории ОГПУ под Москвой, куда на кратковременный период вывозили поочередно «смертников» в 1922–1923 гг.

Для части осужденных последними, до арестов и расстрелов эпохи «Большого террора», местами проживания стали поселки и города Западной Сибири. В Нарымском крае прервались жизни сосланных туда Д.Д. Донского, Е.А. Ивановой-Ирановой, В.И. Игнатьева. Донской, сосланный в Нарым после окончания срока тюремного заключения в 1924 г., отбывал ссылку, срок которой постоянно продлевался, в с. Парабель, работал главным врачом районной больницы и покончил с собой 25 сентября 1936 г. в преддверии назначенного над ним суда. В 1937 г. местными чекистами были проведены массовые аресты среди ссыльных по принадлежности их к мифической «контрреволюционной эсеровско-монархической повстанческо-террористической организации». Среди арестованных оказались Иванова-Иранова и Игнатьев. Иванова-Иранова, будучи в 1930 г. арестованной в Самарканде за «контрреволюционную деятельность», была сослана в Нарымский край сроком на три года «с последующим добавлением срока два раза по два года». Оказавшись под арестом с 23 августа 1937 г., она выдержала серию допросов, однако, как вынуждены были констатировать в своем «Обвинительном заключении» чекисты, Иванова-Иранова «виновной себя не признала». Это не остановило карателей: по постановлению «тройки» УНКВД Запсибкрая она была расстреляна 31 октября 1937 г. В.И. Игнатьев попал в Нарымскую ссылку в 1935 г. на три года как



осужденный по т. н. Кремлевскому делу (по которому проходила и О.Д. Каменева). Арестованный в сентябре 1937 г. органами НКВД, виновным себя также не признал. Постановление «тройки» УНКВД Запсибкрая о его расстреле было приведено в исполнение 3 октября 1937 г.

Несколькими месяцами ранее в других городах Сибири в ходе массовых арестов бывших видных эсеров по принадлежности к деятельности той же мифической организации в чекистских застенках оказались В.Л. Утгоф-Дерюжинский, до ареста проживавший в г. Камне-на-Оби (Алтайский край), Г.Д. Каценеленбоген и М.С. Цейтлин (Томск). Все они отказались в ходе допросов признать себя виновными в предъявленных им обвинениях. Решениями карательных органов они были расстреляны: Цейтлин – 18 августа 1937 г., Утгоф-Дерюжинский и Каценельбоген – 7 октября 1937 г. Как видно, полтора десятка лет спустя после процесса 1922 г. советская карательная машина перешла на предельно упрощенный порядок судебно-следственных действий, добывая своих политических противников.

В 1955 г. в ходе проверки следственным отделом Управления КГБ по Томской области материалов архивно-следственных дел, связанных с выдвинутыми в них обвинениями против упомянутых эсеровских активистов, было установлено, что дела велись со значительными нарушениями, доказательства вины последних «получались» после арестов и т.д. Уже тогда начался «вялый» пересмотр и отмена решений судебных и внесудебных органов в отношении репрессированных. По «делам» 1937 г. Игнатьев был реабилитирован посмертно в 1955 г., тогда как Иванова-Иранова – только в 1989 г.

### **Итоги процесса**

Итоги процесса следует рассматривать в нескольких плоскостях и с разной временной удаленностью от событий 1922 г., так как многие из неясных тогда тенденций определились окончательно лишь по прошествии времени.

Текущие (кратковременные) последствия охватывают период примерно до середины 1920-х гг., до исчезновения эсеровского подполья и ареста сколько-нибудь активных эсеровских элементов. Представляется, что, сделав центральной осью «идейно-дискредитационной» кампании крупный, гласный (точнее, полугласный) процесс, власти не до конца спрогнозировали результаты этого своего выбора. А ведь вполне были возможны и альтернативные варианты. Для «идейно-дискредитационной», или, проще говоря, про-

пагандистской кампании нужны были информационные поводы, но таких можно было найти довольно много. Безусловно, грандиозный и гласный судебный процесс представлялся властям самым эффективным и эффективным способом для решения поставленной задачи. Думается, что большевиков подвела любовь к гигантомании и эффективным (но не самым эффективным) формам, помноженная на чрезмерную уверенность в способности справиться с любой поставленной задачей (как позже сформулировал И.В. Сталин, – «нет таких крепостей, которые не сумели бы взять большевики»). Возможно, что если бы власти без спешки поставили и провели 5–10 эсеровских процессов в течение одного-двух лет как в различных городах на «местном» материале («Комуч», «антоновщина», «поддержка Деникина», «кронштадтский мятеж», «поджоги нефтяных вышек в Баку» и т. д.), так и в Москве (террористическая деятельность в 1918 г., иностранная помощь и т. п.), то и пропагандистская машина получила бы вполне достаточную технологическую «обкатку», и многих неприятных последствий и неожиданностей удалось бы избежать или, по крайней мере, серьезно их сгладить.

Насколько уже удачной и оптимальной оказалась выбранная властями форма гласного, публичного процесса для реализации поставленной цели? В чем они просчитались и что вовремя не увидели?

Постановка подобного процесса уже на стадии предварительного следствия, в силу объективных условий (колоссальность масштаба событий и количества вовлеченных в них людей) требовала много времени и множества высокопрофессиональных следователей. Но в условиях серьезнейшего дефицита следователей с юридическим образованием и квалификацией, достаточной для того, чтобы их дела не развалились на гласном процессе, а также в условиях дефицита времени, отведенного на предварительное следствие (следствие ГПУ – чуть более полутора месяцев, следствие Верхтриба – чуть более месяца), постановка такого грандиозного процесса была чревата цепью провалов уже во время судебного слушания. На нем вскрылись не только всякого рода мелкие изъяны предварительного следствия, но и многочисленные случаи прямой подтасовки и фальсификации фактов, давления на обвиняемых и свидетелей, что не только обесценивало сам процесс и не позволяло властям достичь нужного эффекта, а, напротив, серьезно било по их авторитету, создавая очень серьезную проблему. Уместно отметить, что, решая в авральном порядке эту проблему (потребовалось ограничить гласность процесса,

для чего обеспечить подбор публики, невыдачу адвокатам стенограмм, обеспечивать цензуру в прессе и т. д.), власти этим создавали ряд новых проблем, поневоле запустив в действие «принцип домино».

Использование для суда над ПСР такой формы, как открытый, гласный процесс, порождало для властей массу проблем и юридического характера. Устройство суда над политической партией не имело в юриспруденции прецедентов и соответствующих юридических механизмов. Для достижения поставленных задач пришлось очень много корректировать в привычной и устоявшейся структуре и процедурах открытого и гласного процесса. Так, например, насколько известно, в первый и последний раз в отечественной и европейской практике применялась конструкция из двух групп обвиняемых, сидевших на разных скамьях подсудимых, имевших каждая свою группу адвокатов (причем защитники 2-й группы обвиняемых не были юристами, а являлись видными государственными и политическими деятелями, выступавшими с отдельными заявлениями по процессуальным, и не только, вопросам).

Гласность судопроизводства предполагала публикацию подневных отчетов из зала суда, а затем и стенограмм процесса (последние несмотря на обещания так изданы и не были). Подневные же информационные сводки, печатавшиеся в центральной прессе, содержали неполную или препарированную информацию. Но то, что годилось для «внутреннего» потребления, не годилось для «внешнего». Большевики не могли дать иностранным защитникам подневных стенограмм, но в результате столкнулись с отказом последних от защиты. Но этот скандал запутавшиеся власти затмили еще более сильным скандалом – они запретили им отказываться от защиты и уезжать за границу, в результате чего иностранцы объявили голодовку (через сутки их выслали). Все это, наряду со многим другим, произвело на общественное мнение Европы отталкивающее впечатление.

Власти явно не продумали и недооценили и проблему управляемости адвокатов 1-й группы подсудимых. Подбрав состав суда, обвинителей, части свидетелей и даже публику в зале, а также избежав неприятного для себя участия в процессе «политических» защитников из числа эсеров-эмигрантов и адвокатов-меньшевиков, власти, похоже неожиданно для себя, столкнулись с проблемой в лице «цензовых» адвокатов, чья профессиональная и честная работа стала мешать реализовывать поставленные цели. Решив покинуть зал суда после митинга 20-го июня, адвокаты лишали большевиков

важнейшего атрибута открытого процесса – состязательности сторон, а начав их запугивать и трактуя их отказ как уголовное деяние, власти выставляли себя в весьма странном виде.

Особо необходимо остановиться на итогах пропагандистской («идейно-дискредитационной») кампании. Было бы однобоким рассматривать лишь ее подчиненную по отношению к процессу роль. Безусловно, кампания выполняла и такую роль тоже, роль своеобразного идеологического обеспечения процесса. Но, как уже отмечалась, хронологически она значительно шире процесса и по значению вполне самостоятельна (скорее уж сам процесс 1922 г. является ее частью). Конечно, накануне и в ходе процесса эта кампания велась с особенным размахом и напряжением. Колоссальны были средства и силы, задействованные в ней. Были созданы специальные структуры для координации действий, привлечены практически все партийные публицисты, в т. ч. и самые именитые, на полную мощь использовали не только прессу, но и весь набор агитпроповских средств от митингов до частушек и плакатов антиэсеровского содержания. Оценить итоги «идейно-дискредитационной» кампании в целом односложным «успешно» или «неуспешно» практически невозможно. С одной стороны, потому что она была разноуровневой по объектам воздействия. Проще говоря, кампания была разноадресной и призвана была на разных уровнях решать разные задачи. Одни из них властью были решены блестяще, другие – удовлетворительно, третьи – с треском провалены. С другой стороны, односложности нет потому, что, как это ни парадоксально звучит, по ряду направлений эсеры использовали эту кампанию и процесс с большой для себя пользой.

Какие же цели ставились? Дискредитация социалистической альтернативы большевизму в глазах той части общества, которая верила в социализм; дискредитация идей, путей и методов меньшевистского социализма и утверждение идей и практики большевизма как единственно возможных и верных. Окончательный успех на этом поприще был достигнут позже. Кроме того был в общих чертах создан (позже отшлифован до полной законченности в десятках фильмов и книг) образ «врага народа», коварного, лживого, запутавшегося и прекраснотушного, но все равно подлого. Обращенная на все общество в целом, эта двуединая цель большевиками в общих чертах была достигнута.

Но, конечно, самой крупной неприятностью для большевиков стала реакция европейских демократических социалистических кругов

на процесс, повлекшая разного рода весьма серьезные последствия для власти. Во-первых, именно в это время, благодаря во многом процессу над эсерами, в европейских демократических и социалистических кругах взамен романтизированного представления о смелых социальных экспериментах «первого в мире государства рабочих и крестьян» (эсеры-эмигранты в 1920–1921 гг. с отчаянием писали, что натываются на глухую стену непонимания со стороны чуть ли не большинства социалистов Европы, даже весьма умеренных), утверждается более адекватное представление о недемократичности советского режима и правовом нигилизме его руководителей. Во-вторых, европейские социалистические партии получили (при помощи эсеров и меньшевиков) прекрасную возможность дать хороший бой как Коминтерну в целом, так и своим собственным национальным компартиям. Удар по их авторитету был весьма ощутимым, что позволило притормозить расширение коммунистического движения в большинстве европейских стран, и укрепить позиции обоих социалистических Интернационалов. В-третьих, были осложнены отношения советского государства с европейскими. В-четвертых, вместо желаемой дискредитации эсеров (и меньшевиков), большевики получили прямо обратный результат – рост их известности и авторитета в некоммунистических слоях рабочего класса, в демократических и социалистических кругах Европы. Неожиданно для себя большевики сделали российским социалистам хорошую рекламу. В-пятых, эсеры и меньшевики заняли вполне достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их отнюдь не как «бедных родственников», а как надежных и опытных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией».

Продемонстрировав всему миру весьма своеобразное понимание, с одной стороны, допустимых методов и способов борьбы со своими политическими противниками, а с другой – устоявшихся норм и принципов юриспруденции, власть уподобилась унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекала. Большевицкое руководство поняло это слишком поздно (несмотря на тревожные сигналы и мрачные прогнозы отдельных дипломатов и коминтерновцев). Самое любопытное, что реакция на это понимание у «твердокаменных» и «мягких» большевицких лидеров оказалась абсолютно разной. «Мягкие» думали, как смягчить тяжелое впечатление, произведенное на самые различные общественные круги Запада, как восстановить свой авторитет и влияние, а «твердокаменные» – стали срывать

свое зло на 22-х не сдавшихся эсерах. Эта реакция вымещения бес- сильной злобы и ярости была политически нерациональной, даже крайне вредной, но поделаться с собой часть большевистской верхуш- ки и чекисты ничего не могли. Самый яркий пример – это устройство осенью 1922 г. для 22-х эсеров такого тюремного режима, который диктовался прежде всего желанием мести, а мотивы изоляции от внешнего мира становились скорее удобным предлогом для этого. Нерациональность такого поведения была очевидна: в течение не- скольких лет заграничные эсеры, меньшевики совместно с европей- скими социалистами вели активную кампанию против режима, соз- данного для политзаключенных в советских тюрьмах. Эта кампания наносила определенный урон авторитету советского государства и Коминтерна, что в конечном счете заставило отступить даже «не- примиримых».

Из других итогов отметим, какую пользу извлекли из процесса и сопровождавших его кампаний чекисты. Прежде всего они превра- тили процесс в своего рода тест на политическую лояльность к вла- сти (об этом чекисты прямо писали, закладывая агентурную сеть в студенчестве), посредством всякого рода митингов и собраний по месту работы «протестировали» значительное число рабочих, слу- жащих и интеллигенции (прежде всего студенчества). Выступавшие с критикой большевиков арестовывались, а «зараженные» эсеров- ской или меньшевистской пропагандой рабочие коллективы «сани- ровались» массовыми увольнениями и сокращениями штатов.

Подобную, провокативную по своей сути проверку прошли и три различные категории эсеров: 1) вышедшие из ПСР и вступившие в РКП(б), 2) отошедшие от партийной работы и ушедшие в «культур- ничество» и личную жизнь, 3) работавшие в разного рода советских органах и учреждениях «активные члены ПСР». Не выдержавшие проверки подверглись увольнениям, арестам и ссылке (естественно, это коснулось прежде всего двух последних категорий).

Извлекло ГПУ из этой кампании и процесса также и вполне кон- кретную для себя пользу – насаждением Бюро содействия была за- ложена осведомительная сеть в госучреждениях, на производстве, в вузах, а кроме того узаконена система внесудебной расправы (адми- нистративная высылка и ссылка). Ну и конечно, чекисты набрались бесценнейшего опыта, широко использованного позже.

Главная задача, которую удалось решить властям – при сохране- нии внешней формы гласного, публичного процесса найти и задейст-

водить такие механизмы и методы, которые позволяли эффективно решать поставленные инициаторами процессов задачи, практически не допуская провалов и срывов, вскрывавших инспирированность процессов. Категорически исключалась возможность, чтобы межведомственные противоречия и конфликты (подобные трениям между ГПУ и НКЮ в 1922 г.) отражались на подготовке и ходе процесса. Гораздо тщательнее осуществлялось предварительное следствие – на него не жалели ни сил, ни средств. Происходит переход к «постановочным» процессам, что позволяло решать сразу целый веер проблем, так ярко проявившихся на эсеровском процессе. Прежде всего появилась возможность подбора и отсева участников процесса, в зависимости от степени их управляемости. Безусловно, огромное значение здесь играло то, что к этому времени усилилась закрытость страны, и следователи применяли такие способы и методы воздействия на своих подопечных, о которых в 1922 г. не могло еще быть и речи. Безусловно, психологическое давление, завуалированный шантаж судьбами близких и прочее использовалось и в 1922 г. (и, как мы знаем в ряде случаев вполне успешно), но качество этого давления было иным. Не было арестов родных с перспективой отправки в лагерь или расстрела (в 1922 г. была перспектива ссылки), и главное – не было физического насилия и пыток как средств манипуляции подсудимым. Удалось достигнуть такого артистизма в манипулировании подсудимыми, что порой даже у неангажированных наблюдателей, появлялось впечатление правдивости их показаний и искренности раскаяния. Последнее стало обязательным атрибутом каждого процесса, нераскаявшихся просто не выводили на процесс. Это также был урок эсеровского процесса – сильный, мужественный враг, способный умереть, но не отречься от своих идеалов, невольно вызывал уважение даже у недоброжелателей и становился примером для подражания у сочувствующих, тогда как унижающийся и молящий о пощаде – снисхождение и презрение.

Значительно усилилась координирующая и контролирующая функция верхов. Согласование стадий и содержания предварительного и судебного следствия, хода самого процесса с разработанным сценарием, внесение необходимых корректив либо в показания подсудимых, либо в ход следствия или суда, осуществлялось на самом высшем уровне. Сделав выводы из просчетов процесса 1922 г., Сталин ввел практику ознакомления партийного руководства – членов и кандидатов в члены ЦК – с материалами предварительного следствия, прото-

колами допросов обвиняемых. Представляется, что это позволяло Сталину решать сразу три задачи: во-первых, через мелкое сито просеивать возможные ошибки и нестыковки следствия, а во-вторых, пропускать через этот тест на лояльность уже всю партийную элиту (неактивность в обсуждении, желание отмолчаться, скепсис или недовольство процессом над своими вчерашними товарищами – не оставались незамеченными). В-третьих, это участие использовалось как своеобразная круговая порука, ведь выходило, что сценаристами и руководителями процессов становилась вся партийная верхушка. Таким образом, провокативная функция процессов была распространена Сталиным на партийную и государственную элиту. Вообще, провокативная функция значительно усилилась, через тысячи собраний, митингов и демонстраций проверяли лояльность сотен тысяч людей из самых различных слоев общества. Пропаганда вокруг процессов позволяла углублять конфронтацию в обществе, не только натравливая на ту или иную социальную группу или слой все остальные, но порой раскалывая даже один слой («красные спец» против «спецов-вредителей»). Массовое сознание в ходе всех этих собраний, митингов, демонстраций, а также с помощью газет и радио обрабатывалось весьма глубоко и с большим запасом прочности. Публичное осуждение очередных подсудимых приобрело в последующие десятилетия форму «единодушного» и «всенародного» и выполняло крайне важную для власти функцию социальной консолидации советского общества, консолидации, построенной на ненависти к многочисленным врагам. В последующие десятилетия завершилось формирование многоликого образа «врагов народа», внутри которых эсеры занимали видное, но уже не ключевое место.

Значимость идейно-нравственного противостояния социалистов нарождавшейся советской тоталитарной системы поняли немногие, сравнявшие, подобно В.Т. Шаламову, суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров – легендарных уже героев революционной России – это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...» (цит. по: [Янсен, 1993, с. 7]).



## **Глава 2**

### **«ВРЕДИТЕЛЬСКИЕ» ПРОЦЕССЫ 1928–1931 гг. ШАХТИНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС 1928 г.**

В 1928 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов с 18 мая по 6 июля состоялся судебно-политический публичный процесс по делу «Об экономической контрреволюции в Донбассе», более известный как Шахтинский. Не первый и не последний в череде советских политических процессов, он во многом обозначил границу в переходе от одного периода советской истории, определяемому как «нэповский», к другому, сталинскому и потому вобрал в себя черты обоих. Судебное слушание по делу стало кульминацией совокупности событий: с одной стороны, оно подвело итог почти годичной деятельности чекистов по раскрытию «заговора» и подготовительной работе партийно-государственных органов во главе с Политбюро ЦК ВКП(б), а с другой, – стало дополнительным импульсом для кампании по борьбе с «вредительством» и «ликвидации последствий Шахтинского заговора». Комплекс документов, который сформировался в связи с «Шахтинским делом», можно рассматривать как своеобразную энциклопедию, которая отразила гораздо более широкий, чем это можно было ожидать, приступая к изучению темы, круг вопросов, контекстов, событий, лиц, начиная с пореформенного периода и заканчивая, как минимум серединой 1950-х гг.

#### **2.1. Шахтинский процесс: историографический контекст**

Для большинства отечественных и зарубежных исследователей «Шахтинское дело» – знаковое явление, обозначившее переход к новой фазе трансформации постреволюционного российского общества. Но если советские историки в соответствии с известным тезисом об обострении классовой борьбы рассматривали «Шахтинское дело» как свидетельство перехода «контрреволюционных сил» к новым, «исключительно острым» формам сопротивления [Трифонов, 1960, с. 152; Голинков, 1986], то для современных исследователей оно, вместе с началом государственного «нажима» на крестьянство, обозначило переход к политике создания тоталитарного режима. Однако, несмотря на значимость «Шахтинского дела» как «маркера»

«Великого перелома», его историография не столь обширна. В ней можно выделить два направления, внутри которых идет становление еще нескольких. Первое из них связано с изучением «Шахтинского дела» как такового, т. е. с реконструкцией действительного или мнимого заговора шахтинских инженеров и техников, действий власти и судебно-следственных органов по организации и проведению процесса. Второе направлено на исследование причин и последствий «Шахтинского дела», и в первую очередь с точки зрения изменения отношения к «старой» интеллигенции.

Формирование первого сегмента официальной историографической концепции «Шахтинского дела» началось с появлением в советской печати сообщений о «раскрытии контрреволюционной организации» в Донбассе. В резолюции апрельского 1928 г. Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), опубликованной в «Правде» (12 апр. 1928 г.), «раскрытая организация» характеризовалась как «вредительская», цель которой заключалась в том числе в подготовке иностранной интервенции в СССР (КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 324). Основой для легитимации официальной версии «заговора» стали подневное описание хода судебного процесса, а также обвинительное заключение и приговор, в наиболее полной версии опубликованные в «Известиях». Сформулированная в популярных брошюрах конца 1920-х гг. (Экономическая контрреволюция..., 1928) и «Кратком курсе» истории ВКП(б) эта версия осталась почти неизменной до конца 1980-х гг. (Советская историческая энциклопедия). В соответствии с ней в деятельности «контрреволюционной» организации, созданной по инициативе бывших горнопромышленников при поддержке иностранных разведок, принимали участие до 20 % всех работавших в Шахтинском районе инженеров и техников [Трифонов, 1960, с. 161]. Важной составляющей данной концепции стало понятие «вредительства». Благодаря Шахтинскому процессу термин, появившийся в связи с утверждением в 1926 г. нового Уголовного кодекса РСФСР и разъясняющего его документов, получил конкретное и вместе с тем расширенное толкование. «Вредительство» рассматривалось как острая форма классовой борьбы, как «отчаянное сопротивление отживающих классов», и в первую очередь «буржуазных специалистов», возникновение которой связывалось с успехами индустриализации [Там же, с. 152–156].

Альтернативная официальной версия подоплеки «Шахтинского дела» была представлена в сочинениях диссидентов А.Г. Авторханов-

ва (1959 г.) и А.И. Солженицына (1960-е гг.) и зарубежных исследователей. А.Г. Авторханов приводит рассказ члена бюро Московского горкома ВКП(б) Резникова на заседании кружка «правых», из которого следует, что «Шахтинское дело», не имевшее первоначально необходимой доказательной базы, фактически было сфабриковано Северо-Кавказским ПП ОГПУ при поддержке И.В. Сталина. В основу было положено признание обвиняемых, поэтому А.Г. Авторханов [1991] связывал «Шахтинское дело» с формированием «следственной техники "ежовщины"». А.И. Солженицын рассматривает «Шахтинское дело» как один из первых опытов организации показательных процессов, а феномен «вредительства» как способ объяснения хозяйственных неудач [1999, с. 54–56, 380–382].

В исследованиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. впервые в отечественной историографии было заявлено о невинности шахтинских инженеров и поставлен вопрос о целях, методах и результатах фабрикации «Шахтинского дела» [Елфимов, Щетинов, 1989; Куманев, 1992; Старков, 1990]. Наиболее обстоятельно на сегодняшний день данная позиция изложена в монографии С.А. Кислицына [1993]. Введя в научный оборот документы Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), он показал заказной, сфабрикованный характер «Шахтинского дела». Обратив внимание на то, что главной особенностью «дела» было «впервые проведенное публичное... рассмотрение итогов следствия» партийным руководством страны с последующим юридическим оформлением принятых решений на судебном процессе [Там же, с. 30], он проанализировал соотношение разных линий внутри Политбюро и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) на начальной и последующих стадиях развития «Шахтинского дела», а также отношение к нему разных групп советского общества.

В то же время возможности исследователей и по сей день серьезно ограничиваются доступной источниковой базой. Это главным образом опубликованные в периодической печати 1928 г. и вышедшие отдельными изданиями отчеты о ходе судебного процесса и другие материалы, связанные с ним, а также делопроизводственные документы Центрального и местных комитетов партии, стенограммы совещаний и пленумов. В известной мере определенным расширением документальной основы о допроцессной стадии следует считать публикацию в 2000 г. полной стенограммы заседаний апрельского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), где обсуждались социально-политические аспекты «Шахтинского дела» [Как ломали нэп..., 2000].

В более выгодном положении оказались исследователи, которые, благодаря своему служебному положению, имели возможность ознакомиться с архивно-следственными делами и документами Политбюро ЦК ВКП(б) [Ковалев, 1995; Мозохин, 2008а, 2008б]. Так, О.Б. Мозохин опубликованы большие фрагменты из тематических «Шахтинских» дел АП РФ, однако лишь последняя публикация в журнале «Отечественные архивы» может считаться научной, поскольку только здесь документы снабжены минимальными археографическими легендами и комментариями.

Особое место в современных работах занимает изучение организации и хода судебного процесса по «Шахтинскому делу». Исследователи отмечают, что это был, по сути, первый показательный процесс, построенный на сфабрикованном обвинении, и потому его изучение имеет принципиальное значение для понимания этого феномена общественно-политической жизни СССР конца 1920-х – 1930-х гг. Краткую характеристику Шахтинскому процессу как новому явлению в советской судебной практике, свидетельствовавшему о том, что «наконец же созрел наш Закон», дал А.И. Солженицын [1999, с. 380–382]. Он обратил внимание, что это был первый «бесконфликтный судебный процесс... где к единой цели стремились бы дружно и суд, и защита, и подсудимые», на его грандиозность, которая, впрочем, обернулась неоднократными сбоями в виде отказа обвиняемых от своих показаний, на другие ошибки организаторов, которые были учтены в последующем. Между тем, более внимательный анализ материалов судебного процесса, сделанный С.А. Кислициным показал, что, несмотря на то, что адвокаты не стали оспаривать существование заговора, их деятельность на процессе была направлена на защиту и облегчение участи подсудимых [1993, с. 64–66]. Наиболее детально судебный процесс описан в работе А.А. Есинева [2004]. Автор попытался определить характерные черты и тенденции всех составляющих процесса: обвинительного заключения, допросов подсудимых, речей обвинителей и их защитников. Кроме того, в его работе анализируются сопутствовавшие процессу публикации в периодической печати: передовые статьи, репортажи, фельетоны, карикатуры и др. Однако, несмотря на кропотливость исследователя, ему пока не удалось выйти на высоких уровень обобщения сделанных им наблюдений.

Почти не изученной остается международная составляющая «Шахтинского дела». Этот вопрос в качестве одного из сюжетов рас-

считается преимущественно в работах немецких авторов, посвященных советско-германским отношениям соответствующего периода (см. историографический обзор: [Каширских, 2006, с. 36, 37]). Шаг вперед в осмыслении данного контекста сделан в публикации французской исследовательницы советской внешней политики Сабин Дюллен, которая рассматривает «Шахтинское дело» через динамику взаимоотношений, конфликтов и согласований советского руководства с политиками ведущих стран Западной Европы [Дюллен, 2010].

Формирование второго направления в историографии «Шахтинского дела», связанного с изучением его последствий в отношении интеллигенции, также началось с публикацией первых материалов «дела» весной 1928 г. В официальных документах и особенно в публицистических материалах периодической печати «вредительство» прямо отождествлялось с деятельностью старой интеллигенции, которая характеризовалась как привилегированное в прошлом сословие, наделенное буржуазным сознанием и проникнутое «духом кастовой замкнутости» и «узкокорпоративными настроениями» (КПСС в резолюциях..., с. 328, 329). Здесь же вместе с тем подчеркивалось недопустимость спецедедства, необходимость улучшения условий работы специалистов. В целом в соответствии с этой концепцией формировалась и развивалась советская историография данного вопроса, хотя она была более гибкой, чем в первом случае, когда шла речь о «Шахтинском деле» как таковом. Советские исследователи, признававшие наличие «враждебных» советской власти групп среди старой интеллигенции, тем не менее прямо связывали усиление спецедедческих настроений в конце 1920 – начале 1930-х гг. с «Шахтинским» и другими «вредительскими» процессами [Федюкин, 1972, с.298–393]. Однако в соответствии с официальной концепцией истинные причины спецедедства виделись ими в экономической и культурной отсталости страны, неизжитом до сих пор антагонизме пролетариата и интеллигенции, недостатках работы местных властей.

Всплеск исследовательского интереса к истории отечественной интеллигенции в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сопровождался повышенным вниманием к вопросам взаимоотношений данной социальной группы с властью и прежде всего их репрессивного аспекта. С этой точки зрения, «Шахтинское дело» рассматривалось как переломный момент в переходе к усилению репрессий и дискриминаций в отношении интеллигенции. На основе материалов региональных архивов исследователи анализируют влияние «Шахтинского дела» на

провинциальную интеллигенцию [Лютов, 2007; Пыстина, 1999, с. 99–106; Научно-техническая интеллигенция..., 1993]. Однако нередко такие исследования сводятся к цитированию информационных сводок ОГПУ и партийных комитетов, иллюстрировавших настроения различных групп советского общества. Поэтому наибольший интерес представляют работы, в которых анализируются истоки антиинтеллигентских настроений [Абрамов, 1996; Бакулин, Лейбович, 1990; Красильников, 2009б; Пыстина, 1994; Соскин, 2009]. Вместе с тем эти работы не дают пока более системного представления о взаимоотношениях внутри триады «интеллигенция – общество – власть». Более тщательного изучения требуют процессы, происходившие внутри интеллигенции под влиянием «Шахтинского дела», включая анализ изменений ее материального положения, социально-правового статуса, ценностных характеристик, источников и форм пополнения.

В зарубежной исследовательской литературе публичные политические процессы 1920–1930-х гг. рассматривались и как форма использование институтов юстиции в политических интересах [Соломон, 2008], и как инструмент социальной мобилизации (см., напр.: [Fitzpatrick, 1993; Маннинг, 2004]). Голландскому историку М. Янсену принадлежит новаторское исследование, посвященное первому крупному советскому политическому процессу над лидерами партии социалистов-революционеров в 1922 г., в котором он объединил оба аспекта открытых процессов – доктринальный и пропагандистский [1993]. Зарубежные историки при этом вынужденно опираются на ту источниковую основу, которая сформировалась в советскую эпоху. Тем не менее, ими осуществлены глубокие исторические реконструкции, позволившие сделать ряд важных выводов и оценок о значении, эффективности и последствиях процессов 1920–1930-х гг. для утверждения политического режима, которые, наряду с существующими оценками в отечественной литературе, должны пройти проверку вновь вовлекаемыми в научный оборот документальными источниками, что и является одной из задач настоящего издания.

## **2.2. Вначале было «дело»: «чекистский след»**

В действиях чекистов по «расследованию» «Шахтинского дела» четко прослеживаются три стадии: 1) Шахтинский этап (июнь–октябрь 1927 г.), когда основные следственные мероприятия осуще-

ствлялись сотрудниками Шахтинско–Донецкого оперсектора ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю при участии ростовских чекистов; 2) Ростовский этап (октябрь 1927 г. – февраль 1928 г.) и 3) Ростовско-украинский этап (март–апрель 1928 г.), на котором к следствию подключились, а затем стали доминировать украинские и частично московские чекисты и «дело» приняло завершённый характер.

Первые аресты нескольких человек из числа техников, инженеров и управленцев Донецко-Грушевского рудоуправления «Донугля» были произведены в июне-июле 1927 г., при этом только трое из них в дальнейшем оказались в числе подсудимых, судьбу остальных решала Коллегия ОГПУ. Следующая серия арестов будущих «шахтинцев» состоялась 9–11 ноября 1927 г.: тогда были арестованы 5 чел. Еще один подвергся аресту 3 декабря 1927 г., затем еще пятеро в январе-феврале 1928 г. Таким образом, к началу марта 1928 г., когда члены Политбюро ЦК ВКП(б) были проинформированы о раскрытии «заговора» и ими было принято решение придать этому делу широкий размах, под арестом находилась примерно четверть из числа тех, кто затем оказался в зале суда на скамье подсудимых. Остальные три четверти обвиняемых «добирались» в ходе форсированных следственных действий. Наиболее интенсивно аресты, произведенные главным образом харьковскими чекистами, прошли в первой декаде марта: с 3 по 10 марта аресту подверглись сразу 19 чел. После этого аресты продолжались еще в течение месяца (20 чел.), последние ордера на арест будущих подсудимых датированы 15 апреля 1928 г. Из сказанного видно, что начальная фаза следствия, включавшая шахтинский и отчасти ростовский этапы, имела затяжной и вялотекущий с точки зрения следственных результатов характер и перешла в перспективную для чекистов стадию лишь на рубеже января-февраля 1928 г. Тому были веские причины: чекистское следствие долгое время не могло выстроить доказательную базу для того, чтобы превратить факты проявления халатности и небрежности в обвинения во вредительстве и шпионаже.

Первым из числа будущих «шахтинцев» 15 апреля 1927 г. был арестован по ст. 108, ч. 1 УК РСФСР, предусматривавшей наказание «за небрежное и халатное отношение к своим обязанностям», зав. проходкой (шахтой) им. Красина Донецко-Грушевского рудоуправления (ДГРУ) треста «Донуголь» техник В.И. Беленко за гибель шахтера в забое. При поручительстве профсоюзов Беленко в начале мая выпустили под подписку о невыезде, он был снят с должности и пе-

реведен на другую шахту техником. Однако в Шахтинский отдел ОГПУ поступило несколько заявлений от рабочих, в которых указывались факты «многочисленных нарушений», допущенных Беленко. На одно из них, групповое, датированное 23 июля 1927 г., нач. окротнодела ОГПУ Финаков наложил резолюцию о создании технико-экспертной комиссии для проверки сообщаемых в письме фактов, а также об открытии нового следствия в отношении Беленко, которое должно было быть увязано с уже открытым следственным делом № 267 в отношении нескольких арестованных в июне по ст. 58, п. 7 («экономическая контрреволюция») инженеров и техников ДГРУ (ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 9. Л. 188).

9 сентября 1927 г. следствие перешло в ведение Экономического отдела ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, получив новый порядковый номер (№ 8627). Дело было возбуждено уже против 13 чел., пятеро из которых арестованные в ноябре 1927 г. работники ДГРУ (братья А.К. и Е.К. Колодубы, В.Н. Самойлов, В.Н. Нашивочников и С.А. Бабенко) попали на процесс в качестве «контр-революционного актива» «организации» в ДГРУ. На начальном этапе чекисты избрали в качестве ключевых фигур двух заведующих шахтами — Н.А. Гавришенко и упоминавшегося выше В.И. Беленко, в отношении которых следственные действия (допросы обвиняемых и свидетелей, очные ставки) велись наиболее интенсивно. Так, архивно-следственное дело (АСД) Н.А. Гавришенко, содержит протоколы допросов наибольшего для «Шахтинского дела» количества свидетелей — 72 чел. Из материалов АСД В.И. Беленко следует, что за период его вторичного ареста с 25 июля 1927 г. по 27 марта 1928 г. он допрашивался десять раз, дали показания двадцать свидетелей, было проведено десять очных ставок. Кроме того, в деле находятся несколько заявлений от рабочих, датированные периодом с 15 мая по 23 июля 1927 г., в которых одни сообщали факты недоплаты за выполненные работы, а другие обвиняли Беленко во враждебности советской власти (Там же. Л. 137, 188). Таким образом, в основе «Шахтинского дела» лежали поступавшие в ОГПУ «сигналы» от рабочих и партийцев. Как правило, в дальнейшем они давали нужные чекистам и компрометировавшие арестованных показания, расширяя тем самым круг свидетельских показаний и фактов, подлежавших проверкам.

Летом 1927 г. к немногочисленным кадрам местных чекистов в г. Шахты из Ростова-на-Дону прибыло подкрепление в лице следова-



телей, уполномоченных Экономического управления ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е.П. Еленевича, Борисевич-Луцка, М.Д. Яхонтова. Это позволило ускорить проведение допросов свидетелей и арестованных и повысить результативность. Теперь, помимо рабочих, все шире стали использоваться показания ИТР и управленцев из ДГРУ. Кроме этого, для оказания давления на арестованных организовывались очные ставки с бывшими агентами и сотрудниками «белой» контрразведки времен Гражданской войны, дававшими стереотипные показания о причастности арестованных к репрессиям среди рабочих. Таким образом давление на арестованных оказывалось по трем линиям: «саботаж и вредительство на производстве», ненормальные взаимоотношения с рабочими (грубость, рукоприкладство, обшеты и т. д.) и антирабочая и антиреволюционная деятельность до и в ходе революции и гражданской войны.

Однако решающими для динамики следствия оказались изменения в поведении самих арестованных. Допросы и психологическое давление на арестованных постепенно стали давать свои результаты. В конце августа 1927 г. практически одновременно Беленко и Гавришенко, изменив прежнюю линию поведения, стали давать показания о наличии в ДГРУ спаянной группы антисоветски настроенных управленцев и техников. В показаниях от 24 августа 1927 г. Беленко охарактеризовал ее следующим образом: «группа родственно связанная между собой, а также связанная между собой деловыми дореволюционными связями» во главе с Емельяном Колодубом, в прошлом известным шахтовладельцем» (Там же. Л. 202). Здесь же Беленко впервые озвучил конкретные обвинения против лиц, входивших в пресловутое «гнездо», в якобы сокрытии разведанных еще до революции богатых угольных месторождений и, напротив, в разработке бесперспективных и убыточных угольных пластов, открытии ранее законсервированных нерентабельных шахт и затоплении перспективных угольных разрезов и т. д. С ним солидаризировался в показаниях и Гавришенко (Там же. Т. 26. Ч. 1. Л. 103). После таких признаний последовало неизбежное: заработали технико-экспертные комиссии, дававшие нужные чекистам заключения. Таким образом, принудив арестованных давать показания на других лиц, находившихся еще на свободе, чекисты начали, наконец, продвигаться вперед.

Следующий перспективный для следствия сюжет заключался в выявлении причин сбоев и аварий на производстве. Здесь разрабатывались два аспекта: конкретные акты «вредительства» и поиск

ответа на вопрос, почему насыщение производства новой техникой не давало ощутимых и ожидаемых результатов. Особое внимание следователей при этом было обращено на аварийные ситуации, связанные с выходом техники из строя, и нерациональное размещение и использование на производстве новой, преимущественно импортной техники. Все это в совокупности создавало перспективы для выхода следствия на новый уровень: помимо служащих ДГРУ, требовалось установить «заговорщиков» на более высоких уровнях (в правлении треста «Донуголь» в Харькове) и выявить связи с границей (наиболее очевидными для следствия способами такой связи были контакты специалистов с бывшими шахтовладельцами и присутствие иностранных специалистов в Донбассе).

Принципиальный перелом в ходе следствия наступил после того, как во второй половине января 1928 г. через полтора месяца после ареста начал давать «признательные» показания инженер А.Б. Башкин, долго работавший в ДГРУ, но на момент ареста главный механик другого, Власовского, рудоуправления. Очевидно, что Башкин представлял особый интерес для следствия, поскольку состоял в переписке, изъятой при аресте, с эмигрировавшим в Берлин братом и периодически получал от него посылки, в том числе через приезжавших в Донбасс иностранных специалистов. Ознакомившись 21 января 1928 г. с предъявленными ему обвинениями, которые квалифицировались, как ни у кого другого, сразу по нескольким пунктам ст. 58 УК РСФСР (в т. ч. по «шпионскому»), Башкин сделал следствию подарок в форме признательного заявления. Он, в частности, написал: «Взвесив и хорошо обдумав всю свою прошлую деятельность, я пришел к такому выводу, что не будучи идейным противником Советской власти, что вследствие своей слабыхарактерности и вхождению в круг знакомых и приятелей, занимавшихся преступной деятельностью, направленной против Советской власти я решил раскаяться в своей прошлой деятельности и стать искренним другом Советской власти, для чего хочу и буду помогать раскрывать существующие заговоры и лиц, принимавших в них участие. <...> Быстрое развитие каменноугольной промышленности и укрепление ее с большими достижениями срывались врагами и буржуазией, диктовавшей свою борьбу и методы ведения ее через приезжавших внутрь страны иностранцев и организованных в центре Управления Донугля лиц, принимавших эти задания и передававших их дальше, через главных инженеров или путем выезда выезжавших на места, т. е. в

Рудоуправления иностранцев» (Там же. Т. 126. Л. 45). Данное признание содержало информацию по столь нужному следствию недостающему звену – каналам связей с границей.

С этого дня по 23 марта 1928 г., т. е. в течение двух месяцев следователи провели 48 допросов А.Б. Башкина, больше чем кого-либо из других арестованных. Допросы шли почти ежедневно, а в отдельные дни дважды. Протоколы его допросов заняли около 280 машинописных страниц. В признаниях Башкина содержалась значительная часть той информации, на основании которой ростовские чекисты скроили первые обзоры по «Шахтинскому делу», направленные в центральный аппарат ОГПУ. Значимость этих признаний, помимо раскрытой в них «заграничной линии», состояла в том, что они послужили толчком для признаний ряда других арестованных, которых чекисты ознакомили с показаниями Башкина.

Башкинские признания сыграли роковую роль, в частности, в судьбе Н.А. Гавришенко. По информации следователя Е.П. Еленевича, после того, как Гавришенко ознакомился с показаниями Башкина, он решил давать признательные показания, однако вскоре у него произошел психологический слом и он начал давать «ложные и противоречивые» показания (Там же. Т. 26. Ч.2. Л. 21, 22). 30 января вызванный на очередной допрос Гавришенко выбросился из окна четвертого этажа и разбился (Там же. Л. 2). В заключении по делу о самоубийстве Гавришенко, ростовские чекисты оправдывались тем, что поведение Гавришенко во время нахождения в тюрьме свидетельствовало о крайней неуравновешенности его характера (Там же. Л. 25).

Как в подобной ситуации чекисты отделяли «правдивые показания» человека, давно находившегося в пограничном психологическом состоянии от «ложных», не трудно представить. Между тем, далеким от уравновешенного было и состояние самого Башкина. Ростовский медик, профессор П.И. Эмдин, директор клиники нервных заболеваний, в акте от 11 марта 1928 г. дал заключение, что «гражданин Башкин в настоящее время страдает общим неврозом, пограничным с реактивным состоянием» и предложил поместить его в клинику для лечения, добавив при этом: «Больного я знаю в течение 2-х лет как психостеника». По согласованию с чекистами Башкин около недели провел в специализированной клинике, после чего был водворен обратно в тюрьму, где с ним провели еще три завершающих допроса (Там же. Т. 126. Л. 305, 311).

В свете отмеченного выше становится ясным, почему построенные главным образом на показаниях Башкина и Гавришенко обзоры ростовских чекистов не сразу убедили председателя правления треста «Донуголь» известного партийца Г.И. Ломова, а также, по версии А.Г. Авторханова, В.Р. Менжинского и, предположительно, А.И. Рыкова в том, что действие шахтинских инженеров и техников следовало квалифицировать как «экономическую контрреволюцию». Да и в дальнейшем, когда «Шахтинское дело» при поддержке Сталина и Молотова приобрело громкую судебную-политическую перспективу, синдром того, что «дело» изначально базировалось на признаниях двоих обвиняемых, находившихся в пограничном психологическом состоянии, периодически давал о себе знать. В частности, становятся понятными фразы из обмена записками между К.Е. Ворошиловым и М.П. Томским по возвращению последнего из поездки по Шахтинскому округу во второй половине марта: «Ворошилов. Миша! Скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытом суде в шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?

Томский. По шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет, ибо картина ясная. Главные персонажи в сознании» (цит. по: [Как ломали энп. Т. 1, с. 30]).

Однако даже имевшиеся у некоторых крупных партийцев сомнения и колебания были отброшены после того, как Политбюро согласилось с версией «заговора», представленной высшему руководству страны ростовскими чекистами во главе с полпредом по Северо-Кавказскому краю Е.Г. Евдокимовым. Началась полоса массовых арестов в руководящем звене треста «Донуголь», осуществленная украинскими чекистами, стремившимися утвердить при этом свои приоритеты и свое видение организационной основы «экономической контрреволюции в Донбассе». В начале марта центр следствия фактически переместился из Ростова-на-Дону в Харьков, где находилось правление «Донугля», сотрудники которого якобы руководили вредительством в Донбассе и осуществляли при этом связи с Москвой («Московский центр») и с границей. Группа следователей под руководством начальника экономического управления ГПУ УССР И.М. Блата развернула интенсивные следственные действия в отношении арестованных управленцев и инженеров, выводя следствие на требуемый Москвой уровень «дела» о разветвленной и связанной с зарубежными организациями подпольной организации. Оперирова

результатами ростовского следствия, украинские чекисты достаточно быстро получили признательные показания от ряда арестованных руководителей «Донугля», прежде всего от Ю.Н. Матова и Д.М. Суцевского, которые работали в управлении нового строительства треста. Главным образом, на основе их показаний с привлечением отдельных показаний других арестованных ГПУ УССР ударным образом подготовило 60-ти страничный обзор «Экономическая контр-революция в Донбассе. Следственное дело «Донуголь»», датированный 1 апреля 1928 г. и направленный руководству ОГПУ за подписями начальника ЭКУ И.М. Блата и председателя ГПУ Украины В.А. Балицкого (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 329. Л. 38–99). 11 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение объединить следственные дела «Донугля» и «Шахтинское» и проводить на этой основе один судебный процесс, закрепив за ним первоначальную «Шахтинскую» маркировку (Там же. Л. 10, 12).

«Венцом» усилий украинских чекистов стал датированный 24 апреля 1928 г. и направленный В.Р. Менжинскому 95-ти страничный доклад ГПУ Украины «Экономическая контр-революция в Донбассе» из 23 разделов (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 527). В нем в значительной мере была предвосхищена схема обвинительного заключения и самого открытого судебного процесса. Свою роль в доведении предварительного следствия до конечного итога и передаче его в руки судебного следствия сыграла и группа работников центрального аппарата ОГПУ во главе с начальником экономического отделения А.А. Слуцким, выполнив на завершающей стадии надзорно-координационные функции и придав законченность мифотворчеству ростовских и харьковских чекистов.

Однако, несмотря на значительные масштабы следственных действий (аресты сотен человек, сопровождавшиеся изъятием всех возможных вещей, личных и служебных документов и т. д.) неубедительность и бездоказательность выводов следствия почти очевидна. Ни в одном из архивно-следственных дел подсудимых не оказалось ни одного документа или другой улики, которые служили бы доказательством деятельности в течение нескольких лет разветвленной «подпольной организации», тайных контактов и связей с границей и т. д. Все обвинение строилось на показаниях, само- и взаимных оговорах, добытых в ходе допросов обвиняемых.

На сценарный характер проведенного следствия указывает и тот факт, что развернутых признательных показаний об «организации»

не было до тех пор, пока ее структурная схема не была разработана и представлена в формализованном виде украинскими чекистами в их обзоре от 1 апреля 1928 г. Этим во многом объясняется активность и обширность показаний, данных основными фигурантами «дела» Ю.Н. Матовым, Д.М. Суцеским, А.И. Казариновым, С.П. Братановским и др. в течение апреля 1928 г. В них, хотя и не без некоторых противоречий и оговорок, «вдруг» появились данные о структуре, составе, целях и методах «вредительской организации». В пользу версии об инспирации показаний творчеством чекистов свидетельствует и интенсивность допросов, и объемность полученных в их ходе признательных показаний от основных фигурантов. Так, допросы центральной персоны Ю.Н. Матова шли практически беспрерывно с 12 по 22 апреля, иногда по два – три раза в день, а показания заняли более сотни страниц. Не менее объемными были и показания А.И. Казаринова, составившие также около ста страниц за период с 16 по 21 апреля 1928 г.

Помимо самооговоров обвиняемых, неразрывно связанных с оговорами других, чекисты активно использовали для достижения поставленных целей очные ставки. Об этом, в частности, красноречиво говорит эпизод, зафиксированный следователями во время очной ставки между Ю.Н. Матовым и А.Я. Юсевичем 22 апреля 1928 г. Матов показал, что он лично привлек Юсевича к работе в организации в 1925 г. Затем Юсевичу, до этого отрицавшему свою причастность к вредительству и самому требовавшему очной ставки с Матовым («чтобы доказать ложность его показания») был задан вопрос о том, подтверждает ли он показания Матова. Далее в протоколе идет запись: «В течение тридцати семи минут обвиняемый Юсевич колебался между ответом да или нет. Наконец он заявил, что подтверждает показания инж. Матова и заявляет, что желает искренне раскаться» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 49447. Т. 115. Л. 43).

Предварительное следствие по «Шахтинскому делу», длившееся с июня 1927 г. по апрель 1928 г. и овестьствованное почти в 300 архивно-следственных дел, стало своего рода визитной карточкой уровня профессионализма следственного аппарата ОГПУ, местного и регионального. Уровень оказался невысоким, что определялось как объективными, так и субъективными факторами. К последним относилась недостаточная компетентность чекистов экономических подразделений ОГПУ в ведении следственных действий в такой сложнейшей сфере, как реальная экономика. В течение нескольких месяцев следственный аппарат не мог «сломать» арестованных руководителей

ряда шахт ДГРУ. Управленцы и специалисты, закаленные в хозяйственных конфликтах достаточно уверенно опровергали обвинения в «экономической контрреволюции», следствие в отведенные нормативами сроки не укладывалось и несколько раз продлевалось. Уязвимость следствия определялась прежде всего его заданностью и предвзятостью: доказать наличие «организованной контрреволюции» там, где таковой не было. Однако в пользу чекистов сработало несколько факторов, среди которых была интенсивность допросов и очных ставок, длительность пребывания арестованных в заключении, психологическое давление на обвиняемых и т. д. Об уровне проведенного чекистами предварительного следствия свидетельствует также тот факт, что значительная группа из выведенных на судебный процесс обвиняемых своей вины не признала ни на предварительном следствии, ни в судебном заседании. Особенно скандальными и высветившими непрофессионализм чекистов оказались действия, предпринятые в отношении подвергшихся арестам немецких специалистов.

### **2.3. «Немецкий след» в «Шахтинском деле»**

В 11 часов вечера 6 марта 1928 г. народный комиссар по иностранным делам СССР Г.В. Чичерин принял посла Германии У. Брокдорфа-Ранцау, которого он лично попросил прийти, что случилось крайне редко. После нескольких вступительных слов Чичерин сообщил, что им обоим предстоит серьезная работа, направленная на то, «чтобы воспрепятствовать тому негативному влиянию на немецко-русские отношения, которые может оказать одно непосредственно предстоящее печальное событие» [Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik. Band VIII, s. 300–301]. На просьбу посла выразиться конкретнее, нарком заявил, что вскоре состоится большой судебный процесс, на котором «преимущественно будут фигурировать поляки», но, к сожалению, также и граждане Германии, а именно сотрудники кампании АЕГ, работающие по контракту в провинции – Гольштейн, Отто, Мейер и Вегнер, арестованные днем ранее органами ОГПУ.

Помимо информации об арестованных, которую Чичерин сообщил, опираясь на справку, специально предоставленную ему начальником иностранного отдела и зам. председателя ОГПУ М.А. Трилиссером, нарком сделал еще два важных заявления, при-

званных в некоторой степени успокоить немецкую сторону. Согласно первому, в деле ни в коем случае не будут фигурировать немецкие официальные учреждения и фирмы\*. Согласно второму было обещано открытое и справедливое судебное разбирательство, исключаящее тайное расследование и осуждение обвиняемых во внесудебном порядке. В свою очередь Брокдорф-Ранцау заявил, что германская сторона «со всей настойчивостью и со всеми имеющимися [...] средствами» придет на помощь своим гражданам [Akten zur Deutschen Auswaertigen Politik. S. 301].

Эта встреча стала прологом к одному из самых серьезных дипломатических кризисов в системе особых взаимоотношений советской России/СССР и Германии, существовавшей в 1922–1933 гг., начало которой было положено договором в итальянском Раппало. Отсюда вытекает необходимость предложить ответы на вопросы, почему именно граждане Германии стали обвиняемыми на Шахтинском процессе, чем мотивировались действия советской тайной полиции и политического руководства, как развивался внешнеполитический кризис и в результате чего удалось его преодолеть.

Обвинение в шпионаже в пользу Германии и выведение на Шахтинский процесс в качестве обвиняемых граждан Германии, сотрудников крупнейших немецких фирм, имело для СССР огромные минусы, которые были очевидны любому посвященному в обстоятельства дела или квалифицированному стороннему наблюдателю. Помимо подрыва «особых» советско-германских отношений, и, следовательно, всего сложившегося миропорядка в Европе, под вопрос могло быть поставлено предоставление СССР крупных немецких кредитов. Советская сторона могла также столкнуться с негативной солидарной позицией германской промышленности, логичным последствием которой стал бы как отказ в посылке в СССР специалистов, так и нежелание выполнять советские заказы. Но, очевидно, у ОГПУ имелась собственная точка зрения и весомые аргументы, которые перевесили в глазах советского политического руководства и лично И.В. Сталина все рациональные соображения против громкого дела о немецком шпионаже.

---

\* Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1928 г. по предложению И.В. Сталина и В.М. Молотова: «Замешанных немцев арестовать, заявив А.Е.Г., что дело коснется не его, а отдельных его агентов, согласовав с НКВД это дело».



Арест сотрудников АЕГ кардинальным образом отличался от предыдущих громких арестов немцев в СССР. Как пронизательно заметил полпред СССР в Германии Н.Н. Крестинский в письме, посланном 12 марта Чичерину, «арест инженеров и монтеров, посланных для установки заказанного в Германии оборудования, является гораздо более заметным фактом, чем аресты немецких студентов, никому в Германии неизвестных и поехавших с неизвестной целью, и даже аресты так называемых консульских агентов в Закавказье. Из-за студентов шумела печать, но никто, в сущности, кроме близких к этим студентам людей, не был серьезно заинтересован в них. Так наз. консульские агенты были люди, исконно жившие в СССР и мало кому в Германии известные. [...] Другое дело арест инженеров, служащих большого концерна. Это непосредственный удар по промышленникам. Это вызовет взрыв негодования среди широких промышленных кругов[...] Помните, что германская тяжелая индустрия являлась до сих пор главной опорой советофильских настроений в Германии» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 161). Но просчитывать в такой степени последствия своих действий руководство ОГПУ очевидно целью не задавалось.

Немецкие сотрудники АЕГ были подходящей составной частью чекистской мистификации: им была отведена роль связующего звена между «спецами-заговорщиками» и бывшими шахтовладельцами, эмигрировавшими в Германию. Берлин, один из крупнейших центров российской эмиграции в начале 1920-х гг., находился под неусыпным надзором закордонной разведки ОГПУ, занимавшейся усиленной разработкой потенциальных связей «бывших» и «вскрытием» заговоров. Так, 1 февраля 1924 г. Дзержинский проинформировал Троцкого о покушении, которое якобы готовили на него «белогвардейцы в Берлине», и рекомендовал последнему изменить маршрут своей поездки и сменить вагон, т. к. «такая мера обманула бы врагов и дала бы максимальную гарантию». К чести Троцкого, тот отказался, заявив, что «я нисколько не сомневался и не сомневаюсь во вздорности берлинских сообщений» (РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 322. Л. 1).

Гораздо более перспективным, с точки зрения руководства ОГПУ, было выявление связей оставшихся в России родственников эмигрантов. В циркуляре «По Германской разведке и борьбе с ней» утверждалось, что связи родственников эмигрантов «со здешними представительствами и проч. германскими учреждениями, получение через них пособий, посылок, корреспонденции из-за границы, от-

правка таковых, получение разрешения на въезд в Германию, посланных из Германии и т. д. являются иногда верными признаками связи эмигранта с германской разведкой и сознательного или несознательного ведения разведки в пользу немцев со стороны родственников данного эмигранта» (Там же. Д. 317. Л. 42-45).

Именно это и произошло в случае с одним из обвиняемых по Шахтинскому делу – Абрамом Борисовичем Башкиным, брат которого – Исайя Борисович – являлся сотрудником так называемого русского отдела АЕГ\*, в котором наряду с немцами работало большое количество русских эмигрантов. Распространенной практикой были просьбы, адресованные к выезжающим на работу в СССР немцам, о передаче родственникам в России различного рода посылок. Монтер Мейер показал на допросе 23 марта 1928 г.: «Нужно добавить, что вообще все германские инженеры и монтеры, приезжающие из Германии, берут с собой различные вещи для разных лиц. Я могу даже утверждать, что почти все, кто приезжает из Германии, что-нибудь привозят» (ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 23. Л. 72).

На криминализации контактов с границей и была выстроена линия обвинения. Так как каких-либо письменных улик (инструкций, шифровок и т.п.) обнаружено не было, в голову одного из сотрудников ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю пришла идея выставить в качестве улики вещи, которые передавались немцами гражданам СССР от родственников, а именно шляпу и макинтош, полученные А.Б. Башкиным. На допросе 22 марта 1928 г. Мейер дал показания, что в марте 1927 г., перед отъездом в Россию, малознакомый сотрудник Русского отдела АЕГ вручил ему посылку, которую Мейер уже из Рутченково отправил в Москву. С «помощью» следователя, уполномоченного 8-го отделения КРО ОГПУ СССР Майхина, Мейер вспомнил, что в посылке была мягкая мужская шляпа, а также то, что посылку он отправил в Москву на имя некой Спектор (родной сестры жены брата Башкина, урожденной М.И. Поляковой), а посылку в Берлине передал ему И.Б. Башкин (Там же. Л. 59, 60).

В декабре 1927 г. приехавший в СССР инженер Отто привез А. Башкину очередную посылку от брата, в которой оказался деше-

---

\* Согласно показаниям А.Б. Башкина от 24 марта 1928 г., И.Б. Башкин до 1912 г. являлся зав. продажами Харьковского филиала АЕГ, с 1914 г. – зав. конторой АЕГ в Ростове-на-Дону, в 1922 г. эмигрировал через Грузию в Германию. – ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 23. Л. 80, 81.

вый мужской дождевик. Первоначально Отто вручили женский плащ, но перед отъездом И. Башкин заменил его на мужской. Эта замена, а также то обстоятельство, что вплоть до ареста инженера Отто за дождевиком так никто и не явился, позволило чекистам утверждать что дождевик являлся не одеждой, а сигналом шахтинским заговорщикам на совершение крупного акта саботажа, в то время как фетровая шляпа – приказом на проведение более мелкой диверсии.

«Открыл глаза» Башкину на значение переданных братом вещей, по версии следствия, еще один немец – служащий АЕГ, монтер Г. Вегнер, он же якобы передал Башкину 750 руб. «за услуги». На допросе 26 марта 1928 г. в г. Ростове-на-Дону Башкин заявил: «[...] еще до появления и знакомства с Венгером, я летом 1927 г. получил от брата шляпу, пересланную мне при обстоятельствах, изложенных мной от 24/III-с. г. и должен был получить от представителя АЕГ инженера Отто дождевик [...] Вегнер открыл мне, что шляпа означает нанесение вредительства, а дождевик – немедленного крупного вредительства. Какие имел соображения мой брат, устанавливая такое конспиративное отношение – я не знаю [...]» (Там же. Л. 92).

Судьба немецких граждан, выведенных на процесс в качестве обвиняемых (инженера Отто, техников Бадштибера и Мейера) завершилась для последних вполне благоприятно на фоне судебных советских подсудимых. Вскоре после завершения процесса они были отправлены на родину без лишнего шума. Весьма показательным выглядело также заявление нового главы АЕГ Бюхнера о том, что фирма АЕГ не потеряла в СССР ни пфеннига. Интересы большой политики и денег традиционно получили приоритет над судьбами «маленьких» людей. Ближающийся мировой кризис, неблагоприятная экономическая конъюнктура в Германии, особенно в крупной промышленности, а также растущая заинтересованность в советских заказах сделали свое дело. Не последнюю роль сыграли также сообщения о двух крупных сделках, заключенных летом 1928 г. СССР с английскими промышленными группами. Поэтому 27 ноября 1928 г. прерванные в марте того же года в связи с арестом немецких специалистов в СССР заседания советско-германской экономической конференции возобновились и закончились подписанием договора. «Шахтинское дело» оказалось подлежащим забвению кратким «досадным» эпизодом в стратегическом союзе руководства двух стран.

## **2.4. Шахтинский процесс как социально-политический заказ**

При всей значимости внешнеполитического аспекта, Шахтинский процесс был продуктом и результатом прежде всего внутренних событий. В широком контексте он в сочетании с т. н. кризисом хлебозаготовок положил начало целой эпохи радикальной трансформации модели политического и социально-экономического развития страны, ломки социальной структуры, связей и отношений в обществе – всего того, что в совокупности получило название «Великого Перелома» (в других терминах – сталинская «революция сверху», «чрезвычайщина» и т. д.). Шахтинский процесс сыграл здесь значимую роль в качестве социального индикатора и катализатора кризисных явлений и конфликтов, существовавших на тот момент времени как внутри системы власти, так и в ее взаимоотношениях с базовыми группами социума.

По своим основным параметрам (количеству обвиняемых, длительности, интенсивности пропаганды, международному резонансу и т. д.) он сравним только с процессом 1922 г. над лидерами и ренегатами партии социалистов-революционеров. Однако если эсеровский процесс был своеобразным эпилогом эпохи войн и революций и имел своим предназначением установление политической гегемонии большевизма в обществе и полную дискредитацию его оппонентов, то Шахтинский, первый в ряду однотипных с ним «вредительских» процессов, являлся прологом новой эпохи, предпосылкой перехода политики большевистского режима в новую стадию своего утверждения как режима тоталитарного типа, утверждения через кризисы и конфликты, частью реально существовавшие, частью искусственно нагнетавшиеся, «рукотворные». Судебный процесс следует в данном контексте рассматривать двояко: как обозначение подлинных социальных противоречий, требовавших своего разрешения, и как обозначение стратегии и тактики выхода из кризиса. «Шахтинский узел» сигнализировал о кризисных явлениях внутри самой системы власти (оппозиционное движение внутри правящей партии, бюрократизм и разложение номенклатуры, низведение профсоюзов до придатков административных аппаратов); в ее взаимоотношениях со своей основной социальной опорой – рабочими (трудовые конфликты, забастовки, пассивность на производстве свидетельствовали о недовольстве рабочих); в ее взаимоотношениях со «старой» технической ин-

теллигенцией (подозрительность и недоверие в сочетании с невозможностью обойтись без «спецов»); о социокультурном напряжении между группами, занятыми физическим и умственным трудом (интеллигентофобия, и-фобия).

Как и большинство социальных фобий, и-фобия (и, шире – культурофобия), имела свои корни и основания в постреволюционной действительности, в ее противоречиях и конфликтах. Одной из форм проявления и-фобии в 1920-х гг. стало «спецеество», феномен которого постоянно питал целый комплекс факторов. Базовым среди них выступали социально-культурные антагонизмы, обострившиеся в революционную эпоху, когда государственные регуляторы социальных отношений были парализованы или подверглись трансформации. Катализаторами социокультурных конфликтов стали и процессы социальной мобильности, главным образом негативные по вектору их направленности и последствиям (разрушение прежних статусных отношений и тотальная маргинализация общества), сказавшиеся на различных strataх интеллигенции. Начавшееся после революции практически полное огосударствление сферы умственного труда и мобилизационная форма трудовых/служебных отношений между государством и специалистами не исчезли с окончанием гражданской войны, перейдя лишь в более «мягкие» формы (наем вместо принуждения). Одним из социально-политических последствий этатизации и нисходящей мобильности явилось массовое пополнение групп служащих и специалистов различными категориями лишившихся привилегированного статуса т. н. бывших («старое» чиновничество, офицерство, дворянство и др.), культурный и образовательный уровень которых позволял выполнять функции работников умственного труда. Такого рода социальное пополнение превращало интеллигенцию в «группу риска», объект дискриминаций и репрессий со стороны институтов власти. Еще одним осложнявшим положение интеллигенции в постреволюционном обществе фактором выступала инерционность социально-экономических отношений в производственной сфере. Несмотря на радикальные политические сдвиги ролевые функции рабочих и специалистов остались прежними, на большинстве предприятий сохранялись и воспроизводились иерархические отношения между управленцами и рабочими. Возникало очевидное противоречие между декларируемыми политическими предпочтениями в пользу рабочих и их реальным статусом наемных работников, находившихся в зависимом положении от «буржуазных спецов»,

которые, к тому же, обладали очевидно более высоким уровнем жизни (в середине 1925 г. средняя зарплата высококвалифицированных специалистов в металлургии в 5–6 раз превосходила зарплату квалифицированного рабочего и в 10 раз – чернорабочего). Взятый руководством страны курс на форсированную индустриализацию, требовавший социальных жертв и издержек, ложившихся на все слои общества, в т. ч. и на рабочий класс (рост производственных норм при сохранении расценок, заключение новых коллективных договоров, ударявших по интересам рабочих и т. д.) только усилил социальную напряженность, забастовочное протестное движение на производстве, и, соответственно, «спецеество» «снизу».

«Спецеество» «сверху» также имело свои причины и динамику. Если ядро новой правящей бюрократии составили вчерашние политические маргиналы, большинство из которых были выходцами из радикальной интеллигенции, то основная масса советских управленческих кадров рекрутировалась из социальных маргиналов с невысоким культурным уровнем. Будучи маргинальной по источникам своего пополнения и социокультурным характеристикам, формирующаяся политическая бюрократия/номенклатура, не могла не прибегнуть к социально-политической мимикрии, встраиваясь в собирательную категорию «служащие», внутри которой советские переписи выделяли их в качестве особой группы «руководящий персонал». Среди последних, составлявших по переписи 1926 г. 328 тыс. чел., половина была представлена лицами в возрасте до 30 лет. Не обладая достаточным опытом для принятия и реализации управленческих решений, номенклатура не могла обойтись без специалистов, составлявших управленческую «периферию». В кризисных ситуациях, первой из которых после окончания гражданской войны стал системный кризис 1927 – 1928 гг., бюрократия без сожаления жертвовала частью своей «периферии», переводя массовое социальное недовольство «низов» в русло и-фобии.

В литературе в целом описана последовательность шагов, которая привела к превращению достаточно рядового по тем временам периферийного расследования ОГПУ в громкий судебный политический процесс. 27 февраля 1928 г. на имя И.В. Сталина поступила телеграмма секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреева, незадолго до этого избранного на XV съезде партии кандидатом в члены Политбюро, с информацией о крупном «заговоре», сведения о котором должен был доложить ждавший выезда в

Москву руководитель местного ПП ОГПУ Е.Г. Евдокимов. Андреев поступал в данном случае как опытный и расчетливый бюрократ, давший понять, что расследование вышло за пределы Северного Кавказа и затрагивает лиц, работавших в аппаратах Донугля (Украина) и ВСНХ (Москва). Тем самым региональный руководитель передавал на высший уровень информацию, оценить которую предстояло высшему руководству. В случае отрицательного ответа Евдокимов остался бы в Ростове, а «дело» закончилось бы внесудебными приговорами, не выйдя за пределы региона.

Однако состоявшийся 28 февраля опрос членов Политбюро дал результат, ожидаемый Андреевым: он получил телеграмму из Москвы о том, что данное «дело» приобретает политическое значение и получит судебную перспективу. Осторожное недоверие такому ходу событий выразил только В.В. Куйбышев в форме особого мнения: «Считаю преждевременной передачу этого дела в руки судебных органов. В этом деле нити ведут в аппарат ВСНХ и Донугля, а с передачей дела в руки судебных органов мы много не сумеем узнать. Лучше оставить пока ведение дела в руках ОГПУ, чтобы раскопать все до конца. Поэтому считаю нецелесообразной посылку такой телеграммы. В Куйбышев». Позиция Куйбышева демонстрировала его желание не допустить перерастания чекистского расследования в политическое «дело». Такая линия поведения диктовалась сложившейся в Политбюро практикой представительства и защиты подведомственной члену высшего политического руководства структуры, а в данном случае расследованием затрагивались интересы возглавляемого Куйбышевым аппарата ВСНХ СССР.

Из ставшей доступной, благодаря публикациям историков, части приватной переписки партийно-государственных лидеров следует, что «шахтинский эпизод» попал в эпицентр внутривластных проблем, решение которых осложнялось нараставшими конфликтами внутри самого Политбюро. В частности, именно на начало марта пришлось резкое и по форме, и по содержанию ультимативное заявление А.И. Рыкова, посчитавшего, что ему, как руководителю правительства, Политбюро оказывает недоверие. В письме, предположительно от 7 марта 1928 г., адресованном Сталину, Молотову и Бухарину, оценивая разногласия по предложенному руководством СНК и СТО плану капиталовложений в промышленность, он писал: «Я в качестве председателя СНК и СТО работать больше не буду. Предлагаю сделать такую расстановку сил, чтобы на ближайшем пленуме и

сессии ЦИК сделать необходимые перемещения, а меня наметить на Урал» (Советское руководство..., 1999, с. 22). В состоявшемся, вероятно, тогда же обмене записками между адресатами письма Молотов заметил, что замена Рыкова «мне и в голову никогда такая глупость не приходила», но от «права говорить на политбюро и резко критиковать решения наркоматов и СНК ни в коем случае не могу отказаться» (Там же, с. 23). Бухарин и Сталин, каждый в силу собственных соображений, заняли примирительную позицию, и конфликт удалось загасить, однако противостояние было обозначено. Поэтому есть основания рассматривать с точки зрения растущего напряжения в Политбюро и инцидент с политической оглаской «Шахтинского дела», когда А.И. Рыков, В.В. Куйбышев и председатель правления Донуголя Г.И. Ломов явно не были склонны поощрять чекистские действия, тогда как И.В. Сталин и В.М. Молотов сразу же приняли сторону ОГПУ.

Приняв 2 марта с докладом зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоду, полпреда ОГПУ по Северному Кавказу Е.Г. Евдокимова и нач. Экономического управления ПП ОГПУ по Северному Кавказу К.И. Зонova, Сталин и Молотов по итогам встречи предложили членам Политбюро придать «делу» не только политическую гласность, но и международный резонанс. Для решения всех последующих вопросов по данному «делу» учреждалась комиссия Политбюро, за состав которой в тот же день солидарно проголосовали члены высшего партийного органа: А.И. Рыков (председатель), Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин (с заменой В.М. Молотовым) и В.В. Куйбышев.

Далее заработала бюрократическая машина. Политбюро санкционировало порядок дифференцированного оповещения различных категорий общества о предстоящем процессе. Официальное заявление прокурора СССР П.А. Красикова от 9 марта 1928 г. о привлечении к суду лиц, арестованных в связи с «Шахтинским делом», и передовые статьи, разъяснявшие смысл, причины и последствия раскрытого «заговора», появились в газетах 10 марта. Однако впервые информацию о «заговоре» публично озвучил А.И. Рыков днем ранее в ходе своего выступления на заседании Моссовета. Наряду с этим Н.И. Бухарин получил задание подготовить закрытое обращение ЦК ВКП(б) для номенклатурных работников, которое рассылалось в комплекте со сводкой материалов предварительного следствия, представленных 2 марта ростовскими чекистами Сталину и Молотову. Оперативность подготовки обращения была настолько высокой, что



написанный 5 марта Бухариным текст был тотчас не просто отредактирован, но и в отдельных частях существенно дополнен Сталиным и Молотовым, а 7 марта появился уже в типографском виде.

Сравнение исходного, бухаринского проекта обращения и переработанного сталинско-молотовского текста, ставшего итоговым, дает основание считать, что внутри большевистской верхушки, несмотря на традиции «коллективного руководства» и согласованности действий, существовали и давали о себе знать отнюдь не единые оценки современной внутренней и внешнеполитической ситуации в стране, приоритетов и прогнозирования последствий принимаемых решений. Структурно проект Н.И. Бухарина остался тем же: преамбула, в которой «вредительство технической интеллигенции» определялось как новая форма классовой борьбы; далее шел краткий анализ ситуации («кто виноват?»), где перечислялись группы и структуры, проглядевшие это явление – коммунисты-хозяйственники, профсоюзные и партийные организации, органы РКИ и ОГПУ; завершался документ перечислением программы действий («что делать?»). В частности, Бухарин предлагал такую трактовку вины коммунистов-управленцев в «Шахтинском деле»: «Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты оказались в значительной мере в плену у спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений, всей политики этих злостных саботажников. То, что вскрывается документами выходит, однако, за пределы Шахтинского района и сигнализирует известную общую опасность. ЦК обращает сугубое внимание руководящих партийных органов на необходимость выработки и принятия ряда мер, которые обеспечивали бы действительный контроль хозяйственников-коммунистов над специалистами всех видов.

С другой стороны, ЦК считает необходимой борьбу с могущим возникнуть спецееством, притом в особо ожесточенной форме этого последнего. Данное обстоятельство необходимо всемерно учесть».

После сталинско-молотовской правки этот фрагмент принял следующий вид: «Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты Шахтинского района оказались в значительной мере в плену у буржуазных спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений и затей этих злостных саботажников. Коммунисты-хозяйственники, видимо, забыли, что буржуазные спецы и, прежде всего, бывшие акционеры бывших капиталистических кампаний, представляют чуждую рабочему классу прослойку,

что руководить такого рода спецами невозможно без систематического контроля над ними, что систематический контроль над такого рода спецами предлагает известный минимум коммунистического недоверия ко всей этой прослойке, что без такого недоверия коммунист-хозяйственник рискует неминуемо превратиться в хвостик буржуазных спецов. Понятно, что это обстоятельство не может служить оправданием т. н. спецедействия, которое не различает между честными работниками специалистами и саботажниками социалистического строительства, против которых необходима систематическая и упорная борьба. Но борясь со спецедействием и учась у спецов, стремясь все более и более привлечь их на свою сторону, хозяйственник-коммунист должен вместе с тем иметь бдительный и действительный контроль над работой буржуазных спецов, ни на минуту не забывая, что он сам, в конце-концов должен стать настоящим руководителем данного хозяйственного организма и овладеть не только административной, но и производственно-технической стороной дела. Курс партии теперь более чем когда бы то ни было должен быть курсом на замену чуждых пролетарскому делу элементов из среды буржуазных спецов красными пролетарскими спецами по всему фронту работы, и по административно-организаторской, и по чисто технической линии». Приведенные выше тексты свидетельствуют о том, что их авторы, исходя из одной посылки (коммунисты стали инструментом в руках «саботажников»), далее совсем по-иному расставили акценты того, с чем предстоит столкнуться в будущем большевикам, преодолевая «вредительство спецов». Н.И. Бухарин был крайне осторожен в своих определениях: в его тексте упоминается только термин «спецы». Предвидя возможные социальные последствия начинавшейся кампании, Бухарин формулировал прогноз–предостережение: судебный процесс чреват всплеском «спецедействия» в обществе «в особо ожесточенной форме». И.В. Сталин и В.М. Молотов реконструировали ситуацию «вредительства» в совершенно ином свете. Спецы представлены здесь практически как однородная масса с определением «буржуазные». Опасность «спецедействия» низведена до незначительного фактора, приоритетной установкой в отношении спецов назван «известный минимум коммунистического недоверия ко всей этой прослойке», а целью – вытеснение последней из управленческого и производственного процесса с заменой «красными спецами».

На то обстоятельство, что «Шахтинское дело» (и, шире – политика в отношении «старых спецов» и вопрос о форсированной замене

их «новыми») служило полем скрытого противостояния двух группировок в Политбюро, аргументировано обратили внимание В.П. Данилов и О.В. Хлевнюк. В их аналитическом предисловии к публикации стенограммы апрельского 1928 г. пленума отмечено, что в одном из своих позднейших заявлений Орджоникидзе так оценивал позицию Рыкова в данном вопросе: «Т. Рыков во время шахтинского дела очень решительно выступал против той установки, которая тогда была дана ЦК в отношении создания своих технических кадров. Он, помню, пришел на заседание Политбюро, принес целую кипу выдержек из работ Владимира Ильича о специалистах и стал доказывать, что то, что мы предлагаем, неосуществимо, что без буржуазных специалистов нам не обойтись, не построить нам социализма и т. д.» (цит. по: [Как ломали НЭП. Т. 1, с. 29, 30]).

По мнению Данилова и Хлевнюка, неоднозначность ситуации «заставила Сталина маневрировать. Иначе трудно объяснить, почему 13 марта 1928 г. ..., когда в газетах было опубликовано сообщение прокурора Верховного суда, в котором как уже о точно установленном факте говорилось о раскрытии «контрреволюционной организации, поставившей себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности», Политбюро приняло решение отложить пленум до 5 апреля и послать в Донбасс уполномоченных ЦК Томского, Молотова и Ярославского. Перед ними была поставлена задача ознакомиться с положением дел на месте и представить материалы для работы комиссии Политбюро по шахтинскому делу... Если между Сталиным и Рыковым действительно существовали определенные разногласия по «шахтинскому делу», то состав комиссии был в пользу Сталина, – Молотов и Ярославский являлись его сторонниками. Правда, Рыков вполне мог надеяться на Томского. Однако эти надежды (если они и имелись) не осуществились. Томский, скорее всего не подыгрывая Сталину, а силу личных убеждений, выступил сторонником новой кампании» [Там же, с. 30].

Из записок, которыми обменялись Томский и Ворошилов 29 марта, известна крайне резкая оценка, данная Томским увиденному во время поездки: «Ворошилов. Ты один приехал? Какие районы объехал, твои впечатления, в двух словах.

Томский. Я объехал: Шахтинский район – был на двух рудник<ах>, спускался под землю; Луганск, Алчевск, Кадиева – тоже спускался вниз, был на бензольном заводе. Надувают нас кругом! Надувают инженера, надувают хозяйственники, надувают все. Наши

планы строительства утверждают французы, только рабочие везут и верят нам». Далее, как уже цитировалось ранее, Ворошилов просил Томского высказать мнение насчет реальности вредительства, что Томский подтвердил, завершив послание эмоциональной фразой: «Мое мнение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить» [Как ломали НЭП. Т. 1. С. 30].

Приведенные выше факты подтверждают уже процитированное мнение В.П. Данилова и О.В. Хлевнюка о позиции Томского в «Шахтинском деле». Вряд ли для высшего партийного руководства было неожиданным вскрытое на основе «Шахтинского дела» системное неблагополучие в сфере реальной экономики, в социальных отношениях, разложение управленческих аппаратов всех уровней «вертикали власти». Однако Томский, будучи профессиональным политиком, отдавал себе отчет в невозможности вывести на «вредительский» процесс часть коммунистов-управленцев (это произойдет в следующее десятилетие). Здесь же, в конкретной ситуации, большевистские лидеры отдали предпочтение привычному двоемыслию, смешав реальные факты с чекистскими «фактоидами» и сепарировав «спецов-вредителей» от «разложившихся коммунистов»: первых они пропустили через открытый судебный процесс, а вторых – через парткомиссии различных уровней.

«Шахтинское дело», наряду с хлебозаготовительным кризисом, занимало центральное место на апрельском 1928 г. Пленуме ЦК и ЦКК: ему посвящалось два полных рабочих дня заседаний (9 и 10 апреля). Для выступления записались 62 чел., из которых выступили 25. Ключевыми среди них были выступления членов высшего партийно-государственного руководства, входивших в состав комиссии Политбюро по «Шахтинскому делу» А.И. Рыкова, К.Е. Ворошилова, В.В. Куйбышева, В.М. Молотова, И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе, М.П. Томского, партийных руководителей Северо-Кавказского края А.А. Андреева и Украины Л.М. Кагановича, хозяйственных руководителей К.В. Сухомлина, Г.И. Ломова, М.Л. Рухимовича, председателя отраслевого профсоюза И.И. Шварца и секретаря партколлегии ЦКК Е.М. Ярославского.

Главная роль на пленуме была отведена А.И. Рыкову. Ему как основному докладчику предстояло аргументировано представить две главные составляющие «дела» – криминальную и политическую. При этом ответ на вопрос о причинах «Шахтинского дела» («кто виноват») требовал однозначного определения вины одних (арестован-

ных) и меры ответственности других (управленцев разных уровней). В преамбуле своей речи Рыков фактически снял вопрос о неправомерности «Шахтинского дела», напомнив, «что даже в рядах партии у некоторых товарищей не только в момент раскрытия заговора, но и после этого сложилось убеждение об искусственном «раздувании» этого дела. Я лично наблюдал такого рода «убеждения» или «предубеждения» у ряда товарищей.

Теперь, после раскрытия шахтинского дела, прошел уже значительный срок, и мы имели возможность произвести дополнительную проверку достоверности следственных материалов. В частности, мы проверили ГПУ через тов. Крыленко. Тот, кто знает взаимоотношение этих органов, возглавляемых товарищами Менжинским и Крыленко (смех), тот вполне представит себе всю серьезность этой проверки. Кроме того, положение в Донбассе было проверено на месте такими товарищами, как Томский, Молотов, Ярославский и другими.

Какой вывод нужно сделать из этой очень основательной проверки? Главный вопрос заключается в том, что дело не только не было раздуто, но что оно больше и серьезнее, чем можно было ждать при раскрытии его. В основном подтвердилось то, что группа привилегированных в прошлом специалистов, из которых многие раньше были собственниками предприятий, группа, связанная с бывшими владельцами, занималась вредительской работой не только в Шахтинском районе, но и во всем Донбассе. Эта группа была связана с контрразведкой, именно с польской контрразведкой» [Там же, с. 156].

Рыков использовал в докладе показания арестованных работников «Донугля», главным образом, Д.М. Сущевского и Ю.Н. Матова. Вторя чекистам, он утверждал, что «по имеющимся сведениям, вредительская группа составляет приблизительно около 10% всего состава специалистов Донбасса».

Говоря о политической стороне проблемы, Рыков поставил в центр своего анализа дееспособность в Донбассе т. н. треугольника (взаимоотношения между хозяйственными, профсоюзными и партийными организациями) и сделал нелицеприятный вывод: «верхушки профессиональной, партийной и хозяйственной организаций, в сущности, срослись вместе под «диктатурой» хозяйственников, которая была обусловлена удельным весом их в Донбассе. (Ведь многие из партийных органов жили на смете Донугля...) Произошло сращение верхушек и отрыв от широкой рабочей массы» [Там же, с. 162].

Оценивая возможные внешнеполитические последствия «Шахтинского дела», Рыков сделал весьма примечательное заявление относительно соотношения политики и норм закона: «Вообще говоря, политическая партия должна подчинять те или иные процессы вопросам политики, а вовсе не руководствоваться абстрактными принципом наказания виновных по справедливости. Если нам выгодно, то можно, конечно, и заведомых жуликов оставлять на свободе. Ничего преступного, с точки зрения интересов рабочего класса, в этом нет. И к вопросу об аресте немцев нужно подходить не только с точки зрения интересов нашей уголовной практики или принципа "справедливости", столько с точки зрения нашей "большой" политики. Нам казалось, что, поскольку у иностранных специалистов, привлекаемых к работе у нас, выходит "смычка" с заговорщиками против советской власти, то где-нибудь надо ударить так, чтобы другой раз не было повадно. Раз доказаны факты, что наши попытки использовать заграничную технику и заграничный капитал для индустриализации страны используются для вредительства, то тут, ясное дело, ударять нужно, и мы ударили обоснованно с точки зрения судебного порядка» [Там же, с. 159].

В итоге пленум принял резолюцию по докладу комиссии Политбюро «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства», которая являла собой своеобразный компромисс, где «правые» в известной степени смягчили сталинско-молотовский радикализм по отношению к «старой» производственно-технической интеллигенции. В разделе об отношении к специалистам сформулирована без использования словосочетания «буржуазные спецы» достаточно сбалансированная установка: «Беспощадно карая злостных саботажников и вредителей, необходимо вместе с тем улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов. Всемерному привлечению к производственно-технической работе добросовестно работающих квалифицированных специалистов ни в коем случае не должно мешать наличие в их среде таких настроений и предрасудков, которые все еще являются неизбежным наследием прошлого, пережитками буржуазного строя. Борьба со спецееством, хотя и значительно ослабленным работой партии и профсоюзов, должна и впредь вестись со всей последовательностью и твердостью».

Однако компромисс внутри политического руководства, основанный на желании провести политический процесс против «вредите-

лей», не нарушив при этом серьезно социальное равновесие в обществе, просуществовал недолго. Выступая 13 апреля 1928 г. на собрании актива московской партийной организации с докладом по итогам Пленума, И.В. Сталин, фактически повторив текст своего выступления на пленуме, теперь публично сделал ряд громких политических заявлений в русле теории «дальнейшего обострения классовой борьбы»: «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних... Факты говорят, что шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью». При этом Сталин явно задел «правых» за их «непонимание» «сути дела»: «Есть товарищи, которые считают шахтинское дело случайностью. Они обычно говорят: мы порядком здесь прозевали, не доглядели, но если бы не дали зевка, то никакого шахтинского дела не было бы у нас». Именно в этой речи он употребил одно из самых известных своих выражений: «Говорят, что невозможно коммунистам, особенно рабочим коммунистам-хозяйственникам, овладеть химическими формулами и вообще техническими знаниями. Это неверно, товарищи. Нет в мире таких крепостей, которые не могли бы взять трудящиеся, большевики (Аплодисменты)». Тем самым И. Сталин очевидным образом нацеливал большевистский актив на выявление «вредителей» в среде технической интеллигенции, нагнетая «спецедеческие» настроения на производстве и в обществе.

Принятие ключевого решения о проведении открытого судебного-политического процесса потребовало конкретных шагов по его реализации. Политические процессы имели для большевистского режима особое значение и смысл, поскольку в них перекрещивались различные аспекты внешней и внутренней политики, экономика, идеология и массовое общественное сознание. Создаваемые для их подготовки и проведения комиссии занимали промежуточное положение между «сиюминутными» и постоянными комиссиями, которые создавались в Политбюро для решения разных задач. Подобные комиссии обладали функциональной и кадровой мобильностью (допускалась их трансформация, создание подкомиссий, замены в составе и т. д.). Этими характеристиками в достаточной мере обладала комиссия Политбюро по «Шахтинскому делу» (март-май 1928 г.).

Отложившиеся в т. н. тематических делах делопроизводства Политбюро документы, связанные с подготовкой и проведением Шахтинского судебного политического процесса, содержат необходимую

информацию о создании и решениях профильной комиссии. В строго бюрократическом смысле комиссий Политбюро было две. Первая из них, созданная в начале марта 1928 г. и ликвидированная постановлением Политбюро от 17 апреля того же года имела своим предназначением выработку принципиальных политических решений о направленности и формате предстоящего процесса. Кроме того, она должна была оперативно решать возникавшие по мере развития событий внутри- и внешнеполитические проблемы. 17 апреля произошла трансформация комиссии в орган, контролировавший собственно предпроцессную подготовку. Политбюро не принимало решения о роспуске этой комиссии, последнее протокольно зафиксированное заседание датировано 7 мая 1928 г., т. е. до начала судебного процесса.

Инициатива создания комиссии исходила от И.В. Сталина и В.М. Молотова при неоднозначном отношении членов Политбюро к чекистской информации о «вскрытом заговоре» в Шахтинском районе Донбасса. Как уже отмечалось выше, сталинско-молотовский тандем своей активностью не только перевел данный сюжет из чекистской «тени» в политическую плоскость, но и вовлек в это действие будущих «правоуклонистов». Принцип разделения ответственности вскоре испытали на себе и Рыков, и Томский, и Бухарин, и Куйбышев, которым пришлось немало потрудиться для публичного обоснования новаций во внутренней политике в связи с «Шахтинским делом».

Работа комиссии вплоть до ее реорганизации 17 апреля носила прагматично-рутинный характер. Шлифовалась информационная составляющая публичных документов и материалов. Устанавливались границы арестов и репрессий в отношении ИТР и управленцев, дабы не нарушить работу в Донбассе. Решался вопрос об арестах немецких специалистов и т. д. В течение полутора месяцев работы комиссии и выделенных рабочих групп (подкомиссий) протокольно зафиксировано около десяти заседаний в расширенном или узком составе. Состав комиссии по мере расширения круга обсуждаемых на ней вопросов увеличивался: 5 марта в нее были введены В.Р. Менжинский (ОГПУ), Н.М. Янсон (наркомюст), 21 марта в заседании участвовали введенные в комиссию наркомы Г.В. Чичерин и К.Е. Ворошилов, И. и С. Косиоры. К этому времени в состав комиссии был введен и будущий государственный обвинитель на процессе Н.В. Крыленко. За идеолого-политическую составляющую будущего процесса отвечали Сталин, Молотов и Бухарин, которые готовили



программные документы (извещение Прокуратуры СССР, закрытое письмо ЦК партийным организациям о предстоящем процессе). Подкомиссия в составе Н.М. Янсона, В.Р. Менжинского и В.В. Куйбышева дифференцировала арестованных специалистов по группам, обсуждая возможность освобождения части из них из-под ареста. Подкомиссия под руководством Молотова с участием М.П. Томского, Е.М. Ярославского и С.В. Косиора готовила резолюцию по Шахтинскому вопросу для апрельского 1928 г. Пленума ЦК партии. Н.В. Крыленко координировал действия украинских и ростовских чекистов для завершения предварительного следствия и подготовки обвинительного заключения. Последнее из решений комиссии в этом составе состоялось 11 апреля, когда опросом было утверждено предложение Крыленко о корректировке сроков подготовки обвинительного заключения и начала процесса.

17 апреля Политбюро приняло решение о ликвидации комиссии в прежнем ее виде и создании новой для решения вопросов, непосредственно связанных с организацией судебного процесса, оставив А.И. Рыкова в качестве руководителя. Протокол зафиксировано три ее заседания (20 апреля, 5 и 7 мая), хотя, возможно, их было больше. Прослеживается четкая преемственность реорганизованной комиссии с предыдущей как по составу, так и по кругу рассматривавшихся вопросов, где, наряду с прагматикой и рутинной проходило согласование аспектов дипломатии, идеологии, экономики, межведомственных интересов и амбиций. Отдельного внимания заслуживает конфликт между Я.Э. Рудзутаком, который замещал Рыкова на завершающей стадии подготовки процесса, и Н.В. Крыленко уже в период самого процесса (конец мая) по вопросу о количестве немцев, которых следует привлечь в качестве обвиняемых на процессе. Разумная прагматическая позиция Рудзутака, который полагал, что не следует арестовывать еще двух немцев и тем самым обострять ситуацию, получила поддержку Политбюро.

Примечателен факт, что комиссия практически не действовала во время процесса. Возможно, высшее политическое руководство сочло, что процесс шел в ординарном порядке и не требовал серьезных корректив. И хотя сама работа комиссии находилась в тени, именно она задавала тональность и масштабы публичной политической кампании.

## **2.5. Идеолого-пропагандистский контекст «Шахтинского дела»**

Организация Шахтинского процесса прямо связана с началом нового этапа не только политической, но и идеологической истории советского государства. На смену идеям о постепенном изживании классовых противоречий пришли «Великий перелом» и постулат об обострении классовой борьбе по мере продвижения к социализму. В статье государственного обвинителя на процессе Н.В. Крыленко «Уроки Шахтинского дела», разъясняющей значение процесса и пересказывающей простым и ярким, образным языком содержание обвинительного заключения, прямо говорилось, что эти документы (заключение и приговор) являются «орудием фактического доказательства того, как много окружает нас врагов, на какие дьявольские козни они способны и с какой тем большей настороженностью и чуткостью должен относиться всякий сознательный пролетарий к окружающей его обстановке, окружающим его людям и собственному своему делу» [Экономическая контрреволюция..., 1928, с. 55]. Процесс по делу инженеров Донбасса продемонстрировал советскому обществу одну из «противостоящих» ему сил – «старую», или «буржуазную», интеллигенцию, которая вместе с нэпманами и «кулаками» представляла «классово чуждые» элементы. В конце 1920-х гг. именно они были избраны в качестве внутренних «врагов».

Выявление «классово чуждого» характера привлеченных по делу, а затем выведенных на процесс специалистов стало одной из главных задач следствия и суда. С этой целью использовались традиционные для советского способа социальной идентификации вопросы о социальном происхождении, о занятиях до революции, о размере доходов и собственности, об участии в Первой мировой и Гражданской войнах, в деятельности политических партий и других общественных организаций. Кроме того, обвиняемым задавались прямые вопросы об их отношении к большевикам. Большинство из них отвечали, что до 1922, 1923 гг. сомневались в прочности новой власти и были чрезвычайно недовольны разрухой на шахтах и собственным бедственным положением, но потом стали воспринимать советскую власть как соответствующую интересам России. Впрочем, их ответы мало влияли на позицию карательных органов, которые оценивали ситуацию, исходя из прямолинейной схемы марксизма о зависимости сознания от бытия и о неизбежной функции интеллигенции отражать

интересы господствующего класса. Их оценка представлена в первой главе обвинительного заключения по делу «Исторические причины, толкнувшие верхушку инженерства на путь контрреволюции», которая открывается разделом «Идеология инженерства». Соответствующий пассаж об идеологических причинах вредительства присутствует и в приговоре по делу. Было выделено три главные причины: 1) часть инженеров, сами в прошлом акционеры донецких шахт, продолжали поддерживать тесную связь с бывшими хозяевами; 2) «идейное классовое единство с буржуазией и наличие старых психологических навыков»; 3) ухудшением материального положения инженерства в первые годы советской власти [Там же, с. 101].

Более подробные характеристики были даны в популяризирующих итоги процесса статьях Н.В. Крыленко. Вероятно, еще не догадываясь, что «вредители» проникли во все сферы советского хозяйства и культуры, Крыленко пытается ответить на вопрос, почему же именно горное инженерство вступило на путь контрреволюции и чем определяется его классовая враждебность пролетариату. Предложенная Крыленко версия о том, что высококвалифицированная производственная интеллигенция была особенно близка к буржуазии (десятки лет училась «в специальных буржуазных высших учебных заведениях, с их специфической программой идеологического воспитания для службы у буржуазии и десятки лет прямой работы вместе с буржуазией, рядом с буржуазией, под указку буржуазии, для интересов буржуазии») [Там же, с. 57]; имела высокие доходы, потому что собственники были весьма заинтересованы в их услугах; занимала начальственные посты и потому относилась к рабочим как к одному из ресурсов (организаторы процесса с удовольствием переняли выражение, использованное обвиняемым Н.Е. Калгановым для характеристики роли инженеров в отношениях между хозяевами шахт и рабочими, – «обер-офицеры капитала»), конечно же, определялась его марксистским мировоззрением. Вместе с тем, он верно зафиксировал привилегированное положение производственной интеллигенции, специфику ее корпоративного сознания, которые в 1930-х гг. нивелируются с остальными группами специалистов и потому будут практически неуловимы для наблюдателя.

Шахтинский процесс оказался рубежным для формирования нового советского идеологического концепта – «вредитель», «вредительство». Сам термин «вредительство» появился в 1926 г. для обозначения состава преступления седьмого пункта 58-й статьи нового

Уголовного кодекса РСФСР, но наполнение его смыслом связано именно с Шахтинским процессом. Созданный в ходе процесса и сопровождавшей его кампании образ «вредителя», по крайней мере, до середины 1930-х гг. был прочно связан с интеллигенцией. Образом для последующих процессов послужила даже периодизация «вредительской» деятельности донецких инженеров, которая накладывалась на соответствующие этапы экономического и политического развития СССР: 1921–1923 гг. – индивидуальное мелкое вредительство, направленное на сохранение ресурсов в ожидании возвращения хозяев; 1923–1925 (1926) гг. – начало планомерной вредительской деятельности, создание условий для передачи шахт в концессии бывшим владельцам и иностранцам; 1925–1927 гг. – централизованная активная вредительская деятельность после разрушения надежд на постепенное перерождение советской власти, подготовка интервенции.

Образ «шахтинца» (и образ «вредителя» в целом)\* представлял «врага» второго уровня. «Враги» первого уровня также присутствовали на протяжении всей кампании, но они, как и предполагается, либо имели абстрактный характер (мировой капитализм), либо находились так далеко (эмигрировавшие шахтовладельцы, польская контрразведка), что уровень реальной опасности, исходившей от них, значительно снижался. Как и всегда, при создании образа «врага» сталкивались две противоположные тенденции. С одной стороны, он должен был представлять смертельную угрозу для общества, иначе его образ как врага был бы малоубедительным. Немало сил и красноречия было потрачено, чтобы доказать, что «шахтинцы» представляли смертельную угрозу для рабочего класса. Выше уже говорилось о классовой противоположности рабочих и «буржуазных специалистов» как о причине неискоренимой ненависти со стороны последних. Большое значение имело изображение «враждебной деятельности» как всепроникающей и в то же время как незаметной, скрытой и потому чрезвычайно опасной («Тихой сапой» так назвал свои зарисовки с процесса известный журналист А.Д. Аграновский, оценивая «Шахтинское дело» как форму экономической интервенции, а «шахтинцев» как диверсионный отряд мирового капитала) [Там же, с. 38–54]. С другой стороны, демонизация противника уг-

---

\* При его анализе мы использовали классификацию и характеристики, предложенные [Гудков, 2005].

рожала не только возникновением нежелательных панических настроений, но и своеобразной отрицательной героизацией его. Образ «врага», и особенно внутреннего, как представляющий альтернативу сложившейся в обществе системе ценностей не должен быть привлекательным пусть даже в отрицательном смысле. Главным способом снижения его привлекательности является карикатурное изображение и наделение неприятными чертами. Характерный для советского общества антиинтеллектуализм не мог быть открыто поддержан властью, позиционирующей себя как основанной на рациональной философии (хотя в карикатурном изображении «вредителей» все же, как правило, присутствовали подчеркнута преувеличенные типичные интеллигентские черты: очки, костюм, лысина), поэтому в идеологии использовался прием противопоставления образованности, внешней культурности «шахтинцев» и их этической несостоятельности, главным признаком которой называлось грубое отношение к рабочим.

Другой аргумент в пользу уничтожения «вредителей» – это их идеолого-политическая несамостоятельность, зависимость от «хозяев», холуйство, жадность до денег. Вот как, объединив эти черты, Н.В. Крыленко характеризует обвиняемых в статье «Класс против класса», используя при этом слова со сниженной стилистической окраской: «Взяточники и хищники, привыкшие еще со времен царизма не выпускать из рук того, что в руки само плывет, и прикармливать то, что плохо лежит, люди с чрезвычайно пониженной работой этических задерживающих центров, мордобойцы и контрразведчики, жадные прежде всего до денег и материального достатка, готовые валяться в любой момент в ногах того, чью силу и кнут они почувствовали, и лобызать руки, которые только что надавали им пощечин...» [Там же, с. 8]. Далее Крыленко не стесняется обвинить несчастных людей, вынужденных давать признательные показания против себя и других, в предательстве (отчасти объясняя таким образом несколько провалов обвинения в ходе процесса): «...изолгавшиеся в конце, способные предавать и продавать всех тех, с которыми еще вчера они рука об руку делали грязное контрреволюционное дело, готовые не только слезами раскаяния, но и словами лжи и вымысла, предательством и оговором невинных спасти себя» [Там же, с. 9], – и даже счел возможным признать мужество обвиняемого Н.Н. Горлецкого, защищавшего на суде свои убеждения, чтобы подчеркнуть тем самым ничтожность остальных.

Шахтинская кампания относится к числу пропагандистских акций, которые контролировались на уровне Политбюро ЦК ВКП(б), а внутри него – специальной комиссий. Несомненно, одним из наиболее важных направлений работы комиссии стала подготовка программных идеологических документов, в которых были обозначены цели и содержание кампании. В их создании принимали непосредственное участие Бухарин, Сталин, Молотов, Рыков. Эти документы в большинстве случаев имели две версии: первая предназначалась для общего пользования, публиковалась в общедоступной периодической печати, вторая имела ограниченный круг адресатов, как правило, включавший коммунистов, руководителей-хозяйственников, советских, профсоюзных работников, пропагандистов и т. п. Однако, как видно из перечисления, этот второй круг не был узким, а информация, которую они получали, не являлась в строгом смысле секретной. Так, например, несмотря на то, что полная версия письма ЦК ВКП(б) «Об экономической контрреволюции в южных районах угольной промышленности» от 7 марта 1928 г., включавшая, помимо идеологического текста, опубликованного в виде передовой статьи «Правды» (1928. 10 марта), обзор Ростовского ПП ОГПУ о результатах первого этапа следствия, имела гриф «Строго секретно», содержание письма было изложено Рыковым на пленуме Моссовета, Г.К. Орджоникидзе на собрании выпускников вузов Москвы, подобные доклады состоялись на профсоюзных съездах и совещаниях, на собраниях местных партийных и советских активов.

Практика, когда секретными объявлялись документы, изначально предназначенные для широкого распространения, использовалась очень долго. Достаточно вспомнить самый яркий пример: доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, который формально вплоть до конца 1980-х гг. оставался секретным, но фактически его содержание, обсужденное на заседаниях всех партийных ячеек и совещаниях разного рода активистов, могло оставаться тайной только для ленивого. Подобная практика, на наш взгляд, имела свой смысл и исторические корни. Она основывалась на дореволюционном, а затем и подкрепленном фракционной борьбой в 1920-е гг., самовосприятии большевиков как своеобразного ордена меченосцев и идущем от него стремлении к секретности, выделении своего, пусть уже ставшего очень широким, круга из общества в целом. Но не менее значимой представляется другая причина: стремление оказать дополнительное идеолого-пропагандистское воздействие на те группы, которые

власть рассматривала в качестве своей социальной и политической опоры и в качестве агентов влияния в других группах\*. Этот тезис подтверждается изданием идеологических документов, которые имели цель разъяснить содержание официальных документов. Так, например, уже опубликованный в «Правде» текст обвинительного заключения был разослан по партийным организациям в сопровождении статьи Н.В. Крыленко «Уроки Шахтинского дела», в которой автор доступно и красочно изложил значение и смысл «Шахтинского дела», нарисовал образы «шахтинцев» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 330. Л. 16–130 об.).

Под контролем Политбюро ЦК ВКП(б) было организовано несколько пропагандистских акций, которые не исчерпывали всего спектра мероприятий кампании, но уже традиционно решали две главные задачи. Во-первых, в соответствии с привычными для большевиков представлениями о способах преодоления кризисных ситуаций главные силы должны были быть и были направлены на ликвидацию обнаруженных «прорывов» (такowymi в «Шахтинском деле» власть, очевидно, считала проблемы в Донбассе и влияние «старых спецов» в среде производственной интеллигенции). Во-вторых, Политбюро должно было задать вектор кампании, определяя посредством передовых статей и других идеологических документов ее содержание, а формы ее реализации на местах почерпывались из привычного арсенала пропагандистских средств. Работавшие в Донбассе московские эмиссары М.П. Томский, В.М. Молотов и Е.М. Ярославский, помимо посещения предприятий и проверки работы профсоюзных, партийных, хозяйственных и других организаций, много выступали на собраниях местного актива, среди шахтеров, давали (хотя и крайне дозированные и только санкционированные) интервью местным газетам и ТАСС. Политбюро приняло непосредственное участие в подготовке и проведении собрания специалистов Москвы: комиссия Политбюро утвердила проект резолюции собрания (Там же. Л. 32–34), отсутствие немедленной информации о состоявшемся собрании в «Правде» и «Известиях» стало причиной принятия постановления Политбюро по этому поводу (Там же. Л. 39). По образцу

---

\* Многие исследователи вполне обоснованно полагают, что в первые десятилетия советской власти пропаганда оказывала реальное воздействие на достаточно узкий круг, но этого было достаточно, поскольку люди, входившие в него являлись проводниками советской политики в деревне и в городе. – См. об этом: [Гудков, 2005, с. 55; Kenez, 1985, p. 3].

собрания московской производственной интеллигенции состоялись собрания в других регионах страны.

Однако основной заботой комиссии Политбюро, конечно же, оставалась подготовка судебного процесса, который являлся кульминацией кампанией. Имеющиеся в архиве Президента РФ документы свидетельствуют о тщательном выборе даты и места проведения процесса, состава суда, кандидатур государственных и общественных обвинителей, редактировании информационных и аналитических сообщений, текстов обвинительного заключения и приговора.

Анализ ряда ключевых аспектов идеолого-пропагандистской составляющей Шахтинского судебно-политического процесса показывает, что он не был случайностью в череде политических событий конца 1920-х гг., когда осуществлялся выбор между возможными альтернативами развития. Внимание, которое высшее политическое руководство страны, придало рядовому делу о хозяйственных нарушениях, свидетельствовало о том, что такой выбор наметился и был он сделан не в пользу «гражданского мира», а «гражданской войны» со всей сопутствовавшей этому воинствующей риторикой о «прорывах» на всевозможных «фронтах» – хлебозаготовительном, угольном, культурном и т. д.

### **Последствия Шахтинского процесса**

Прямые и непосредственные результаты Шахтинского процесса стали очевидны в ходе обсуждения ситуации в угольной промышленности Донбасса на заседании Политбюро 31 декабря 1928 г. Основным докладчиком на нем выступал руководитель треста «Дон-уголь» Г.И. Ломов, содоклад сделал председатель ЦК Союза горнорабочих И.И. Шварц, в обсуждении приняли участие и высказали свою позицию представители т. н. треугольника – хозяйственных, профсоюзных и партийных организаций регионального и центрального уровней – от нового руководителя рудоуправлений Шахтинского округа В.М. Бажанова до И.В. Сталина. Производственные показатели работы треста за 1927/28 хозяйственный год, особенно во втором полугодии, который пришелся на весну – лето 1928 г. ухудшились: выросла себестоимость добычи угля при снижении производительности труда и падении темпов угледобычи.

В качестве основных причин назывались резкое падение трудовой дисциплины и просчеты в работе управленческих звеньев. Осложняющим фактором считалась радикальная реорганизация системы



управления треста, ее децентрализация. При этом дало о себе знать ставшее традиционным противостояние управленцев и «профессионалистов»: первые усматривали в качестве фактора дезорганизации производства поведение рабочей массы и «хвостизм» профсоюзов, тогда как вторые акцентировали внимание на просчетах управленцев, «неправильном руководстве». В то же время все выступавшие, представители разных сторон «треугольника», были единодушны в том, что падение производства явилось прямым следствием «Шахтинского дела». Именно оно называлось первопричиной проявившегося с весны 1928 г. системного «сбоя» на производстве, поскольку на этой основе резко выросли напряженность и конфликты в сфере социально-трудовых отношений, произошло нарастание «спецедействия».

И управленцы, и «профессионалисты» фиксировали наличие нескольких разрывов в цепи управления производством: между руководством, специалистами, низшим техническим звеном (десятники) и рабочими. Фактически руководители оказались перед фактом, что многие казавшиеся правильными расчеты оборачиваются просчетами и ошибками, поскольку их директивное воплощение в практику дает противоположные результаты. Изъятие путем репрессий «спецов-вредителей» не сопровождалось их адекватной заменой молодыми, «красными» спецами. Быстрое и масштабное выдвиженчество из среды рабочих на управленческие и низшие технические должности привело не к укреплению, а дезорганизации производства. Г.И. Ломов признал, что замена руководящего состав «чрезвычайно часта и вредно отражается на производстве» (Стенограммы заседаний Политбюро..., 2000, с. 29). На рудниках Шахтинского района в течение трех месяцев с начала кампании административно-технический персонал всех уровней обновился на 80 %: «часть [...] выбыла вследствие ареста, часть в порядке устранения с работы после ареста, несмотря на освобождение, часть в порядке замещения вновь выдвинутыми работниками» (Там же, с. 63). Новый руководитель рудоуправлений этого района В.М. Бажанов считал именно этот фактор основной причиной сбоя в управлении производством: «Самый факт смены 80 % административно-технического персонала на крупнейших шахтах и выдвижение неподготовленных зачастую десятников (из 180 выдвиженцев мы имеем 120 выдвиженцев-десятников) это привело к некоторому разрыву в руководстве производственным процессом» (Там же). Всего же в масштабах треста, по данным Ломова, с апреля 1928 г. было выдвинуто более 600 чел.

(Там же, с. 29). Председатель СНК Украины В.Я. Чубарь констатировал: «Изъятие техников произвели, а заполнение технических должностей не произвели, а там, где произвели, там техники не всегда соответствуют своему назначению и находятся в таком положении, что при любом резком распоряжении их называют шахтинскими вредителями. Снижение роли и влияния управляющего аппарата, безусловно, имеет место» (Там же, с. 66).

Кампания по борьбе с вредительством привела к падению авторитета инженерно-технического персонала в рабочей среде, правомерные решения и приказы специалистов оспаривались рабочими, фиксировались не единичные, а устойчивые не только нападки, но и нападения на технический персонал. Ломов привел, в частности, сведения ГПУ Артемовского округа о том, что только за ноябрь 1928 г. по округу было зафиксировано «28 случаев резких эксцессов против технического персонала» (Там же, с. 28).

«Старые печи» мгновенно ощутили на себе «смену вех» в партийном руководстве. Репрессии и и-фобия, взаимно подпитывая друг друга, вызывали протестные настроения в среде специалистов, не носившие, впрочем, какого-либо организованного характера. В подавляющем большинстве сводок ОГПУ 1928 г. о настроениях в этой среде в связи с «Шахтинским делом» отмечено практически единодушное мнение, что «дело» инспирировано ГПУ и имеет своей целью канализировать широкое недовольство рабочих своим положением и проводимой властью экономической и социальной политикой. Однако лишь немногие, такие как упомянутый Рыковым известный металлург проф. В.Е. Грум-Гржимайло, решились открыто высказывать свою позицию. Обращаясь в июне 1928 г. к руководству ВСНХ, он писал: «Настоящее подлинное вредительство есть легенда, а имел место только шулерский прием. Как отнеслись к этому большевики? Спокойно? Как к простой проделке шулеров? Нет. Они раздули шахтинское дело. Сделали из него мнимую угрозу срыва всей нашей промышленности, взяли под подозрение всю интеллигенцию, арестовали множество инженеров, возбуждают серию дел».

В ходе совещания проявились очевидные разногласия в оценке состава «вредителей» и мотивации их поведения. Управленцы как о данности говорили о том, что некоторые рабочие сознательно портят и выводят из строя технику и оборудование, и об устойчивости такого рода действий. В свою очередь, «профессионалисты» считали необходимым проведение градации между «хулиганством и вредитель-

ством» и требовали искать и выявлять «белогвардейцев», проникших на производство, в т. ч. в среду рабочих.

Принципиальное значение имело выступление на совещании при подведении итогов И.В. Сталина, давшего свое видение «уроков шахтинского дела»: «Конечно, результаты шахтинского процесса не могли не нанести удар по хозяйственникам в смысле замены старых спецов новыми. Спецы нужны. Ясно, что одни коммунисты не могут управлять Донбассом, это ясно, некоторая руководящая роль у спецов остается и будет оставаться, потому что мы не можем заменить их коммунистами. Шахтинский процесс, кроме того, что он внес очищающую атмосферу в Донбасс, вместе с тем имел и свои минусы. Тут в некоторых речах проглядывали такие нотки, что шахтинский процесс был не нужен. Шахтинский процесс дал новую установку по всей промышленности, он поднял бдительность наших хозяйственных и партийных организаций, наших органов соввласти. Мы после того, как этикие начинания со стороны наших врагов открыли, стали думать о том, чтобы выработать новые кадры из рабочего класса. Конечно, у нас сейчас есть некоторая мобилизация сил в смысле усиления выработки новых кадров, у нас есть поворот внимания рабочих, их доверия к власти, к хозяйственникам. Мы должны знать, что ежели спецы предавали, а рабочие это чутьем видели, а мы молчали, это не могло не отразиться на усилении недоверия рабочих к власти. Это безусловно. Если этот минус вычеркнуть, то общий баланс от шахтинского процесса, безусловно, положительный. Он сделал свое дело в том смысле, что наши хозяйственные органы в Донбассе слабы, мало распорядительны, не сумели перестроиться и дать замены тем техническим силам, которые выбыли из строя ввиду шахтинского процесса» (Там же, с. 70).

Логика сталинских оценок с разделением на минусы и плюсы итогов, уроков и последствий Шахтинского процесса имела под собой вполне очевидные политические основания. Именно в этом контексте – с точки зрения интересов и приоритетов власти – и был выполнен сталинский анализ, и именно как политик он усматривал основной минус в падении авторитета власти в рабочей среде. Как опытный политик он отдавал отчет в том, что это может весьма неприятные для власти последствия, в числе которых протестные формы недовольства – забастовки рабочих. Не случайно часть своего выступления Сталин посвятил вопросу, как исключить подобные эксцессы на производстве и сформировать производственные отноше-

ния, адекватные «социалистическому» характеру самого производства: надо «вдолбить в голову всех рабочих, что предприятие наше есть социалистическое предприятие» (Там же, с. 73), где рабочие ощущали бы себя «гегемоном». При этом он ставил в вину управленцам пренебрежение интересами и мнением рабочих: «Если нет отношения у некоторых хозяйственников или спецов к рабочим как к людям господствующего класса, т. е. которых не надо убеждать, требование которых нужно выполнять [...], какое же это отношение к рабочему, как не к вещи?» (Там же, с. 72).

Сталин, однако, отнюдь не идеализировал рабочих, выделяя в них кадровую, «сознательную» часть, «отсталую» часть и новое пополнение. Однако это разделение Сталин очевидным образом использовал, списывая на последних протестные действия, «спекедчество» и т. д. Зная все серьезные издержки проводимой политики (социальные дисбалансы, рост напряженности в обществе, сбои в производстве и т. д.), Сталин верил в преимущества конфликтной консолидации «мы – они», позволявшей получить руководству страны мощный мобилизационный ресурс и обеспечить соучастие низов в проводившейся внутренней и внешней политике. Придав социальным конфликтам остро публичный характер, большевистское руководство (даже при наличии внутренних разногласий) фактически стимулировало фронтальную конфронтацию «все против всех»: управленцы-хозяйственники против «профессионалистов», рабочие против «спецов», выдвиженцы против технических кадров, – надеясь при этом сохранять контроль над ситуацией. Руководство страны, вставшее на путь конфронтационной мобилизации в кратковременной перспективе, безусловно, добилось требуемых результатов: конфликты были загнаны вглубь. Однако сталинский оптимистичный вывод, что Шахтинский процесс «внес очищающую атмосферу в Донбасс», очевидным образом контрастировал с реальной обстановкой в регионе, зафиксированной в постановлении ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. «О задачах угольной промышленности Донбасса», в котором констатировалось, что «происходит ослабление руководства в бассейне; увеличение хвостистских настроений среди местных профсоюзных и партийных организаций и подлаживание их под настроения отсталых групп рабочих; возрождение спекедческих настроений среди отдельных рабочих; падение трудовой дисциплины как среди рабочих, так и среди технического персонала и низшего надзора; увеличение прогулов и ослабление работы по производ-

ственному воспитанию вновь пришедших на производство кадров рабочих; ухудшение как количественных, так и качественных показателей работы Донугля [...]» (Там же, с. 78).

Последствия Шахтинского процесса имели как очевидный, публичный, так и скрытый, латентный характер. Очевидные, или общепризнанные, состоят в том, что метод конфронтационной консолидации стал приоритетным и универсальным инструментом во внутренней политике, а «вредительские» политические процессы стали серийными, или матричными. Номенклатура извлекла практический урок из кризиса как опыта преодоления угрозы потери управляемости (эмоционально выраженный М. Томским – «Надувают нас кругом!», в Донбассе «мы не только не управляли, но и не правили»), взяв для корпоративной консолидации на вооружение мессианский призыв Сталина о всесиилии партии: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики-рабочие». Корпоративные связи и солидарность внутри групп специалистов были частично разорваны, частично деформированы. Ощутимо возросло влияние спецорганов не только на жизнедеятельность социума, но и на подготовку и принятие важнейших политических решений.

К числу скрытых результатов, или уроков, Шахтинского процесса относится осознание необходимости более тщательного определения пределов, возможностей и последствий реализуемых на практике политических решений. Стратегическое решение перенаправить в безопасное для режима русло накопившийся в низах (прежде всего в рабочей среде) протестный потенциал на практике вышло из-под контроля и привело к кризисам управления на производстве. Потребовалось применение непопулярных экономических, административных и репрессивных мер для восстановления «дошахтинского» уровня управляемости в сфере материального производства. Неадекватность кадровых замещений обвиненных во «вредительстве» специалистов выдвиженцами также показала пределы применения массовых арестов и повлекла за собой практику освобождений определенной части профессионалов, необходимых для устойчивого функционирования отраслей экономики.

Документы позволяют показать конкретное воздействие политики на судебно-правовую систему и, шире, раскрыть механизм того, как репрессивная политика становилась инструментом регуляции социальных взаимодействий с целью укрепления существовавшего режима. Нахождение «виновников» среди «классово-чуждых элементов»

(«спецы – вредители») влекло за собой поиски «виновников» внутри системы власти («разложившиеся коммунисты») и так вверх по вертикали власти до Политбюро («правуюклонисты»). Таким образом, эффект криминализации социальных отношений с неизбежностью сказался и на политической сфере. Примечательно, что последовавшая за Шахтинским процессом негласная проверка специалистов, а, фактически, фильтрация по социально-политическим критериям, начавшаяся весной-летом 1928 г., стала органичной частью проходившей в тот же период легальной т. н. генеральной чистки управленческих аппаратов всех уровней. Это дает основание считать, что Шахтинский процесс сыграл роль катализатора в проведении тотальной управленческой фильтрации, продлившейся до 1931 г.

Шахтинский процесс имел своим итогом и применение «нового метода» использования т. н. буржуазных спецов. Помимо двух магистральных приемов – «по-буржуазному» (высокие оклады, лучшие условия жизни и т. д.) и «по-пролетарски» (контроль над поведением специалистов «снизу» и «сверху»), был запущен метод «по чекистски»: осужденным специалистам давалась возможность работать в тех же областях, но под контролем ОГПУ–НКВД. За редким исключением, осужденные горняки работали в угольной промышленности, хотя и не в Донбассе (Кузбасс, Караганда, Воркута, Вишера и др.).

О масштабах репрессий против специалистов можно судить, исходя из статистики действий ОГПУ в 1928 г. в сравнении с предыдущим и последующими годами. Так, в 1927 г. спецорганами были арестованы и находились под следствием около 88 тыс. чел. Среди них служащих насчитывалось около 19 тыс. чел., в т. ч. работавших в госучреждениях и госторговле – 10,8 тыс., в добывающей и обрабатывающей промышленности – 1,4 тыс., на транспорте – 906 чел. Число лиц, арестованных органами ОГПУ в 1928 г. (вместе с теми, чьи дела рассматривались с 1927 г.), составило уже почти 149 тыс. чел. Среди них насчитывалось почти 34 тыс. служащих. Наиболее многочисленной группой оказались на этот раз арестованные в сфере транспорта (2,8 тыс. чел. из числа администрации и 9,8 тыс. служащих). Численность арестованных служащих в добывающей и обрабатывающей промышленности составила 1,57 тыс. чел., представителей администрации – 1,1 тыс. чел. Классификация арестованных по характеру преступлений не позволяет установить, какая часть служащих/специалистов привлекалась по 58-й ст., какая за должностные или хозяйственные преступления. Категория «экономическая

контрреволюция и вредительство» нашла отражение в статистике за 1930 г. (7275 чел., или 3 % от числа арестованных за «контрреволюционные преступления»). В 1931 г. по категории «контрреволюционное вредительство» проходило уже 17,8 тыс. чел. (7 % от числа арестованных по 58-й ст.). В годы «Большого террора» доля «вредителей» в общей массе арестованных как «контрреволюционеры» оставалась в пределах тех же 7 % (подсчитано по: [Мозохин, 2006, с. 271–341]). Это свидетельствовало о том, что одним из прагматичных результатов громкого показательного процесса 1928 г. стало введение арестов и обвинений во «вредительстве» в ординарную норму репрессивной практики сталинского режима.

Режимом были осознаны и просчеты в организации показательного процесса (слишком большой и разношерстный состав подсудимых, включая иностранных подданных; наличие значительной группы обвиняемых, полностью или частично не признавших свою вину; умелая профессиональная деятельность защиты, вскрывавшей просчеты предварительного и судебного следствия; очевидная декоративность группы рабочих, привлеченных в качестве членов суда и т. д.). Поэтому последующие «вредительские» процессы носили полностью постановочный, а потому и квази-судебный характер.

### **ПРОЦЕСС «ПРОМПАРТИИ» 1930 г.**

Второй «Вредительский» процесс состоялся почти два с половиной года спустя после Первого, Шахтинского и проходил в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. Судебное заседание осуществлялось специальным присутствием Верховного суда СССР под председательством А.Я. Вышинского, как и на Шахтинском процессе, государственным обвинителем в суде выступал тот же Крыленко.

Среди восьми подсудимых находились представители отечественной научно – технической интеллигенции страны, в числе которых были видные ученые, профессора Л.К. Рамзин (теплотехник), И.А. Калинин (энергетика и механика), Н. Ф. Чарновский (металлургия), А.А. Федотов (текстильная промышленность), а также известные специалисты в области топливной (В.А. Ларичев), теплотехнической (В.И. Очкин) и текстильной промышленности (С.В. Куприянов и А.А. Ситнин). Первым пяти подсудимым инкриминировалось создание «контрреволюционной вредительской организации», возникшей будто бы первоначально как «Инженерный центр», или

«Союз инженерных организаций», позднее названной «Промышленной партией», или, сокращенно, «Промпартией».

Предположительно, данное наименование мифической организации возникло в чекистской среде весной – летом 1930 г., когда таким же образом после массовых арестов ученых и специалистов в сфере аграрного производства была сконструирована «Трудовая крестьянская партия», или «ТКП», («кондратьевско – чаяновская» группа). У «истоков» «Промпартии», по версии чекистов, стояли крупные фигуры, которые к 1930 г. уже не могли быть подсудимыми, – П.И. Пальчинский (расстрелян в 1929 г.), Л.Г. Рабинович (осужден на Шахтинском процессе), С. А. Хренников (умер в тюрьме в 1929 г.), что развязывало руки создателям будущего процесса. В то же время роль «лидера партии» на процессе оставалась до середины сентября вакантной: хотя к этому времени, начиная с марта 1930 г. и летом были арестованы за «вредительство» Федотов, Ларичев, Калининков и Чарновский, однако в своих показаниях они признавались лишь в т.н. отраслевом вредительстве, не претендуя на лидерство в мифической супервредительской организации. Арестованный 13 сентября 1930 г. вскоре после возвращения из-за границы проф. Л. К. Рамзин оказался оптимальной фигурой для ключевой роли в будущем процессе как видный ученый, умелый оратор и беспринципный человек, готовый пойти на любые сделки со следствием для собственного самосохранения.

Следствие чекистов с этого момента (определение организационного ядра «отраслевого вредительства» в виде «Промпартии» и выделение ее «лидера») а также с одобрения Сталиным этой конструкции пошло крайне интенсивно. В течение двух месяцев интенсивных допросов силами двух подразделений ОГПУ (Секретного отдела и Экономического управления) был подготовлен для вывода на процесс узкий круг обвиняемых в составе названных выше восьми человек. Сталин поставил в качестве приоритетной задачи для будущего процесса «выявить» и «доказать» не просто «вредительский», а «интервенционный» характер «Промпартии». Рамзин оказался исполнителем главной роли в этом постановочном процессе.

В обвинительном заключении по делу «Промпартии» указывалось: "Преступная антигосударственная деятельность ЦК Промпартии выражалась: а) во вредительстве для создания расстройств хозяйственной жизни б) вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, метал-



лоснабжении, энергохозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях. в) в шпионской работе по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции «Торгпрома» по сообщению данных об экономике нашей страны и секретных сведений касающихся обороны в целях облегчения иностранной военной интервенции г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной армии и подготовке изменнических действий со стороны отдельных частей и командного состава – в тех же целях облегчения иностранной интервенции. д) в диверсионной работе, направленной на разрушение производительных сил советской промышленности, тыла Красной армии уже непосредственно в момент интервенции».

Еще в ходе подготовки процесса и . не останавливаясь после его завершения продолжались репрессивные действия и массовые аресты в среде научно – технической интеллигенции с целью «выявления» периферийных структур «Промпартии» по всему СССР. С этим же были связаны и так называемые отраслевые дела «Промпартии» о «вредительстве»: в угольной промышленности, в нефтяной промышленности, в металлопромышленности, в текстильной промышленности, в химической секции Госплана, в лесной промышленности, в цементной промышленности, в электротехнической промышленности, в области топливо-снабжения, в энергетической промышленности, в энергетической военной промышленности, в энергетике транспорта, в Наркомате путей сообщения, т.н. «ленинградская группа», т.н. «профсоюз инженерно-технических работников», т.н. экономической группы в ВСНХ и др. Всего же сами чекисты считали, и эту цифру озвучивал на процессе Рамзин, что в «отраслевых» организациях в центре и на периферии страны «действовало» около 2 тыс. чел.

Уже в статусе осужденных в ноябре и декабре 1930 г. Рамзин и др. дали более десятка показаний для обоснования ареста сотен ученых и инженеров, которые впоследствии осуждались во внесудебном порядке Коллегией ОГПУ. Хотя процесс «Промпартии» мог с некоторым основанием именоваться «рамзинским» по персоне главного обвиняемого на суде, однако в среде самих репрессированных по сфальсифицированным обвинениям за причастность к «Промпартии» Рамзин вызывал к себе крайне негативное отношение. Даже получив в годы войны Сталинскую премию за конструкцию уникального прямоточного котла, он был практически единодушно забаллотирован научным сообществом при попытке избрания в члены АН СССР.

При очевидных признаках сходства в организации и проведении самого процесса в сравнении с судом над «шахтинцами» (группу научно – технической интеллигенции обвиняли в создании контрреволюционной организации, вредительстве в экономике, содействии планам иностранной интервенции и др.), между ними имелись и определенные различия.

Во-первых, т.н. дело «Промпартии» содержало в качестве стержня тему интервенции, тогда как тема вредительства оказалась подчиненной главной, внешнеполитической угрозе. Соответственно, приоритеты в обвинении связывались со шпионской деятельностью обвиняемых, связями последних с эмигрантскими организациями и правительственными кругами Франции, в подготовке вредительских и диверсионных актов в случае иностранной интервенции и т.д. Во-вторых, в отличие от Шахтинского процесса с числом обвиняемых в 53 чел., на процессе 1930 г. обвиняемых оказалось лишь 8 чел., хотя масштабы массовых арестов после Шахтинского процесса в среде научно – технической интеллигенции достигли цифры около двух тыс чел. Причина столь резкого сокращения выведенных на процесс состояла прежде всего в том, что данный процесс выстраивался как полностью постановочный и срежессированный открытый процесс, где роли и функции каждого из подсудимых распределялись так, что исключались любые конфликты и нестыковки в ходе самого процесса.

С постановочным характером процесса «Промпартии» была связан и третья особенность данной акции: это был первый опыт открытого суда, заседания которого не только снимались для кинохроники, но это был и опыт звукового кино и прямой трансляции из зала суда по радио. В отличие от Шахтинского процесса подробные, фактически стенографические отчеты публиковались в газете «Известия» через день – два после дня заседания, а полная стенограмма, не отличимая от газетных публикаций, вышла в свет отдельным изданием три месяца спустя, весной 1931 г.

Другой отличительной от Шахтинского особенностью процесса «Промпартии» была его относительная скоротечность: процесс длился 13 дней. Несмотря на тяжкий характер обвинений в адрес подсудимых, в т.ч. связи с иностранными государствами, шпионаж и т.д. и вынесенный в адрес пяти из восьми чел смертный приговор, постановлением ЦИК СССР приговор суда был в отношении них смягчен до 10-ти лет заключения. Данное решение политического руководства страны о смягчении расстрельного приговора носило

откровенно прагматический характер. Практически все фигуранты процесса, включая и сотни арестованных специалистов по делу «Промпартии» уже находясь в условиях заключения направлялись для работ по своей специальности в закрытые особые технические и конструкторские бюро, созданные в системе ОГПУ (число т.н. шарашек достигало двух десятков). Заключение специалисты решали в них самый широкий круг научно – технических задач, главным образом, прикладного характера – от конструирования первых советских прокатных станов до создания двигателей для военной техники. Через несколько лет значительная часть обвиняемых в принадлежности к «Промпартии» добилась амнистии, ряд ученых в дальнейшем работала по оборонной тематике. Главный подсудимый, проф. Рамзин со своей группой, амнистированных в 1936 г. в дальнейшем удостоивался крупных правительственных наград; среди арестованной в 1930 г. профессуры в дальнейшем около десятка чел за свои научные разработки избирались академиками и член-корреспондентами АН СССР. Процесс «Промпартии», как и Шахтинский и последовавший за этим Третий «Вредительский» показательный процесс («меньшевистский», 1931 г.) имел резко негативные последствия для деятельности отечественной интеллигенции как вследствие массовых арестов групп наиболее квалифицированных специалистов в ключевых областях науки и техники, так и в продолжении и углублении дезорганизации социально – трудовых отношений в производственной сфере, поддержании атмосферы конфронтации и избыточно высокой напряженности между рабочими и специалистами, между «старыми» и «новыми» поколениями интеллигенции. Кампании дискредитации и дискриминации квалифицированных кадров в их обвинении во « вредительстве» продолжались и в последующие годы.

Следует учитывать и международный аспект процесса «Промпартии», принесший с собой резкое обострение взаимоотношений СССР с Францией. И без того весьма конфликтные отношения между двумя странами в 1920-х гг. прежде всего из-за проблемы долгов царского и Временного правительств, которые большевистское руководство отказывалось признавать, осложнились еще больше осенью 1930 г., когда в начале октября Франция приняла ряд заградительных мер против советских экспортных товаров, связывая фактически шедшие в мире торгово – экономические войны с проблемой советского «товарного демпинга». Резкие обвинения на процессе «Промпартии» в адрес Франции как главного организатора готовившейся, по версии

советского руководства, военной интервенции в отношении СССР, выступили своего рода политическим демаршем в экономическом конфликте. Для относительной нормализации ситуации в межгосударственной сфере потребовалось около года дипломатических усилий с двух сторон.

Процесс при всем его мощнейшем пропагандистском сопровождении имел более воздействие и ориентацию на внутреннюю аудиторию, то есть на различные группы и слои населения СССР. Большинство современных отечественных и зарубежных историков солидарны в том, что процесс «Промпартии» лишь в небольшой степени выполнил то предназначение, которое на него возложило сталинское руководство: консолидация масс вокруг большевистской власти перед угрозой возможной интервенции имела лишь кратковременный эффект, фактически обесценивавшийся в 1931 г. экономическими трудностями и социальными кризисными явлениями в стране.

### **«МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ПРОЦЕСС» 1931 г.**

«Меньшевицкий процесс 1931 г.» может считаться Третьим «Вредительским» процессом по хронологии его проведения после Шахтинского (1928 г.) и «Промпартии» (1930 г.). Названный официально судебным процессом по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП», или «меньшевистским», он проходил 1–9 марта 1931 г., т. е. вскоре после процесса «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.) и по своему происхождению, формату и направленности был тесным образом связан с названным выше Вторым «Вредительским» процессом, являясь фактически его продолжением. В исторической литературе отмечается, что, благодаря репрессивной политике и активности руководства ОГПУ в выявлении всевозможных «контрреволюционных заговоров и организаций» на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. в распоряжении политического руководства страны находился значительный потенциал арестованных для организации куда большего числа матричных «вредительских» процессов, чем состоявшиеся. В частности, осенью 1930 г. Сталин имел возможность выбора из нескольких групп и «организаций», в т.ч. помимо «меньшевистской» и «инженерной» линий в разработке находились дело «Трудовой крестьянской партии» («кондратьевско-чаяновской»), «академическое дело» (акад. Платонова, Тарле и др.), дело «Весна» (старое офицерство) и ряд других.

Можно только предполагать, почему после громкого процесса над мифической «Промпартией» сталинское руководство предпочло постановочный «меньшевистский» процесс процессу над ТКП., тем более, что аресты крупных ученых, экономистов и плановиков с конца 1929 г. шли непрерывно, а летом 1930 г. последовали громкие аресты ведущих экономистов, работавших в Госплане, ВСНХ, Наркоматах земледелия, финансов и др. без акцента на их прежнюю партийную принадлежность (эсеры, меньшевики, бундовцы и др.). Однако в последующем речь пошла о принадлежности одних к «ТКП» и других к «группе Суханова – Громана». Однако при наличии, как было отмечено выше, значительного количества арестованных социалистов различных оттенков, речь скорее могла идти о «человеческом факторе», о возможности сформировать из известных в прошлую эпоху «войн и революций» политических деятелей, ставших весомыми фигурами в хозяйственной советской элите «руководство» мифическими «вредительскими» организациями, но, в отличие от «шахтинцев» или «рамзинцев» имевших политическое прошлое, долженствовавшее придать «вредительству» новое качество – политическую окраску. Для цели такого рода безусловно подходила группа видных в прошлом социалистов, социал – демократов, в основном – В. Г. Громан, Н. Н. Суханов, М. П. Якубович и др. – всего 14 чел, выведенных на процесс в марте 1931 г..

Для проведения суда было организовано специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР в составе председателя Н.М. Шверника, членов В.П. Антонова-Саратовского и М.К. Муранова (все – большевики с дореволюционным стажем, из числа которых, однако, только Антонов-Саратовский имел опыт судебного участия в предыдущих процессах). Государственными обвинителями выступали неперенный участник всех громких процессов прокурор РСФСР Н.В. Крыленко с помощником в лице Г.К. Рогинского. Согласно обвинительному заключению, «основной деятельностью Союзного бюро было свержение советской власти и восстановление буржуазно-капиталистического строя, для достижения каковой цели Союзное бюро проводило широкое вредительство основных отраслях советского народного хозяйства для воспрепятствования проведению советским правительством программы социалистического строительства, срыва пятилетнего плана, доведения экономики страны до кризисного состояния, и производило подготовку интервенции капиталистических государств против СССР и внутренних восстаний в

СССР». Соответственно, большинство обвиняемых было привлечено по ст. 58-4, 58-7 и 58-11. Инкриминировалось им и создание блока с другими организациями (ТКП и Промпартией с тем, чтобы осуществить «реставрацию капиталистического строя путем интервенции») [Меньшевистский процесс. Кн.1. С. 374]. Формат обвинения немногим отличался от того, который обозначился на Шахтинском процессе, где «верхушку» обвиняли по ст. 58-3, 58-7 и 58-11), где общим было создание контрреволюционной организации и вредительство, но, в отличие от части «шахтинцев», меньшевикам инкриминировался не шпионаж и связи с иностранными кругами (ст. 58-3)

Число арестованных по принадлежности к «Союзному бюро меньшевиков». Согласно данным ведущего специалиста – историка А.Л. Литвина, достигала более 120 чел. Из них 14 чел были отображены в качестве подсудимых на процессе, остальные осуждались во внесудебном порядке решениями «троек» или Коллегии ОГПУ на различные сроки лишения свободы. Аресты имевших некогда принадлежность к меньшевистской партии продолжались с августа 1930 г. по апрель 1931 г., то есть даже после завершения процесса. Пик арестов пришелся на декабрь 1930 г. Предпроцессный период сопровождался мощной и интенсивной антименьшевистской кампанией. Осенью 1930 г., возможно параллельно с подготовкой к процессу «Промпартии» следователи – чекисты форсированно придавали, путем допросов арестованных, правдоподобие мифической организации «Союзному бюро меньшевиков». Находившиеся в эмиграции лидеры меньшевизма проводили контрпропаганду за рубежом, стремясь доказать фальсифицированный характер процесса над не существовавшей организацией. Одним из ярких эпизодов этой контрпропаганды стал «казус с Р. Абрамовичем». Устами ряда арестованных чекисты выдавали за реальность тайный визит Р. Абрамовича из-за границы в СССР. Между тем, последний представил зарубежной прессе прямое доказательство о том, что в указанное время он не мог быть в Москве, поскольку находился на международном социалистическом конгрессе в Брюсселе.

Гораздо позднее, один из немногих выживших осужденных по процессу М.П. Якубович в своем письме Генеральному прокурору Руденков 1967 г. вскрыл всю теневую сторону этого фальсифицированного процесса (см. приложение 3). В частности, он убедительно показал, что на процесс были выведены бывшие деятели меньшевистского движения, которые после гражданской войны отошли от по-

литической борьбы; никакой подпольной организации меньшевиков, связанной с эмиграцией не существовало; ряд обвиняемых вообще ранее не состоял в рядах РСДРП; арктически на всех обвиняемых оказывались чекистами все формы давления – от психологических до физических; двое (сам М.П. Якубович и А.М. Гинзбург) пытались в период следствия в знак протеста покончить с собой (вскрыли вены, но их самоубийство чекисты сумели предотвратить); у следователей была сконструирована схема целой группы «вредительских организаций», в доказательство чего были привлечены и давали нужные чекистам показания «лидеры» других «партий» («ТКП» – Кондратьев и «Промпартии» – Рамзин); для стройности выдуманной конструкции руководству страны нужна была третья «политическая» структура, и она была изобретена в виде «меньшевистской». В частности, Якубович писал: «За несколько дней до начала процесса состоялось первое "организационное" заседание "Союзного Бюро" в кабинете старшего следователя Д.М. Дмитриева и под его председательством. В этом "заседании" кроме 14 обвиняемых, принимали участие следователи Апресян, Наседкин, Радищев. На заседании обвиняемые познакомились друг с другом, согласовывали и репетировали свое поведение на суде. На первом "заседании" эта работа не была закончена, и оно было повторено.» (Меньшевистский процесс 1931 года. Кн.2. С.462) В завершении своего письма М.П. Якубович писал: «В своей обвинительной речи Крыленко потребовал применения высшей меры наказания к пяти подсудимым, включая меня. [...] В своей защитительной речи я сказал, что [...] не прошу у Верховного Суда сохранения мне жизни. Я хотел умереть. После дачи мною ложных показаний на следствии и на суде я. ничего не хотел кроме смерти - не хотел жить, покрытый позором. Но нас не приговорили к смерти. Когда после приговора нас выводили из зала, я столкнулся в дверях с А.Ю. Финн-Енотаевским. Он был старше по возрасту всех подсудимых и старше меня на двадцать лет. Он мне сказал: "Я не доживу до того времени, когда можно будет сказать правду о нашем процессе. Вы моложе всех, у вас больше, чем у всех остальных, шансов дожить до этого времени. завещаю вам рассказать правду". Исполняя это завещание моего старого товарища, я пишу эти объяснения и давал устные показания в Прокуратуре СССР» (Там же. С. 464).

Судьба 14-ти осужденных на процессе была трагичной. После процесса и осуждения на разные сроки заключения от 8 до 10 лет,

они отбывали сроки в Верхнеуральском изоляторе, далее их отправляли в ссылки, тюрьмы и лагеря. За исключением М. П. Якубовича и В.К. Икова остальные либо были расстреляны, либо умерли в тюрьмах в сталинскую эпоху. Постановлением Верховного суда СССР от 13 марта 1991 г. все, осужденные по данному процессу подлежали реабилитации.

Современные исследователи (А.Л. Литвин и др.) солидарны в том, что т. н. меньшевистский процесс 1931 г., хотя и выстраивался как публичный процесс над «контрреволюционной организацией» политического характера (социал-демократией), фактически он носил «вредительский» формат, будучи направлен острием репрессий против научной интеллигенции – видных деятелей в сфере экономики и механизмов ее планирования на научных основах, статистике и др. Поэтому на процессе хотя и много говорилось об «идейном банкротстве» меньшевизма, однако приоритетными оказались чисто прагматические аспекты «вредительства» в области экономики. Примечательно также, что на процесс были выведены только те из видных в прошлом меньшевиков, которые согласились играть нужные власти роли в фальсифицированном постановочном процессе. Другие меньшевики, находившиеся к началу 1930 г. в ссылках или политизоляторах не без оснований бойкотировали Громана, Рубина, Суханова и др. их сопроцессников, отправленных после процесса в Верхнеуральский политизолятор, вплоть до отказа выходить с ними на прогулки. Уже в те годы репрессированные социалисты (меньшевики, эсеры, включая и троцкистов), были уверены в постановочном и провокационном характере процесса, на котором не было представлено никаких документов и доказательств, кроме признательных показаний самих обвиняемых, что они занимались «вредительством» и «содействием интервенции». Для современных историков данный процесс оценивается с позиций того, что он выполнил свое функциональное предназначение в деле окончательного огосударствления «буржуазной» интеллигенции, добившись необходимого уровня управляемости и подконтрольности последней задачам сталинского режима.



### **Глава 3**

## **МОСКОВСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1936–1938 гг.**

### **ПЕРВЫЙ МОСКОВСКИЙ ОТКРЫТЫЙ ПРОЦЕСС (август 1936 г.)**

Дело об «антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» рассматривалось Военной Коллегией Верховного суда СССР на открытом судебном заседании 19–24 августа 1936 г. Шестнадцать подсудимых процесса условно можно разделить на две группы. Первая состояла из известных большевиков – Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Е. Евдокимов, И.П. Бакаев, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, И.Н. Смирнов. Вторая – из молодых членов германской компартии, эмигрировавших в СССР – Е.А. Дрейцер, И.И. Рейнгольд, Р.В. Пикель, Э.С. Гольцман, Фриц-Давид (И.-Д. Круглянский), В.П. Ольберг, К.Б. Берман-Юрин, М.И. Лурье, И.Л. Лурье. По приговору обвиняемые были признаны виновными в организации убийства С.М. Кирова и в подготовке терактов против руководства Советского государства. Подсудимые были приговорены к высшей мере наказания. 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение. 13 июня 1988 г. решением Верховного Суда СССР приговор был отменен.

\*\*\*

Московские открытые процессы 1936–1938 гг. долгое время оставались за пределами советской историографии, что объясняется закрытостью и идеологизированностью темы, а также отсутствием необходимой документальной базы для проведения исследований. Они упоминались лишь в агитационной литературе и литературе по истории партии, где рассматривались с позиций классового подхода как закономерный этап в ходе борьбы партии с политическими противниками («оппозиционерами») [Голинков, 1975]; (О методах и приемах..., 1937; Шпионам и изменникам..., 1937).

Альтернативная советской исследовательская традиция изучения трех ключевых московских процессов 1936–1938 гг. создавалась усилиями западных историков, советологов и обществоведов (А. Авторханов, Х. Берман, С. Коэн, Р. Конквест, Р. Медведев, Р. Такер), работы которых в 1960–1970-е гг. надолго определили господствующие в западной историографии ключевые подходы и оценки [Avtorkhanov,

1959; Berman, 1963; Cohen, 1973; Medvedev, 1979; Tucker, 1965]. Так, Р. Конквест одним из первых в мировой историографии поднял тему «Большого террора» [Conquest, 1973]. Опираясь на опубликованный материал, он изучил основные направления репрессивной политики, в т. ч. показательные процессы 1930-х гг. Несмотря на противоречивость и слабую обоснованность ряда выводов этой книги, именно она положила начало исследованиям по указанной проблематике.

В период перестройки в появившихся многочисленных публицистических статьях и книгах, посвященных репрессиям 1930-х гг., обязательно, чаще всего без ссылок на документы, упоминались и Московские открытые процессы, которые рассматривались как символ эпохи «большого террора». Авторы – А.И. Ваксберг [1992], Д.А. Волкогонов [1989], В.А. Ковалев [1997] раскрывали тайные стороны организации процессов, освещали их роль в нагнетании страха и подозрительности, рассказывали об известных политических деятелях, оказавшихся на скамье подсудимых.

Монография В.З. Роговина под названием «1937» целиком посвящена показательным процессам 1930-х гг. Автор, на основе значительного и несколько обновленного документального комплекса, подробно рассмотрел различные аспекты организации процессов, представил комплексную трактовку целей их проведения и причин признания подсудимых, исследовал вопросы фальсификации обвинений, проанализировал произведенный процессами общественный резонанс [Роговин, 1996]. Монография В.З. Роговина, хотя в ней и не использовались доступные уже в то время архивные материалы, и сегодня представляет собой наиболее полное исследование по теме московских процессов.

С конца 1990-х гг. и до настоящего времени история сталинского террора является наиболее динамичным направлением в новейшей отечественной историографии, для которой характерно сближение и взаимодействие с тенденциями в западной историографии, вплоть до появления совместных работ западных и российских авторов. Так, в монографиях Ю. Стецовского [1997], В. Кудрявцева и А. Трусова [2000] и предпринимается юридический анализ советской правовой системы. Исследователи обратили внимание на существование, помимо внесудебных репрессий, и судебных репрессивных практик. Для обозначения этого явления они вводят понятие «политическая юстиция», которая рассматривается ими как часть юридической системы, специально созданная или использованная для подавления

политических противников путем применения правовых и противоправных мер. В этой связи необходимо отметить переведенную на русский язык монографию канадского исследователя П. Соломона «Советская юстиция при Сталине» (М., 2008), в которой дан подробный анализ форм и способов реализации уголовного преследования, в т. ч. в области контрреволюционных преступлений. Автор сделал некоторые выводы, касающиеся интерпретации права в советской властной системе, характера взаимоотношений между партийными и судебно-следственными органами, особенностей использования судов в осуществлении репрессий. В частности, автор вводит такой емкий термин, как «кампанейское правосудие», подчеркивая тем самым природу прагматизации и политизации судебных практик в СССР, адаптированных к стандартам сталинской эпохи.

В монографиях Л. Наумова [2010], В. Хаустова и Л. Самуэльсона [2009] репрессивная политика раскрывается через историю и функционирование правоохранительных органов, участвовавших в ее реализации. В исследованиях большое место уделяется становлению и развитию органов государственной безопасности, их кадровому составу, взаимодействию с партией и государством, в т.ч. в деле организации показательных процессов.

Для понимания феномена СПП важное значение имеет комплекс работ зарубежных и отечественных исследователей о советском массовом сознании и средствах идеологического воздействия на него, о способах формирования и механизмах функционирования в массовых представлениях созданных советской пропагандой образов, основным из которых стал «образ врага», об эффективности используемых средств пропагандистского воздействия.

Важной составляющей советского массового сознания 1930-х гг. был «образ врага», изучение которого активизировалось в последнее десятилетие. Исследователи раскрывают сущность понятия «образа врага», анализируют механизмы его функционирования, определяют его место в системе советской пропаганды [Голубев, 2008; Невежин, 1997; Фатеев, 1999] и в системе социальной мобилизации накануне и в период «большого террора» [Арнаутов, 2006; Гудков, 2005; Ушакова, 2009]. Авторы подчеркивают, что «образ врага» являлся ключевой составляющей советской пропаганды, поскольку наиболее комплексно обозначал противника, актуализируя тем самым характерные для общества подсознательные ассоциации.

Н.Б. Арнаутов [2010] анализирует динамику и механизм использования образа «врага народа» во время проведения Московских процессов.

Весьма обстоятельный анализ Первого московского процесса содержится в цикле исследований Ж. В. Артамоновой. Центром ее внимания явился данный процесс с позиций идеолога – пропагандистского обеспечения последнего. При этом она сделала весьма содержательный обзор обстоятельств и условий организации и проведения т.н. послекировских судебных процессов, на базе которых и вырос «зиновьевско – каменевский» процесс 1936 г. [Артамонова, 2010, 2011].

\*\*\*

Проведенные в 1934-1936 гг. следствия, политические процессы и репрессивные мероприятия по делу об убийстве С.М. Кирова, позволили к лету 1936 г. сфабриковать значительный массив фальсификаций о «существовании и активной контрреволюционной террористической деятельности объединенного троцкистско-зиновьевского блока». Был накоплен значительный опыт не только в проведении подобных следственных и репрессивных мероприятий, но и, прежде всего, опыт работы с определенной группой подследственных, большинство из которых являлись опытными, теоретически подкованными революционерами с большим партийным стажем. Все это было использовано при организации и проведении в августе 1936 г. крупнейшего в 1930-е гг. публичного политического процесса.

Следствие по делу продолжалось до 19 августа 1936 г. Из имеющихся в распоряжении историков протоколов допросов видно, что следствием от аппарата НКВД руководили нарком внутренних дел СССР Г.Г. Ягода и его заместители Я.С. Агранов и Г.Е. Прокофьев. Дело вели наиболее опытные сотрудники СПО НКВД, имеющие большой опыт в проведении подобных репрессивных мероприятий (большинство из них принимали участие не только в «послекировских» следствиях, но и в подготовке политических процессов 1920-х – начала 1930-х гг.).

Хронология арестов обвиняемых по делу показывает, что они проводились практически без остановок с декабря 1934 г. до июля 1936 г. По самым приблизительным подсчетам по протоколам допросов, присылаемых на имя Н.И. Ежова, по делу троцкистско-зиновьевского центра арестам подверглись свыше восьмидесяти человек. Среди них было несколько десятков старых большевиков, которым уделялось значительное внимание на следствии, но которые,

по ряду причин, не были выведены на процесс. В частности, на процесс, за исключением 4 чел. (Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова, И.П. Бакаева), не были выведены осужденные по делу «Московского центра» – члены партии с большим партийным стажем, активные участники зиновьевской и троцкистско-зиновьевской оппозиции. Между тем, среди подсудимых на процессе было много политически незначимых фигур, которые привлекли внимание руководства страны лишь на этапе предварительного следствия, когда они были отобраны среди многочисленных арестованных как наиболее податливые на признания, готовые «морально разоружиться» перед всем миром.

Среди обвиняемых первой группы, прежде всего, следует назвать таких старейших членов партии, бывших деятелей оппозиции-зиновьевцев, как Зиновьев, Каменев, Бакаев, Евдокимов. Все они были арестованы практически сразу же после убийства Кирова, хотя и ранее в разное время находились в заключении и ссылке. Г.Е. Зиновьев (член партии с 1901 г.; в 1917–1926 гг. председатель Петроградского Совета, в 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна), Л.Б. Каменев (член партии с 1901 г., в 1918–1926 гг. председатель Моссовета, в 1922–1926 гг. заместитель и первый заместитель Председателя СНК РСФСР (СССР), заместитель председателя и председатель СТО), Г.Е. Евдокимов (член партии с 1903 г., председатель Петроградского совета профсоюзов, секретарь Ленинградского губкома партии), И.П. Бакаев (член партии с 1906 г., после Октябрьской революции на партийной работе в Петрограде, в 1925–1927 гг. член ЦКК ВКП(б), после 1928 г. управляющий Главэнерго) в ноябре 1927 г. исключаются из рядов партии за фракционную борьбу, затем в июне 1928 г. восстанавливаются, в октябре 1932 г. Зиновьев и Каменев вновь исключаются из партии по делу «союза марксистов-ленинцев» и направляются в ссылку, в декабре 1933 г. восстанавливаются в ВКП(б), а через год, в связи с убийством Кирова, вновь исключаются из партии и в январе 1935 г. по делу «московского центра» осуждаются к лишению свободы (Зиновьев сроком на 10 лет, Каменев – на 5 лет, Евдокимов и Бакаев – на 8 лет). Каменев вторично был осужден 27 июля 1935 г. по «кремлевскому делу» и приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет.

В первую группу обвиняемых входили также члены партии с большим партийным стажем, бывшие участники оппозиции, троцкисты И.Н. Смирнов, С.В. Мрачковский, В.А. Тер-Ваганян, Э.С. Гольц-

ман. С.В. Мрачковский (член партии с 1905 г., активный участник Гражданской войны, в 1920–1925 гг. командующий Приуральским, а затем Западно-Сибирским военными округами), В.А. Тер-Ваганян (член партии с 1912 г., в 1917 г. секретарь Московского комитета партии, в 1918–1920 гг. член ВЦИК и Моссовета, затем ответственный редактор журнала «Под знаменем марксизма», научный сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса), И.Н. Смирнов (член партии с 1899 г., в 1918–1920 гг. член РВС Восточного фронта, руководитель Сиббюро ЦК партии, председатель Сибревкома, в 1923–1927 гг. народный комиссар почт и телеграфов СССР) в 1927 г. были исключены за фракционную деятельность из партии, в 1928–1930 гг. были восстановлены по заявлению о прекращении оппозиционной деятельности, в 1933 г. вновь были исключены из рядов ВКП(б) в связи с делом «союза марксистов-ленинцев» и осуждены к 5 годам лишения свободы. Мрачковский и Тер-Ваганян были повторно арестованы в 1935 г. и приговорены к 5 годам лишения свободы (Мрачковский содержался в Челябинской тюрьме особого назначения, Тер-Ваганян находился в ссылке в Семипалатинске). Что касается Э.С. Гольцмана (член партии с 1903 г., после революции находился на хозяйственной работе в Наркомате внешней торговли, в 1928 г. подписал заявление «83», за что МГК ВКП(б) объявил ему выговор), то он был арестован в ночь с 27 на 28 апреля 1936 г.

Необходимо затронуть одну из наиболее часто исследуемых и при этом одну из спорных проблем в историографии – проблему признаний подсудимых. Выдвигались догадки, что в судебном зале сидели двойники подсудимых, загримированные актеры, что признания были добыты с применением химических препаратов, подавляющих волю подсудимых, что в показательных процессах было нечто специфически русское, например, привычка к самобичеванию и самопожертвованию [Антонов-Овсеенко, 1995, с. 82–83; Ильинский, 2005, с. 392–393; Ковалев, 1997, с. 166; Медведев, 1990, с. 432]. На основе документов, зарубежной и отечественной историографии можно выделить следующие причины признаний подсудимых на Московском процессе.

Среди историков встречаются сторонники теории А. Кестлера, согласно которой старые большевики выходили на показательные процессы из чувства партийного долга перед партией и даже на суде служили делу революции [Кестлер, 1989]. Так, Р. Конквест отмечает, что самая большая трагедия этих людей была в том, что они срос-

лись с партией и «не видели никаких политических возможностей вне партии» («партийная этика» по Конквесту). О «партийной этике» говорил в своих письмах на имя ЦК ВКП(б), Сталину и следователям Г.Е. Зиновьев: «Если когда-либо буду еще иметь какую-нибудь возможность работать – все отдам, чтобы хоть немного загладить свою великую вину» (Реабилитация..., 1991, с. 164).

Р. Конквест делает важное замечание о том, что Московский процесс стал кульминацией целого ряда случаев, когда старые большевики каялись в «политических грехах» для того, чтобы остаться или вернуться в ряды партии (Там же). По мнению В.З. Роговина, на процесс были выведены те деятели оппозиции, которые «были доведены до состояния крайней деморализованности в результате своих непрерывных покаяний», с середины 1920-х гг. у них были выработан «комплекс вины» за свою прошлую оппозиционность, «все эти люди неоднократно отрекались от себя, от своих убеждений». Так, в своих тюремных письмах Г.Е. Зиновьев писал: «Если бы я имел возможность всенародно покаяться, это было бы для меня большим облегчением» (Там же, с. 164); «в моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это».

Безусловно, основными методами получения необходимых показаний стали меры физического и психологического давления на арестованных – «конвейерные» допросы, угрозы в адрес семьи, запугивание расстрелом и т. д. Об этом, в частности, сообщают составители справки КПК при ЦК КПСС, ИМЛ при ЦК КПСС, Прокуратуры СССР и КГБ СССР «О так называемом антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре» (Там же, с. 180). В своем заявлении на имя Сталина от 22 октября 1936 г., арестованный по обвинению в принадлежности к т. н. объединенному троцкистско-зиновьевскому блоку» Л.А. Шацкий указал, что его, с помощью избиения, угроз расстрела и ссылки родственников, заставили подписать подготовленный заранее текст с фальсифицированной информацией о его участии в террористических актах (Там же, с. 181). А.Н. Сафонова в своем объяснении в КГБ СССР и Прокуратуру СССР 14 июня 1956 г. сообщала, что следователь угрожал применением в ее адрес физических мер воздействия, арестами и высылкой членов ее семьи (Там же).

Практически все подсудимые первой группы ранее подвергались неоднократным арестам, допросам, одиночным камерам, ссылкам, тюремному заключению, находились в подавленном моральном и

физическом состоянии, были доведены до истощения. На процесс были выведены уже сломленные арестованные, безразлично относящиеся к обрушившимся на них обвинениям, готовые играть предназначенные им роли.

Следствие накануне процесса концентрировалось на получение как можно большего количества «информации» о встречах, разговорах, совещаниях оппозиционеров между собой, об организации поездов для получения директив Л.Д. Троцкого и их распространении, о создании многочисленных групп для подготовки террористических акций. На вопрос о том, «имелась ли какая-либо политическая платформа» у организации, подследственные давали штампованные показания о том, что они давно потеряли «всякую опору и базу в СССР», превратились «в кучку политических банкротов» и «террористическую банду», поэтому никакой платформы у них нет, а «разработкой политической программы последние годы никто не занимался». Безусловно, подобные «показания» позволяли легко сконструировать и подтвердить необходимые для следствия фальсифицированные схемы обвинений.

Г.Е. Зиновьев длительное время отказывался давать необходимые для следствия показания и только лишь 23–25 июля 1936 г., под давление «изобличающих показаний» других арестованных, признал свою руководящую роль в объединенном троцкистско-зиновьевском центре и в подготовке террористических актов над И.В. Сталиным. На допросе 28–29 июля 1936 г. Зиновьев расширил данные им показания. В частности, он показал о времени создания центра, представил подробности подготовки террористических актов, обосновал причины перехода к террору, одной из целей которого было «открыть дорогу Троцкому для возможно более триумфального возвращения в СССР». Определяя роль последнего, Г.Е. Зиновьев заметил, что она «во всех преступлениях троцкистско-зиновьевского центра была еще большей, чем моя», поскольку Троцкий являлся «главнейшим из главных руководителей всех наших преступлений».

В июле прекратил сопротивление и И.Н. Смирнов, объявивший 8 мая 1936 г. голодовку. Между тем, ему в деле «объединенного троцкистско-зиновьевского блока» уделялось значительное внимание. В многочисленных показаниях других арестованных он назывался составителем директивы, призывающей к консолидации троцкистских кадров «с целью воссоздания разветвленной троцкистской организации», объявлялся руководителем центральной троцкистской



организации, назывался «вдохновителем контрреволюционных установок», рассматривался как связующий элемент между иностранными троцкистами и подпольными троцкистскими ячейками в СССР и др. В июле 1936 г. И.Н. Смирнов частично подтвердил предъявленные в его адрес обвинения (Реабилитация..., 1991, с. 180–181).

Московский процесс начался 19 августа 1936 г. Судебное слушание представляло собой процедуру с внешним соблюдением зафиксированных в УК РСФСР и УПК РСФСР норм судопроизводства. Его проводил председатель ВКВС В.В. Ульрих, его заместители И.О. Матулевич и И.Т. Никитченко, запасной судья И.П. Коляков, а также главный обвинитель – прокурор СССР А.Я. Вышинский. Как свидетельствуют стенограммы судебных заседаний, роль членов ВКВС СССР была сведена до минимума – они руководили осуществлением судопроизводства и контролировали судебный порядок, оформляя, таким образом, декоративную часть процесса, его фасад, обеспечивая его юридическую и правовую «достоверность» в глазах широкой общественности, убеждая в реальности террористических намерений и действий бывших оппозиционеров.

Как свидетельствуют стенограммы судебных заседаний, в ходе процесса члены Военной коллегии Верховного суда практически не задавали вопросов подсудимым. Основная роль в этом деле возлагалась на главного обвинителя – А.Я. Вышинского, выбор кандидатуры которого выглядит на тот момент достаточно логично. Во-первых, он был прекрасным оратором, что, безусловно, являлось важным качеством для проведения показательного процесса. Во-вторых, обладал достаточным опытом в деле проведения СПП. В частности, А.Я. Вышинский был представителем специального присутствия Верховного суда по Шахтинскому делу (1928 г.) и по делу Промпартии (1930 г.). В-третьих, и самое главное, он являлся разработчиком, идеологом и популяризатором системы норм судопроизводства 1930-х гг., ставшей основой не только для проведения открытых СПП, но и для всей репрессивной политики в целом.

Роль А.Я. Вышинского в деле создания новых норм и подходов к уголовному процессу хорошо изучена как в научной, так и в публицистической литературе [Инквизитор..., 1992; Звягинцев, Орлов, 2001, с. 7–92; Соломон, 2008, с. 148–290]. Являясь главным юристом страны и одним из теоретиков репрессивной политики, он разработал очень удобную форму политической юстиции или, пользуясь термином П. Соломона, «юриспруденцию террора» [2008, с. 151],

предназначенную для уничтожения «врагов народа» путем применения к ним как правовых, так и противоправных мер. В своих работах в области уголовного права и судопроизводства он предстает создателем и апологетом следующих нормы. Во-первых, в основе судебного приговора должна лежать высокая степень вероятности вины обвиняемых. Именно поэтому судебные органы не должны стремиться к установлению достоверности виновности лица. Во-вторых, в процессе судопроизводства приоритет отдается субъективным, а не объективным началам. Следовательно, оценка улик, представленных в суде, должна производиться не на основе объективных данных, на основе внутреннего убеждения судей. В-третьих, решающим доказательством вины обвиняемого является его признание. Следовательно, внимание суда должно быть сосредоточено на том, чтобы добиться от подсудимых подтверждения признаний [Вышинский, 1941].

Постепенно утверждаясь в советском судопроизводстве, подобные нормы стали основой грубого произвола в судебной практике 1930-х гг. Согласно им на Московском процессе не было предоставлено ни одного доказательства какой-либо преступной деятельности подсудимых, обвинения базировались только на их личных признаниях, которые и стали доказательством всех предъявленных обвинений.

Анализ стенограмм судебных заседаний показал, что концепция и содержание представленных на суде обвинений полностью соответствовали материалам следствия. В ходе допросов подсудимые рассказывали о времени создания, целях и задачах контрреволюционной организации, о подготовке и осуществлении террористических актов, о попытках террористов установить связь с немецкими спецслужбам и приобрести средства для своей деятельности путем «грабежа народных денег» (РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 179–184).

Документы свидетельствуют, что судебные заседания не всегда проходили гладко. При анализе материалов процесса достаточно четко прослеживается разница между показаниями обвиняемых первой и второй групп. Так, показания обвиняемых первой группы часто носили малоинформативный характер, были однословными, давались с неохотой, обвиняемые вступали в споры с главным обвинителем. В это же время показания обвиняемых второй группы изобиловали большим количеством фактической информации, давались с готовностью и, таким образом, заполняли возникающие в ходе судебных заседаний пробелы.

Подсудимые с известными политическими именами отказались признать ряд наиболее абсурдных обвинений (например, связь с гестапо, намерение после прихода к власти уничтожить исполнителей террористических актов), а некоторые не признали свое участие в террористической деятельности. Категорически отвергли эти обвинения И.Н. Смирнов и Э.С. Гольцман. Так, еще 19 августа 1936 г. на вопрос председателя суда признает ли И.Н. Смирнов предъявленные ему обвинения, он согласился взять на себя лишь политическую и моральную ответственность, но полностью отверг обвинения в прямой подготовке террористических актов (Там же. Л. 5–6). Аналогичное заявление сделал и Э.С. Гольцман, заявив: «Да, я признаю себя виновным, за исключением того, что я принимал какое-либо участие в подготовке теракта» Там же. Л. 6–7). На протяжении всего процесса Смирнов и Гольцман пытались сохранить выбранную ими тактику. Так, показания Гольцмана чаще всего были односложными и, несмотря на то, что он подтвердил в целом предъявленные ему обвинения, в течение всего судебного разбирательства он отказывался признать свое участие в террористической деятельности, заявляя, что являлся «противником террора» (Там же. Д. 181. Л. 35).

Что касается И.Н. Смирнова, то он, проявляя личную стойкость, мужество и героизм, пытался до конца сохранить выбранную им еще в ходе предварительного следствия тактику и отрицал по существу предъявленные ему обвинения. В то же время, организаторы процесса рассматривали И.Н. Смирнова как одну из центральных фигур в троцкистско-зиновьевском блоке, как связующее звено между заграничными троцкистами и подпольными троцкистскими ячейками в СССР, как передатчика «установки» или «директивы» Л. Седова и Л.Д. Троцкого о терроре. Именно эти обвинения и отрицал И.Н. Смирнов, разрушая и обесценивая, таким образом, всю концепцию следствия. В частности, он подтвердил свою встречу с Л. Седовым, в ходе которой последний «высказал свое суждение» о том, что «старый метод себя отжил и что, по-видимому, насильственный метод борьбы должен выступить на сцену». При этом Смирнов подчеркнул, что он воспринял это заявление как «личное мнение» человека, который ни для кого в СССР не являлся авторитетом. Поэтому, по мнению обвиняемого, его суждение и не могли быть приняты оппозиционерами как «директива» к действию (Там же. Д. 180. Л. 120). При этом, как утверждал Смирнов, он не был согласен с заявлением Седова, о чем и сообщил ему в беседе следующим образом: «Это не

марксистское суждение, что такие задачи перед нами не стоят и что на эту тему я разговаривать не буду» (Там же. Л. 121).

Кроме того, Смирнов отрицал и само существование объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Так, на вопрос Вышинского о времени его выхода из центра, Смирнов ответил: «Я и не собирался выходить, не из чего было», а на вопрос о том, существовал ли центр, подсудимый добавил: «Какой там центр» (Там же. Л. 128). На других судебных заседаниях Смирнов заявлял, что он не может знать, и, следовательно, не может отвечать за деятельность центра после 1932 г., поскольку в это время находился в тюрьме (Там же. Л. 176). В своей заключительной речи Смирнов подтвердил сказанные в начале процесса слова о том, что он берет на себя моральную и политическую ответственность, но не может знать, «какую ответственность» несет за тот период, когда сидел в тюрьме, и может ли он нести ответственность за те преступления, которые в то время совершали незнакомые ему люди. Кроме того, Смирнов заявил, что не согласен с утверждением о том, что «единственным мотивом борьбы против партии была борьба за власть», поскольку «никогда жажды власти у меня не было и никогда во имя такой цели я на борьбу с ЦК не пошел бы» (Там же. Д. 184 Л. 45–52).

Остальные подсудимые из числа старых большевиков признали предъявленные им фальсифицированные обвинения. О подобных высказываниях и поведении подсудимых на Московском процессе, да и в целом, о ходе его проведения, секретари ЦК ВКП(б) и прежде всего Л.М. Каганович и Н.И. Ежов ежедневно (утром и вечером) информировали отсутствовавшего в Москве Сталина. В своих письмах они сообщали Сталину о том, как проходил суд, как отвечали на те или иные вопросы обвиняемые, особенно выделяя ответы Смирнова, подчеркивали реакцию иностранных корреспондентов, на которых признание всех себя виновными, а также показания о существовании террористических групп правых и о запасном центре «произвело ошеломляющее впечатление». Каганович и Ежов не только высылали Сталину всю информацию о процессе, но и настойчиво выясняли его отношение по тем или иным вопросам, возникающим по ходу процесса. Помимо ответов на телеграммы секретарей ЦК ВКП(б), Сталин давал указания и по своей инициативе.

19 августа 1936 г. Каганович и Ежов информировали Сталина об «особом впечатлении», которое произвели на иностранных корреспондентов показания подсудимых о правых (А.И. Рыков, Н.И. Буха-

рин и М.П. Томский) и «запасном центре» (в составе К.Б. Радека, Г.Я. Сокольникова, Ю.Л. Пятакова, Л.П. Серебрякова). Секретари ЦК ВКП(б) сообщали, что иностранные корреспонденты «набросились на эти показания, как на сенсацию, и передают в свою печать», и спрашивали о целесообразности публикации этой информации и в советских газетах.

И.В. Сталин являлся последней инстанцией при определении целесообразности публикации в советской и иностранной печати материалов о процессе, а также определял, в каком виде некоторые из них должны комментироваться. В частности, он дал необходимые указания о том, как печать должна интерпретировать «самоубиение» бывших оппозиционеров. В шифротелеграмме от 23 августа 1936 г. он указал на недопустимость замалчивать их статьи в коммунистических иностранных газетах, поскольку они «лишают возможности наших врагов изображать судебный процесс как инсценировку и как фракционную расправу ЦК с фракцией Зиновьева – Троцкого». В связи с этим Сталин приказал перепечатать эти статьи «в газетах в Норвегии, Швеции, Франции, Америке, хотя бы в коммунистических газетах».

21 августа 1936 г. судебное следствие закончилось. 22 августа начались прения сторон, которые, согласно ст. 308 УПК, состояли из речи главного обвинителя, защитников или самих подсудимых, на случай, если защитников не имеется. По окончании речей подсудимых В.В. Ульрих объявил прения сторон законченными, предоставив подсудимым право последнего слова, после чего суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

В хранящейся в фонде Н.И. Ежова машинописной записке о порядке ведения Московского процесса указано о представлении Ульрихом проекта приговора не позже 6 часов вечера 20 августа 1936 г. [Там же, с. 186–188]. В соответствии с этим указанием, он несколько раз согласовывал с Кагановичем различные варианты проектов приговора по делу, куда последний внес ряд поправок. Так, например, в число лиц, над которыми якобы готовились террористические акты, Каганович дописал свою фамилию и фамилию Орджоникидзе. Затем, видимо, уже после правки Кагановича, проект приговора был выслан Ежову, который внес в него незначительную стилистическую правку. 22 августа 1936 г. текст приговора был направлен Сталину [Там же, с. 641]. В ответной шифротелеграмме от 23 августа 1936 г. он одобрил текст «по существу», но указал на необходимость заняться его

«стилистической отшлифовкой». 24 августа 1936 г. приговор был оглашен. Все 16 подсудимых были приговорены к высшей мере наказания. 25 августа 1936 г. приговор был приведен в исполнение.

На основе опубликованных источников, зарубежной и отечественной историографии следует поставить вопрос о масштабах фальсификации обвинений, предъявленных подсудимым Московского процесса. Действительно, некоторые упоминаемые на процессе факты действительно имели место в середине 1920-х гг. В частности, несмотря на роспуск и окончательный разгром оппозиции после XV съезда ВКП(б), встречи и разговоры бывших оппозиционеров между собой продолжались, имеются свидетельства и о контактах некоторых деятелей партии с Л.Д. Троцким и Л. Седовым. Между тем, в ходе подготовки Московского процесса все эти факты, признанные большинством обвиняемых еще в середине 1920-х гг., были крайне тенденциозно интерпретированы и переплетены с преобладающими фактами прямой фальсификации их террористической деятельности. Предположительно, можно говорить о стремлении ликвидировать потенциальную или возможную оппозиции в лице ее бывших руководителей и активных участников (прежде всего из Ленинградской партийной организации), участвовавших в оппозиционных выступлениях 1926–1927 гг. против разросшегося бюрократического аппарата, лично против Сталина и его ближайшего окружения. В этой связи можно согласиться с французским историком А. Блюмом, что обвинения строились на основе «криминализации повседневности» подсудимых, когда, например, случайные и профессиональные встречи, поездки, беседы интерпретировались как «политически враждебное действие» (цит. по: [Блюм, 2010, с. 8]).

Организаторы процесса отказались от создания специальных комиссий и групп, что было характерно для СПП 1920-х – начала 1930-х гг. Теперь роль подобных институтов стали выполнять отдельные партийные функционеры. Такая форма организационно-политического руководства, несмотря на отсутствие Сталина в Москве (с 14 августа по 25 октября 1936 г. он находился в отпуске в Сочи), обеспечивала оперативное принятие решений о процессе, практически исключала их из этапов длительного обсуждения и согласования между различными инстанциями.

Документы свидетельствуют о руководящей роли вождя в организации процесса. Он был его инициатором, он же определил и контролировал разработку его идеологической составляющей, опреде-

лил ответственных за его проведение, помимо решения вопросов, связанных с технической организацией процесса, Сталин утверждал все, что касалось его освещения в печати и представления на международном уровне. Несмотря на то, что решение организационных вопросов было предоставлено оставшимся в Москве доверенным лицам, они не только высылали всю информацию о процессе, но и выясняли отношение Сталина к тем или иным вопросам, возникающим по ходу процесса. Помимо ответа на телеграммы секретарей ЦК, Сталин давал директивные указания и по своей инициативе.

Основными исполнителями воли вождя в деле организации процесса стали Н.И. Ежов и Л.М. Каганович. Распределение полномочий между ними определялось их ролью в партийном аппарате. В 1936 г. Л.М. Каганович – заместитель Сталина в Политбюро во время его отпусков – являлся вторым человеком в партии, оставался ведущей политической фигурой в сталинской руководящей группе и принимал активное участие в политической жизни страны. Он был в курсе практически всех вопросов по организации Московского процесса. Будучи главным информатором Сталина, он согласовывал между собой различные решения о процессе и приводил их в подходящий для вождя вид.

Н.И. Ежов курировал реализацию кадровой политики партии, что в условиях партийной и государственной номенклатуры имело принципиальное значение. Несмотря на то, что Ежов не входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б), он стал принимать активное участие в его работе. Н.И. Ежов являлся контролером проводимого НКВД следствия по делу об убийстве Кирова и, следовательно, представителем Сталина в НКВД. Кроме того, Ежову было поручено «общее наблюдение» над Московским процессом. Все это давало ему возможность занять статус негласного лидера, отвечающего за проведение некоторых политических акций в стране, оперативно исполнять различные указания Сталина, принимать участие в осуществлении следствия и контролировать решение не только организационных вопросов, связанных с проведением кампании, но и реализовывать на практике указания вождя по ее идеологическому содержанию. Документы фонда Ежова позволяют изучить содержание технических вопросов, возникших при подготовке Московского процесса – временные рамки слушания дела, порядок проведения процесса, время подготовки обвинительного заключения и приговора, распределение

билетов на процесс, порядок освещения и правила публикации материалов процесса в печати, порядок его киносъемки и др.

Выбранная руководством страны форма целиком постановочного процесса определила характер осуществления судопроизводства. Исследование стенограммы суда подтвердило, что слушание свелось к формальной процедуре с видимым соблюдением уголовно-процессуальных норм, оно характеризовалось подконтрольностью судебных органов партийному руководству, а также заранее predetermined исходом дела. В ходе судебных заседаний не было предоставлено ни одного доказательства какой-либо преступной деятельности подсудимых, обвинения базировались только на их личных признаниях.

Анализ агитационного сопровождения Московского процесса показал, что в его основе лежал образ «врага», определяемый преимущественно контекстом внутрипартийной борьбы 1920-х гг. Сконструированный одновременно на политической и вредительской основах образ «врага народа» более адекватно воспринимался обывателями, позволял руководству страны поддерживать социум в состоянии «осажденной крепости» и, следовательно, являлся более эффективным пропагандистским оружием. Указанные изменения ознаменовали переход кампании в новую стадию, связанную с постепенным усилением конфронтационных мотивов в пропаганде. После Московского процесса 1936 г. и в связи с изменением обвинительной составляющей репрессивной политики, произошло новое усиление как внесудебных, так и судебных репрессий, которое достигло своего апогея в 1937–1938 гг.

**Второй Московский процесс**, или открытый судебный процесс по делу т.н. «Параллельного антисоветского троцкистского центра» проходил в Москве 23 – 30 января 1937 г. Судебной инстанцией выступала Военная коллегия Верховного Суда (ВК ВС) СССР (председатель В.В. Ульрих), государственным обвинителем выступал прокурор СССР А.Я. Вышинский. На судебный процесс было выведено 17 обвиняемых, в числе которых – известные партийные и государственные деятели, среди них наиболее знаковыми фигурами выступали четверо: Ю.Л. Пятаков, входивший в ЦК партии с начала 1920-х гг., на момент ареста первый зам. наркома тяжелой промышленности СССР; Г.Л. Сокольников, член ЦК партии с 1917 г., на момент ареста первый зам. наркома лесной промышленности СССР; К.Б. Радек, активный деятель международного коммунистического движения, на мо-



мент ареста зав. бюро Международной информации ЦК партии; Л.П. Серебряков, секретарь ЦК партии в 1919 – 1921 гг., на момент ареста зам. начальника Главного Управления шоссейных дорог НКВД СССР.

Другую группу обвиняемых составили также видные партийно – хозяйственные руководители: А.Я. Лившиц (зам. наркома путей сообщения), С.А. Ратайчук (зам. наркома тяжелой промышленности СССР, начальник Главхимпрома), а также руководители крупных заводов, шахтоуправлений и региональных железных дорог. Более половины из них ранее принимали активное участие во внутривластной борьбе 1920-х гг., входя в состав сторонников Л.Д. Троцкого. В частности, Пятаков, Радек, Муралов, Дробнис и др. исключались в 1927 г. из партии, в последующем отбывали ссылку, но после заявлений о признании своих позиций ошибочными и покаяний были возвращены из ссылки и назначались на руководящие должности, как правило, в хозяйственных наркоматах. Целая группа обвиняемых работала на момент ареста на управленческих должностях в Западной Сибири (Новосибирск, Кемерово, Прокопьевск). Это давало основание для выдвижения обвинения в том, что, помимо Москвы сторонник Троцкого якобы создали разветвленную сеть троцкистских центров в Западной Сибири.

«Параллельным» мифический центр именовался потому, что, по версии следствия, он действовал с 1933 г. наряду с т.н. «Антисовестным объединенным троцкистско – зиновьевским центром», процесс над «главарями» которого (Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и др.) проходил в Москве в августе 1936 г. (Первый Московский процесс). Г.Л. Пятакову и др. вменялась «диверсионная и вредительская деятельность», а также им инкриминировалась шпионская и террористическая деятельность. Все обвиняемые были признаны ВК ВС СССР виновными в совершении инкриминируемых им преступлений и приговорены в своем большинстве к расстрелу (13 чел. – приговор был исполнен через несколько дней), четверо – к длительным срокам заключения. Из числа последних Г.Я. Сокольников и К.Б. Радек были убиты сотрудниками НКВД под видом сокамерников в мае 1939 г., а В.В. Арнольд и М. С. Строилов расстреляны в 1941 г.

Созданная в 1988 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС «по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30 – 40-х и начал 50-х годов» в своем заседании 27 июля 1988 г. одобрила информацию Верховного Суда СССР об

отмене приговора, вынесенного в 1937 г. по данному «делу» и о судебной реабилитации репрессированных по нему лиц.

В частности, проведенными проверками Прокуратуры СССР и КГБ СССР с привлечением документов и материалов Комитета партийного контроля ЦК КПСС была установлена необоснованность обвинений в адрес подсудимых и фальсифицированный характер их показаний на следствии и суде, полученных путем незаконных методов. Не получили проверкой подтверждение ни одно из вменявшихся им преступлений.

Проверка показала, что т.н. дело в отношении троцкистов началось разрабатываться чекистами с весны 1936 г. по предложению руководства ОГПУ и одобрено И. В. Сталиным. Тогда же начались первые аресты (Н.И. Муралов, 17 апреля 1936 г., далее Г.Я. Сокольников, 26 июля 1936 г. и др.). Идею наличия «Параллельного троцкистского центра» чекисты напрямую связывали с разработкой Первого Московского процесса («зиновьевско-каменевского»), когда сумели «выбить» из арестованных необходимые чекистам показания. Резко изменилось положение Ю.Л. Пятакова: если на раннем этапе подготовки Первого Московского процесса его кандидатура рассматривалась среди прочих как возможного обвинителя на процессе, то после ареста его бывшей жены и обнаружения в ходе ареста переписки 1920-х гг. и дачи рядом арестованных показаний о том, что Пятаков якобы создал и руководил одним из троцкистских центров, он фактически перешел в разряд подозреваемых.

10 августа 1936 г. на встрече с Н.И. Ежовым (тогда еще председателем КПК), Г.Л. Пятаков отметил, что «доверие ЦК к нему подорвано» и считал, что он заслужил строгого наказания. Далее он сделал заявление, которое потрясло даже самого Ежова. Последний в своей записке на имя Сталина от 11 августа так изложил просьбу Пятакова к ЦК партии: «Просит предоставить ему любую форму (по усмотрению ЦК) реабилитации. В частности, от себя вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу по процессу, в том числе и свою бывшую жену. Опубликовать это в печати». Далее Ежов пишет: «Несмотря на то, что я ему указал на абсурдность его предложения, он все же настойчиво просил сообщить об этом ЦК» (Там же. С. 37). Подобные «инициативы» не спасли Пятакова от ареста, который состоялся месяцем позже, когда тот выехал в командировку на Урал. Несколько позднее были аре-

стовоаны и другие центральные фигуранты будущего процесса – Радек, Серебряков и др.

О том, как осуществлялась технология «получения требуемых признаний» на допросах в ходе чекистского предварительного следствия, давал позднее подробные показания в конце 1938 г., будучи арестованным за соучастие в «ежовщине» бывший при Ежове зам. наркома М. П. Фриновский. Согласно реабилитационным материалам, «...лица, проводившие следствие по делу... начинали допросы... с применения физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подследственные не давали согласия на дачу навязывавшихся им показаний... Практиковалось оформление одним протоколом многих допросов, а также составление протоколов в отсутствие допрашиваемых» (Цит по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 40). Большинство арестованных пытались противостоять давлению следователей. В частности, Н.И. Муралов, будучи крупным военачальником, командующим Московским военным округом, дал свои признательные показания только спустя почти 8 месяцев после своего ареста, К. Радек – через два с половиной месяца. Использовались, помимо методов физического воздействия также и методы морального давления: обвиняемых принуждали «разоблачиться» в интересах окончательного «разгрома троцкизма», во имя интересов народа и советского государства.

Использовались и другие, т.н. альтернативные методы привлечения арестованных к даче фальсифицированных признаний. В частности, будучи уже осужденным по процессу на 10 лет тюремного заключения, В.В. Арнольд заявлял в 1938 г. следующее: «...следователем мне было заявлено: «Нам известно, что вы из себя представляете, и мы располагаем достаточным материалом, чтобы обвинить вас в шпионаже, но сейчас мы тебя обвиняем как участника террористической организации и других показаний не требуем, выбирай. Кем ты хочешь быть, или шпионом или террористом?». На поставленный передо мной вопрос я ответил, что являюсь участником террористической организации и обязуюсь дать показания» (Там же. С. 41)

Государственным обвинителем на процессе А.Я. Вышинским делались записи, сохранившиеся в его архиве, которые отразили его беседы со Сталиным в связи с подготовкой процесса. Из записей следует, что Сталин давал обвиняемым характеристики, лично редактировал и вносил исправления в текст обвинительной речи Вышинско-

го на процессе. За два дня до вынесении приговора В. Ульрих отправил в ЦК вариант приговора по данному «делу» на согласование, что противоречило нормам закона, однако являлось утвердившейся практикой. В нем Ульрих предлагал в отношении всех обвиняемых применить расстрел. В дальнейшем, в отношении 4-х обвиняемых, в т.ч. Сокольников и Радека, приговор был смягчен. Предположительно, что это было достигнуто, в частности, применительно к Радеку тем, что последний весьма активно «саморазоблачался» на суде, согласовывая с Вышинским предварительно даже свое «последнее слово» ( об этом сохранилось свидетельство очевидцев). Сохранился набросок письма Радека жене, написанное за несколько дней до начала процесса: «Я признал, что я был членом центра, принимал участие в его тер. деятельности, о связи троцкистов с герм. И японским правительством, я это подтверждаю на суде. Незачем говорить, что такие признания не могли у меня быть вырванными ни средствами насилия, ни обещаниями. Ты знаешь, что я бы ценой такого признания не покупал жизни... Одно знай, что бы ни было, я никогда не чувствовал себя так связанным с делом пролетариата, как теперь». (Там же. С. 43).

Под данным углом зрения ( «самораскавание» и последующая фаза сотрудничества со следствием ради «службы великой цели») можно рассматривать и следующее «признание» Радека в своем последнем слове на процессе: «Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия ... мне сказал: «Вы же не маленький ребенок. Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться, и, как разумный человек, не можете себе ставить эту цель; если вы не хотите показывать, то только потому, что хотите выиграть время и присмотреться. Пожалуйста, присматривайтесь». В течение двух с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение двух с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл...

И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы – уже последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?». И я сказал: «Да, завтра я начну давать вам показания». И показания, которые я дал, с первого и до послед-

него, не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено» (Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1939 года)... С. 230).

Тот же тезис (о том, что именно следствие сформировало т.н. доказательную базу для процесса, а сами обвиняемые в силу разных причин дали согласие это подтвердить) фактически прозвучал и в последнем слове другого ключевого обвиняемого, Г.Л. Сокольникова (которому, как и Радеку вынесли не расстрельный приговор): «...в ходе следствия я ознакомился с рядом материалов о работе организации, о которой я, в качестве члена центра, по конспиративным условиям вообще полной информации не имел, как и никто из остальных членов центра не имели полной информации, и я должен сказать, что и рядовые участники блока... конечно не знали всего. Но и мы, участники центра, тоже не все знали. Мы были по конспиративным условиям один от другого разобщены, разрознены. И, конечно, я не могу не сказать: то, что о деятельности нашего блока следствие показало мне, во что превращаются наши директивы... Я не могу не ужаснуться этой картины, картины наших преступлений. И, естественно, что с тем большей искренностью, с тем большим желанием я сам шел на полное раскрытие всей деятельности нашей организации для того, чтобы положить ей конец» (Там же. С. 235–236).

И в конце своей речи Сокольников фактически назвал итоговую причину того, почему испытанные гражданской войной, тюрьмами и ссылками политические деятели такого типа (а Радек сидел и в немецкой тюрьме за участие в подготовке коммунистического восстания в Германии) пошли на двойную сделку (с самими собой и со следствием) – понимая, что они игроки в чужой игре, где «троцкистское подполье» не более, чем мистификация, они полагали, что своими «разоблачениями» и «покаяниями» они послужат «общему делу» (тем более, что в конце 1920-х гг. они уже «разоружались» перед сталинским руководством и были возвращены на руководящие посты, пусть и рангами ниже). Поскольку же они выполнили свою миссию, как ее понимали («разоблачение троцкизма»), то это давало им психологическое право в ранге активных «участников разоблачения», просить суд о снисхождении, как это сделал Сокольников:

«...поскольку троцкизм как контрреволюционная политическая сила перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что и я, и другие обвиняемые, все обвиняемые, могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении. Я не вижу в этом ничего ни невозможного, ни зазорного для себя и для других участников процесса» (Там же).

С этим психологическим ощущением, что они, формально обвиняемые, фактически выполняют такую же, хотя и крайне специфическую работу политического масштаба, значимого для сталинского режима, что и следователи и судьи, связан и мимолетный, но важный для понимания психологии ключевых обвиняемых, инцидент во время последнего слова Радека, когда в ходе выступления он сказал «Товарищи судьи...». Далее цитируется стенограмма: «**Председательствующий:** Подсудимый Радек, не «товарищи судьи», а «граждане судьи». **Радек:** Извиняюсь, граждане судьи» (Там же. С. 228–229).

Особое значение в обвинительном заключении и в ходе процесса придавалось т.н. вредительской и диверсионной деятельности подсудимых. Им инкриминировалась организация взрывов, крушений на железной дороге, аварий на производстве. Действительно, в сфере производства в 1930-е гг. происходило значительное число аварий, пожаров и т.д. Однако, в случае такого рода событий тотчас создавались комиссии, проводились проверки и расследования. В подавляющем большинстве случаев оказывалось, что эксцессы вызывались не умышленными действиями «вредителей», а являлись следствием нарушений производственной и технологической дисциплины, низким профессионально – техническим уровнем подготовки рабочих и ИТР, нарушений ими норм техники безопасности и т.д. Однако после убийства С.М. Кирова и общей установки на «повышение бдительности», работники НКВД начали квалифицировать такого рода факты происшествий на производстве как «вредительско – диверсионную деятельность».

В частности, в процессе фигурировали факты, положенные в основу т.н. кемеровского процесса, состоявшегося в г. Кемерово в ноябре 1936 г. Ранее там произошел взрыв на шахте «Центральная», в результате которого погибли и пострадали десятки рабочих. По этому делу привлекались первоначально только в качестве свидетелей ряд руководителей угольной промышленности Кузбасса, но затем их включили в число обвиняемых по Второму Московскому процессу, а взрыв в шахте стал одним из доказательств контрреволюционной

деятельности троцкистов. Экспертиза причин взрыва проводилась формально: члены комиссии в течение двух недель находились, никуда не выходя, в здании НКВД, своего расследования не проводили, а подписали те выводы, которые им были навязаны работниками спецслужб. Проверкой т.н. экспертиз фигурировавших на процессе 1937 г., проведенной в конце 1950-х гг., было установлено, что никакой «вредительско – диверсионной деятельностью» обвиняемые не занимались.

В обвинительном заключении и на процессе утверждалось, что прямым организатором всей преступной деятельности выступал Л.Д. Троцкий, якобы имевший регулярные контакты, переписку с Пятаковым и Радеком. В частности, утверждалось, что будто бы Пятаков, находясь в Берлине по служебным делам в конце 1935 г. тайно, по фиктивному немецкому паспорту, летал в г. Осло на встречу с Троцким ( Пятаков подтверждал факт тайной встречи ). Однако, когда на процессе данный «факт» прозвучал, Троцкий предоставил свидетельства того, что на момент якобы тайной встречи с Пятаковым в Осло он был совершенно в другом месте. Кроме того, спецслужбы, проводившие плотное наблюдение за Троцким, не фиксировали никаких контактов или переписки Троцкого с Пятаковым и Радеком.

В послесталинский период начался пересмотр дела в отношении части обвиняемых по Второму Московскому процессу. Половина из них была реабилитирована Верховным судом СССР в 1956–1961 гг. Однако главные обвиняемые, на которых лежало клеймо оппозиционеров – троцкистов (Пятаков, Радек, Сокольников) были реабилитированы только в период «перестройки» постановлением Пленума Верховного Суда СССР в июне 1988 г. в рамках широкой реабилитации тех, кто по версии еще сталинского «Краткого курса» занимался «антипартийной, контрреволюционной деятельностью». Однако ни тогда, в апогей «перестройки» и крушения основных идеологических догматов социализма, ни позднее, в постсоветскую эпоху, правовой реабилитации Л.Д. Троцкого так проведено и не было.

Второй Московский процесс в известной степени был «эхом» Первого (зиновьевско – каменевского) и прологом Третьего (бухаринско – рыковского). Принципиально конструкция трех процессов сохранялась и воспроизводилась с незначительными коррективами. Все они носили сценарный, постановочный характер, главным создателем и «творцом» выступал Сталин. При этом Второй процесс выявил одну парадоксальную, на первый взгляд, нить, связанную с самым круп-

ным постреволюционным процессом над лидерами эсеровской партии 1922 года: на процессе 1922 г. Г. Л. Пятаков был ключевой политической фигурой в качестве председателя суда; на январском процессе 1937 г., без малого 15 лет спустя, он также был ключевой фигурой, но уже в качестве обвиняемого. Это символическое совпадение говорило о том, что за прошедший период фактически произошла смена политических элит в стране, в ходе которой обвинители «контрреволюционеров» сами становились обвиняемыми в той же самой «контрреволюции».

**Третий Московский процесс**, официально именовавшийся как «Процесс антисоветского «право-троцкистского блока»», неофициально, по аналогии с дореволюционными, как «Процесс двадцати одного» (по числу обвиняемых) последний из так называемых Больших Московских процессов, открытый показательный суд над группой известных государственных и партийных руководителей СССР. Дело, как и предыдущие слушалось со 2 по 13 марта 1938 г. в Военной коллегии Верховного Суда СССР при председательствующем В.В. Ульрихе, государственным обвинителем выступал А.Я. Вышинский.

Ключевыми обвиняемыми на процессе оказались известные партийные и государственные лидеры 1920-х – 1930-х гг., среди которых находились как знаковые фигуры периода внутрипартийных дискуссий (обвинённые в т.н. левых и правых уклонах) в лице А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина («правые»), некогда активные сторонники Троцкого (Н.Н. Крестинский, Х.Г. Раковский), формально тем самым оправдывая якобы наличие «право-троцкистского блока». Здесь же оказалась группа видных государственных функционеров (до ареста наркомом или зам. наркома были А.П. Розенгольц, В.И. Иванов, М.А. Чернов, Г.Ф. Гринько, И.А. Зеленский, П.Т. Зубарев), лидеры республиканских партийных структур (А. Икрамов, Ф.Г. Ходжаев, В.Ф. Шарангович). Особые группы обвиняемых составляли чекисты (Г.Г. Ягода, П.П. Буланов), а также медики (Л.Г. Левин, И.Н. Казаков и Д.Д. Плетнёв).

Подсудимые обвинялись «в измене родине, шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве, подрыве военной мощи СССР, провокации военного нападения иностранных государств на СССР, — то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58<sup>12</sup>, 58<sup>2</sup>, 58<sup>7</sup>, 58<sup>8</sup>, 58<sup>9</sup> и 58<sup>11</sup> УК РСФСР». Им вменялось в вину создание «право-троцкистского блока», связь с иностранными разведками, подготовка вооружённой агрессии против СССР, осуществление вредительства и диверсий в



промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве; подготовку «кулацких» восстаний в тылу Красной Армии в случае будущей войны; ряд убийств и покушений на партийно – государственных лидеров. Отдельное и важное место на процессе отводилось доказательству преступлений Бухарина 1918 г. (связи с «левыми эсерами» для свержения большевиков, причастность к покушению на Ленина и т.д.).

Защиту на процессе осуществляли только известные адвокаты И.Д. Брауде и Н.В. Комодов, выступавшие и на более ранних политических процессах. Их подзащитными были врачи. Остальные подсудимые отказались от защитников, очевидным образом демонстрируя этой деталью невозможность обеспечить нормальное ведение суда .

Сам процесс проходил в предсказуемом формате, ознаменовавшись лишь одним инцидентом (внезапным отказом в начале процесса Н. Н. Крестинским от своих показаний на предварительном следствии), хотя он был оперативно «урегулирован», и на следующем судебном заседании Крестинский «исправился», не без давления на него, а также уговоров Х. Г. Раковского, обладавшего большим авторитетом и влиянием среди обвиняемых как старейший революционер. В своем узком кругу в связи с поведением Крестинского помощник прокурора СССР Г. М. Леплевский заявлял : «Вы знаете, Сталин сказал, что Художественный театр может даже из преysкуранта сделать художественную вещь, театральную постановку, – в данном случае НКВД приготовил преysкурант, из которого Прокуратура и суд должны сделать настоящую постановку, не в наших интересах делать из этой постановки фарс с помещиком и с гвоздями в яйцах. Нельзя раздражать Раковского и других, а то они могут начать говорить совсем другое. Не нужно быть очень умным, чтобы видеть, что этот процесс держится на волоске, все видят, что о конкретном вредительстве никто, кроме Ходжаева, не говорит. Крестинский чуть было не поднял занавес на признания. И не Вышинского заслуга, что Крестинский затем вернулся к версии предварительного следствия, а тех, кто беседовал с ним между заседаниями суда» (Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С. 155; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. ... С. 175.) Прочтение данной информации Сталиным стоило свободы Леплевскому, который был арестован по указанию Сталина 10 марта 1938 г., за несколько дней до завершения процесса, и расстрелян 29 июля 1938 г.

Суд приговорил 13 марта 1938 года всех подсудимых, кроме троих, к высшей мере наказания – расстрелу, 15 марта приговор был

приведен в исполнение. Суд приговорил Плетнёва, «как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении т.т. В.В. Куйбышева и А.М. Горького, хотя и содействовавшего этому преступлению», к 25 годам заключения, а Раковского и Бессонова, «как не принимавших прямого участия в организации террористических и диверсионно-вредительских действий», к 20 и 15 годам заключения соответственно. Все трое (Плетнёв, Раковский и Бессонов) были расстреляны 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу под Орлом вместе с 154 другими политзаключёнными при приближении гитлеровских войск.

Некоторые из осужденных (Крестинский, Икрамов, Ходжаев, Зеленский) были реабилитированы в начале 1960-х гг. Другие осуждённые на Третьем Московском процессе, кроме Ягоды, были реабилитированы только в 1988 году. Как отметил пленум Верховного суда СССР, вынесший 4 февраля 1988 г. решение о реабилитации Бухарина, Рыкова и др., «Военная коллегия Верховного Суда СССР в нарушение закона в приговоре по данному делу не привела конкретных доказательств виновности Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, А.П. Розенгольца, М.А. Чернова, Х.Г. Раковского, П.П. Буланова, Л.Г. Левина, И.Н. Казакова, В.А. Максимова-Диковского и П.П. Крючкова в совершении особо опасных государственных преступлений, сочтя достаточными их показания на предварительном следствии и в суде, в которых они в общей форме признавали свою вину в преступной деятельности. При оценке этих показаний органами следствия и судом игнорировано важнейшее требование закона о том, что никакие доказательства, в том числе и признание обвиняемым вины, не имеют заранее установленной силы и могут быть положены в основу обвинительного приговора лишь при подтверждении совокупностью других фактических данных. По данному же делу показания обвиняемых не могли быть положены судом в основу приговора потому, что они противоречивы, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и получены в результате грубых нарушений законности в процессе предварительного следствия и судебного разбирательства.

...Изучение материалов дела дает основание сделать вывод, что некоторые протоколы допросов, в том числе допросов на очных ставках, фальсифицировались; к делу приобщались заранее составленные протоколы допросов с "признанием" обвиняемыми своей вины. Самооговор же достигался путем обмана, шантажа, психического и физического насилия.

...В связи с грубыми нарушениями закона на предварительном следствии и в процессе судебного разбирательства показания обвиняемых не могут быть положены в основу вывода об их виновности. Других же достоверных доказательств совершения ими особо опасных государственных преступлений в деле не содержится».

Следует отметить, что втягивание лидеров «правых», Бухарина, прежде всего, в качестве потенциальных фигурантов политических процессов, началось еще с периода подготовки процесса «Промпартии» осенью 1930 г. Начавший с конца сентября давать нужные следствию показания Л.К. Рамзин достаточно «развернуто свидетельствовал» о том, что заговорщики пользовались расположением и поддержкой лидеров «правых», чтобы проводить свою «антисоветскую работу». С этим, предположительно связана резкая реакция Бухарина на обвинение в его адрес Сталиным в «поддержке терроризма». В частности, в своем письме Сталину от 14 октября 1930 г. Бухарин писал: «Коба. Я после разговора по телефону ушёл тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня "напугал" – ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведёт, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически... Я считаю твои обвинения чудовищной, безумной клеветой, дикой и, в конечном счёте, неумной... Правда то, что я терплю неслыханные издевательства. Правда то, что я не отвечаю и креплюсь, когда клеветают на меня... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей а La Пятаков-или это делает меня "проповедником террора"? Тогда так и говорите! Боже, что за адово сумасшествие происходит сейчас !» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 70)

Позднее, во время Первого Московского процесса (зиновьевско – каменевского) возникла «линия связи» обвиняемых с лидерами «правых». В ходе подготовки Второго Московского процесса на Бухарина и Рыкова как на организаторов «контрреволюционного заговора» дали «показания» Сокольников и Радек. Тогда же были произведены массовые аресты ближайших соратников Бухарина, от которых чекисты требовали признательных показаний о «контрреволюционной деятельности» лидеров «правых». В итоге 27 февраля 1937 г. Бухарин и Рыков были арестованы. В дальнейшем им пред-

стояло пройти через череду допросов; Бухарин неоднократно обращался с письмами к Сталину, в которых стремился опровергнуть все обвинения в свой адрес. Вероятно, до последнего момента, даже после вынесенного смертного приговора, Бухарин мог рассчитывать на «чудо». Из показаний бывшего зам. наркома внутренних дел Фриновского, осужденного в 1940- г. за фальсификацию уголовных дел, Ежов при подготовке процесса неоднократно беседовал с Бухариным, Рыковым и другими, убеждая их «правильно» держаться на процессе и тем самым избежать расстрела. (Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 110) .

Исследователи Н. Петров и М. Янсен полагают, что сам Ежов был инициатором изощренной затеи с процедурой расстрела осужденных на Третьем Московском процессе. Обстоятельства казни со слов высокопоставленных чекистов Дагина и Литвина были следующими: Ежов лично присутствовал при расстреле, перед этим он приказал Дагину избить своего предшественника Ягodu перед исполнением приговора. По показаниям Литвина «...Ягodu расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных» (Петров Н., Янсен М. С. 156).

Весьма символично, что, будучи «архитектором» Больших Московских процессов, и зная закулисную их сторону ( технологию получения любых «признательных» показаний), Ежов сам вскоре прошел весь путь, который прокладывал другим: будучи арестован в апреле 1939 г. он подвергался пыткам «и во время следствия признался во всем: в шпионаже, во вредительстве, в заговорщической деятельности, в терроризме, в содомии. 3 февраля 1940 г. над ним состоялся суд при закрытых дверях; Ежов был приговорен к высшей мере наказания...На суде Ежов отрекся от своих показаний, заявив, что они были сделаны под пытками» (Петров Н., Янсен М. С. 228). Если воспользоваться образным выражением Г.М. Леплевского о том, что НКВД готовил «компоненты» для специфических блюд под названием «публичные судебные процессы», но само «меню» заказывалось политическими лидерами страны, то нетрудно установить, что большинство из них, если отсчитывать время с процесса над лидерами эсеровской партии 1922 г., будучи создателями «острых блюд», за исключением Сталина и Вышинского, сами далее становились для них политико – уголовными « компонентами».

Так, Бухарин был на процессе 1922 г. активным участником его подготовки и проведения, играл роль общественного защитника той части обвиняемых эсеров, которые «раскаяться» и давали показания против своих однопартийцев. Пятнадцать лет спустя, в 1937 г., а затем и в ходе Третьего процесса, Бухарину самому уже предъявили «букет» обвинений, сродни тем, которые звучали на процессе 1922 г. в адрес лидеров эсеров: борьба против большевиков, сговор с «левыми эсерами», причастность к покушению на Ленина и т.д. Председатель суда на процессе 1922 г. Г. Л. Пятаков сам выслушал смертный приговор в свой адрес на Втором Московском процессе. Государственный обвинитель на всех знаковых политических процессах 1920-х гг. Н. В. Крыленко был арестован в феврале 1938 г. и в июле того же года расстрелян.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема возникновения, трансформации и распада большевистского/ коммунистического режима в России (СССР) является одной из приоритетных для отечественных социально – гуманитарных наук. Среди сущностных характеристик советской тоталитарной системы важное место занимает феномен открытых (публичных) судебных политических процессов 1920–1930-х гг. Проводившиеся масштабно и интенсивно политические процессы выполняли функцию эффективного инструмента социальной мобилизации для привлечения социума к реализации провозглашаемых режимом целей и задач, упорочения им своего политического господства. В этом ряду, наравне первым крупными процессами 1922 г. над лидерами эсеров и священнослужителями, знаковую роль играли т. н. вредительские/антиинтеллигентские процессы (Шахтинский процесс 1928 г., процессы «Промпартии» (1930 г.) и «Союзного бюро меньшевиков» (1930 г.), ознаменовавшие собой смену партийно-политического курса в отношении т. н. старой интеллигенции и возврат к мобилизационно-репрессивным механизмам эпохи гражданской войны во внутренней политике. Процессы имели ряд взаимосвязанных между собой аспектов. *Идеолого-пропагандистский аспект* базировался на наличии причин, мотивов и намерений высшего партийно-политического руководства в проведении открытого судебного процесса и предполагал массированное воздействие на сознание различных групп общества для конструирования нового образа «врага» – «спеца-вредителя»; *репрессивный* включал в себя «выявление и изоляцию вредителей»; *юридический* включал в себя отработку технологии придания законности и легитимности фальсификации следствия и суда; *социально-культурный* означал политику внесения раскола в отношения между рабочими и специалистами, эксплуатацию интеллигентофобии; *внешнеполитический аспект* включал в себя линию «интернационализации» «вредительства» путем обвинения специалистов в «шпионаже» и «пособничестве интервенции». Процесс «Промпартии» в данном ряду явился первым последовательно осуществленным т. н. постановочным процессом, сфальсифицированным не только от момента предварительного следствия до фор-

мул обвинения и приговора, но и полностью подконтрольным поведением самих подсудимых на суде. Изучение организации, проведения и последствий крупных политических процессов, позволяет выявить и проанализировать ряд сущностных аспектов формирования тоталитарного режима, в т. ч. границ и пределов возможностей его воздействия на социум и утверждения своей гегемонии путем соединения механизмов репрессий и технологий социальной мобилизации.

Важность приобретает и подход, предусматривающий учет факторов и тенденций вариативности, учет возможности и реальности в проведении постановочных судебных процессов. Так, следует установить обстоятельства и причины того, как и почему из имевшихся вариантов постановочного процесса в условиях 1930 г. политическое руководство остановилось на суде над мифической «Промпартией», имея в разработке дела по т. н. Трудовой крестьянской партии (Н.Д. Кондратьев – А.В. Чаянов) и т. н. Академическое дело (С.Ф. Платонов). Использование методов компаративного анализа здесь может быть весьма продуктивным. Проведенные в 1929–1931 гг. массовые операции с арестами нескольких тысяч специалистов в различных областях науки, культуры, образования, промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. д. сопровождалось столь же массовым и стандартным распространением технологий и фальсификаций в ходе следствия, позволяющим реконструировать условия содержания, психологию тюремного заключения, формы и приемы фабрикации «признательных показаний» арестованных и т. д. Как правило, опытные следователи работали с различными «контингентами», проходившими по «делам» «Промпартии», «ТКП», «меньшевиков», поэтому в сохранившихся документах (заявлениях, жалобах и т. д.) от ключевых персонажей состоявшихся и готовившихся процессов (Н.Д. Кондратьева, М.П. Якубовича, Н.Н. Суханова и др.) содержится ценная информация о методах чекистского следствия и в отношении лиц, арестованных за причастность к таким мифическим организациям, как «Промпартия», «Союзное бюро меньшевиков» и др.

В подходах к изучению места и значения открытых (показательных) судебных политических процессов мы исходим из особой природы последних, рассматривая их в контексте феномена социальной мобилизации. Социальные мобилизации (СМ), будучи важнейшей деятельностной характеристикой тоталитарных режимов, имели устойчивые и разнообразные формы проявления и воспроизводства.

Открытые судебные процессы выполняли несколько важнейших функций (канализация режимом негативных общественных настроений с нацеливанием на определенные социальные группы и личности; легитимация отдельных направлений дискриминационной и репрессивной политики; масштабное пропагандистское воздействие, направленное на вовлечение и сопричастность широких масс политике режима). Идеолого-пропагандистские кампании сопровождали политические процессы, являясь важнейшей частью их проведения. В более широком контексте кампании и процессы выступали органично связанными инструментами социальной мобилизации потенциала общества на реализацию признаваемых и одобряемых большинством выдвигаемых режимом политических программ. Все рассматривавшиеся СПП стали яркими проявлениями социальной мобилизации конфронтационного типа, базировавшийся как на существовавших, так и искусственно конструируемых социальных конфликтах. Одновременно с этим политические процессы призваны были реализовать позитивную функцию социальной мобилизации – консолидацию потенциала общества на реализацию планов коренной модернизации экономики. Источники призваны обеспечить документальную реконструкцию проявления в ходе подготовки и проведения процессов обеих тенденций – конфронтационной и консолидационной.

Наличие общих, базовых основ для СПП, следует определять место и специфику каждого из крупных судебных процессов. Так, процесс «Промпартии» при наличии в его организации и проведении ряда сущностных черт, ставивших его типологически в один ряд с другими антиинтеллигентскими процессами того времени, имел свою специфику. В частности, если Шахтинский процесс получил окраску «вредительского», а осужденные по нему проходили главным образом по ст. 58 (п. 7 (саботаж) и п. 11 (к.-р. организация)), то процесс «Промпартии» имел маркировку «интервенционистского», а его участники осуждались по п. 3 (пособничество иностранным государствам в подготовке интервенции), 4 (помощь международной буржуазии), 6 (шпионаж) и 11 (к.-р. организация). Уже на фазе судебного следствия ранее фигурировавший в качестве важнейшего п. 7 (вредительство и саботаж) был исключен, а приоритетными стали обвинения в связях с западными правительствами и шпионаже. Тем самым целевым назначением процесса являлось «вскрытие и разоблачение планов и пособничества интервенции», что привело к «отсечению» других линий следствия, связанных с «вредительством»,



«террором», т. е. активизмом. Подобный формат судебного процесса требовал сужения числа обвиняемых до 8 чел. (ср. с Шахтинским процессом – 53 чел.) и полной его фальсифицированности и постановочности, в отличие от всех предыдущих. Свидетельством тому выступает поведение подсудимых, полностью зачитывавших свои «показания» (см. кинохронику), минимум свидетелей, отказ большинства подсудимых от защиты, полная идентичность текстов рабочей стенограммы процесса с оперативно опубликованной через несколько месяцев официальной стенограммой (сверено в ходе работы с первоисточниками). О соглашении обвиняемых с назначенными ролями свидетельствует и факт замены расстрельных приговоров различными сроками лишения свободы с использованием их в заключении для работ по специальности в закрытых технических бюро. Сам процесс имел две отчетливо фиксируемых прагматических замысла и последствия – активация массового оборонного сознания и активация труда специалистов. Длительность и устойчивость данных явлений требует изучения, равно как и цена этих результатов.

Очевидно, однако, что показательные процессы рубежа конца 1920-х – начала 1930-х гг. занимали промежуточное место между открытыми процессами 1920-х гг., лейтмотивами которых выступали задачи подавления «исторической контрреволюции», как своего рода «эха гражданской войны» и расправы большевистских лидеров со своими политическими и социальными противниками и будущими открытыми Московскими процессами второй половины 1930-х гг., в которых сталинский режим функционально готовился к новой, Большой войне, объявив целевыми объектами для нового террора бывших оппозиционных Сталинскому окружению большевистских лидеров (Зиновьева, Каменева, Пятакова, Сокольников, Бухарина, Рыкова и др.). «Переходными» т. н. вредительские/антиинтеллигентские процессы (Шахтинский, «Промпартия», «Меньшевистский») были потому, что в ходе их осуществления опробовались в комплексе все аспекты СПП, от идеолого – политических до технолого-пропагандистских, нацеленные на получение максимально подконтрольного и управляемого судебного публичного действия в его постановочном виде. И если Шахтинский процесс являлся первым шагом в данном направлении, и заслуживал определения как «полупостановочного», где наряду с «признаниями» главных фигурантов до половины осужденных на процессе не признали на суде своей вины, то последую-

щие процессы («Промпартия» (1930), «Меньшевистский» (1931)) уже в полной мере отвечали критериям «постановочных».

В технологиях подготовки и проведения указанных «серийных» «вредительских» процессов уже прослеживались контуры будущих Московских процессов против «оппозиционеров». Так, в следствии и в судебных заседаниях по «делу «Промпартии»» уже фигурировали «факты» связей лидеров «правого уклона» с подсудимыми, а в ходе подготовки и проведения «Меньшевистского» процесса произошел первый и знаковый арест с последующей ссылкой известного большевика и одного из создателей советской государственности Д.Б.Рязанова. Тогда же, в ходе подготовки процессов стали применяться такие меры воздействия на подсудимых, как аресты членов семей и родственников, меры воздействия, близкие к пыточным (содержание в камерах без света и доступа свежего воздуха, допросы по конвейерной системе и т. д.).

Особая природа и место показательных СПП в репрессивной политике советского государства связаны с тем, что они представляли собой видимую и формально законную часть репрессий, с помощью которой руководство страны добивалось конкретных целей и задач. Показательный процесс являлся незаменимым превентивным средством борьбы с потенциальным противостоянием режиму в условиях возможной войны, что с особой остротой проявилось в ходе Больших Московских процессов. Проведенные в ходе их осуществления агитационно-пропагандистские кампании были направлены на дискредитацию и ликвидацию бывшей, реальной (прежде всего, в лице Троцкого и зарубежных троцкистов) и потенциальной оппозиции, возможной «пятой колонны», устрашение и преобразование правящей элиты в преддверии будущей мировой войны.

Агитационно-пропагандистские кампании, сопровождавшие Московские процессы, имели своей целью усилить идейно-политическое влияние процесса на массы, использовать их как фактор повышения авторитета партийно-государственного руководства СССР в партии и широких слоях населения. С помощью агитационно-пропагандистской кампании открытый процесс выступал испытанным инструментом массовой социальной мобилизации, что делало его одним из наиболее эффективных воспитательно-пропагандистских средств подавления и искоренения оппозиционных настроений и инакомыслия внутри советского общества, средством сохранения и поддержания авторитета власти. Московские процессы предназначались для

внутренней консолидации общества, позволяя канализировать потенциал социального недовольства и протеста широких масс своим повседневным положением в ненависть против «врагов», поскольку проведенная в ходе него агитационно-пропагандистская кампания являлась четким идентификатором «своих» и «чужих». Кроме того, Московский процессы, как и более ранние показательные процессы 1920-х гг., позволяли подключить широкие слои советского социума к массовому осуждению и расправе над «врагами народа», сделать их соучастниками проводимых в стране репрессий и тем самым легитимировать политику государственного насилия.

В современной ситуации значимым для социальной практики представляется исторический анализ негативного и разрушительного опыта использования судебно-правовых институтов в прагматических целях упрочения институтов власти. Другим актуальным аспектом может стать историческая реконструкция механизмов и технологии осуществления социальной мобилизации конфронтационного типа (поиск и конструирование «внутренних и внешних врагов») как одной из институциональных основ антидемократических политических систем.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

### Литература

- Абрамов В.Н.** Усиление антиинтеллектуальных тенденций в политике большевистского режима (1926–1928 гг.) // Гуманитарные науки в России: Соровские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 5–11.
- Авторханов А.Г.** Технология власти // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 139–141.
- Антонов-Овсеенко А.** Театр Иосифа Сталина. М., 1995.
- Арнаутов Н.Б.** Образ «врага народа» как стереотип массового сознания // Вестник Кlio: Тр. гуманит. фак-та НГУ. Сер. 2. Новосибирск, 2006. С. 72–80.
- Арнаутов Н.Б.** Образ «врага народа» в контексте проведения «Больших московских процессов» 1936–1938 гг. // Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. М., 2010. С. 85–91.
- Артамонова Ж.В.** Открытый московский процесс 1936 г. как мобилизационная политическая кампания // Российская история. 2010. № 6. С. 161–170.
- Артамонова Ж.В.** «Стрелять придется довольно внушительное количество». Письмо Н.И. Ежова И.В. Сталину. 1936 г. // Исторический архив. 2011. № 4. С. 73–81.
- Артамонова Ж.В.** Этапы формирования обвинений против лидеров троцкистско-зиновьевской оппозиции в 1934–1936 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 3. С. 193–203.
- Бакулин В.И., Лейбович О.Л.** Рабочие, «спецы», партийцы: О социальных истоках «великого перелома» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98–110.
- Блюм А.** К изучению политических процессов в Советском Союзе и послевоенной коммунистической Европе / Судебные политические процессы в СССР в коммунистических странах Европы: Сравнительный анализ механизмов и практик проведения: Сб. материалов рос.-фр. семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). Новосибирск, 2010. С. 5–11.
- Ваксберг А.И.** Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992.
- Волгогонов Д.А.** Триумф и трагедия: политический портрет: И.В. Сталин: В 2 кн. М., 1989. Кн. 1, ч. 2.

- Вышинский А.Я.** Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.
- Гинцберг А.И.** Московские процессы 1936–1938 гг. // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 10–23.
- Голдман В.З.** Террор и демократия в эпоху Сталина: социальная динамика репрессий. М., 2010. 335 с.
- Голинов Д.Л.** Крушение антисоветского подполья. М., 1986. Кн. 2.
- Голубев А.В.** «Если мир обрушится на нашу Республику...»: советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008.
- Горлов С.А.** Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин. 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М., 2001.
- Гудков Л.** Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 5–65.
- Дюллен С.** Роль международного вопроса в политических процессах в СССР. «Шахтинское дело» и советская внешняя политика // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения. Новосибирск, 2010. С. 66–74.
- Елфимов Е., Щетинов О.** Три процесса над старой интеллигенцией // Политическое образование. 1989. № 16. С. 69–76.
- Есиневич А.А.** Театр абсурда или судебный процесс по «Шахтинскому делу». СПб., 2004. 159 с.
- Животягин Е.А.** «Второй московский процесс» в оценках американских дипломатов: спор юриспруденции и гуманизма // Американский ежегодник: 2001 г. 2003. С. 223–240.
- Жуков Ю.Н.** Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 33–51.
- Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.** Приговоренные временем: российские и советские прокуроры: XX век: 1937–1953 гг. М., 2001. С. 7–92.
- Ильинский М.** Нарком Ягода: 20 лет в маске. М., 2005. С. 392–393.
- Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский / Сост. О.Е. Кутафин.** М., 1992. 383 с.
- Исаев В.И.** Они хотели убить Сталина. ОГПУ против немецких студентов в показательном судебном процессе 1925 г. Новосибирск, 2005.
- Каширских О.Н.** Кризис в советско-германских отношениях 1928 года // Вопросы истории. 2006. № 9.

**Кестлер А.** Слепящая тьма. М., 1989.

**Кирилина А.** Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном. СПб., 1993.

**Кислицын С.А.** Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993.

**Ковалев В.А.** Два сталинских наркома. М., 1995.

**Ковалев В.А.** Распятие духа: судебные процессы сталинской эпохи. М., 1997. 288 с.

**Костин Н.Д.** Суд над террором. М., 1990.

**Красильников С.А.** Шахтинский процесс 1928 г.: предварительное следствие в архивных документах // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009а. Т. 8. Вып. 1. С. 59–66.

**Красильников С.А.** Шахтинский процесс как социально-политический заказ // Гуманитарные науки в Сибири. 2009б. № 2. С. 70–93.

**Крыленко Н.В.** За пять лет. 1918–1922. Обвинительные речи. М.; Пг., 1923.

**Кудрявцев В., Трусов А.** Политическая юстиция в СССР. М., 2000.

**Куманев В.А.** 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1992.

**Люттов Л.Н.** Политические настроения провинциальной интеллигенции в освещении ОГПУ. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 107–119.

**Маннинг Р.** Политический террор как политический театр // Трагедия советской деревни. М., 2004. Т. 5, кн. 1. С. 51–70.

**Медведев Р.А.** О Сталине и сталинизме. М., 1990.

**Медушевский А.Н.** Сталинизм как модель социального конструирования: к завершению научно-издательского проекта // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

**Мозохин О.Б.** Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

**Мозохин О.Б.** Без вины виноватые: Шахтинский процесс 1928 года // Родина. 2008а. № 7.

**Мозохин О.Б.** «Замешанных немцев арестовать» (Вступит. статья, подготовка документов к публикации, коммент.) // Отеч. архивы. 2008б. № 6. С. 84–97.

**Мозохин О.Б.** Вредительство в народном хозяйстве [Эл. ресурс]. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/History/Article/moz\\_vrnar.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/moz_vrnar.php)

- Морозов К.Н.** Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние, 1922–1926 гг.: Этика и тактика противоборства. М., 2005. 735 с.
- Наумов Л.** Сталин и НКВД. М., 2010.
- Павлова И.В.** Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98–103.
- Петров Н., Янсен М.** «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., РОССПЭН. 2008.
- Плеханов А.М.** ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006.
- Пыстина Л.И.** Спецеедство в Сибири в 20-е годы // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930 гг.). Новосибирск, 1994. С. 122–150.
- Пыстина Л.И.** «Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда). Новосибирск, 1999.
- Роговин В.З.** 1937. М., 1996. 480 с.
- Рожнева Ж.А.** Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг. Томск, 2008. 224 с.
- Солженицын А.И.** Архипелаг ГУЛАг. 1918–1956 // Собр. соч.: В 9 т. М., 1999. Т. 4.
- Соломон П.** Советская юстиция при Сталине. М., 2008. 464 с.
- Соскин В.Л.** Шахтинское дело в ракурсе социально-культурного подхода // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 1. С. 50–58.
- Старков Б.А.** Переход к политике разгрома («Шахтинское дело») // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 254–261.
- Стецовский Ю.** История советских репрессий : В 2 т. М., 1997. Т. 2.
- Судебные политические процессы в СССР в коммунистических странах Европы: Сравнительный анализ механизмов и практик проведения: Сб. материалов рос.-фр. семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). Новосибирск, 2010. 228 с.
- Судебные политические процессы в СССР в коммунистических странах Европы: Сб. материалов фр.-рос. семинара (Париж, 29–30 ноября 2010 г.). Новосибирск, 2011. 198 с.
- Трифонов И.Я.** Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960.

- Ушакова С.Н.** Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009.
- Ушакова С.Н.** Шахтинский процесс: Проблемы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 73–76.
- Фицпатрик Ш.** Как мыши кота хоронили: показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 387–413.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.** Сталин, НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. М., 2009. 432 с.
- Янсен М.** Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.
- Cohen St.** Bukharin and the Bolshevik Revolution: a political Biography. N. Y., 1973.
- Conquest R.** The Great terror: Stalin's Purge of the Thirties. N.Y., 1973.
- Kenez P.** The birth of the propaganda state. (Soviet methods of mass mobilization, 1917–1929). Cambridge, 1985.
- Tucker R.C.** The Great Purge Trial. N. Y., 1965.

### Источники

- Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.
- Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД: Архив Сталина: Документы высших органов партийной и государственной власти, январь 1922 г. – декабрь 1936 г. / Сост. В.Н. Хаустов и др. М., 2003. 910 с.
- Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД: архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти (1937–1938) / ред. А.Н. Яковлев; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М., 2004. 736 с.
- Меньшевицкий процесс 1931 года: Сб. док.: В 2 кн. / Сост. А.Л. Литвин. М., 1999.
- О методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры: Сборник. М., 1937.
- Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограбле-



- ний и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922.
- Процесс антисоветского правотроцкистского центра, 23–30 января 1937 г.: Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского центра. М., 1937. 258 с.
- Процесс Бухарина. 1938 г.. Сб.док. / Ред. Ж. . Артамонова, Н.В. Петров. М., 2013. 960 с.
- Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного Революционного трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна. М., 1922.
- Процесс эсеров. М., 1922. Вып. 2: Речи защитников и обвиняемых.
- Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 1991. 461 с.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999.
- Стенограмма «Бухаринско-троцкистского процесса» 2–12 марта 1938 г. [Эл. ресурс].
- URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1938buharin/red.php>
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1923–1938 гг.: В 3 т. М., 2000. Т. 3: 1928–1938.
- Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока, рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 года. М., 1938. 384 с.
- Судебный процесс над социалистами-революционерами (июль-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги: сб. док. / Сост. С.А. Красильников, К. Н. Морозов М., 2002. 1007 с.
- Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги / Отв. ред. С. А. Красильников. В 2 кн. М., 2010–2011.
- Экономическая контр-революция в Донбассе (итоги шахтинского дела). Статьи и документы. М., 1928.

## Приложение 1

### ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД СОЦИАЛИСТАМИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ (1922 г.)

#### Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о создании комиссии для подготовки процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 2, п. 3

от 13 апреля 1922 г.  
СТРОГО СЕКРЕТНО

#### 3. Доклад т.т. Крыленко, Дзержинского и Луначарского об эсерах.

а) Поручить комиссии в составе т.т. Каменева, Троцкого и Дзержинского ближайшее наблюдение за политической стороной процесса. Созыв комиссии за т. Каменевым.

б) Поручить этой же комиссии все необходимые переговоры с т. Курским.

в) Отменить пост[ановление] ПБ от 15.III о назначении тройки в составе т.т. Дзержинского, Стеклова и Курского.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 16. Л. 93. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1381. Л. 1. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Молотов, Рыков. С совещательным голосом т. Цюрупа. Члены ЦК: т. Дзержинский».

**«Протокол № 9  
заседания Агиткомиссии по эсеровской  
кампании при ЦК РКП»**

**от 13 июня 1922 г.**

ПРИСУТСТВУЮТ: Члены Комиссии: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ИОНОВ, МАЛКИН,

Представитель МК – тов. ЛАВЛЕР.

Слушали:

I. Доклад МК о подготовительных работах и ходе пятиционной<sup>а</sup> кампании.

II. О лозунгах.

III. Об агитации в газетах.

Постановили:

1. а) Общий план работ по организации демонстрации и ее проведения – утвердить.

б) Участие воинских частей в демонстрации в каком бы то ни было виде – признать нецелесообразным.

в) Признать необходимым усиление работ по проведению петиционной кампании. Привлечь к под[а]нной петиции наиболее крупные предприятия и союзы металлистов главным образом.

г) Кричащие формы демонстрации (агит-трамвайные вагоны и проч.) – признать нецелесообразным.

II. Тов. Вардину к 13 июня к вечеру составить лозунги[, ] вытекающие из хода процесса.

III а). Констатировать, что директива ЦК от 7-го июня о том, чтобы агитация не носила характера вульгарной брани и чтобы конкретные факты[, ] даваемые процессом[, ] газетами использовались в достаточной мере[, ] редакциям газет указать на необходимость точного соблюдения директивы ЦК. Особенное внимание обратить на фельетоны.

---

<sup>а</sup> Так в документе, здесь и далее следует петиционной, петиции.

б) Поручить тов. Флеровскому ежедневно следить за материалом[,] помещаемом в газетах в связи с процессом и на сколько точно соблюдается директива ЦК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:  
СЕКРЕТАРЬ:

ЯКОВЛЕВ  
РУДАКОВ

– РГАСПИ, ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 20. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописная помета Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

**«Протокол № 10  
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»**

**от 20 июня 1922 г.**

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН.

Слушали:

1. Дополнительные директивы Редакциям.

Постановили:

1. Принимая во внимание, что период агитационного освещения и использования процесса эсеров исчерпывает себя на данной стадии процесса в виду невозможности поддерживать в течение недель исключительное внимание масс и партийной периферии <sup>а</sup>к процессу<sup>б</sup> в ущерб остальным политическим вопросам; принимая в частности во внимание естественное падение напряженности интереса к процессу после демонстрации признать необходимым: 1) сократить до минимума политическую агитацию в связи с процессом в газетах с тем, чтобы оживить ее к самому концу суда, к прениям сторон и приговору; 2) в течение судебного следствия сосредотачивать внимание<sup>в</sup> на деловом освещении фактической, уликовой стороны про-

---

<sup>а-б</sup> Исправлено взамен ранее напечатанного на процессе.

<sup>в</sup> Вписано от руки взамен ранее напечатанного все усилия.

цесса и индивидуальной вины его отдельных участников.

2. Пропагандистское освещение процесса.

2. Внести на утверждение Центральной Тройки – Политбюро следующий проект постановления: Признать необходимым издание: 1) сокращенного стенографического отчета процесса, дающего точный фактический политический материал (редактирование поручить тов. тов. Попову, Вардину и Яковлеву с предоставлением им одного экземпляра стенограммы), 2) сборника основных документов, рисующих деятельность эсеров, 3) небольшой брошюры[, ] освещающей судебно-юридическую сторону процесса («Суд буржуазный и суд пролетарский»).

Признать необходимым издать брошюру о работе эсеров на Кавказе, в частности о Бакинском периоде 1918 г. – диктатуры Центрокаспия (брошюра под общей редакцией тов. Попова, использовать в качестве авторов т.т. Микояна, Шабалдаева<sup>г</sup>, Галустяна и др.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ  
СЕКРЕТАРЬ

(Я. ЯКОВЛЕВ)  
(М. МИХАЙЛОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 22. Машинописный подлинник, подпись М. Михайлова – автограф. Вверху листа рукописные пометы о рассылке «т. Каменеву» и рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

<sup>г</sup> Так в документе, следует Шеболдаева.

**Из выступления члена ВЦИК Д.Б. Рязанова  
на IX Московской губернской конференции РКП(б)  
об отношении к процессу социалистов-революционеров**

**25 июня 1922 г.**

РЯЗАНОВ Т.т. Вы понимаете, что как раз сегодня я должен быть особенно снисходителен к ЦК, ибо в первый раз ЦК попал в то положение, в которое мы много раз попадали, когда читали в газетах о постановлениях ЦК, о подготовке которых мы не подозревали. И вот теперь, в первый раз, ЦК попал с Наркомземом в такое же положение, когда однажды утром прочел постановление[, ] имеющее громадные политические последствия и которое может иметь не менее важные последствия в отношениях между органами партии и советской власти.

По первой части доклада т. Каменева, относительно внешней политики, должен сказать, что в общем и целом эта политика, которая свернула на то, что мы должны быть не только купцами, но купцами и коммунистами, что эта политика принесла крупные плоды, т.к. генуэзская практика, та огромная атмосфера сочувствия, которой мы были окружены в Генуе, выпрямила эту линию. И надо приветствовать решительность, с которой ЦК огорчил Красина и Чичерина, отказавшись утвердить русско-итальянский договор. В этом отношении мы можем только приветствовать это явление, ибо этот акт ЦК выпрямляет и укрепляет спинной хребет той делегации, которая выехала на Гаагскую конференцию. Дальше, т. Каменев говорил и взял это как промежуточную стадию, о нашей тактике по отношению к процессу с.-р. Я на этом хочу остановиться, потому что в нашей среде, где мы<sup>а</sup> до сих пор не имели возможности обсудить этот вопрос политически, нам нужно было бы это сделать, и я очень жалею, что т. Каменев, который сделал такой обстоятельный доклад, не указал на различные мнения, которые выявлялись по отношению к этому процессу, а я убежден, что точно также, как они были по вопросу об итальянско-русском договоре, также и по этому вопросу были разные мнения среди наших товарищей. Для нас, конечно, не подлежит никакому сомнению, что этот процесс должен был быть поставлен, что он должен быть поставлен так, чтобы убить партию с.-р. и меньшевиков в международном мнении, но в международном мнении

---

<sup>а</sup> Вписано от руки над строкой.

пролетариата. И ЦК, я цитирую слова т. Каменева, совершенно верно поставил вопрос, когда сказал, что не личная месть и не вопрос уничтожения данных групп лиц занимает ЦК. Повторяю, я цитирую буквально слова т. Каменева. Так и надо было ставить этот вопрос, надо было ставить его политически – убить партию с.-р., надо было поставить его так, как он был поставлен. И верно было сказано т. Радеком по поводу демонстрации рабочих, что демонстрация, это не смертный приговор подсудимым, а это смертный приговор партии с.-р. Исходя из этой точки зрения, позвольте мне, который имел возможность 4 или 5 раз быть на этом процессе и следить за некоторыми его эпизодами, указать, что в нашей тактике имеются крупные ошибки, которые теперь мешают нам достичь основной цели и которые создают впечатление для некоторых, особенно политически мало воспитанных товарищей, что речь идет об убийстве лиц, а не партии. Тут нужно сказать несколько слов о берлинском соглашении. Оно было заключено. Надо сказать, что трудно было заключить в этих пунктах более нелепое соглашение. Подумайте об этом пункте – о смертном приговоре, и затем о том, что «в виду публичного характера ведения публичного процесса на нем сумеют присутствовать, в качестве слушателей, представители всех 3 исполкомов, каковым разрешено будет фиксировать в стенограмме ход процесса для сообщения своим партиям» (цитирует). Я не понимаю, где были т.т. Радек и Бухарин, когда они на международной конференции подписывали такое соглашение. И конечно, надо было нам с самого начала знать, что Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт будут использовать все случаи, чтобы уйти с этого процесса и нужно было создать им невозможность такого ухода. Кто помнит, как происходило обсуждение по поводу стенограмм[,] тот видит, что тут была допущена тактическая ошибка, которую Пятаков тщетно пытался исправить тем, что заявил, что Вандервельде может обратиться к коменданту дома союзов с просьбой пропустить его стенографистку. Ошибка была сделана в начале Пятаковым, который вообще блестяще ведет процесс – я должен сказать, что нас вывозит на этом процессе, несмотря на крайне нелепое поведение коммунистических защитников и не всегда удачное поведение Крыленко, нас вывозит великолепное, образцовое, прекрасное и умное поведение т. Пятакова. И все[-]таки он вынужден был выпутываться из того безвыходного положения, в которое поставило нас берлинское соглашение, для чего он должен был ссылаться на коменданта дома союзов, ко-

торый мог пропустить стенографистку. Т.т.[.] я буду говорить дальше об этом берлинском соглашении. Там был вопрос о смертной казни. Но ведь и Радек и Бухарин, обещая, что в этом процессе не будет допущено применение смертной казни, прибавили «как это еще до конференции сообщалось в советской прессе». И вот теперь перед нами то неудобное положение, которое создалось для нас, и особенно для коммунистических защитников второй группы. Во всей заграничной прессе было официальное заявление, что этого не будет, что теперь не такой момент, чтобы говорить о личной мести и личном убийстве. Словом, говорилось так, как говорилось об этом в постановлении ЦК. Но надо было с самого начала подчеркнуть, что для нас не важен факт убийства того или другого лица, того или другого с.-р., тем более, повторяю вам, товарищ Каменев, что на этой стороне, которую защищают наши коммунистические защитники, сидят люди, которые не были только орудием в руках, сидят люди, я лучше всех вас это знаю, сидят Семенов, Коноплева – я прямо заявляю, что Семенова я спас в [19]18 г., когда он чуть не убил при аресте двух товарищей. Семенова я выдрал из рук товарища Кедрова, Семенова я посещал в Таганской тюрьме, я ему давал «капитал», я его передал в руки Дзержинскому для отправки на фронт. Но если бы я знал, что Семенов причастен к убийству Володарского, я бы никогда палец о палец не ударил для защиты его. Читайте показания Семенова, читайте показания Коноплевой, и вы увидите, в какое неудобное положение мы попадаем, имея группу, по поводу которой даже старик Кон должен говорить длинные речи, чтобы оправдать их мораль. Вот то неудобное положение, которое было бы иначе, если бы этого опасения не было. Товарищи знают показания Дашевского, который ведет себя прекрасно, знают показания Семенова, знают, как часто садился в лужу Семенов (шум, отдельные голоса: просим дать еще десять минут). (Председатель: прошу, товарищи, соблюдать порядок и не кричать). Какое положение создалось, если бы наша защита не была вынуждена каждый раз на это<sup>6</sup>, ибо наши защитники чувствуют неудобство, которое растёт пропорционально продолжению процесса. Раз мы заявляем смертный приговор для этих лиц, то мы имеем людей, прикованных на несколько недель к этой смертной казни (неясно слышно). А те другие даже среди товарищей вызывают чувство отвращения к себе, когда так делают, как тов. Ратнер, которого

---

<sup>6</sup> Так в документе.



прохоровцы очень хорошо знают, когда он так легко нападает на ту сторону. Я укажу вам то здоровое пролетарское чувство, которое разделяют многие молодые рабочие, я это слышал, они говорят, что Семенов и Коноплева хорошо сделали, что они все сказали, но лучше бы они теперь не жили, и они правы (голос: что за чепуха). Я говорю вам, что если бы не была создана эта постановка о неизбежности физического наказания, тогда можно было бы развернуть весь процесс для разоблачения эсеров и меньшевиков в [19]18, [19]19 и [19]20 г.г. В то время, когда нам придется обсуждать вопрос о терроре, для нас создастся положение еще более тяжелое, и вы будете свидетелем того, т. Каменев. В этом отношении я уверен. Вот почему, товарищи, я стою на той точке зрения, которую ЦК выразил в цитированных мною словах т. Каменева, и для международного пролетариата нужно показать, что как ни глупо было это берлинское соглашение, что когда разрывается это соглашение, мы не выпираем в первую голову вопрос о смертной казни, не надо создавать впечатление, что мы мальчишки, ребята, что мы не политики. Если мы желаем произвести впечатление на международный пролетариат, на тот пролетариат, с которым мы хотим объединиться в единый фронт, большая часть которого находится под давлением 2 и 2 с половиной Интернационала, мы ни на минутку ни в нашей прессе, в особенности в «Правде», в особенности в «Рабочей Москве», потому что я должен констатировать, что в последнее время «Известия» стали верхом приличия в сравнении с «Правдой» и «Рабочей Москвой»... (сильный шум), в этом пункте, подтверждая это всем авторитетом московской организации, мы должны создать условия, которые обеспечивают международное политическое значение, пропагандистское значение этого процесса. Мы должны оставаться на той точке зрения, что это не вопросы мести, не уничтожение данного лица, мы не должны делать, как тов. Крыленко, который беспомощно путается между вопросами мести, и каждый раз подчеркивает, что дело идет о юридическом вопросе. Мы должны подчеркнуть, что речь идет только об убийстве, о политическом уничтожении партии эсеров. Поскольку вопрос является юридическим, он является одинаковым для обеих сторон, но для этого мало платонических заявлений той или другой из групп. Для этого нужно в партийной прессе в первую очередь развивать, обосновывать, защищать ту мысль, которую установил Ц.К. в начале этих переговоров: не вопрос мести, а вопрос политический.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 160–162. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарьянц. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М.: Academia, 1996. С. 195–196.

**Из заключительного слова Л.Б. Каменева  
на IX Московской губернской конференции РКП(б)  
о позиции Д.Б. Рязанова в оценке хода процесса**

**Не позднее 26 июня 1922 г.**

Товарищи, я считаю, что те ораторы, которые здесь выступали по поводу речи Рязанова, были слишком мягки (смех в зале). Они характеризовали это выступление как отражение каких[-]то интеллигентских настроений. По[-]моему, у нас должно быть иное. Речь Рязанова была не просто отражением каких[-]то интеллигентских настроений. С этой речью к нам на конференцию Московской организации РКП вошли отклики той клеветы и той травли, которая ведется во всей международной литературе против коммунистов по поводу этого процесса (апломсменты). Ничего другого здесь не было. О чем шла речь. Разве я здесь говорил хоть одно слово о приговоре. Я сказал, что ЦК должен был разобрать вопрос, ставить процесс или не ставить его, и ставя этот процесс, ЦК имел соображение единственное – политически разоблачить партию эсеров. С чем пришел к нам Рязанов. Он не хочет смертного приговора. И он пришел сюда, на партийную конференцию говорить не о политическом смысле этого процесса, а специально вести здесь пропаганду против возможного решения о смертной казни. Да, смысл речи Рязанова заключается в том, чтобы заранее предупредить приговор суда, чтобы предупредить, чтобы приговор суда не был высшей мерой наказания, а я утверждаю, что этого никто не имеет права делать, что суд, во главе которого стоит человек, которого ЦК специально поставил, которого сам Рязанов назвал человеком, который ведет суд очень умно (голос Рязанова: совершенно правильно), за действия которого специальная комиссия ЦК отвечает, что этот суд сам на основании того, что он выслушает, вынесет приговор, и только. Больше ничего. Ни я, ни Рязанов с этой трибуны не имеем права сказать. Поэтому я ничего не говорю, а Рязанов пришел сюда защищать и создавать настроение против смертной казни. Я спрашиваю, какие у Рязанова были аргу-

менты. Я не хочу употреблять резких<sup>а</sup> слов, но я должен сказать: он пытался опорочить возможный смертный приговор, играя на разделении между двумя группами подсудимых и пытаясь доказать, что если кто[-]нибудь заслуживает смертного приговора, то это морально запачканные люди в лице Семенова и Коноплевой, которые в сравнении с безупречно моральными Гоцами, скорее заслуживают смертного приговора (голоса: позор), а я утверждаю, что это есть повторение, другими словами, здесь той агитации, которую ведет Чернов (голос: правильно), который построил все на том, что Семенов, Коноплева предатели, морально запачканные люди. И тов. Троцкий не даром писал специальную статью для того, чтобы разъяснить недоумевающим рабочим, что тут не предатели, а люди, выполняющие свой революционный долг. И если это делалось для колеблющихся и сомневающихся рабочих, то нам в ЦК, обсуждая необходимость статьи Троцкого, в голову не приходило, что Рязанову после этой статьи не будет ясна разница между моралью Гоца и Семенова (аплодисменты). Какое нам дело до того, что Рязанов ходил к Семенову. Рязанов очень часто ходит в тюрьмы, и то, что он говорит по поводу Семенова, не последняя его ошибка (Рязанов: не последняя, наверное). Какое нам дело до этого. Тогда Рязанов ходил к нему, не зная, что Семенов готов стать на скамью подсудимых и разоблачать ту партию, которой он служил. Теперь, когда Семенов это делает, когда Семенов, Ратнер, Коноплева в тягчайших условиях, перед лицом всего мира ежедневно ведут борьбу за свой революционный социалистический долг, понимая эту защиту только таким образом, как они могут себя оправдать – только тем, что они изменили партии эсеров ради партии коммунистов, только это моральное оправдание может их поддержать, давать им смелость говорить, что они изменили одной партии ради другой[,], которая лучше выполняет свой революционный долг. Здесь Рязанов говорит, что люди, которые разоблачают<sup>б</sup> партию эсеров ради партии коммунистов, морально запятнаны, и он жалеет, что ходил в тюрьму (Рязанов: стенограмма). На счет стенограммы вашей речи я имею сделать предложение конференции, и это предложение будет следующее: во-первых, стенограмму речи Рязанова из стенограммы изъять и направить в ЦК (аплодисменты), потому что, товарищи, шутить с этим

---

<sup>а</sup> Так в документе.

<sup>б</sup> Так в документе.

нельзя. Мы продолжили время, вы очень весело относитесь к тов. Рязанову. Я дольше знаю т. Рязанова и больше обязан ему, чем многие здесь присутствующие, но нельзя же, чтобы в такой момент устами т. Рязанова с нами говорила чуточку подкрашенная идеология г. Чернова. На коммунистической конференции этого допускать нельзя. Мы должны принять меры. Если речь Рязанова донесется до тех сотен тысяч рабочих, которые действительно вышли по нашему призыву, которые не считают Семенова и Коноплеву за то, что они разоблачили Гоца, морально запятнанными людьми, которые говорили, что Пятаков должен вынести соответствующий приговор каждому обвиняемому и, для Гоца не должно быть исключения, потому что он Гоц, то какое будет впечатление. Не скажут ли эти рабочие, которых мы завоевали только в ходе этого процесса, потому что политический смысл не является в том, чтобы коммунисты сказали, что они коммунисты, а в том, чтобы инертные, обманутые, колеблющиеся рабочие, увидев перед собой эту картину, сказали, что эти эсеры должны быть осуждены коммунистами, как враги рабочих, если здесь на собрании столь почтенный человек, как Рязанов, произносит эту речь, что же должно произойти в головах рабочих.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 162–163. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарьянц. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. С. 197.

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)  
о необходимости скорейшего завершения процесса.  
Из протокола заседания Политбюро № 13, п. 22**

**от 22 июня 1922 г.  
СТРОГО СЕКРЕТНО**

22. О процессе эсэров

(т. Зиновьев)

а) Признать по политическим соображениям необходимым закончить процесс с максимальной быстротой.

б) Предложить Верхтрибу в дальнейшем течении процесса проводить гораздо большую жесткость<sup>а</sup> и строгость в ведении самого процесса, чем это было до сих пор.

## СЕКРЕТАРЬ ЦК

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 282. Л. 25. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. В п. б) вписано «течении» взамен вычеркнутого «ведении». Слева внизу запись о рассылке: «Пятакову». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Томский, Сталин, Зиновьев, Рыков. Члены ЦК: т. Радек. С совещательным голосом т. Цюрупа».

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1392. Л. 4. Машинописный подлинник, подпись — автограф И.В. Сталина.

### **Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б), поручающего «тройке» по руководству процессом определить характер судебного решения. К протоколу заседания Политбюро № 15, п. 1**

**от 29 июня 1922 г.**

1. Поручить тройке по руков[одству] процессом эсеров представить в Политбюро не позднее 5/VII документы, кот[орые] должны завершить процесс, т. е. приговор или амнистия (или частичная амнистия) и проект постановления ВЦИК.

II. К п. а) Способ проведения в жизнь определить на совещании тройки.

— АГРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 53. Рукописный подлинник.

### **Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского в ЦК РКП(б) с оценками хода процесса**

**12 июля 1922 г.**

С[овершенно] Секретно  
В[есьма] Срочно

В ЦК.РКП

Тройке по процессу С.Р.

<sup>а</sup>Для Троцкого, Каменева и Дзержинского<sup>б</sup>

<sup>а</sup> Исправлено взамен напечатанного ранее жестокость.

<sup>а-б</sup> Исправлено от руки вместо Троцкому, Каменеву и Дзержинскому.

Дорогие товарищи.

Я считаю совершенно необходимым в нынешний момент процесса высказать несколько соображений по его поводу. Прежде всего о том, что касается нынешнего момента, мы, несомненно[,] опять делаем некоторые ошибки. Одну из них, правда, уже вряд ли можно исправить. Свою небольшую долю вины в допущении ее я готов на себя взять, но, конечно, доля эта весьма невелика. Дело в том, что моя речь почти совершенно не касается Сибири после Колчака. Я прекрасно знаю, что с.р., хотя и нерационально и в незначительной мере, но все способствовали крушению Колчака, после того, как он наплевал им в глаза. Я прекрасно понимаю, что извлечь что-]нибуть для нас полезное из этого сибирского периода будет нельзя. Единственным свидетелем того, будто бы с.р. организовали в Сибири в партийном порядке беспартийные крестьянские союзы<sup>29</sup>, которые выступали де против<sup>в</sup> Советской власти, было показание Игнатьева. Игнатьевские показания, однако, оказались чрезвычайно слабыми и четыре заседания, убитые на расследование этого периода[,] во-]первых[,] дали возможность с.р. щегольнуть революционной работой, во-]вторых, показания Игнатьева предстали<sup>г</sup> настолько в неблагоприятном свете, что по словам защитников левая группа подсудимых хотела после них официально отмежеваться от Игнатьева, как шкурочника и выдумщика, марающего их своим соседством[,] и только с большим трудом удалось их от этого отговорить. Был и целый ряд других неприятных инцидентов за эти два дня, о которых более подробно может сказать Шубин, который, как юрист[,] легче, чем я[,] разбирается в этих маленьких, но досадных промахах. В общем же можно сказать, что на благополучном для нас фоне процесса эти два сибирских дня (суббота и понедельник)<sup>а</sup> были прямо для нас неудачны.

Досаднее всего при этом то, что тов. Стуков категорически утверждает, что, если бы мы догадались вызвать как свидетеля И.Н. Смирнова, <sup>е</sup>от творимой<sup>ж</sup> с.р. легенды о значительной роли, которую они будто бы сыграли в падении Колчака[,] вплоть до помпезной фразы Тимофеева<sup>3</sup>: «мы свергли Колчака и отдали его Вам в ру-

---

<sup>в</sup> Здесь и далее подчеркнуто от руки.

<sup>г</sup> Вписано от руки над строкой взамен вычеркнутого были.

<sup>а</sup> Скобки проставлены от руки.

<sup>е-ж</sup> Исправлено от руки из ранее напечатанного то творимые.

<sup>3</sup> Исправлено от руки из ранее напечатанного Фадеева.

ки», не осталось бы ровно ничего. Но этого свидетеля мы не вызвали и тяжкая борьба в течение четырех заседаний вышла только плюсом для с.р.

Повторяю, этого сейчас не исправишь, но нельзя ли на будущее время принять соответственные меры, чтобы процесс не затягивался теми сторонами, в которых обвинительный акт сравнительно слаб и которые по существу не имеют большого значения для процесса.

Теперь второй вопрос[,] более актуальный, который, быть может[,] уже разрешен благополучно в те минуты, когда я пишу это письмо.

С.р. объявили голодовку по поводу каких[-]то недоразумений со свиданиями. Каковы же буд[у]т результаты этого? Во-первых, подсудимые[,] левая группа[,] нервничают до чрезвычайности[;] во[-]вторых[,] их защитники, не исключая Шубина и Кона[,] тоже нервничают. Шубин даже заявил, что показания подсудимого Федоровича<sup>и</sup> были сбивчивыми, т.к. он был близок к обмороку. Все это, конечно, вздор и от отсутствия одного обеда никто в обморок не падает, но это свидетельствует, в каком настроении находятся участники процесса, а что Вы скажете о публике и что начнет голосить вся свора наших заграничных врагов. По моему, допустить с.р. до голодовки, значит оказать им огромную услугу. Простите меня, но более предательского промаха нельзя было сделать. Я просто диву даюсь, как не только Уншлихт, но и Крыленко в каком[-]то странном озлоблении против подсудимых не понимают, что они бьют наш процесс на отмашь. Ведь даже там, где нет пятна, его стараются налгать Вандервельде и Вандервельдики. А тут великолепная почва [-] героическое голодание, обмороки, полная возможность уйти на этой почве с процесса, всяческая сентиментальная жалость по отношению к подсудимым и ненависть к угнетателям. К чему все это? Неужели так важно, что, как мне объясняли, жены с.р. садятся к ним на колени и могут передать им записки. Да черт с ними, пусть передают им, что угодно, это было бы в миллион раз менее вредно для нас, чем демонстрация голодания, за которую они горячо ухватились, понимая[,] какой это большой для них козырь. Я сообщил свою мысль Крыленко, который ответил полным непониманием[,] и Пятакову, отнесшемуся более внимательно. Я надеюсь, что тройка ЦК,

---

<sup>и</sup> Исправлено от руки из ранее напечатанного Федорова.

если только это безобразное явление не пересечено уже сейчас, на-  
правит дело в надлежащее русло.

Наконец[,] последнее и несколько предупреждающее событие мнение мое и (если не ошибаюсь, мнение Михаила Николаевича). Так [как] процесс при некоторых слабых сторонах, которые нельзя отрицать, тем не менее приведет к огромной дискредитации[,] политической и моральной[,] партии с.р.[,] устроить по этому поводу хотя бы несколько смертных казней, это значит в значительной степени спасти с.р., кровью которых результат процесса, конечно, будет смыт и затерт. Процесс, я в этом не сомневаюсь, повернется тогда целиком против нас. Не все еще кончено, быть может[,] террористическая часть процесса даст большие эффекты (на что я, впрочем, не рассчитываю, думаю, что в лучшем случае увязнут в терроре персонально Гоц и, пожалуй, Донской), но в самом лучшем для нас случае, я[,] не протестую<sup>к</sup> против того, чтобы наиболее виновным Трибунал, быть може[т] и вынес высшую меру наказания[,] считаю огромной политической ошибкой, приведение ее в исполнение. Совершенно необходим скорый акт помилования. Мы можем разрешить себе роскошь презрительного великодушия. Я очень хорошо понимаю, что заграничная травля и угрозы, только политически подстрекают нас к совершению этого акта. Если бы я предполагал достаточно дьявольской хитрости в наших противниках, я сказал бы, что они этим способо[м], как бы толкают на совершение политической ошибки, которую они широчайшим образом используют. Процесс может оказаться плюсом и значительным плюсом для нас, если он будет твердо и осторожно вестись вперед без таких гафов<sup>л</sup>, как с Сибирью[,] и таких мученических авансов с.р., как предоставленная им возможность голодовки[,] и если он закончится помилованием, мотивированным тем, что мы слишком сильны теперь для того, чтобы считать столь необходимым физическое уничтожение с.р. и что не стоило в наше время, хотя бы в глазах обывателей[,] надевать на них мученический венец.

Таково мое мнение, которое я считаю своим долгом, как товарища, назначенного Вами одним из обвинителей, высказать ЦК.

Нарком по Просвещению А. Луначарский

---

<sup>к</sup> Исправлено от руки из ранее напечатанного протестую.

<sup>л</sup> Так в документе.



— АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 58–59. Машинописный подлинник на бланке наркома по просвещению, подпись – автограф. Ниже подписи приписка А.В. Луначарского от руки: «Голод уже прекратился вследствие (далее слово не прочитано)». На л. 58. вверху справа рукописная помета секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «20/VII-22 г.» Слева рукописные пометы: «Эсеры»; «Арх[ив] ПБ.» Формулы секретности и срочности от руки.

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 90–91. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для членов «тройки», подпись – автограф. Ниже подписи рукой А.В. Луначарского приписано: «Голодовка уже прекращена компромиссом».

### **Обращение ветеранов народовольческого движения во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к подсудимым на процессе**

**18 июля 1922 г.**

В ВЦИК.

Мы, нижеподписавшиеся, ветераны революции, ныне стоящие вне политической деятельности и партийной борьбы, старые деятели «Народной Воли», заветы которой дороги и коммунистической партии, мы считаем своим революционным и нравственным долгом, в связи с происходящим ныне процессом эсеров, среди которых есть лица, в свое время самоотверженно боровшиеся со старым режимом, высказать следующее:

1) Верные принципам и традициям партии, под знаменем которой боролись[,] и остаемся принципиальными противниками смертной казни, исходящей от правительства и суда.

2) Если допустимы беспощадные действия в разгар острых моментов гражданской войны, то в настоящее время, когда страна наша вступила на путь [у]миротворения, когда ликвидирован[ы] все внешние и внутренние фронты и внешнему строю не грозит никакой опасности, смертная казнь, по нашему глубокому убеждению, является мерой не только нравственно недопустимой, противной основному духу социализма, но и политически нецелесообразной и действующей развращающе на все слои населения.

3) Это для нас не только теоретическое убеждение. Многие из нас в свое время сами пережили ужасы ожидания смертной казни, пережили казни дорогих и близких наших соратников, и мы позволяем себе поэтому напомнить этим борцам за социалистический идеал

завещание наших погибших товарищей, заживо погребенных в Алексеевском равнелине<sup>а</sup>:

«Друзья и братья. Из глубины нашей темницы, говоря с вами, вероятно, последний раз в жизни, мы шлем вам наш завет: В день победы революции, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнает этого святого имени актами насилия и жестокости над побежденным врагом. О, если бы мы могли послужить жертвами искупления не только для создания свободы в России, но и для увеличения гуманности во всем остальном мире! Человечество должно отказаться от одиночного заключения для осужденных, от насилия и истязания заключенных, в каком бы то ни было виде, как оно отказалось от колеса, дыбы, костра и проч.

Привет вам, привет Родине, привет всему живому[»] (Русская Историческая библиотека № 6. Литература партии Народной Воли, стр. 950).

18/VII-[19]22 г.

М. НОВОРУССКИЙ

Л. ШТЕРНБЕРГ

В. БОГОРАЗ

Эд. ПЕКАРСКИЙ

И. ВАСИЛЬЕВ (Дигамма)

Е. СЕРЕБРЯКОВ

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 143. Машинописная копия, заверенная секретарем Секретного отдела ГПУ. Дата проставлена от руки.

**Письмо заведующего Агитпропом ЦК РКП(б)  
Л.С. Сосновского Л.Д. Троцкому с впечатлениями  
о воздействии процесса над членами партии эсеров  
на общественность стран Европы**

**[Не позднее 22 июля 1922 г.]**

Уважаемый Л[ев] Д[авидович]

Процесс с.-р. подходит к концу. Насколько я вижу теперь отсюда, он имел гораздо больше значения для России, чем для Европы, ибо последняя мало им интересовалась, даже коммунистическая Европа. Разоблачительная сторона дела прошла мимо, а вот приговор не

---

<sup>а</sup> Так в документе.

пройдет мимо. Лично я еще до начала в беседе с Ф[еликсом] Э[дмундовичем] и Радеком говорил, что нужно было бы в подходящей форме прямо или косвенно заявить, что правительство и суд вовсе не охотятся за 20 головами эсеров, что головы эти давно во власти нашей и что для расправы бывали более подходящие моменты. По[.]моему, это было бы полезно и тогда. Но сейчас расстрел этой банды повредит нам даже в коммунистических кругах. В особенности же в соглашательских слоях рабочих и среди мелкобуржуазных элементов. Рабочие говорят: допустим, что это – такие же подлецы, как Шейдеман, Носке, Гендерсон, Томас, достойные веревки. Но раз с Гендерсонами и Носке вступают в переговоры о едином фронте, то русских Носке в крайнем случае уместно только попридержать в тюрьме.

В Европе найдется слишком много людей, способных и готовых за дешево показать себя гуманными: «хотя я друг Советов, но во имя гуманности и т.д.». Уже имена А. Франса, Горького, Б. Шоу и др. дают тон этой кампании.

Если приговор будет смягчен после такой кампании, это хуже для нас. Лучше сделать какую[.]нибудь декларацию перед концом. Вообще говоря[,] ее нужно было сделать 20 июня в ответ на требования высшей меры.

Будет совершенным искажением перспективы, если весь интерес буржуазной и соглашательской Европы сосредоточится только на мере наказания.

Ведь Шейдемановцы всех стран имеют в руках громадную силу. Достаточно им дать лозунг и в любом союзе (во всех союзах) общие или делегатские собрания вынесут протест против расстрела. Проф[союзная] пресса с миллионным тиражом размножит протест.

А наши? Даже на Лейпцигском конгрессе профсоюзов, где были даже члены герм[анского] ЦК (Вальхер) в числе делегатов, наша фракция не сумела ни получить слово, ни огласить декларацию, ни даже приложить ее к протоколу (по вопросу об эсерах, за которых вступился конгресс). Смешно сказать! 80–90 глоток из 600 не могли заставить выслушать своего оратора! Они и не пытались даже. И так везде.

Поэтому мое мнение такое.<sup>a</sup> Приговор должен фактически либо изгнать их, либо – чтобы не пустить 10 лишних агитаторов – «мучеников», спасенных Вандервельдами, пусть посидят еще год-два. Но

---

<sup>a</sup> Подчеркнуто в документе предположительно Л.Д. Троцким.

не расстрел. Иначе ко всем прочим нашим затруднениям мы прибавим новые и без надобности.

Жму руку

Л. Сосновский

*– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 86–87. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На листе 86 сверху рукописные пометы рукой Л.Д. Троцкого: «Всем членам Пол[итического] Бюро»; «т. Сталину». Штамп Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «28/VII-22 г.».*

**Письмо члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского  
в Политбюро ЦК РКП(б) о реакции за рубежом в случае  
вынесения смертного приговора части обвиняемых  
на процессе членов партии эсеров**

**26 июля 1922 г.**

В ПОЛИТБЮРО Ц.К.

В связи с предстоящим решением вопроса о приговоре над эсерами считаю долгом сообщить Ц.К. мои заграничные наблюдения.

1) Благодаря ничтожному тиражу коммунистической печати в сравнении со всей остальной печатью<sup>а</sup>, не только все непролетарские круги, но и большинство рабочего класса информируется о процессе в духе наших противников. Политически мы потеряли<sup>б</sup> с этим процессом, поскольку дело идет [о] мелкобуржуазных и большинстве рабочих кругов заграницей.

2) Смертная казнь в результате процесса была бы огромной политической ошибкой. Не думаю, чтоб большинство рабочего класса даже в России так уж жаждало такого приговора. Большинство же рабочих Запада определенно будет против такого приговора. В частности такой приговор отшатнет от Советской власти те мелкобуржуазные круги, симпатии которых к нам сильно выросли за время Генуэзской конференции.

Исходя из этого высказываюсь против смертной казни, которая принесет нам несравненно больше вреда, чем пользы.

Е. Преображенский 26 июля 1922 г.

---

<sup>а</sup> Далее в документе зачеркнуты слова которая все время ведет.

<sup>б</sup> Здесь и далее подчеркнуто в документе.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 89. Рукописный подлинник, подпись – автограф. Вверху справа штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения письма «27 июля 1922 г.», а также рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1.

## **Защитительная речь лидера партии социалистов-революционеров А.Р. Гоца на процессе**

**1 августа 1922 г.**

Прокурор здесь поставил кардинальной важности вопрос, вопрос о том, кто начал гражданскую войну и на ком лежит за нее ответственность. Без решения этого вопроса понимание всего последующего немыслимо. Но Крыленко, вместо решения этого вопроса, отделяется от него анекдотом. Анекдотом о Тимофееве, который, де, приехав в Петроград, увидел все стены оклеенными большевистскими плакатами – «мир хижинам, – война дворцам!» и решил на этом, что гражд[анскую] войну начали большевики, и что ПСР должна вступить за дворцы, то есть за буржуазию. Но вопрос стоит совсем не об этой гражданской войне, не о борьбе между классами, а о борьбе внутри демократии, внутри класса трудящихся, ибо в этой борьбе по обе стороны баррикад были массы пролетариата и крестьянства. И вот виновником начала этой[-] то гражданской войны и был большевистский Военно-Революционный Комитет в Петрограде. При самом своем возникновении он прикрылся лицемерной маской. Объявлялось, что он образован отнюдь не для захвата власти, а якобы для борьбы с анархией и погромами. Из[-]под этой маски и за спиной переговоров о соглашении с социалистическими партиями, он нанес свой предательский удар в спину демократии. Даже не вся партия большевиков принимала участие в этом перевороте. Петроградский комитет совершил, но за спиной большинства Ц.К. Р.К.П. и против его воли. Это факты безусловно установленные. Правда, военно-революционный комитет опирался на большинство в Петроградском совете и на большинство Петроградского пролетариата, но большинство пролетариата в стране, огромное большинство солдат и подавляющее большинство крестьянства были против переворота и шли в это время за с-р'ами и меньшевиками.

*Председатель* (перебивает). Это оскорбление трудящихся масс, я не позволю оскорблять волю трудящихся. Она была ясно выражена вторым Съездом Советов. И на суде Верх[овного] Триб[унал]а я не допускаю нападения на высший орган Республики.

*Гоц.* Я утверждаю лишь исторический факт, что Съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом переворота. И я уверен, что если бы Военно-Революционный комитет, отражавший волю лишь Петроградского пролетариата, не поставил Съезд перед совершившимся фактом, то Съезд нашел бы иные пути для решения споров внутри демократии, а не пути крови и насилия, на которые толкнули Россию большевики. Но Съезд был вынужден санкционировать этот переворот, ибо он понимал, что Военно-Революционный Комитет не откажется от захваченной власти и что аннулировать переворот – это значило бы для Съезда вновь начать войну[,] уже на этот раз против захватившего власть Военно-Революционного комитета и стоявшей за ним части Петроградского пролетариата.

Перед нами стал вопрос о сопротивлении насильническому перевороту и отпор был нами организован. Прокурор обвинял нас в том, что мы прибегли для этого к псевдониму «Комитета<sup>а</sup> Спасения Родины и Революции» для того, чтобы потом, в случае неудачи, иметь возможность отречься от движения. Это неправда[.] Ц.К. дал мне полномочие<sup>б</sup> «организовать отпор<sup>в</sup>», и я решил сделать это от имени наиболее крупной и влиятельной в то время в Петрограде организации, объединявшей все демократические, социалистические силы: все профсоюзы, все органы демократии и все социалистические партии, кроме большевиков. Не трудовое и не социалистическое представительство в комитете<sup>г</sup> не было допущено. И естественно, что начиная борьбу против диктатуры одной партии, я должен был призвать к восстанию не от имени той или другой партии, а от имени комитета<sup>а</sup>, объединявшего все силы демократии и социализма. «Комитет спасения Родины и Революции» начал это движение 29 октября и никогда впоследствии он от него не отрекался. Эпизод с моим, якобы отречением – здесь был совершенно ложно изложен прокурором. Прокурор многое запечатывал. И это характерно, что всякий

---

<sup>а</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

<sup>б</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного начать возстание.

<sup>г</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

<sup>а</sup> То же.

раз, когда прокурор, обладающий феноменальной памятью[,] делает ошибки, то эти ошибки всегда бывают в сторону отягчения обвинения. С самого первого возстания моя роль в нем была совершенно явной и открытой.

В день 29-го был арестован Брудерер, у которого был отобран при аресте документ о назначении его комендантом «Владимирского военного училища»<sup>е-ж</sup>, подписанный мною, как членом комитета Спасения. И все другие приказы в этот день подписывал я же, а не Авксентьев, так как именно я был в Штабе в Инженерном Училище. И мой отказ от подписи на апокрифическом документе, о котором здесь слишком много говорилось, означал только то, что в нем было, а именно, что этого документа я не видал и его я не подписывал.

Мною для руководства движением был назначен полковник Полковников. Это было сделано не потому, как думает прокурор, чтобы привлечь казачьи части на нашу сторону. Нет, Полковников был назначен потому, что мы его считали самым способным и выдающимся военным руководителем. Нам был ближе Краковецкий, но мы его считали недостаточно энергичным и решительным и поэтому он был намечен лишь в начальники Штаба, как ближайший помощник Полковникова. В нашем распоряжении был еще другой полковник, с[оциал-]р[еволюционер] Куропаткин, который был бы более подходящим лицом для руководства движением, но он из скромности сам отказался от руководящей роли и взял на себя лишь выполнение одного из самых важных боевых заданий – захват Петропавловской крепости. К сожалению он был убит в самом начале восстания. Что касается Полковникова в политическом отношении, то если он и возбуждал наши сомнения, это было отнюдь не в смысле его правизны, а напротив, в смысле его уклона в сторону большевиков. Но тогда нам эти упреки его в большевизме казались необоснованными – вот почему я и счел возможным назначить его для верховного руководства.

После неудачи движений 29-го окт[ября] мы увидели, что в нашем распоряжении нет сил для немедленного свержения большевиков вооруженной рукой, и мы изменили нашу тактику. Началась тактика последовательной изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил и от народных масс; в то же время, стремясь к объединению демократии, мы делали все усилия поту-

---

<sup>е-ж</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного школ прапорщиков.

шить гражданскую войну путем переговоров и соглашений. Я имею в виду переговоры по инициативе Викжеля и переговоры в Могилеве. И опять[-]таки здесь вина за неудачу переговоров падает не на нас, а на вас. Это было признано еще тогда же такой близкой к вам группой, как группа «Новой Жизни», которая открыто писала, что в срыве переговоров виноваты большевики. Это же подтверждается и выходом в отставку и многих членов тогдашнего большевистского правительства, которые мотивировали свой уход тем, что диктатура одной партии, диктатура крови и насилия может лишь привести к гибели и крушению революции. Эти свидетельства правильности нашей тогдашней позиции, исходившие из ваших рядов, я привожу потому, что они и для вас должны быть авторитетны. Тактика изоляции с успехом проводилась нами до 5 января, и одиночество захватившей власть партии к этому времени стало уже очевидным.

Перехожу ко дню открытия Учредительного Собрания.

В оценке событий этого дня представители прокуратуры разошлись между собой. Луначарский все объясняет гамлетизмом Гоца, румянец воли которого угас под наплывом разъедающих сомнений – в последнюю решительную минуту Гоц сдал и остановил злоумышленный план вооруженного возстания. И конечно, – говорил Луначарский, здесь дело не в личном гамлетизме Гоца, в нем лишь[, ] как в капле воды[, ] отразилась двойственная природа мелкобуржуазной партии, ее две антагонистических души, ее вечные колебания между двумя путями. Крыленко выдвигал другую версию: не гамлетизм, а тартюфство<sup>3</sup>, лицемерие и безчестность. Покровский, как добрый старый марксист (по его словам)[, ] разрешал вопрос проще: у них просто не было сил, – говорил он – вот и все. И, конечно, эта простая оценка правильнее всего остального. В это время мы считали необходимым мобилизовать все военные и общественные силы, чтобы дать отпор большевикам, в случае, если они посягнут на высший орган народовластия. Но мы не хотели брать на себя начало вооруженной борьбы и считали необходимым лишь вызвать Петроградские трудовые массы к изъятию своей воли к борьбе" за Учредительное Собрание. Мы призвали поэтому к мирной демонстрации, демонстрации воли народных масс.

---

<sup>3</sup> Вписано Гоцем сверху над строкой.

<sup>и</sup> То же.



Крыленко говорит о двойном плане – о мирном открытом плане и о тайном боевом плане. Допустим даже, что его предположение и верно, но ведь на деле[-]то осуществилась лишь мирная часть демонстрации[,] и она[-]то и была расстреляна вами. Ведь броневики, Семеновский полк и прочие части предполагаемой вами вооруженной демонстрации не вышли, их там не было. Нам не удалось собрать вооруженный кулак, но мы считали бы преступлением, если бы мы в то время не приняли всех мер к вооруженной защите Учред[ительного] Собрания. Это был наш долг и мы его выполнили. Все усилия были сделаны и не наша вина, а наша беда, что сил не оказалось. Крыленке его версия понадобилась для того, чтобы скрыть истинный смысл событий 5-го января, ибо в этот день вами была расстреляна мирная демонстрация рабочих Петрограда. Чтобы скрыть это ваше преступление, вы и измыслили двойной план. Но если даже мы и хотели осуществить вторую половину этого плана, это не снимает с вас ответственности за пролитую кровь, ибо вы[-]то расстреливали мирную демонстрацию рабочих. На деле же, конечно, никакой скрытой половины плана и не было. Мы призывали народ лишь "заявить властно" в этот день, что единственной законной властью в стране, властью революционной является Учред[ительное] Собрание. И оно должно было уже само в случае посягательств на его права со стороны какой[-]либо одной партии подавить восстание этой партии против него и охранить себя силой от всяких насильнических посягательств.

Этот день был поворотным днем в истории русской революции. Роза Люксембург, ваша сторонница, в своей книжке «Русская революция» правильно оценивает значение этого поворотного пункта. «Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл разгон Учредительного Собрания 5-го января. Эта мера определила их дальнейшую позицию, она была до известной степени поворотным пунктом их тактики. Известно, что Ленин и его друзья бурно требовали созыва Учредительного Собрания до своей октябрьской победы, – что именно политика затягивания в этом вопросе со стороны правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и давала им повод к жесточайшим нападкам на него. Троцкий говорит даже в одной из интересных своих статей, – "От октябрьской революции до Брестского мира" – что октябрьский

переворот был "настоящим спасением для Учредительного Собрания, как для всей революции..."».

В дальнейшем большевики объяснили разгон У[чредительного] Собр[ания] следующими аргументами: тем, что позиции избравшего его народа уже изменились, что оно представляет собой уже «вчерашний день» революции и тем, что накануне выборов произошел раскол в ПСР, но на выборах партия левых с[оциал-]р[еволюционеров] шла по одним спискам с ПСР, составленным до раскола. Отвечая на эти соображения большевиков...

*Бухарин:* Роза Люксембург хотела сжечь эту книгу.

*Гоц.* Это фантастика, но мне вполне понятно, что гр[ажданин] Бухарин хотел бы сжечь эту книгу. Я продолжаю: На эти соображения большевиков «о вчерашнем дне» Роза Люксембург отвечала: «Нужно только удивляться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий не пришли к само собой напрашивающимся выводам: Если Учредительное Собрание избрано задолго до поворотного пункта – октябрьского переворота – и отражает прошедшее, а не новое положение в стране, то само собой напрашивается вывод, что нужно кассировать устаревшее мертворожденное Учредительное Собрание и немедленно назначить новые выборы в новое Собрание». – Это самое говорили и мы тогда – «Вместо этого – продолжает Роза Люксембург, – Троцкий, на основании негодности собравшегося данного собрания, приходит к общему выводу о ненужности и негодности вообще всякого народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве во время Революции, указывая на его громоздкость и проч.».

"Вопрос стоял таким образом: диктатура партии или демократия, власть большинства класса трудящихся или небольшой его части? Вы были за демократию, пока вам казалось, что большинство может быть за вас, но в это время вы уже поняли, что большинство трудящихся против вас, и тогда вы отвергли демократию. Крыленко здесь прочел нам лекцию для кружков 2-го типа старого времени на тему о том, что демократия не фетиш и не идол и что в формах демократии может осуществляться буржуазное господство. Это азбука социалистической теории. Демократия, конечно, не идол; она есть лишь средство, она есть единственная форма, в которой могут быть осуществлены социалистические идеалы. Отношение большевиков к

политической свободе таково: если она им нужна – они за нее, но если другим – они ее отмечают. Для нас же является азбукой, что свобода для одних уже не свобода и что только при свободе для всех возможно массовое рабочее движение, возможна самостоятельность трудящихся, а без массового рабочего движения и самостоятельности трудящихся не может быть социализма. Вот почему мы говорим: «Свобода и самостоятельность масс – душа социализма». Луначарский с его теорией о темноте народных масс, которым вредна свобода, которым вредно «слишком» большое соприкосновение с политическими партиями, напоминает мне другую фигуру, фигуру царских времен. Кто это – если не Победоносцев с его разсуждениями о детской чистоте народных масс, которые нужно оберегать в принципах православия путем жесточайшей полицейской охраны от тлетворных влияний вредных агитаторов, волков в овечьей шкуре. Отсюда один шаг до легенды Достоевского о Великом Инквизиторе.

*Председатель.* Я прошу вас перейти ближе к делу. Разогнали Учредилку и хорошо сделали. Идите дальше, а не топчитесь на одном месте. Диктатура пролетариата для нас есть форма власти непреложной и обсуждению здесь не подлежит.

*Гоц:* Я вижу, что прав был Крыленко, когда говорил в начале своей речи о том, что можно было еще в первый день процесса без всякого разледования и речей вынести нам приговор к разстрелу. Но мы все же считаем необходимым выяснить здесь мотивы нашего поведения. Роза Люксембург в своей интересной книге говорит: «Свобода лишь для сторонников правительства, для членов одной только партии, как бы она ни была численно велика, не является свободой. Свобода всегда была и есть свобода для инакомыслящих». – Это так: иначе свобода превращается в привилегию. А вы это и сделали, и превратили в вопрос дискуссионный даже вопрос о свободе для членов коммунистической партии, так как у вас даже и им не всем принадлежит эта привилегия<sup>1</sup>.

После 5-го января начался новый период, период накопления и собирания <sup>о-п</sup>сил трудящихся масс<sup>2</sup>. Понятно, почему в это время мы всячески противились всем попыткам вспышкопопускательства – мы не хотели растрачивать силы по отдельным случаям. Это наша основная линия. Ц.К. сталкивалась с другой линией, с линией Семенова и части военной комиссии, с линией безудержного активизма, который мы

---

<sup>1-2</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного для вооруженной борьбы.

твердо и решительно отметили. Семенов и часть военной организации не хотели считаться ни с чем и в любой момент признавали возможным начать вооруженное возстание по любому поводу. Эту тактику мартовского путчизма, о которой здесь нам много бы могла рассказать Клара Цеткин, мы всегда пресекали. Мы их расхолаживали и удерживали от авантюр, на которые они постоянно порывались. Так было в случае разоружения Преображенского полка, Минной дивизии, волнений на Обуховском заводе и т. д. В одном мы с ними тогда сходились: и мы и они одинаково знали, что симпатии рабочего класса на нашей стороне, а не на стороне большевиков, но в рабочих массах не было организованности и решимости к борьбе против большевиков. Поэтому[-] то мы и удерживали от выступлений, считая нужным вести организационную подготовку. В случае с Преображенским полком мы, конечно, не хотели потерять его, как вооруженную единицу, и мы считали необходимым помочь возникшему в нем плану воспрепятствовать разоружению путем решительного протеста со стороны других полков, которых ожидала та же участь. Что касается наших дружин, то это были в то время такие жалкие группки, роль которых была ничтожна и не могла быть иной. Мы знали, что во всякой политической революционной борьбе дело может дойти и до вооруженного столкновения, но ведь и вы это знали в то время, когда вы отдавали приказ о разоружении. Вы шли на возможность столкновения, вы его начинали и провоцировали. Нашей задачей было не пойти на провокацию, если нет сил для решительного столкновения. Мы и не пошли и не поддались провокации, и мы оказались правы – в своем большинстве эти полки были заполнены шкурниками, думавшими лишь о сохранении материальных благ, а преданные нам группы составляли в них лишь меньшинство. В случае с Минной дивизией мы знали также, что среди ее командного состава имелись и черносотенные элементы. Мы это принимали во внимание и ставили своей задачей их нейтрализовать. Однако, мы знали, что эта опасность была невелика, т[ак] к[ак] матросские массы были, конечно, чужды черносотенства и эти реакционные группы не смогли даже показывать своего лица. Так было до 8-го Совета. К этому времени неизбежность вооруженной борьбы в общерусском масштабе встала для партии совершенно ясно и 8-й Совет лишь подвел итоги тому, что было установлено на местах. Покровский издевался над нашей идеей воссоздания Восточного фронта, он не понимал, как могли мы вновь втягивать страну в войну, когда она

только что с таким трудом и потерями выбралась из этой живодерни. Крыленко и здесь все объяснил нашим лицемерием и утверждает, что мы только говорили о войне против немцев, а на самом деле думали лишь о борьбе с большевиками. Однако, и здесь я должен сказать, что мы были не одни. Не только мы, но и ваши союзники, левые эсэры, считали необходимым возобновить борьбу с немецким империализмом. И в ваших собственных рядах было много сторонников этой идеи о возсоздании антигерманского фронта. Между прочим, в их числе был и Бухарин и многие другие. Что же, и у Бухарина это было лицемерие?

Нам ставили вопрос: чем можно объяснить провал Самары, если признать правильным наше утверждение, что массы были на нашей стороне? Что это, чудо, или гений большевиков?! – восклицал Покровский. Нет, дело не в чуде, конечно. Беда заключалась главным образом в том, что нам приходилось импровизировать государство и армию на поле сражения. Это сыграло огромную роль. Сюда прибавилось еще и то, что благодаря чешскому восстанию, эта необычайно трудная задача нам выпала раньше времени, в то время, как лучших наших сил там не было и когда мы еще не успели сделать всех необходимых приготовлений к планомерному выступлению. Кроме того, и это тоже нужно отметить, в нашем распоряжении не было того выкованного, точно действующего партийного механизма, каким обладали вы. Это тоже сыграло не малую роль. В процессе войны, неизбежно при всяких условиях, усиливается значение военщины. У вас, в лице вашей партийной организации имелся противовес этому усилению, у нас же его не было. И благодаря этому молодая, складывающаяся на поле битвы, государственность подпала слишком большому влиянию чуждой нам военщины. И в то же время, в тылу за нашим фронтом, предательская политика буржуазных группировок наносила нам удар за ударом в спину. Крестьянские же массы, переутомленные и измученные войной, не были в полной мере способны на весь тот героизм, который им необходимо было проявить для защиты их молодой демократической государственности. Вы же, действительно, проявили необычайные способности в организации и выработке способов властвования над массами. Если не для внешней обороны, то для поддержки и укрепления вашей власти, вам удалось создать сильную красную армию и могучий аппарат

Чеки, которому мог бы позавидовать и <sup>p</sup>министр полиции Французской Империи, Фуше<sup>c</sup>. В этом отношении вы выказали необычайные способности, за которые вам ныне не даром слагают акафисты бывшие октябристы, не [19]17-го, а [190]5-го года.

Перехожу к положению после разгрома нашей попытки на Волге. Два обстоятельства играют главную роль в определении нашей дальнейшей тактики. С одной стороны[,] ликвидация германской опасности устранила необходимость борьбы с немецким империализмом, с другой, реакция, в лице правительств Колчака и Деникина<sup>т</sup>, после победы над нами настолько усилилась, что стала грозить всем завоеваниям революции и полной реставрацией. Все это было нами учтено на декабрьской и февральской конференциях. А затем на 9-м Совете были подведены окончательные итоги и была выработана новая ясная и твердая тактическая линия, остающаяся в общем и целом неизменной и до настоящего времени.

В оценке 9-го Совета наши обвинители опять[-]таки не сходятся между собой. Луначарский считает, что 9-й совет был попыткой надеть маску легальности. Покровский, напротив, полагает, что никакого изменения в тактике не произошло, что по[-]прежнему с-р'ы хотят вооруженного возстания и по[-]прежнему не могут устроить его за неимением сил. Крыленко опять[-]таки твердит о лицемерии. И здесь, как и всегда, ему чудятся две точки зрения, два пути, <sup>у</sup>два метода для внешнего и внутреннего употребления<sup>ф</sup>. Но здесь Крыленко в большой мере облегчает мою задачу тем, что приводит к одному знаменателю, к разстрелу, как вооруженную, так и невооруженную борьбу против большевистской диктатуры. Так или иначе, говорит он, ваша цель остается прежней – свержение советской власти, а за это у нас все равно полагается разстрел. Это по крайней мере ясно<sup>х</sup> и дает мне возможность совсем независимо от разстрела и уголовных статей развить наши действительные взгляды. От права на вооруженные возстания мы не отказываемся. Это – неотъемлемое право народных масс и ни одна революционная партия никогда не может от него отречься. Когда массы действительно будут вовлечены в борьбу, возможно – и это зависит в значительной мере от ва-

---

<sup>p-c</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного старые охранки.

<sup>т</sup> Далее из текста вычеркнуто питаемые всей политикой большевиков.

<sup>у-ф</sup> Вписано Гоцем сверху над строкой.

<sup>х</sup> Исправлено Гоцем взамен ранее написанного хорошо.

шей тактики – что это теоретическое право на возстание – выльется в реальные факты. Но сейчас в порядке дня стоит не вооруженная борьба с большевиками, а организация<sup>4</sup> широкого политического движения народных масс<sup>4</sup>.

Вы нас спрашивали – отказываемся ли мы от борьбы за власть. Нет, мы не отказываемся от борьбы за власть, ибо это есть постоянная цель всякой политической борьбы в конечном итоге. Но в данный момент мы не ставим своей непосредственной задачей захват власти путем заговоров, инсurreкций, террора и т[ому] под[обное]. Такой задачи перед нами сейчас нет. От вооруженной борьбы, как тактического приема настоящего времени мы отказались. Отказались потому, что учитываем тяжелое положение страны, голод, разорение и утомление народных масс и всю неблагоприятную международную обстановку.

Основной проблемой дня сейчас является не захват власти в стране, но завоевание широких политических свобод и демократических гарантий. В этом сейчас центр всех наших политических кампаний. Отрицательно сформулированный вопрос сводится к вопросу о преодолении большевистской диктатуры. Это преодоление безусловно необходимо рабочему классу, ибо только сбросив этот могильный камень, придавивший всю Россию, рабочий класс сможет вступить на путь защиты всех своих классовых интересов. – В этом смысле совершенно правильна резолюция 10-го Совета, говорящая о насущной необходимости «преодоления большевистской диктатуры». Здесь в отрицательной форме выражено то же, что 9-й Совет выразил положительно в форме требования политических свобод и демократических гарантий. И путь преодоления большевистской диктатуры останется тот же путь, указанный и 9-м Советом, путь не вооруженной борьбы, а путь широких массовых политических кампаний. Путем этих политических кампаний мы хотим, чтобы рабочий класс развязал тот узел пут и стеснений, который завязан диктатурой одной партии на шее трудовых масс. Но если преступная политика власти доведет до того, что узел этот не будет развязан мирно, а будет разрублен в новом кровавом взрыве, то вся ответственность за это ляжет на власть, которая не поняла, что нельзя бесконечно противодействовать интересам и стремлениям народных масс. Крыленко

---

<sup>4</sup> Вписано Гоцем сверху над строкой.

<sup>4</sup> Далее Гоцем вычеркнуто в мирных формах.

указывает на то, что в современной обстановке эти широкие политические кампании легко могут привести к вооруженным восстаниям. Да, это так. И это прежде всего вы должны знать. Это из[-]за вашей политики насилий всякая мирная борьба трудящихся масс превращается в вооруженное восстание. Это вы довели страну до такого состояния, что лишили трудовые народные массы всякой возможности отстаивать свои интересы мирным путем. И довели народные массы до того, что они неизбежно толкаются на путь восстаний. На наши указания о необходимости политическими уступками дополнить НЭП, Крыленко отвечал: ... «бросьте ваши бессмысленные мечтанья! На политические уступки мы не пойдем и ни крупницы нашей власти мы никому не уступим». Это старая знакомая речи. Мы их слышали не раз от царской власти. Они дорого ей обошлись. Мы об этом не жалеем, но о том, что они слишком дорого обошлись и народу – приходится сожалеть. <sup>ш-ш</sup> Не надо забывать, к чему приводят эти бессмысленные речи об очень осмысленных стремлениях русского рабочего класса<sup>ш</sup>. Но так ли уж вы тверды в вашей политической неуступчивости? Я этого не думаю. Ведь не так еще давно вы клялись, что никогда к международному капиталу на поклон не пойдете; а, однако, пошли и к международному, и к отечественному. А давно ли вы считали prodrazverstku единственной правильной связью меду городом и деревней, как говорил Бухарин в «Экономике переходного периода»... И однако, вы уже заменили prodrazverstku prodnalogom. Из горделивых предвестников немедленного коммунизма, все больше превращаетесь в жалких восстановителей буржуазного строя. Вы пошли на уступки и отечественной буржуазии, в лице ее новых худших хищнических представителей. Вы создали НЭП, вы открыли Нижегородскую ярмарку и на страницах ваших газет привлекаете туда купцов заманчивыми публикациями о ярмарочных ресторанах и увеселительных местах. Характерна карикатура юмористического приложения к «Рабочей Газете», где Стеклов изгоняется с первых страниц ваших «Известий» целой лавиной торгашеских объявлений. И я боюсь, что эта лавина торгашества и возрождающихся примитивных форм хищнического капитализма выметет из русской жизни не только вас, но и все завоевания революции, которым вы нанесли сами первый наиболее тяжелый удар. Буржуазные силы, которые вы вы-

---

<sup>ш-ш</sup> Вписано Гоцем взамен вычеркнутого И нам жаль, если и вы захотите повторить политику царской власти.



зываете к жизни, дадут вам первый удар коленом. И благодаря вашей же политике, доведшей Россию до полного национального безсилия, хищнический международный капитал распаляется такой жаждой, такими аппетитами, о каких раньше он и не мечтал... В борьбе против международного хищничества, наша партия заняла определенную позицию отстаивания интересов России, как целого, каким бы правительством она не управлялась. Поэтому мы будем добиваться международного признания и Советской власти, так как непризнание вашей власти, в котором вы сами более, чем кто повинны, ведет лишь к худшим, наиболее тяжелым формам закабаления России международному капиталу.

*Пятаков:* Я не могу позволить касаться международных отношений.

*Гоц:* Но я уже кончил. Я вижу только, что у Крыленки мои слова возбудили смех. Этот смех смущает нас так же мало, как и его угрозы разстрела.

Я повторяю, что теперь черед за трудящимися массами, которым, как воздух для жизни, нужны основные политические свободы и демократические гарантии, иначе без них рабочий класс будет выдан, связанный по рукам и ногам, буржуазии в тот момент, когда она вас вышибет вон, пинком в зад. Рабочий класс только сам может себя спасти своей самостоятельностью и свободно созданными мощными классовыми организациями; и не опекунам, хотя бы и коммунистическим, его спасти путем лишения «излишней» свободы.

И если рабочий класс своим мускулистым плечом дружно наплет на дверь, запертую вами, она или откроется, или будет сорвана прочь с петель. От вас, от вашего благоразумия зависит, так или иначе будет. Я хотел бы, чтобы у вас хватило политической честности уступить рабочим в их притязаниях, в их стремлении самим в условиях свободы отстаивать свои интересы. Иначе неизбежна новая гражданская война, которая была бы несказанно губительной для страны, доведенной царизмом, войной и вами до последних пределов разорения и голода. В этих условиях мы не хотели бы новой гражданской войны, но мы считаем себя обязанными организовывать народные массы и призывать их к широким политическим кампаниям. Повторяю, не наша будет вина, если вы вновь вызовете возстания.

Русская революция уже проделала свой буржуазный термидор. В наших условиях он отличается от французского термидора только тем, что у нас одна и та же политическая партия сама берет себе привилегию проделывать все метаморфозы. Луначарский выражал

здесь сожаление, что не была произведена спасительная хирургическая операция над партией с.р. по примеру якобинцев над жирондистами<sup>б</sup>, но это еще не поздно, вы еще имеете время.

Вы не только пошли на уступки международному капиталу, вы не только вступили на путь соглашательства с мелким хищническим капитализмом в России, вы проделали и ваше 18 брюмера по отношению к крестьянству. Да, вы бонопартисты<sup>в</sup>, вы оставили за крестьянами завоеванную ими землю, вы сделали крестьянам ряд уступок в области продовольственной политики, но вы организовали над ними ваше господство по Бонопартистски<sup>б</sup>. Вы лишили их всяких прав, всякого подобия свободы и держите кнут и нагайку над спиной кормящего вас мужика.

В таких условиях нечего и мечтать, конечно, о социализме. Для социализма необходимы два предварительных условия: зрелый, организованный пролетариат и крупные высшие формы промышленности. Тот, кто разрушает эти два условия, тот делает контрреволюционное дело. Вы разрушили до конца в России промышленность и вы распылили пролетариат, уничтожили, деклассировали его, лишили всякой возможности создавать свои свободные классовые организации. Вы выполнили таким образом в полной мере контр-революционную работу.

Мне остается сказать еще о представленных здесь документах Административного Центра. Прокурор Крыленко был автором или, вернее, передатчиком сюда этих документов, ибо я не думаю, что Крыленко мог пойти по стопам прокурора Лыжина, скорее он стремится подражать Фукье-Теннвилю. Я не заподозреваю ни Трибунал, ни прокурора в подделке, но для нас не сомненен тот мутный источник, из которого они получены. Те друзья гр[аждани]на Крыленко, о которых он говорил, представляя эти документы, оказались бандой монархических прохвостов, которые за деньги выкрали эти документы, как бандиты. И не ясно ли, что эти прохвосты были в высокой мере заинтересованы, чтобы придать наибольшую сенсационность этим документам и тем увеличить их цену. Ведь не ради прекрасных глаз Крыленко выкрали они эти документы, а исключительно из[-]за денег. Я позволю себе вам напомнить пресловутые документы, опубли-

---

<sup>б</sup> Вписано Гоцем сверху над строкой.

<sup>в</sup> Так в документе, следует бонопартисты.

<sup>б</sup> То же.

ликованные в копиях и с фотографиями не хуже ваших от имени Американского Общества[.] о продажности партии большевиков. Там были и подписи, и факсимилэ, сделанные так искусно<sup>3</sup>, что даже те лица, чьи подписи были подделаны, только разводили руками. Всякий документ можно подделать<sup>10</sup>. И ни в какой мере эти документы не могут сейчас представлять никакого судебного материала, ибо у нас нет ни малейшей возможности их проверить. Поддельные они или нет – мы не знаем. Это могли бы сказать лишь наши заграничные товарищи. И они, конечно, это скажут и дадут все необходимые разъяснения.

К подобного рода обвинениям следовало бы относиться с величайшей осторожностью, ибо грязь, бросаема в одну из социалистических партий, падает и на другие, и на социализм вообще. Дело Интернационала разобраться во всем этом. Вы, гр[ажда]ни Крыленко, занеся над нами угрозу разстрела, требуете от нас отречения от этих документов и хотите, чтобы мы так купили себе жизнь. На подобные предложения мы можем ответить только презрением. Мы не знаем этих документов и потому не можем дать никаких объяснений. Политически мы вам дали полный исчерпывающий ответ на все ваши вопросы. Наши взгляды на интервенцию, на международное признание вашей власти, на вооруженную борьбу и т.д. мы вам осветили полностью. Если бы вы сидели на этих скамьях, я не знаю, как вы бы ответили на предложение предать и тем спастись – мы отвечаем презрительным молчанием. Наш партийный суд разберет и рассмотрит все эти вопросы, все наши внутренние дела, но вам мы не можем позволить в них копаться. <sup>9</sup>И когда вы обращаетесь к нам с требованием, смысл которого может быть сформулирован, как «руки вверх», то мы вам отвечаем: «не запугаете!»<sup>1а</sup>. Покровский <sup>16</sup>требовал от Трибунала приговора, который бы вычеркнул партию с.р. из жизни, он <sup>1в</sup>хотел нас распылить и уничтожить, но едва ли вам это удастся. Мы все, оторванные тюрьмой более чем два года от народных масс и политической борьбы, получили здесь возможность дать отчет о нашей деятельности перед <sup>1г</sup>рабочим классом и партией<sup>1д</sup>. Через ваши

---

<sup>3</sup> Так в документе.

<sup>10</sup> Далее в тексте вычеркнуто И есть люди, для которых сфабриковать подпись ничего не стоит.

<sup>1-1а</sup> Вписано Гоцем.

<sup>16-1в</sup> То же.

<sup>1г-1д</sup> Вписано Гоцем взамен вычеркнутого всем миром.

головы говорили мы с классом трудящихся, и не только наш отчет о прошлом, но и наши указания о путях дальнейшей борьбы мы им дали. Мы вам за это признательны<sup>1е</sup>.

<sup>1ж</sup>Эту трибуну мы использовали для того, чтобы рассказать рабочему классу о своей прошлой деятельности, о тех невольных ошибках, которые были неизбежны в трудных условиях революционного кризиса, и чтобы поведать ему, как мы думаем о возможных путях спасения революции. И если этой нашей исповеди суждено будет стать нашим завещанием, мы выполним свой революционный долг до конца. Я не знаю, что суждено нам судьбой – жизнь или смерть. Если смерть – мы умрем, как революционеры, смело глядя ей прямо в глаза; если жизнь – мы будем дальше бороться со всем напряжением сил, как социалисты, во имя интересов рабоч[его] класса<sup>1з</sup>.

– МИСИ. Архив ПСР. № 867. Защитительная речь Гоца. Рукописная стенографическая запись, осуществленная предположительно Е. Ивановой-Ирановой.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 7–12.

**Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б)  
о директиве Президиуму ВЦИК по приговору Верховного Ре-  
волюционного Трибунала.**

**К протоколу заседания Пленума ЦК РКП(б),  
протокол № 4, п. 1**

**[Не позднее 7 августа 1922 г.]**

Сов. секретно

Только для т. Сталина

**[СЛУШАЛИ]:**

Предложение т. Троцкого дать директиву Президиуму ВЦИК расстрелять 4-х эсеров.

**[ПОСТАНОВИЛИ]:**

Принять  
(Голосовали за: тт. Троцкий, Сталин, Томский, Молотов; против: тт. Каменев, Рыков).  
т. Каменев переносит вопрос на

---

<sup>1е</sup> Далее Гоцем вычеркнуто И этот наш долг мы выполняли и выполнили до конца. Если нам суждено умереть, мы умрем мужественно, как революционеры. Если же мы будем жить – как социалисты – мы будем по-прежнему бороться как социалисты.

<sup>1ж-1з</sup> Текст написан Гоцем.

## Пленум.

– АПРФ, ф. 3, Оп. 59, Д. 20, Л. 128. Рукописная выписка протокольной записи постановления Политбюро ЦК РКП(б).

**Заявление членов Исполкома Коминтерна от РКП(б)  
о формулировке приговора в отношении группы  
обвиняемых на процессе членов партии эсеров  
(с приложением результатов голосования)**

**[Не позднее 7 августа 1922 г.]**

Всем членам Ц.К. на голосование (срочно)  
В Секретариат ЦКРКП(б)

Мы, члены Исполкома Коминтерна от русской партии, убеждены, что прямая формулировка о заложенничестве и об утверждении приговора Верхтриба ВсеЦиком <sup>а</sup>будет на деле означать продолжение кампании против нас в самой невыгодной для нас обстановке<sup>б</sup>. Поэтому мы предлагаем заключительный пункт постановления ВЦИКа о подсудимых 1-ой группы формулировать следующим образом:

«Определение Верх[овного] Триб[унала] в отношении к подсудимым первой группы, приговоренным к высшей мере наказания, в исполнение не приводить, заменив его пожизненным заключением.

Если П. С.-Р., в лице своих руководящих органов и учреждений на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против Сов[етской] власти, она тем самым откроет возможность ВЦИК вновь поставить вопрос о дальнейшей участи осужденных»<sup>в</sup>.

---

<sup>а-б</sup> Вписано над строкой вместо вычеркнутого создаст крупнейшие затруднения для коммунист[ической] работы на Западе.

<sup>в</sup> Группой членов Исполкома Коминтерна от РКП(б) была предложена редакционная правка последнего абзаца в следующем виде: Если же партия с.-р. будет продолжать выше упомянутую деятельность, ответственность за нее в первую очередь автоматически обрушится на головы осужденных (далее из текста вычеркнуто по всей строгости революционных законов). Далее следуют подписи – автографы согласившихся с поправкой И. Коротков, Т. Сапронов, М. Калинин, А. Рыков, Г. Петровский, Х. Раковский, Г. Зиновьев, М. Томский.

Просим проголосовать это предложение, ввиду абсолютной его срочности и технич[еской] невозможности созвать пленум ЦК, путем опроса членов ЦК.

Против предлагаемой поправки<sup>д</sup>

И. Сталин, В. Куйбышев, Ем. Ярославский, С. Орджоникидзе, Г. Сокольников, В. Молотов<sup>е</sup>, Я. Рудзутак, Ф. Дзержинский<sup>ж</sup>.

За

Г. Зиновьев, Н. Бухарин, К. Радек, М. Томский, Л. Каменев, А. Рыков, Г. Петровский, И. Коротков, М. Калинин, Т. Сапронов, Х. Раковский<sup>з</sup>.

— Л. 129–129 об. Рукописный подлинник, написанный Г.Е. Зиновьевым, подписи – автографы членов исполкома Коминтерна от РКП(б). На листе 129 штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК с входящим номером и датой получения документа «12/VIII-1922 г.». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1 от 8 августа 1922 г.

**Отдельный лист с результатами голосования по  
формулировке приговора Верховного Трибунала  
в отношении группы обвиняемых членов партии эсеров,  
составленный помощником И.В. Сталина А.М. Назаретяном**

**7 августа 1922 г.**

**Результаты голосования:**

За – 1. Зиновьев	11. Раковский
2. Бухарин	Против:
3. Радек	1. Сталин (за обсуждение в Плену-
4. Томский	ме)
5. Каменев	2. Куйбышев
6. Рыков	3. Ярославский
7. Петровский	4. Орджоникидзе
8. Коротков	5. Сокольников
9. Калинин	6. Молотов (протестует против из-
10. Сапронов (внести по-	менения решения Цека)
правку о заложниках)	7. Дзержинский

<sup>д</sup> Вписано рукой И. Сталина.

<sup>е</sup> В. Молотовым сделана приписка Протестую против изменения решения Цека.

<sup>ж</sup> Работником секретариата ЦК сделана запись Опросом по телефону Дзержинский против. А. Н[азаретян].

<sup>з</sup> Т. Сапроновым и Х. Раковским сделана приписка внести поправку о заложниках.

Поправка о заложниках:  
За Сапронов

Калинин

Рыков

Петровский

Раковский

Томский

Зиновьев

Радек

Коротков

8. Рудзутак

Не опрошены:

1. Троцкий<sup>a</sup>

2. Смирнов

По предложению т. Сталина во-  
прос переносится на Пленум (в  
вторник 8/VIII). К этому предложе-  
нию присоединился т. Троцкий.

А. Н[азаретян]

7/VIII

— Л. 130. Рукописный подлинник, подпись — автограф.

### **Телеграмма американского журналиста Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о завершении процесса**

**9 августа 1922 г.**

Так кончился один из самых любопытных процессов, даже для революционной России: старые товарищи, которые в продолжение двух поколений боролись вместе против царизма, сидели вместе в тюрьмах и шли рядом в цепях в Сибирь, теперь стоят друг против друга, как открытые враги, одни, опираясь на всю свою военную и законную мощь, у других нет даже никого, кто посмел сказать слово в их пользу. Гоц, лидер заключенных, спас жизнь Каменеву, в настоящее время главе Московской власти, в 1917 г., когда Каменеву угрожала толпа. В процессе выявляется особая горечь с обеих сторон, главная группа заключенных не проявляет ни малейшего раскаяния, прославляет себя своими преступлениями. Считая себя осужденными, они решили обратить процесс в гигантскую пропаганду своего дела. «Мы знаем, что мы осуждены, но мы не страшимся умирать»[,] — заявил один из лидеров, Гендельман, Трибуналу, когда во время разбирательства некоторые авторитетные большевики протя-

<sup>a</sup> Далее из этого списка вычеркнута ранее написанная фамилия Рудзутак.

гивали оливковую ветку, предлагая обвиняемым, если они будут придерживаться терпимых методов и порвут с белыми в эмиграции, освободить их и дать им возможность существовать, как отдельная политическая единица, заключенные не дали никакого ответа. Процесс выявил живую картину жизни за первые три года Советской Республики, когда правительство находилось под постоянными угрозами, вождям угрожала смерть от выстрелов, взрывов поездов, социалисты[-]революционеры сделали все[, ] что могли[, ] в сотрудничестве с белыми и союзниками, чтобы сокрушить большевизм, не останавливаясь ни перед чем, делая попытки подрывать армию, подделывая документы, поднимая восстания. Весь процесс велся настолько свободно, что совершенно поражало наблюдателей Западной Европы. Громадная публика открыто принимала участие в продолжение почти всего процесса. Заключенным дано больше свободы действия, чем вероятно где[-]либо в другом месте, они систематически нарушали ход процесса, отводом судей, делая оппозиции, произнося политические речи. Многие все еще надеются, что ВЦИК выскажется относительно приговоров и помиует их. Я нахожу мало оснований ожидать от ВЦИК исключительного мягкосердечия. —

Ф.А. МЭКЕНЗИ

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 128. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева. Вверху листа рукописная помета: «Телеграмма, посланная в "Чикаго Дейли Ньюс" 9/VIII».

**Нелегальная листовка Московского бюро партии  
социалистов-революционеров, посвященная итогам  
процесса над группой членов партии эсеров**

**14 августа 1922 г.**

**ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

**В борьбе обретешь ты право свое!**

**КОГО СУДИЛИ?**

Т. Агапов — 32 л[ет], в п[артии] с.-р. с [190]9 г.; при самодержавии был в ссылке, а при б[ольшевик]ах арест[овывался] 3 раза и сидит около 2 лет.



Т. Артемьев – 38 л[ет], в рев[олюционном] движ[ении] с [190]3 года, в п[артии] с.-р. с [190]4 г.; при царизме был сослан в Турухан[ский] край на 4 г., откуда, за попытку к побегу, был переведен в один из необитаемых пунктов за поляр[ным] кругом, при б[ольшевиках] арест[овывался] 4 раза и сидит всего почти 3 года.

Т. Веденяпин – 42 л[ет], в п[артии] с.-р. с 1901 г.; при царизме высылался 2 раза, 3 раза был арестован, просидел ок. 7 лет (в т.ч. 4 г. каторги), при б[ольшевиках] арест[овывался] 2 раза и сидит более полутора лет.

Т. Гендельман – 41 г[од] в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]99 г., с.-р. с [19]02 г.; при цар[ском] строе был сдан в солдаты за студенч[еские] беспорядки, неоднократно сидел в тюрьмах и высылался, при б[ольшевиках] сидит с марта [19]21 г.

Т. Герштейн – 45 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]98 г., с.-р. с [19]01 г., при самод[ержавии] просидел 4 с пол[овиной] года, 2 раза ссылался (2 и 3 г.); в [19]20 г. был упр[авляющим] делами Иркут[ского] Полит[ического] Центра, свергнувшего Колчака; при б[ольшевиках] сидит с апр[еля] [19]21 г.

Т. Горьков – 47 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]02 г., с.-р. с [190]4 г., при самод[ержавии] 5 раз арест[овывался], просидел 5 лет, был выслан; при б[ольшевиках] сидит с августа [19]20 г.

Т. Гоц – 40 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [1]900 г., с.-р. с [19]02 г.; с [190]5 г. один из руковод[ителей] боев[ой] орг[анизации], уч[аствовал] в подготовке актов против Дурново, ген[ерала] Мина и полк[овника] Римана, мин[истра] Якимова, град[оначальника] Шувалова, вице-дир[ектора] деп[артамента] пол[иции] Рачковского, арест[овывался] 3 раза, был выслан, имел 8 л[ет] каторги; при б[ольшевиках] сидит с мая [19]20 г.

Т. Донской – 41 г[од], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]97 г., с.-р. с [19]02 г.; при самод[ержавии] был сдан в солдаты за студенч[еские] беспорядки, 3 раза высылался в Сибирь, в тюрьмах просидел около 6 лет, при большевиках сидит 3 года.

Т. Иванов – 34 л[ет], с.-р. с [190]6 г., член Сев[ерного] Летуч[его] Боев[ого] Отряда, уч[аствовал] в террор[истическом] акте против нач[альника] гл[авного] тюр[емного] упр[авления] Максимовского (убит Рагозинниковой), в подготовке взрыва Гос[ударственного] Совета, за что получил 15 лет, заменен[ы]. 10 г[одами] каторжн[ых] раб[от]; при Колчаке избежал расстрела благодаря побегу из тюрьмы;

при б[ольшеве]ках арест[овывался] 2 раза, сейчас сидит с августа [19]21 г.

Т. Иванова-Иранова – 36 л[ет], с.-р. с [19]01 г., член боевой орг[анизации], при ее содействии убиты нач[альник] тюрьмы Гудима и прист[ав] Радзиевский, организ[атор] убийства нач[альника] «Крестов» Иванова, уч[аствовала] в исп[олнении] акта против Максимовского; при подготовке взрыва Гос[ударственного] Совета в [19]07 г. арест[ована] и приг[оворена] к смертной казни через повешение, замененной потом бессрочной каторгой; при б[ольшеве]ках арест[овывалась] 3 раза, сейчас сидит с декабря [19]21 г.

Т. Лихач – 34 л[ет], с.-р. с [19]03 г., при самод[ержавии] арест[овывался] 4 раза, сидел 2 г., был выслан 3 раза (дважды по 3 г.); при б[ольшеве]ках сидит с января [19]21 г.

Т. Морозов – 34 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]04 г., с.-р. с [19]05 г., уч[астник] восстания на Пресне, отбыл 7 л[ет] каторги, при б[ольшеве]ках сидит с августа [19]19 г.

Т. Раков – 40 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]02 г., с.-р. с [19]03 г., при царизме неоднократно арестовывался и был выслан; был арестован при Колчаке и лишь случайно избежал расстрела, при б[ольшеве]ках сидит 3-ий год.

Т. Ратнер – 36 л[ет], с.-р. с [19]03 г., при царизме арест[овывалась] 9 раз, сидела ок[оло] 6 лет (в т. ч. 2 с пол[овиной] года в крепости), при б[ольшеве]ках сидит с декабря [19]19 г.

Т. Тимофеев – 36 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [1]900 г., с.-р. с [19]02 г., в [19]05 г. получил 5 л[ет] кат[оржных] раб[от], перед оконч[анием] срока прибавили еще 10 за руководство из тюрьмы Иркутск[ой] парт[ийной] орган[изацией]; при б[ольшеве]ках сидит с мая [19]20 г.

Т. Федорович – 43 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]98 г., с.-р. с [1]902 г., при самод[ержавии] арестовывался пять раз, был выслан, отбыл 6 л[ет] каторги; при Колчаке был арест[ован] и избежал расстрела благодаря побегу, был председателем Иркутск[ого] Полит[ического] Центра, свергнувшего Колчака, при б[ольшеве]ках сидит с марта [19]21 г.

(К сожалению, в редакции, в условиях нелегального существования, не оказалось своевременно под руками точных данных об остальных т.т.: Альтовском, Берге, Злобине, Либерове, Львове, Утгофе-Дерюжинском, которые также могут насчитать в своем прошлом не

один десяток лет тюрьмы и ссылки за участие в революционной борьбе против самодержавия и большевиков.)

Вот краткие, далеко не полные, сведения о революционной деятельности наших товарищей.

Вот против кого были направлены потоки клеветы и инсинуаций г.г. Крыленко и Стекловых!

Вот кого «судили» и над кем готовятся большевики учинить кровавую расправу!

П. С.-Р. ни на один миг не перестает верить, что трудящиеся массы России сумеют отличить, в тумане «коммунистической» лжи и наветов, своих истинных друзей от тех, кто под красным знаменем пролетарской революции и социализма творит черное дело измены рабочему классу.

П. С.-Р. твердо верит, что русские рабочие и трудовое крестьянство отведут Дамоклов меч, повисший над старыми социалистами и революционерами, всю свою жизнь безраздельно отдавшими на борьбу за освобождение трудового народа!

14 августа 1922 г.

Москов[ское] Бюро ПСР

— АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 206. Типографский лист того времени, набранный в подпольной типографии Московского бюро ПСР.

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о вынесении  
на обсуждение Пленума ЦК РКП(б) проекта  
постановления Президиума ЦИК СССР в отношении  
осужденных по процессу 1922 г. членов ПСР.  
Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 10**

**от 12 января 1924 г.**

**СТРОГО СЕКРЕТНО**

Опросом по телефону членов ПБ от 12.1.24 года

Слушали:  
10. Проект постановления Президиума ЦИК'а СССР во исполнение постановления ПБ от 10.1 (пр[отокол] № 61 п. 7) (т. Калинин).

Постановили:  
10. Принять с поправками, внесенными членами Политбюро (См. приложение).

## Секретарь ЦК

– Л. 37. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 13 января 1924 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу Енукидзе».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 393. Л. 11. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на 1/2 листа. Внизу записи о рассылке («т. Енукидзе») и записи «Выписка из протокола заседания ПБ № 62. Опросом членов Политбюро от 12/1.24 г.». Из рассылочной записи вычеркнута недописанная фамилия Т.В. Сапронова. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро: тт. Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский. Кандидаты в члены Политбюро: тт. Калинин, Молотов, Рудзутак. Члены ЦК: тт. Андреев, Квиринг, Смирнов А.П., Сокольников, Чубарь, Цюрупа. Члены Президиума ЦКК: тт. Куйбышев, Сольц, Ярославский».

**Проект постановления Президиума ЦИК СССР  
об изменении меры наказания осужденным  
по процессу 1922 г. членам ПСР,  
принятый Политбюро ЦК РКП(б)**

**12 января 1924 г.**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

Президиума Центрального Исполнительного  
Комитета Союза ССР

Принимая во внимание, что осужденным Верховным Трибуналом ВЦИК к высшей мере наказания членам Центрального Комитета партии правых эсеров по обвинению их в тяжчайших<sup>а</sup> государственных преступлениях, организации террористических актов против представителей советской власти, подготовке и руководстве вооруженными восстаниями и сношениях с иностранными державами с целью свержения советской власти гражданам Гоцу, Донскому и другим приведение в исполнение приговора было постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета приостановлено под условием, если партия социалистов-революционеров, как говорится в вышеуказанном постановлении, – «фактически на деле прекратит подпольно-заговорческую, террори-

---

<sup>а</sup> Вписано от руки взамен первоначально напечатанного тяжелейших.

стическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян».

Что указанные мероприятия, однако, диктовались в то время исключительно соображениями обезопасить советскую республику от возможного продолжения той же деятельности со стороны единомышленников осужденных, причем ВЦИК оговорил, что если бы партия эсеров действительно прекратила свою контрреволюционную деятельность, то она тем самым освободила бы от высшей меры наказания своих осужденных вожаков.

Что за истекшие полтора года, хотя на деле партия правых эсеров и не прекратила своей контрреволюционной деятельности ни по агитации, ни по пропаганде свержения советской власти внутри страны, ни своей предательской деятельности по отношению к рабочим и крестьянам за границей путем организации и подготовки вооруженного вмешательства в тех же целях извне[,] тем не менее в связи с общим, основанным на росте<sup>б</sup> хозяйственного возрождения, укреплением советской власти внутри страны, ростом доверия по отношению к ней со стороны трудящихся масс и как результат этого укрепления ростом международного значения советской власти — эта деятельность кучки потерявших всякую связь с трудящимися массами Союза ССР, озлобленных эмигрантов и разбитых и рассеянных групп их единомышленников внутри страны не может представляться в настоящее время внушающей<sup>в</sup> серьезные опасения.

Что, наконец, поведение самих заключенных за истекшие, с момента приговора, полтора года также не дают оснований считать их настолько опасными, чтобы приведение в исполнение приговора в отношении осужденных диктовалось бы необходимостью.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет<sup>г</sup>:

---

<sup>б</sup> Вычеркнуто от руки из первоначально напечатанного внутреннего благосостояния и начавшегося.

<sup>в</sup> В первоначальном проекте было особо серьезные опасения.

<sup>г</sup> В первоначальном проекте данный абзац был следующим: «Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР во исполнение предложения Президиума ВЦИК, передавшего данный вопрос ввиду его общесоюзного значения на усмотрение Президиума ЦИК Союза ССР П О С Т А Н О В Л Я Е Т: не ослабляя ни на минуту деятельность соответствующих органов Советской власти по дальнейшей борьбе с остатками партии правых эсеров вплоть до полного их обезвреживания».

1. Пересмотреть постановление Президиума ВЦИК об условном приостановлении привидения<sup>а</sup> в исполнении<sup>е</sup> приговора Верховного трибунала ВЦИК в отношении граждан А.Ф. Гоца<sup>ж</sup>, Д.Д. Донского, Л.Я. Гернштейна, М.Я. Гельдемана, М.А. Лихача, Н.Н. Иванова, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеева, В.В. Агапова, А.И. Альтовского и Е.А. Ивановой и заменить им высшую меру наказания лишением свободы на пять лет со строгой изоляцией.

2. Соответственно сократить на половину срок лишения свободы со строгой изоляцией осужденным Верховным Трибуналом ВЦИК А.В. Либерову, Н.И. Артемьеву, Д.В. Ракову, Ф.Ф. Федоровичу, М.А. Веденяпину – до пяти лет, В.Л. Утгофу, Е.Ф. Бергу, М.Л. Львову сократить до двух с половиной лет.

3. Тем из осужденных, кои после зачета предварительного заключения окажутся подлежащими немедленному освобождению воспретить сроком на три года проживание во всех промышленных и густо населенных местностях Союза ССР, предоставив ГПУ определить место их проживания с подчинением на месте надзору местного отдела ГПУ.

4. Прокуратуре наблюдать за исполнением настоящего постановления.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 393. Л. 12–13. Черновой протокол заседания Политбюро. Машинописный экземпляр проекта Постановления Президиума ЦИК СССР с правками, предложенными кандидатами и членами Политбюро, заверенный т. Словатинской. Внизу рукописная запись о результатах голосования: «Зиновьев – Воздерж[ался], Рудзутак – за; Калинин, Молотов, Каменев, Томский – с поправками, Сталин (мнение не зафиксировано – сост.)».

– Л. 14–15. Машинописный первоначальный проект постановления Президиума ЦИК СССР, внесенный Президиумом ЦИК СССР. Подпись – автограф А.С. Енукидзе. Внизу слева дата «11/I-24» карандашом.

– Л. 16. В деле – машинописная копия особого мнения, высказанного М.И. Калининым: «Я предлагаю выбросить слова: "во исполнение предложения Президиума ВЦИК" до слов "постановляет"». Внизу листа удостоверяющая подпись – автограф А.С. Енукидзе.

– Л. 17. Машинописная копия результатов голосования по проекту постановления Политбюро: «Результаты голосования: тов. КАЛИНИН – исключить фразу (2 стр., конец 3 стр.): "во исполнение предложения Президиума ВЦИК" до слова "постановляет"».

«тов. МОЛотов – "ЗА" 1) с поправкой т. Калинина и 2) выбросить слова на первой странице на десятой строчке снизу: "внутреннего благосостояния и начавшегося"».

«тов. ТОМСКИЙ – "ЗА" с поправкой заменить (на первой стр. 3-ья строчка) слово:

---

<sup>а</sup> Так в документе.

<sup>е</sup> Так в документе.

<sup>ж</sup> Так в документе, следует А.Р. Гоца. Далее следуют искажения в написании фамилий Герштейна, Гендельмана и инициалов Д.Ф. Ракова, Е.С. Берга, М.И. Львова.

“тяжелейших” – “тягчайших”».

«тов. РУДЗУТАК – “ЗА”»

«тов. КАМЕНЕВ – выбросить на второй странице, начиная с 4-ой строчки со слов: “передавшего данный вопрос” и кончая словами “до полного их обезврежения”. На 4-ой стр. после слов: “предложения Президиума ВЦИК” вставить слово “постановляет”».

«тов. ЗИНОВЬЕВ – воздерживается».

«тов. РЫКОВ – болен».

«тов. СТАЛИН –».

*В деле также помещены (л. 18, 19) два сопроводительных письма, направленные 11 января 1924 г. пом. секретаря ЦК РКП(б) И. Товстухой по поручению И.В. Сталина В.В. Куйбышеву и А.И. Рыкову с просьбой дать заключение по проекту постановления Президиума ЦИК СССР «об эсерах». На них резолюции: «Поправок не имею В. Куйбышев»; «Согласен с предложением т. Калинина. А.И. Рыков»*

*– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 140–140 об. Машинописный подлинник направленной Ф.Э. Дзержинскому 22 февраля 1924 г. выписки из протокола заседания Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г., подписанного секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Вверху л. 140 делопроизводственная машинописная помета, адресованная Ф.Э. Дзержинскому: «Согласно просьбе тов. Катаньяна, препровождается Вам для сведения». На л. 140 об. ниже подписи Енукидзе автографы Либерова, Донского, Агапова, Герштейна, Федоровича, Ракова, Артемьева, Львова, Альтовского, Уттофа, Тимофеева, Гоца, Ратнер, Иванова и Ивановой об ознакомлении 13 марта 1924 г. с постановлением Президиума ЦИК СССР.*

## Приложение 2

### ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ШАХТИНСКОГО ПРОЦЕССА 1928 г.

**Шифротелеграмма секретаря Северо-Кавказского  
крайкома ВКП (б) А.А. Андреева И.В. Сталину  
о «раскрытии» «вредительской» деятельности группы  
специалистов угольной промышленности края**

**27 февраля 1928 г.**

Копия  
Строго секретно

Из Ростова н/Д[ону], 27.II.1928 г.  
МОСКВА, ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

В течение шести месяцев органами ГПУ велось следствие по делу большой группы специалистов, имевших особую организацию, сложившуюся с [19]21 года, которая кроме подготовки срыва производства угля к моменту интервенции систематически в течение ряда лет осуществляла саботаж, вредительство, ведя эту работу чрезвычайно тонко, являясь фактическими руководителями добычи угля в районах. Установлена непосредственная связь за границей. Все участники получали специальную оплату из-за границы. Установлено, по показаниям, участие в этом ряда специалистов, занимавших руководящее положение в «Донугле», аппарате ВСНХ. Есть основания <предполагать>, что организация имеет более широкий размер.

В Москву для доклада выезжает Евдокимов.

АНДРЕЕВ

– Архив Президента РФ (АПРФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 3. Машинописная копия, сделанная 3 сентября 1959 г. и заверенная техническим работником Секретариата ЦК КПСС Д. Холиной. Вверху справа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро 28 февраля 1928 г., протокол № 12, п. 28 оп.; ниже напечатан входящий номер документа. Внизу слева машинописью дата изготовления копии и делопроизводственные пометы «1-ае.», «Оригинал шифровки находится в подлиннике протокола ПБ ЦК».



**Постановление Политбюро ЦК ВКП(б)  
о разбирательстве дела шахтинских специалистов  
в судебном порядке.**

**Из протокола заседания Политбюро № 12, п. 28**

**от 1 марта 1928 г.**

СТРОГО СЕКРЕТНО

(Из О[собой] П[апки])

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

СЛУШАЛИ.

ПОСТАНОВИЛИ.

Опросом членов ПБ от 28.II.28 г.

28. Телеграмму тов. 28. Послать т. Андрееву следующую теле-  
Андреева от 27.II. с. грамму: «Считаем необходимым разбира-  
г. тельство дела шахтинских специалистов в  
судебном порядке, о чем дадим в ближайшие  
дни конкретные указания».

Секретарь ЦК

*— Л. 1. Машинописная выписка на бланке ЦК ВКП(б), сделанная 1 марта 1928 г.*

**Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о создании  
комиссии по «Шахтинскому делу».**

**Из протокола заседания Политбюро № 14, п. 12**

**от 8 марта 1928 г.**

СТРОГО СЕКРЕТНО

(Из О[собой] П[апки])

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

СЛУШАЛИ.

ПОСТАНОВИЛИ.

Опросом членов ПБ от 2.III.1928 года.

12. Предложение т.т. 12. По Шахтинскому делу организо-  
Молотова и Сталина вать комиссию в составе т.т. Рыкова,  
Орджоникидзе, Сталина, Молотова, Куй-  
бышева. Созыв за т. Рыковым. Комиссии  
предоставить право окончательного ре-  
шения срочных вопросов от имени По-  
литбюро с последующим докладом в По-  
литбюро.

Секретарь ЦК

— РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 36. «Особая папка» «подписного» протокола заседания Политбюро. Машинописная копия того времени, заверенная печатью ЦК ВКП(б), одпись-факсимиле И. В. Сталина на л. 38. Внизу машинописная помета о рассылке: «Т.т. Рыкову, Менжинскому».

## **Сообщение прокурора при Верховном суде СССР «о раскрытии контрреволюционного экономического заговора»**

**9 марта 1928 г.**

### **ОТ ПРОКУРОРА ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА СООБЩЕНИЕ О РАСКРЫТИИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗАГОВОРА**

На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса органами ОГПУ при прямом содействии рабочих раскрыта контр-революционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района.

Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых германских промышленных фирм и польской контр-разведкой. Тщательный анализ многочисленных дезорганизующих промышленность явлений (пожары, взрывы, порча машин, завалы шахт привел к обнаружению контр-революционных преступников. Последующий арест преступников, показания обвиняемых и свидетелей, данные экспертизы дали обильный материал, с точностью устанавливающий состав, цели, средства и способы деятельности разветвленной заговорщической организации. Эта организация вовлекла в свой состав, помимо бывших капиталистических собственников и акционеров предприятий, группу инженеров-специалистов, техников, штейгеров, ряд служащих, причем оказалось, что они систематически получали жалование от своих бывших хозяев и специальные суммы от агентов заграничного шпионажа, а многие из них были раньше агентами белой контр-разведки.

Следствием установлено, что работа этой контр-революционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном

саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников, в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление рабоче-крестьянской Красной Армии.

Совершенно объективными данными следствия установлено, что всюду, где членам организации удалось в качестве инженеров и служащих подчинить своему влиянию хозяйственный аппарат предприятия, неизменно повторялись нижеследующие явления: мощные пласты и доходные шахты, которые могли давать десятки миллионов пудов хорошего угля, выводились из строя, затоплялись, умышленно взрывались и заваливались. Наоборот, разрабатывались убыточные шахты, с плохим углем, который был явно негоден и при употреблении портил паровозы.

В целях срыва промышленности и дискредитирования социалистической рационализации производства была в высшей степени тонко разработана и проводилась в жизнь система вредительства именно под видом рационализации производства. Закупалось за границей ненужное оборудование, иногда устарелые машины, иногда, наоборот, самые новейшие, применение которых заводами было невозможно по техническим условиям Южно-Угольного района. Так, например, в Америке были закуплены врубовые машины, пригодные лишь для твердых пластов, и пущены в работу на мягких пластах.

Заказы производились со специальной целью их несвоевременного выполнения. Часто выписывались совершенно ненужные механизмы, отдельные части механизмов выписывались разновременно.

Переоборудование шахт всюду, где контр-революционерам удалось поставить во главе дела своих людей, производилось злобно-халатно, что приводило к многочисленным несчастиям, авариям и разрушениям. Установлено, что всюду, где организация саботажников сумела поставить своих людей – состояние продукции и финансовая мощь предприятия катастрофически падали. Заговорщики стремились всеми мерами к ухудшению положения рабочего на шахтах. Жилища не ремонтировались, опасные работы производились с преступной небрежностью и с прямым нарушением элементарных

правил безопасности. При расчетах рабочие нередко обсчитывались, оскорблялись, сознательно провоцировались на стачки. «Неудобных» рабочих увольняли. Заговорщики проникли и в инженерно-техническую секцию профсоюза, что давало им возможность устранять от руководства и работы рабочих-выдвиженцев, коммунистов и честных специалистов, преданных делу социалистического строительства. Следствием установлено, что участники организации финансировались заграничным белогвардейским центром.

Преступники арестованы и содержатся под стражей. Обвинение предъявляется им по ст. 58/11 и 58/7. По окончании следствия дело будет передано в Верховный Суд СССР.

ПРОКУРОР при ВЕРХОВНОМ СУДЕ СССР П. КРАСИКОВ.

— Л. 152–154 (А). Машинописный подлинник с рукописными карандашными правками, выполненными И. В. Сталиным, и незначительной чернильной правкой корректора или машинистки. Внизу под текстом рукой И. В. Сталина написана дата, ниже депроизводственная чернильная помета: «Опубликовано “Правда” от 10.III–28 г. № 60».

— Л. 149–151 (Б). Черновой вариант. Машинописный подлинник с рукописными карандашными правками Н.И. Бухарина и И.В. Сталина.

Дата отсутствует.

— Правда. 1928. 10 марта (В).

**Постановление комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)  
по «Шахтинскому делу» об ускорении подготовки  
судебного процесса**

**21 марта 1928 г.**

С. Секретно

Присутствовали: т. т. Ворошилов, Крыленко, Косиор И., Косиор С., Орджоникидзе, Менжинский, Рыков, Сталин, Янсон, Чичерин.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Шахтинское дело выделить и всячески ускорить представление его в суд.
2. Предложить т. Крыленко с необходимым составом ответственных работников немедленно выехать в Ростов и принять участие в самом составлении следственного материала.
3. Обязать т. Крыленко в месячный срок, считая с 21 марта, окончить составление следственного

материала и обвинительного акта.

4. Обязать т. Менжинского дать совершенно категорическое распоряжение органам<sup>а</sup> ГПУ в Ростове и Харькове о полном и безусловном содействии т. Крыленко.

5. Поручить Комиссии т. Янсона рассмотреть предложение И. Косиора.

6. Обязать ГПУ представить точный список лиц, арестованных по Шахтинскому делу, и мест их заключения. Освобождение арестованных по Шахт. делу производить только с ведома Комиссии.

7. Шахтинское дело поставить в Верх. Суде СССР. Место суда – Москва.

8. Согласно договора с германск. правительством, в случае настояния немцев, разрешить свидание с арестованн. немцами.

Поручить НКВД произвести нотификацию об арестованных немцах.

#### А.И. РЫКОВ

- Л. 194. Рукописный подлинник протокола заседания комиссии, выполненный чернилами секретарем заседания, подпись А.И. Рыкова – автограф. Вверху указаны присутствовавшие на заседании: К.Е. Ворошилов, Н.В. Крыленко, И.В. Косиор, С.В. Косиор, С. Орджоникидзе, В.Р. Менжинский, А.И. Рыков, И.В. Сталин, Н.М. Янсон, Г.В. Чичерин. Внизу слева делопроизводственная помета «N/110/65/A» и дата.

- Л. 195. Машинописная копия протокола заседания комиссии, заверенная секретарем заседания. Вверху машинописью воспроизведен список присутствовавших, внизу слева та же делопроизводственная помета и дата, ниже список рассылки выписок из постановления: «т. Крыленко: 1, 2, 3, 4, т. Менжинскому: все<sup>б</sup>, т. Чичерину: 8, т. Красикову: 7».

---

<sup>а</sup> Вписано в документ от руки

<sup>б</sup> Дописано карандашом вместо первоначально напечатанного и зачеркнутого 1, 4, 6, 7, 8.

**Проект интервью государственного обвинителя  
по «Шахтинскому делу»  
Н.В. Крыленко представителям ростовской печати**

**Между 21 и 31 марта 1928 г.**

Шахтинское дело имеет настолько серьезное значение, как по существу совершенного поступления<sup>а</sup>, так и по характеру установленных по делу связей контр-революционных элементов внутри страны с контр-революционными элементами с границей, что постановлением ЦИК'а СССР оно направлено к рассмотрению Верховным Судом Союза.

В связи с этим постановлением Прокурор Верховного Суда Союза на точном основании существующих статей закона о порядке производства следствия по делам, переданным в Верховный Суд, обратился ко мне, как к Прокурору РСФСР[,] с предложением взять на себя непосредственное наблюдение за производством следствия по этому делу и поддержание обвинения на суде.

Поэтому я приехал сюда в Ростов для непосредственного ознакомления с материалами на месте.

Вы спрашиваете меня, что можно сказать уже сейчас о степени доказанности преступления. Я должен ответить, что редкое дело из всех крупных дел, которые приходилось мне проводить, может идти вровень с этим, именно с этой точки зрения – доказанности преступных фактов, вменяемых в вину привлеченными по делу лицам. Они доказываются не только субъективными данными – прямым сознанием целого ряда лиц, непосредственно осуществлявших вредительские акты и руководивших этими вредительскими актами, но и рядом объективных доказательств, устанавливающих те же факты независимо совершенно от того, есть или нет по этому поводу сознание обвиняемых.

Можно сказать, что ГПУ оказалось здесь на высоте, и в свете этих фактов судебный процесс обнаружит с достаточно исчерпывающей полнотой всю неосновательность распространяемых буржуазией и фашистами границей и контр-революционными слоями у нас[,] внутри Союза[,] басен о, якобы, неосновательности первого извещения Прокурора Верховного Суда.

---

<sup>а</sup> Так в документе, следует преступления

Кстати, чрезвычайно интересным является здесь одно сопоставление: в то время как общественное мнение широких рабочих масс в связи с этим делом совершенно определенно требует применения наиболее суровых мер репрессии по отношению к подсудимым, причем содержание правительственного сообщения нигде не ставится в рабочей среде под сомнение прежде всего потому, что рабочие, и в частности Шахтинского района, на своей спине в течение всех этих лет переносили издевательства обвиняемых и своими глазами наблюдали вредительские акты – среда так называемой служилой советской интеллигенции представляет собой среду наиболее скептически настроенную по отношению к будущему процессу. Эта среда, однако, должна знать, что процесс явится не только актом судебной репрессии по отношению к конкретным обвиняемым, он явится в этом отношении политическим экзаменом именно для всей массы интеллигенции. По отношению ее<sup>в</sup> к процессу и обнаруженным фактам рабочий класс будет иметь возможность судить о том, в какой степени он в праве доверять в дальнейшем технической интеллигенции Союза, в частности и демократической интеллигенции вообще.

Последний вопрос, который Вы мне задали, касается роли в процессе немецких инженеров. Могу Вас заверить, что имеющиеся уже в распоряжении следственных властей материалы вполне достаточны для того, чтобы оправдать их арест и привлечение к следствию<sup>г</sup>. Большего я сейчас сказать не могу.

По поводу сроков могу сообщить лишь, что следственные власти напрягают все усилия к скорейшему окончанию следственного производства, ибо они вместе с широкими трудящимися массами больше всего заинтересованы в том, чтобы скорее вскрыть обнаруженный гнойник и, удалив зараженные части трудового и хозяйственного организма нашего Союза, дать большую возможность всем остальным принять участие четным и добросовестным выполнением своих обязанностей в общем социалистическом строительстве нашего хозяйства.

Н. Крыленко

*- Л. 208–209. Машинописный подлинник, подпись – автограф. Датирован по постановлению комиссии Политбюро от 21 марта 1928 г. и сопроводительной записке к проекту.*

---

<sup>в</sup> Вписано в документ от руки

<sup>г</sup> Исправлено от руки взамен напечатанного суда.

## **Заявление инженера Гольдштейна по поводу его ареста в Донбассе, сделанное в Министерстве иностранных дел Германии**

**23 марта 1928 г.**

Перевод.

ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ГОЛЬДШТЕЙНА.

Обер-инженер Гольдштейн из А.Э.Г. выступил 23-го марта в Ау-самте с заявлением и сообщил о своем аресте нижеследующее:

В ночь на 6-ое марта в Рученкове в Донецком бассейне Гольдштейн был арестован. В ту же ночь его привезли в Сталино, а на следующий день вечером в Харьков и вечером после следующего дня в Ростов н/Д. Здесь он оставался до своего освобождения.

Усилия Гольдштейна связаться с Посольством, с Генконсульством в Харькове и с А.Э.Г. были тщетными. Ни одно из его сообщений не были отправлены дальше. Узнать что-либо о причине его ареста было невозможно. Ни одного допроса не было произведено.

Состояние мест заключения ГПУ в Сталине и Ростове было неопи-суемо. Гольдштейн был посажен с другими «преступниками» в маленьких камерах, проникнутых грязью, с кишасщими насекомыми. В Ростове пространство, предоставленное Гольдштейну вместе с 6-ю другими, покрытыми грязью заключенными (крестьянами)[,] составляло четыре метра в длину и 1,70 в ширину. Имелась одна скамья для одного заключенного. Не было никакой возможности умыться. Грязь, насекомые, зловоние. Для отправления естественных потребностей имелось открытое ведро, постоянно находившееся в камере. Два раза в течение дня заключенные отпускались из камеры в кор-ридоры и в уборную. Двое сидевших вместе с ним заключенных бы-ли туберкулезными больными в высокой степени. Питание было не-пригодным для употребления. В течение этих первых дней Гольд-штейн не мог ничего есть. От отвращения с ним постоянно, снова и снова, делалась рвота. В соседних камерах происходили ужасающие взрывы отчаяния, припадки рыданий и бешенства. Гольдштейн при-знается, что если бы он имел возможность, он покончил бы с собой.

Лишь 14-го марта имел место первый допрос, на котором про-изошло первое и единственное указание на основания ареста. После коротких вопросов о самоличности, о социальном положении роди-телей, последовал вопрос: знаете ли Вы слесаря Буданова? Когда



Гольдштейн это отрицал, ему заявили, что он лжет, и в качестве доказательства ему прочитали пространный запутанный документ. Отдельные выражения и обороты речи обратили на себя внимание Гольдштейна и напомнили ему о нижеследующем факте: в Горловке Гольдштейн оставил монтера Гартмана. Этот монтер написал ему монтерский отчет (строго деловой). Так как Гартман не знал, что Гольдштейн находился снова в Рученкове, он передал копию отправленного монтажного<sup>а</sup> отчета в письме через знакомого ему русского слесаря Дубанова. Последний должен был передать этот отчет Гольдштейну. Дубанов являлся кроме того человеком, который мог устроить предоставление должности Гартману. Это письмо с монтажным отчетом попало в руки ГПУ, причем отчет был им переведен в абсолютно извращающем его смысле. Сознательно или неосознанно, так или иначе можно было из этого перевода в случае желания вычитать призывы к саботажу. Гольдштейн сейчас же потребовал предъявления оригинала монтажного отчета, находившегося среди взятых у него бумаг. Этот документ был предъявлен, и Гольдштейн мог доказать ложность перевода, искажающего смысл документа.

Начиная с этого момента судьба Гольдштейна изменилась. Вместе с монтером Вагнером, против которого, очевидно, нельзя было доказать какого-либо обвинения, он получил достойное человека помещение, лучшую еду, он мог умываться и купить себе белье. ГПУ явно старалось сгладить тяжелое впечатление у Гольдштейна и Вагнера. 16-го марта его привели к очевидно руководящей личности ГПУ в Ростове по имени Ример. Последний сообщил, что следствие не доказало вины Гольдштейна, и он свободен. В течение нескольких часов в своих рассуждениях Ример защищал необходимость совместной работы Германии и СССР. В то же время он пытался получить сведения о существующих в Германии политических организациях. По его словам, инженер Отто сознался, что он принадлежит к «Стальному Шлему». Что такое «Стальной Шлем»? Гинденбург, якобы, дал разрешение императору на возвращение в Германию. На следующий день после освобождения имела место новая встреча Римера с Гольдштейном в лучшем отеле Ростова при роскошном ужине. Проявлялась безграничная любезность. Гольдштейну предлагалось ехать через Москву. Высший начальник, стоящий над Римером, якобы, хотел видеть Гольдштейна и говорить с ним.

---

<sup>а</sup> Здесь и далее так в документе, правильно, вероятно, монтерский.

18-го марта Гольдштейн поехал в Харьков, где посетил Генконсульство. При этом было констатировано, что утром 7-го марта вице-консул Бройтигам<sup>6</sup> при своих вопросах о местонахождении арестованных получил от властей ответ: в Харькове ничего не известно об арестованных – как раз в это время арестованные находились в этом самом здании.

После этого из Харькова Гольдштейн вернулся прямо в Берлин, избегая Москвы, ибо в отношении своих нервов он не чувствовал себя достаточно крепким, чтобы выносить дальнейшее предстоящее заигрывание с ним ГПУ.

Гольдштейн до сих пор не знает, за что его арестовали.

- Л. 2–3. Машинописный экземпляр того времени. Датируется по содержанию документа.

**Постановление ЭКУ ОГПУ о передаче следственного дела «по обвинению группы специалистов треста „Донуголь“»  
в Прокуратуру Республики**

**6 апреля 1928 г.**

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ.**

1928 г., апреля «6<sup>а</sup>» дня. Я, Начальник 1-го Отделения ЭКУ ОГПУ, СЛУЦКИЙ, рассмотрев следственное дело за № 57897 по обвинению группы специалистов треста «Донуголь»:

- |                                       |                  |                       |
|---------------------------------------|------------------|-----------------------|
| 1) КАЛГАНОВА Николая Ефимовича,       | арест. 3/I-28 г. | сод. во внутр. тюрьме |
| 2) БАБЕНКО Сергея Ал[ексан]-дровича,  | " 11/XI-27 г.    | " " " "               |
| 3) САМОЙЛОВА Василия Ефимовича,       | " 10/XI-27 г.    | " " " "               |
| 4) ЧЕРНОКНИЖНИКОВА Степана Ефимовича, | ар. 3/II-28 г.   | " " " "               |
| 5) КОЛОДУБА Емельяна Кирил-[л]овича,  | ар. 11/XI-27 г.  | " в Бут. тюрьме       |

<sup>6</sup> Исправлено от руки взамен напечатанного Бройтиган

<sup>а</sup> Вписано от руки в специально оставленное место.

6) ПЕТРОВА Василия Филипповича,	" 9/III-28 г.	" во внут. тюрьме
7) БЕЛЕНКО Венедикта Ивановича,	" 25/VII-27 г.	" в Бут. тюрьме
8) НИКИШИНА Михаила Ефимовича,	" 9/III-28 г.	" во внут. тюрьме
9) КОЛОДУБА Андрея Кирилл[л]овича,	" 10/XI-27 г.	" в Бут. тюрьме
10) ВАСИЛЬЕВА Федора Тимофеевича,	" 13/VI-27 г.	" в Бут. тюрьме
11) НАШИВОЧНИКОВА Василия Николаев[ича]	" 9/XI-27 г.	" в Бут. тюрьме
12) КУЗЬМА Леонарда Бернардовича	" 25/II-28 г.	" во внут. тюрьме
13) ОВЧАРЕК Мечислава <sup>а</sup> Антоновича	" 9/III-28 г.	" в Бут. тюрьме
14) БАШКИНА Абрама Борисовича	" 3/XII-27 г.	" 1 тюр. больнице
15) ГОРЛОВА Ивана Григорьевича	" 9/III-28 г.	" во внут. тюрьме
16) КАЛНИНА Петра Эрнестовича	" 10/III-28 г.	" в Бут. тюрьме
17) НЕКРАСОВА Алек[сан]дра Евдокимовича,	" 9/III-28 г.	" в Бут. тюрьме
18) КУВАЛДИНА Владимира Михайловича,	" 13/VI-27 г.	" в Бут. тюрьме
19) ЭЛИАДЗЕ Алек[сан]дра Яковлевича	" 15/III-28 г.	" в Бут. тюрьме
20) АНТОНОВА Петра Ильича	" 8/VIII-27 г.	" в Бут. тюрьме
21) ГОРЛЕЦКОГО Николая Николаев.	" 3/III-28 г.	" во внут. тюрьме
22) БЕРЕЗОВСКОГО Николая Николаев.	" 5/I-28 г.	" во внут. тюрьме
23) БАТШТЫБЕР Вильгельма Иоганнов.	" 6/III-28 г.	" в Бут. тюрьме
24) ОТТО Эрнест Эмильевича	" 6/III-28 г.	" в Бут. тюрьме

<sup>а</sup> Здесь и далее исправлено, в документе Мячеслава

25) МАЙЕР Макса Карловича	"	6/III-28 г.	ме " в Бут. тюрь- ме
26) ОДРОВА Владимира Клавдия- новича <sup>6</sup>	"	26/III-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
27) СЕМЕНЧЕНКО Платона Ивано- вича	"	4/IV-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
28) ЛЮРИ Владимира Владимиро- вича	"	3/IV-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
29) СТОЯНОВСКОГО Ивана Ки- рил[л]овича	"	3/IV-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
30) НЕКРАСОВА Ивана Ивановича	"	11/III-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
31) РЖЕПЕЦКОГО Владислава Станиславов[овича],	ар.	2/IV-28 г.	сод. в Бут. тюрьме
32) ВЛАДИМИРСКОГО Владимира Васильев[ича],	ар.	11/IV-28 г.	" в Бут. тюрь- ме
33) БУДНОГО Семена Захарьеви- ча,	арест.	9/III- 28 г.	сод. во внут. тюрьме
34) СУЩЕВСКОГО Дмитрия Ми- хайлов[ича]	"	9/III-28 г.	" " " "
35) МАТОВА Юрия Николаевича	"	6/III-28 г.	" " " "
36) БРАТАНОВСКОГО Сергея Пав- лов[ича]	"	12/IV-28 г.	" " " "
37) КРЖИЖАНОВСКОГО Николая Конст[антиновича]	"	8/III-28 г.	" " " "
38) СОКОЛОВА Валентина Олим- пиадов[ича]	"	12/IV-28 г.	" " " "
39) ШАДЛУНА Георгия Акимовича	"	3/III-28 г.	" " " "
40) ДЕТЕР Александра Василье- вича	"	5/IV-28 г.	" " " "
41) ВОЛИКОВСКОГО Андрея Кон- стант[иновича]	"	14/IV-28 г.	" " " "
42) ЮСЕВИЧА Адриана Яковлеви- ча	"	14/IV-28 г.	" " " "
43) ШТЕЛЬБРИНГ Виктора Эдуар- довича	"	23/III-28 г.	" " " "

<sup>6</sup> Здесь и далее исправлено, в документе Клавдионовича

44) МЕШКОВА Леонарда Николаевича	"	14/IV-28 г.	"	"	"	"
45) ЧИНОКАЛ Николая Андреевича	"	5/III-28 г.	"	"	"	"
46) ФАЕРМАНА Павла Марковича	"	5/III-28 г.	"	"	"	"
47) КАЗАРИНОВА Алексея Ивановича	"	3/III-28 г.	"	"	"	"
48) БОЯРИНОВА Николая Антоновича	"	23/II-28 г.	"	"	"	"
49) ПОТЕМКИНА Виктора Петровича	"	11/IV-28 г.	"	"	"	"
50) БОЯРШИНОВА Николая Прокопьев[ича]	"	7/IV-28 г.	"	"	"	"
51) РАБИНОВИЧА Лазаря Григорьев[ича]	"	3/III-28 г.	"	"	"	"
52) СКОРУТА Николая Иосифовича	"	15/IV-28 г.	"	"	"	"
53) ИМЕНИТОВА Соломона Григорьев[ича]	"	3/III-28 г.	"	в Бут. тюрьме		

в совершении уголовно наказуемых действий предусмотренных ст. 58 п. 7 У.К.

#### НАШЕЛ:

Данными дела вполне установлено, что перечисленная выше группа горных специалистов, организовавшись с целью подрыва и ослабления мощи Советского Союза, начиная с 1920 по 1928 г., по заданиям и при поддержке б[ывших] собственников угольной промышленности, объединившихся за границей в Торг.-Пром. Комитет и иностранных разведок, систематически вела контрреволюционную работу, направленную к свержению Соввласти при помощи шпионажа в пользу Торг.-Пром. К-та иностр. разведок и расстройству главного центра Советского хозяйства – угольной промышленности на Донбассе.

Находя, что произведенным расследованием факты совершенных уголовно наказуемых действий установлены в полной мере и что дальнейшего производства расследования по делу не требуется, а поэтому руководствуясь ст. 211 УПК,

## ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело за № 57897 по обвинению:

- 1) КАЛГАНОВА Николая Ефимовича,
- 2) БАБЕНКО Сергея Александровича
- 3) САМОЙЛОВА Василия Ефимовича
- 4) ЧЕРНОКНИЖНИКОВА Степана Ефимовича
- 5) КОЛОДУБА Емельяна Кирил[л]овича,
- 6) ПЕТРОВА Василия Филипп[п]овича
- 7) БЕЛЕНКО Венедикта Ивановича
- 8) НИКИШИНА Михаила Ефимовича
- 9) КОЛОДУБА Андрея Кирил[л]овича,
- 10) ВАСИЛЬЕВА Федора Тимофеевича,
- 11) НАШИВОЧНИКОВА Василия Николаевича
- 12) КУЗЬМА Леонарда Бернардовича
- 13) ОВЧАРЕК Мечислава Антоновича
- 14) БАШКИНА Абрама Борисовича
- 15) ГОРЛОВА Ивана Григорьевича
- 16) КАЛНИНА Петра Эрнестовича
- 17) НЕКРАСОВА Александра Евдокимовича
- 18) КУВАЛДИНА Владимира Михайловича
- 19) ЭЛИАДЗЕ Александра Яковлевича
- 20) АНТОНОВА<sup>в</sup> Петра Ильича
- 21) ГОРЛЕЦКОГО Николая Николаевича
- 22) БЕРЕЗОВСКОГО Николая Николаевича
- 23) БАТШТЫБЕР Вильгельма Иогановича
- 24) ОТТО Эрнест Эмильевича
- 25) МА[Й]ЕР Макса Карловича
- 26) ОДРОВА Владимира Клавдиановича
- 27) СЕМЕНЧЕНКО Платона Ивановича
- 28) ЛЮРИ Владимира Владимировича
- 29) СТОЯНОВСКОГО Ивана Кирилловича
- 30) НЕКРАСОВА Ивана Ивановича
- 31) РЖ[Е]ПЕЦКОГО Владислава Станиславовича
- 32) ВЛАДИМИРСКОГО Владимира Васильевича
- 33) БУДНОГО Семена Захарьевича

---

<sup>в</sup> Исправлено, в документе АНТОНОВИЧА

- 34) СУЩЕВСКОГО Дмитрия Михайловича
- 35) МАТОВА Юрия Николаевича
- 36) БРАТАНОВСКОГО Сергея Павловича
- 37) КРЖИЖАНОВСКОГО Николая Константиновича
- 38) СОКОЛОВА Валентина Олимпиадовича
- 39) ШАДЛУНА Георгия Акимовича
- 40) ДЕТЕР Александра Васильевича
- 41) ВОЛИКОВСКОГО Андрея Константиновича
- 42) ЮСЕВИЧА Адриана Яковлевича
- 43) ШТЕЛЬБРИНГ Виктора Эдуардовича
- 44) МЕШКОВА Леонарда Николаевича
- 45) ЧИНОКАЛ Николая Андреевича
- 46) ФАЕРМАНА Павла Марковича
- 47) КАЗАРИНОВА Алексея Ивановича
- 48) БОЯРИНОВА Николая Антоновича
- 49) ПОТЕМКИНА Виктора Петровича
- 50) БОЯРШИНОВА Николая Прокопьевича
- 51) РАБИНОВИЧА Лазаря Григорьевича
- 52) СКОРУТА Николая Иосифовича
- 53) ИМЕНИТОВА Соломона Григорьевича

в совершении уголовно наказуемых действий, предусмотренных ст. 58 п. 7 УК [и] передать прокурору Республики для направления по подсудности с перечислением за ним арестованных в числе 53 человек и приложением к делу вещественных доказательств, поименованных в особой описи.

НАЧАЛЬНИК 1-го ОТДЕЛЕНИЯ ЭКУ ОГПУ:

Слуцкий

«УТВЕРЖДАЮ» НАЧ ЭКОНОМУПР'а ОГПУ:

Прокофьев

– ЦА ФСБ РФ, ф. Р-49447, Т. 145, Л. 4 а – 4 г. Машинописный подлинник, подписи – автографы. В левом верхнем углу на л. 4а – штамп «Утверждаю» с вписанной рукой Г.Г. Ягоды датой «6/IV 1928 г.» и его же подписью – автографом.

**Показания Ю.Н. Матова****12 апреля 1928 г.****ПОКАЗАНИЯ ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА МАТОВА**

от 12/IV-28 года,

(дополнительный допрос)

Сознавая, что долг гражданина Советской Республики является чистосердечное раскаяние в совершенных преступлениях, я признаюсь в нижеперечисленных преступлениях, мною совершенных по сношению с заграницей.

**1. Об организации**

Начало организации относится к 1923 году, ко времени пребывания в Харькове представителя польской миссии Ружицкого. Последний получал сведения с рудников; в частности мной ему были даны сведения о шахтах рудника «Золотое», по Кадиевке – Гуляковым и др. инженерами, по Щербиновке – Суцевским. Далее – мною были получены инструкции в письме, переданном через Будного и Суцевского, после отъезда Ружицкого в 1924 году[,] от Дворжанчика. В этом письме давались указания, как вести работы на рудниках Щербиновском, Ирминском, Кадиевском и Золотом. Из лиц, принимавших участие в организации, были Суцевский, являющийся главным действующим лицом, затем Будный и Одров, Ржепецкий, Штельбринг, Бахтиаров, Казаринов и я.

**2. Дальнейшее развитие организации.**

В дальнейшем связь поддерживалась преимущественно через посредство ездивших за границу наших инженеров и польское консульство (вернее посольство). В 1925 г. за границу выехал инж. Суцевский, который собрал сведения по вышепоименованным рудникам и планы их развития. В это же время в организации принимает участие инженер Шибаетов, поехавший тоже за границу. Далее в 1926 году, аналогичные сведения были отвезены мной и переданы в Париже Сансе, члену Правления рудников Щербиновского, Ирминского и Золотого. В 1927 году аналогичные сведения были переданы Дворжанчику[,] а Сансе через ездившего в этом году Бахтиарова А.Н. Помимо сведений о состоянии работ, планов развития рудников, возились также проекты новых шахт – Щербиновской – Бахтиаровым. Проф. Столяровым были вывезены планы горных работ указанных рудников. Остальное уточню в последующем.



Помимо того, в это же время ездил за границу проф. Спиваковский Несветаевского р/у. Суцевский передавал сведения Дворжанчику и Сансе. Шибаетов был только в курсе дела передачи Суцевским, Бахтияров – Правлению Горловки – Гюйену, Дворжанчику и Сансе. Столяров передал сведения, не помню кому, уточню завтра. Шевяков был в курсе передачи Суцевским, Спиваковский возил сведения Парамонову и Вагау. Братановский и Бояршинов[,] ездившие в 1927 году, первый по Екатериновке – Буросу, Бояршинов – Красильщику сведения (планы работ и план развития рудников); Рубанович Н.А. – возил сведения по антрацитовым рудникам: Детер по Паркоммуне (Селезневский рудник); Казаринов – по рудн[икам] Гришинского района; Кронгауз – возил сведения по руднику Шмаева; Лямин – по бывш. Вознесенскому р-ку, Юсевич и Хурган З. – возили по разным рудникам, которые дам дополнительно. Черненко и Рубанович возили сведения о коксовых и план развития коксового производства фирмам «Коопе и Коперсу»; Бромберг и Гатов – данные о развитии цеха предполагаемого – врубных машин для постройки цеха на заводах УПП фирмам Эйкгофу и Кнаппе; Верховский – сведения о предполагаемых к постройке мойках Греннемо и др. фирмам. Это я уточню в дальнейшем. Прошу представить список ездивших за границу.

Откуда я знаю обо всем этом? Упомянутая организация обсуждала вопросы сношения с заграницей и перечень объектов, подлежащих передаче иностранным фирмам и бывшим владельцам. При этом были приняты решения по мере поездки лиц, имеющих отношения к тем или иным рудникам или производствам, через их сообщать заинтересованным фирмам или быв. владельцам интересующие сведения.

По другой линии связь шла через польское посольство в Москве, через сотрудника, фамилию которого я вспомню, через Будного, Суцевского и др. лиц организации. Указанное посольство имело директивы от бывших владельцев, получало запросы и инструкции из заграницы и передавало таковым после получения из СССР сведений по назначению. Таким же способом пересылались и деньги в уплату за сообщенные сведения.

Состав организации в Донугле.

Суцевский – проводил задания организации по Щербиновке.

Бояршинов – по общему ведению дела и по представительству перед Правлением Донугля.

Рубанович – по составлению финансового плана по коксовым печам (новым) и по вопросам закладки мелких шахт,

Бахтияров – в бытность групповым директором по центральному району и по постройке новых шахт, главным образом ш. Щербиновской.

Братановский – по Екатериновскому руднику и по медленному темпу проектирования.

Завадский С. – не активный работник.

Детер – по бывшему Селезневскому руднику.

Мешков – по Сталинскому району.

Соколов В. – по Кадиевке.

Кржижановский – по проектированию шахт иностранцам.

Валиковский – по Хрустальскому и Боковскому рудоуправлениям.

Березовский – по Донецко-Грушевскому району и по Щербиновке.

Евстратов – по Кадиевке, Первомайскому, Голубовке и Золото-тошковке.

Чинокал – по механизации.

Горлецкий – " "

Кириченко – " "

Завадский Н. – " "

Черненко – по вопросам обогащения и качества топлива.

ЮСЕВИЧ – по рудоуправлениям: Чистяково, Снежнянка и проч.

ШАДЛУН антрацитовым р/у, за исключением РУ коими ведали Березовский и Валиковский.

Парчевский по району Валиковского и по своему району в настоящее время.

Фридман – по Горловке.

Калнин – по Несветаю.

Ржепецкий – Государев Байрак.

Оловягин – по Лисичанскому району.

Казаринов – по Гришинскому району и по импортным операциям.

Фаерман – по Топливному отделу.

Цыбульский – по Центральному району.

Лебедев – по вопросам электроснабжения.

Шолохов – по Екатериновке.

По Донбассу.

Андреев – по Мушкетовке.

Росселевич по Щегловке

Пршибышевский – по Золототошковке.

Лямин – по Брянскому.

Гегбарт – по Гришино.

Таубе – по Снежнянке.

Матов – по Алмазно-Марьевскому району и У.Н.С.

Калганов – по Донецко-Грушевскому.

Калманович по Чистяковке.

Одров – по Щербиновке.

Некрасов – Электро-кольцо.

Бояринов – по Байраку.

Дополнение дам по мере воспоминаний.

Как строилась организация.

Сперва в 1923–24 г. была составлена организационная группа[,] возглавляемая Суцеским в составе: Будного, Одрова, Ржепецкого, Штельбринга, Бахтиарова, Казаринова и меня. Эти лица имели задание от Дворжанчика [–] представителя группы владельцев, решили привлечь к своей работе сотрудников из центра и района, руководствуясь преимущественно личным знакомством и принципом обслуживания рудников. Так постепенно росла организация. Прием в члены производился основной группой по личной рекомендации членов ея. Во главе организации стояла основная группа[,] за исключением Штельбринга, который фактически перестал принимать участие. Распределение обязанностей было таково: председателем был Матов, распределителем средств был Суцеский – остальные были членами руководителями. Списки членов организации и кассовая тетрадь была у Суцеского, когда он был на Щербиновке, то он часто приезжал в Харьков. Основная группа собиралась по мере необходимости – раз в 2–3 месяца по инициативе члена основной группы, либо преимущественно в Донугле, или на квартире Бахтиарова (редко). На заседаниях основной группы бывали и рядовые члены. В принципе же связь осуществлялась через членов основной группы, рекомендовавших то или другое лицо.

Круг вопросов и порядок обсуждения, а также актив организации и кто кого рекомендовал, сообщу дополнительно. О других собраниях мне неизвестно, допускаю возможность наличия групповых собраний.

Организация по Югостали.

Сейчас не припомню, но после уточню. В разговоре, не помню с кем – упоминали Свицына.

Кто примыкал к организации в Москве и среди профессуры. Профессора – Шевяков, Спиваковский и Столяров (в Харькове).

Цели и задачи организации.

Организация действовала по указаниям и инструкциям из заграницы, каковые сводились к следующему:

Информация бывш. владельцев о происходившем в Донбассе, добыче, состоянии работ и перспективных планах развития рудников и шахт.

Проведение вредительской работы при производстве добычи.

Замедление темпа нового строительства.

Вредительство при импорте, механизации и рационализации.

Общая установка в задачах и деталях организации сводилась к общей дезорганизации каменно-угольного хозяйства страны. Поскольку это зависело от инструкций из заграницы, я уточню это в дальнейшем.

Деньги для организации.

Деньги получались указанным выше путем и распределялись Сушевским через членов основной группы между всеми вышеперечисленными рядовыми членами на основе месячной оплаты. Деньги поступали не всегда регулярно, но в сумме этот принцип выдерживался. Деньги поступали с 1924 по 27 год включительно. Допускаю возможность, что некоторые лица оставляли деньги на текущих счетах заграницей. Не исключена также возможность – получения сумм заграницей от бывших владельцев непосредственно. Ориентировочно считаю 50 чел. – членов организации по 400 в среднем – оклад жалования членов организации по Донуглю, при чем около 250.000 руб. в год, а за три года 600–700 000 руб. Откуда эти суммы получались бывшими владельцами я не знаю, но полагаю, что располагать ими они не могли, а субсидировались или группами капиталистов, или французскими правительством.

Заграничный центр.

Группа лиц, бывших членов Совета Съезда Горнопромышленников, организовавшаяся в Париже, является основным центром. В эту группу, насколько мне известно, входят: Соколов Б.Н., Прядкин, Лазарев, Штединг, Буроз и др.[.] коих я вспомню.

Связь заграничного центра с организацией в Донугле проводилась через Дворжанчика, роль коего была, как идейного руководи-

теля, и через лиц, бывших за границей непосредственно. Они избрали связью Дворжанчика, потому что французского посольства в СССР нет. Поскольку мне известно из циркуляров Дворжанчика и лиц, ездивших за границу, политические задачи сводились к следующему: борьба в советской России путем проведения диверсионной деятельности и разрушения хозяйства страны с тем, чтобы подорвать мощь Советской России и получить обратно рудники путем перемены власти. Отсюда вытекают и экономические последствия и задачи. Подробно об этом сообщу дополнительно.

Протокол писал собственноручно, по собственной инициативе, за правильность сведений отвечаю. Прошу вызвать меня на допрос 14/IV-28 г.

Ю. Матов

Допросил: Аров

Антонович

Опросили: Уполномоченные ЭКУ ГПУ УССР /АРРОВ/ /АНТОНОВИЧ/

*— ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 52. Л. 59–65. Рукописный подлинник показаний, написанных собственноручно Ю.Н. Матовым. Подписи Матова, Аррова и Антоновича – автографы*

*— Л. 66–72. Машинописная незаверенная копия того времени.*

## **Показания обвиняемого Л.Г. Рабиновича**

**19 апреля 1928 г.**

ПОКАЗАНИЯ ГР-НА РАБИНОВИЧА Л.Г.  
от 19/IV-28 года.

По предъявленному мне обвинению по ст. ст. 58 п. 7 У.К. от 17/IV сего года заявляю:

Мне абсолютно не известно о существовании какой бы то ни было организации, имеющей своей целью нанесения вреда угольной промышленности. Никогда, со времени революции, я не имел ни сношений личного порядка, ни переписки с кем[-]либо из лиц, причастных к угольной промышленности и живущих за границей.

Вся моя деятельность имела стремление принести наибольшую пользу горному делу вообще и угольной промышленности в частно-

сти. Ссылаюсь на лиц, которые могут это подтвердить по срокам моей службы по Главуглю с 1920 года – т. БАЖАНОВ В.Н., КЛАССЕН Э.К., по Главтопу – т. СМИЛГА И.П., тов. БЕРЗИН Р.Р.; по Главгортопу – тов. ЧУБАРОВ А.И., ГУБКИН И.М., ПРОРВИЧ В.Г.; по Госплану – т. КРЖИЖАНОВСКИЙ Г.М., ОСАДЧИЙ П.С. и КАЛИННИКОВ И.А.; по НТУ – СВЕРДЛОВ, ШЕЙН; по Главуглю – тов. ШЕЙН и по Донуглю – тов. тов. КСАНДРОВ В.Н., ПЯТАКОВ Г.Л., ЧУБАР В.Я., РУХИМОВИЧ, ЛОМОВ Г.И.

Я окончательно заявляю, что никаких фактов, документов, могущих меня обличить в каком[-]нибудь действии, причинявшие вред работе крестьянскому государству[,] не существуют. Я сочувствую Советскому строю и власти и готов ее защищать и помогать по мере моих сил и знаний по горным и экономическим вопросам.

Л. РАБИНОВИЧ.

18/IV-28 г.

– ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 141. Л. 37. Машинописная копия. Разные даты в документе.

**Протокол очной ставки между Л.Г. Рабиновичем,  
А.И. Казариновым, Ю.Н. Матовым и С.П. Братановским**

**27 апреля 1928 г.**

Протокол очной ставки.

1928 года апреля 27 дня Следователь по важнейшим делам при Прокуратуре Республики ЛЕВЕНТОН давал очную ставку обвиняемым РАБИНОВИЧУ Лазарю Григорьевичу, КАЗАРИНОВУ Алексею Ивановичу, МАТОВУ Юрию Николаевичу и БРАТАНОВСКОМУ Сергею Павловичу.

Вопрос КАЗАРИНОВУ.

Имело ли место совещания Харьковской организации, посвященное вопросу о назначении Заведующего Проектным Отделом.

Ответ КАЗАРИНОВА.

Имело место, я не помню точно когда это было, кажется в 1925 г., оно состоялось в библиотечной комнате в междуэтажном помещением Донугля. Присутствовали: МАТОВ, БРАТАНОВСКИЙ, БАХТИА-

РОВ, ДЕТЕР, СУЩЕВСКИЙ и РАБИНОВИЧ. Была выдвинута кандидатура МАТОВА. Собрание, да и вся организация, считали, что вопросы нового строительства имеют большое значение для организации, а потому лицом, возглавляющим проектный отдел[,] должен быть член организации. (Казаринов).

Вопрос БРАТАНОВСКОМУ.

Что Вам известно о собрании, о котором показывает КАЗАРИНОВ.

Ответ БРАТАНОВСКОГО.

Такое собрание имело место осенью 1925 г., я подтверждаю все те обстоятельства, о которых показывает КАЗАРИНОВ, говоря об этом собрании. РАБИНОВИЧ присутствовал на этом собрании, я это помню хорошо. /Братановский/

Вопрос МАТОВУ.

Что Вам известно о собрании, состоявшемся в Вашей организации по вопросу о назначении заведующего проектным отделом.

Ответ МАТОВА.

Я подтверждаю правильность показаний КАЗАРИНОВА и БРАТАНОВСКОГО; эти показания правильны и в основном и в деталях; добавляю, что моя кандидатура выдвигалась из тех соображений, что я являлся подходящим кандидатом по моему удельному весу и в Донугле и в организации, а потому у посторонних мое назначение не могло вызвать подозрений. РАБИНОВИЧ участвовал в этом собрании, мою кандидатуру поддерживал из тех соображений, о которых я показываю. (МАТОВ).

Вопрос РАБИНОВИЧУ.

Принимали ли Вы участие в собрании Харьковской организации, о котором показывают обвиняемые КАЗАРИНОВ, БРАТАНОВСКИЙ и МАТОВ.

Ответ РАБИНОВИЧА.

Участия в этом собрании не принимал. (Рабинович).

Вопрос БРАТАНОВСКОМУ.

Имело ли место собрание организации, посвященное вопросу о распределении должностей в УНС.

Ответ БРАТАНОВСКОГО.

Такое собрание имело место, это было в кабинете МАТОВА в Пассаже, состоялось оно примерно в мае или в июне 1926 г. На этом собрании присутствовали МАТОВ, БАХТИАРОВ, не уверен – был-ли там КАЗАРИНОВ, присутствовал Лазарь Григорьевич РАБИНОВИЧ. К этому времени выяснилось, что Проектный отдел будет преобразо-

ван в Управление Нового Строительства, вредительская организация придавала очень большое значение этому Управлению, а потому нашей организации было важно, чтобы командные должности в Управлении были заняты членами организации. Распределение должностей предполагалось произвести следующим образом: МАТОВ – в качестве заведующего, заместителем его – БАХТИАРОВ, Заведующим Проходческим отделом СУЩЕВСКИЙ и заведующий проектным отделом – я (Братановский).

Вопрос МАТОВУ.

Имело ли место совещание организации по вопросу о распределении должностей в УНС.

Ответ МАТОВА.

Да, имело место, показание БРАТАНОВСКОГО является вполне правильным, я его подтверждаю, Лазарь Григорьевич РАБИНОВИЧ присутствовал на совещании нашей организации по вопросу, посвященному распределению должностей в УНС. (Матов).

Вопрос РАБИНОВИЧУ.

Принимали-ли Вы участие в совещании Харьковской организации вредителей, посвященному вопросу о распределении должностей в УНС.

Ответ РАБИНОВИЧА.

Нет – не присутствовал. (Рабинович).

Вопрос МАТОВУ.

Имело-ли место совещание организации, посвященное проекту проходки шахты № 29 Рутченковской и присутствовал-ли на этом совещании РАБИНОВИЧ.

Ответ МАТОВА.

Такое совещание имело место, состоялось оно в помещении проектного отдела Донугля, если не ошибаюсь, оно было в конце 1925 г., точно срок установить не могу. Вопрос сводился к следующему:

Первоначальный проект сводился в добыче 20 или 25 миллионов пудов, совещанием нашей организации именно в этом заседании решено было переменить проекта вместо 25.000.000 на 12 миллионов пудов добычи, путем изменения конфигурации участка. Припоминаю, это было не в конце 1925 г., а как будто в начала 1926 г. На этом совещании присутствовал Лазарь Григорьевич РАБИНОВИЧ, равно как и вся руководящая группа нашей Донуглевской организации. Руководящая группа организации изменением проекта преследовала цель создать шахту с меньшей добычей из соображений вре-



дительных; кроме того, изменение проекта имело свою цель затруднение использования подъемной машины, уже заказанной и рассчитанной на добычу 25.000.000 пудов.

Третья цель – это задержка с выполнением проекта, так как проект был в значительной степени уже выполнен с расчетом на двадцатипяти миллионную добычу, следовательно для 12 миллионов нужно было создавать новый проект, а это должно было вызвать задержку оборудования и пуска шахты в ход.

Решение нашей организации в этом заседании было принято общим мнением, в том числе Лазаря Григорьевича РАБИНОВИЧА.

Вопрос РАБИНОВИЧУ.

Присутствовали-ли Вы на в совещании вредительской организации по вопросу об изменении проекта шахты №29 Рутченковской.

Ответ РАБИНОВИЧА.

На вредительском совещании я не присутствовал и о таком не знаю.

Вопрос МАТОВУ.

Присутствовали-ли Вы на совещании организации, в котором был решен вопрос о прекращении самостоятельной деятельности Харьковской организации и о подчинении ее Московскому Центру.

Ответ МАТОВА.

Да, присутствовал. Это было в Москве, в помещении представительства Донугля, это было в конце 1926 года или в самом начале 1927 г.

На это совещание я был делегирован совместно с БАХТИАРОВЫМ Харьковской Руководящей группы, на совещании присутствовали: СКОРУТО, ИМЕНИТОВ, Лазарь Григорьевич РАБИНОВИЧ, ШАНДЕР, НАЗИМОВ (если не ошибаюсь НАЗИМОВ, но не уверен) и несколько человек мне по фамилиям неизвестным. На этом совещании было решено, что Харьковская Донуглевская организация подчиняется Московской Центральной организации и как самостоятельная перестает функционировать. После возвращения моего в Харьков об этом мною было доложено Харьковской Донуглевской организации в присутствии представителей от Югостали. (Матов).

Вопрос РАБИНОВИЧУ.

Присутствовали-ли Вы на совещании вредительской организации, посвященному вопросу о подчинении Московскому центру организации Харьковской Донуглевской.

Ответ РАБИНОВИЧА.

Нет – не присутствовал.

Вопрос МАТОВУ.

Кому было поручено осуществлять связь между Харьковской организацией и Московским Центром.

Ответ МАТОВА.

По постановлению совещания Харьковской руководящей группы эта связь была поручена БОЯРИНОВУ. БОЯРИНОВ в своих докладах Харьковской руководящей группе неоднократно упоминал о следующих лицах, входящих в Московский Центр: о СКОРУТО, о РАБИНОВИЧУ, НАЗИМОВЕ, ШАНДЕРЕ, ИМЕНИТОВЕ и еще называл несколько фамилий, которые я сейчас затрудняюсь вспомнить.

Вопрос РАБИНОВИЧУ.

Состояли-ли Вы в руководящем Московском Центре вредительской организации.

Ответ РАБИНОВИЧА.

Нет не состоял.

К своим показаниям прибавлю, что на совещании присутствовал, кроме МАТОВА, БАХТИАРОВ[А], РАБИНОВИЧ[А] и меня – еще несколько инженеров, членов организации, точно кто – перечислить затрудняюсь.

БРАТАНОВСКИЙ

Очная ставка производилась так, что мы все время слышали все задававшиеся следователем вопросы, слышал все ответы всех лиц в очной ставке участвовавших и видели друг друга все время.

(подписи)

Следователь по важнейшим делам  
при Прокуроре Республики

(Левентон)

При допросе присутствовал  
Прокурор УСК ВС РСФСР

(подпись)

– ЦА ФСБ РФ. Ф. Р-49447. Т. 146. Л. 57 а – 57 д. Машинописная незаверенная копия того времени. На л. 57а вверху справа напечатано «Копия», на л. 57д внизу слева – «Копия верна:» (заверительная подпись отсутствует), ниже также машинописью дата «... мая 1928 г.» (число отсутствует).

**Записка наркома иностранных дел Г.В. Чичерина  
председателю СНК СССР А.И. Рыкову в связи с подготовкой  
«обвинительного акта по Шахтинскому делу» –  
о возможных осложнениях  
в отношениях с Францией и Польшей**

**26 апреля 1928 г.**

Сов[ершенно] Секретно.

Тов. РЫКОВУ.

Копии: т. Сталину,  
т. Молотову,  
т. Куйбышеву  
т. Ворошилову,  
т. Орджоникидзе,  
т. Менжинскому,  
т. Крыленко.

Уважаемый Товарищ,

В связи с подготовкой обвинительного акта по Шахтинскому делу напоминаю Вам, что самым тяжелым, чреватым наибольшими опасностями вопросом является вопрос об упоминании в процессе Французского посольства и польского консульства. Если правительство недовольно иностранным<sup>а</sup> послом, оно возбуждает перед правительством последнего вопрос об его<sup>б</sup> отзывании, как это было сделано с тов. Раковским, причем получается громадная неприятность. Но находящийся на своем посту посол представляет государство и обладает экстерриториальностью. Одним<sup>в</sup> из проявлений экстерриториальности является<sup>г</sup> несудимость посла и, в частности, неупоминание его в процессах. Это было соблюдено по отношению к тов. Крестинскому германским судом в деле Скоблевского, это соблюдается теперь Польшей, и это было соблюдено Францией. Упоминание в процессе Французского посольства и Польского консульства было бы настолько тяжелым нарушением нормальных отношений, что

---

<sup>а</sup> Вписано от руки над строкой.

<sup>б</sup> Вписано от руки над строкой.

<sup>в</sup> Исправлено от руки вместо напечатанного Одно.

<sup>г</sup> Исправлено от руки вместо напечатанного есть.

могло бы иметь самые тяжелые последствия. Вот тот вопрос, который в данный момент наиболее чреват опасностями в этом деле.

С товарищеским приветом

(ЧИЧЕРИН)

*- Л. 27 Машинописный подлинник с правкой рукой Г.В. Чичерина (?). Вверху справа напечатано «Экз. 2» (число от руки), ниже дата «26-го Апреля 1928 г.». Гриф секретности машинописью и штампом. Вверху слева делопроизводственная помета (машинописью).*

### **«Протокол заседания комиссии по Шахтинскому делу»**

**от 7 мая 1928 г.**

**СТРОГО СЕКРЕТНО.**

Председатель – Я.Э. РУДЗУТАК.

Присутствовали – т.т. МОЛОТОВ, ОРДЖОНИКИДЗЕ, КРЫЛЕНКО,  
ВЫШИНСКИЙ.

#### **СЛУШАЛИ:**

1. Об обвинительном акте.

#### **ПОСТАНОВИЛИ:**

1. а) Во вступительной части обвинительного акта указать, что вредительские организации опирались лишь на инженерские вер-хушки, частью состоявшие из бывших акционеров шахт; упомянуть, что эта группа мешала работе честных инженеров.

б) Поручить т. т. Вышинскому и Крыленко ознакомиться с содержанием технической экспертизы и, в случае отсутствия в ней достаточных конкретных данных, исключить ссылки на нее из обвинительного акта.

в) Исключить из обвинительного акта упоминание о каких-либо других, кроме ДОНУГЛЯ, предприятиях, организациях и работавших в них лицах, участвовавших во вредительской организации.

г) Обязать тов. Крыленко так средактировать все указания на поддержку вредительской организации со стороны правительств иностранных государств, чтобы была исключена возможность заподозрить в чем-либо германское правительство.

д) Поручить т.т. Чичерину и Крыленко еще раз тщательно просмотреть все те пункты и места обвинительного акта, в которых имеются ссылки на правительства иностранных государств.

е) Исключить из обвинительного акта места, характеризующие вредительскую организацию, как крупную общественную силу.

СЛУШАЛИ:

2. Об общественных обвинителях.

ПОСТАНОВИЛИ:

2. В качестве общественных обвинителей привлечь т.т. Баха, Шеина, <sup>а</sup>Покровского, Гринько, Годоев[а,] Губкин[а] и Крумина<sup>б</sup>.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ:

Я. Рудзутак

- Л. 7–7об. Машинописный подлинник, подпись-автограф. На л. 7 об. внизу слева машинописная делопроизводственная помета: «Отп[ечатано] (лично) в одном экземпляре; черновик сожжен. 7/V-28 г.» (подпись-автограф, неразборчиво). Ниже прямоугольный делопроизводственный штамп с информацией (от руки) о количестве отпечатанных и отправленных выписок из протокола, ниже исходящий номер и дата «8.V.28 [г.]». Ниже также от руки адрес рассылки (столбцом): «Послано: т.т. Менжинскому, Крыленко} все[,] Вышинскому – 1-б[,] Чичерину – 1-д[,] Винокурову – 2».

**«Экономическая контрреволюция в Донбассе  
(По данным обвинительного заключения)»**

**8 мая 1928 г.**

Закончено следствие по делу о раскрытой в Шахтинском районе Донецкого бассейна контр-революционной организации инженеров и техников, работавших в каменно-угольной промышленности. Материалами следствия установлено, что эта организация охватывала собою не только все наиболее крупные рудники Донбасса, не только охватывала целиком руководящий центр треста Донуголь, но и имела своих сторонников и активных членов среди высшего руководящего технического персонала каменноугольной промышленности в Москве; была связана с такими же организациями в других отраслях промышленности и одновременно была связана не только с осколками прежних организаций бывших собственников и владельцев каменно-угольных предприятий СССР, но и с представителями некото-

---

<sup>а-б</sup> Вписано от руки вместо напечатанного и Луначарского.

рых иностранных держав и другими лицами, отнюдь не имевшими никакого отношения к каменно-угольной промышленности. Эта организация ставила своей задачей не только экономическое вредительство, но и прямое оказание помощи неприятелю в момент грядущей, подготавливаемой капиталистическим миром интервенции.

Все это подтверждено прямым сознанием ряда обвиняемых, активных участников организации.

Исходным пунктом для возникновения организации послужили указания, полученные инженерами на происходившем в начале 1920 г. в Ростове-на-Дону совещании бывших шахтовладельцев и инженеров, бежавших туда в момент освобождения Донецкого бассейна Красной армией. После занятия красными войсками Ростова и окончательного бегства промышленников за границу инженеры обнаружили тягу к возвращению на покинутые рудники, куда радушно приглашали их образовавшиеся на местах органы советской власти. Однако, возвратившись на рудники, инженеры остались верными своим хозяевам и в дальнейшем стремились выполнять полученные от них директивы.

Разногласия между ними были лишь в вопросе о методах исполнения этих директив: рассчитывавшие на близкое торжество интервенции стремились к сохранению шахт и оборудования; сомневавшиеся в близких успехах белых стремились к сохранению в неприкосновенности недр, считая, что лучшим средством для этого является затопление шахт. По мере того, как у оставшихся инженеров блекли надежды на скорое возвращение белых, враждебность по отношению к советской власти начала претворяться уже в прямые акты вредительской деятельности.

Так, например, обвиняемый Бабенко еще осенью 1921 г. намеренно затопил действовавшую шахту № 2 бывшей Ново-Азовской компании. Вот что говорит по этому поводу в своих показаниях сам обвиняемый:

– Я был тогда заведующим этой шахтой. Березовский мне говорил, что это надо сделать в интересах бывших хозяев, которым было нежелательно, чтобы шахту эксплуатировали. Шахта эта была на ходу, ее эксплуатация была бы выгодной. Шахта и до сего времени затоплена.

Обвиняемый Березовский, бывший районный инженер по Шахтинскому району, сознался в том, что Ново-Азовская шахта действи-

тельно затоплена была по его распоряжению и что это мероприятие было произведено с явно вредительской целью.

В обвинительном заключении приводится целый ряд других фактов, показывающих существование определенной системы, которую проводили инженеры, чтобы не дать советской власти возможности эксплуатировать наиболее выгодные шахты, ни поставить эксплуатацию новых пластов, хотя для этого имелись все возможности.

С 1922 г. система вредительства принимает более организованный характер. К этому времени окончательно сложилась контр-революционная организация на Донецко-Грушевских рудниках. В эту организацию входили: упомянутый инженер Березовский, районный инженер Шадлун, главный инженер Калганов, главный механик Башкин, заведующие шахтами братья Колодуб, Бабенко и др.

Все эти лица за свою вредительскую деятельность получали денежное вознаграждение, поступавшее из заграничного источника. Бабенко, например, по его собственным показаниям, получил за свою вредительскую работу на шахте № 2 девять тысяч рублей.

Насколько широко поставлена была «работа» организации в Донецко-Грушевском районе и ее финансирование свидетельствуют показания обвиняемого инженера Калганова: «Всего за все время на нужды вредительства я получил до ста тысяч рублей».

Другой обвиняемый инженер Березовский, ведавший одно время распределением заграничных денег вредителям, в своих показаниях говорит: «Всего за все время через меня прошло на нужды организации около 175.000 рублей. Лично я получил в свою пользу от 15.000 до 20.000 рублей».

В дальнейшем возникают контр-революционные вредительские организации на рудниках Власовского, Несветаевского, Щербиновского и др. районов бассейна. Основным ядром организации везде являлись служащие прежних владельцев, занимавшие должности главных инженеров, главных механиков и т. п.

И в этих районах вредительство осуществлялось соответственно директивам бывших шахтовладельцев путем сокрытия ценных участков, пуска в ход нерентабельных шахт, неправильного использования механизмов, системой возбуждения рабочих искусственным снижением заработка и возмутительно небрежным отношением к вопросам охраны труда и личной безопасности рабочих.

Одним из средств вредительства было уничтожение на рудниках предприятий, не связанных непосредственно с угольной промыш-

ленностью. Во Власовском районе было несколько таких, имевших военное значение, заводов: феноловый, брикетный, подковный и гвоздильный. Членами организации все эти заводы путем разборки механизмов и иными средствами были выведены из строя и они бездействуют и поныне.

Вся эта «работа» компенсировалась регулярно получавшимися членами группа жалованьем и единовременным вознаграждением.

Схожесть методов вредительства и вербовки, однотипность структуры организаций во всех районах и в особенности факт финансирования вредителей из-за рубежа заставили следствие поставить вопрос о том, не имеет ли тут место одна организация с единым руководящим центром. Дальнейшее следствие подтвердило эти предположения.

Оно привело к установлению как центра, так и источника финансирования. Центром организации оказался Харьков. Этот центр развивался аналогично тому, как развивались организации на периферии, начиная от индивидуальных связей отдельных инженеров с бывшими хозяевами и кончая созданием единой стройной организации, тесно связавшейся, с одной стороны, с периферией и с закордонными организациями бывш. собственников, с другой – осколками старого совета съездов промышленников Юга России.

Следствие установило, сверх того, что, кроме руководства вредительской работой на периферии, харьковский центр самостоятельно проводил большую вредительскую работу в правлении треста Донуголь, взяв в свои руки управление строительством нового Донбассе, отделы механизации и иностранный, ведавший импортом оборудования.

Источниками финансирования организации оказались бывшие собственники и отчисления иностранных фирм передаточными каналами денег и инструкций – представители этих фирм и официальные органы некоторых иностранных держав в СССР.

Обвиняемый инженер Матов, касаясь возникновения харьковского центра, рассказывает об инструкции, полученной от эмигрировавшего в 1919 году, в Польшу бывшего шахтовладельца и директора Щербиновских рудников Дворжанчика. В общем инструкция сводилась к даче информации о шахтах и проведению в жизнь ряда мероприятий, которые должны были задерживать рост добычи угля и чинить всякого рода расстройство нормальному развитию работ. В дальнейших своих показаниях инженер Матов говорит, что органи-



зация ставила себе целью – сокращение добычи, ухудшение качества топлива, увеличение себестоимости, нерациональное расходование средств путем устройства завалов выработок, затопления шахт, ухудшения состояния выработок и пр.

Другой обвиняемый Братановский в своих показаниях о задачах организации не расходится с показаниями обвиняемого Матова. Главнейшими задачами организации, по его словам, были:

Сохранение более ценных недр и машин для эксплуатации прежними владельцами или концессиями; доведение рудничного хозяйства Донбасса до такого состояния, при котором советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом; в случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затопливая рудники Донбасса, пропаганда против Советской власти.

Обвиняемый Казаринов, входящий в состав инициативной группы харьковского центра, о задачах организации показывает:

«В задачи организации входило, как основная ее цель, возвращение каменноугольных рудников и горных предприятий прежним их владельцам на тех или иных основаниях. Для того, чтобы притти к указанной цели и в то же время обеспечить за бывшими шахтовладельцами получение предприятий в таком виде и состоянии, чтобы их добыча могла быстро и без труда быть поднята до предельной высоты, не делая особых для этого затрат, принимались меры к тому, чтобы, восстанавливая рудники и давая с них добычу, не истощать богатых участков. Далее в осуществление этой задачи прилагались усилия к тому, чтобы на рудниках накапливалось большое количество механического оборудования, но так, чтобы оно до определенного момента не могло использоваться. В первую очередь восстанавливались и переоборудовались такие шахты, восстановление которых стоило дорого, вместо того, чтобы на новом месте проходить более дешевые шахты; в то же время разработка новых, выгодных участков тормозилась искусственно путем задержки разведок и закладок новых шахт на малоценных участках. В результате всех этих мероприятий должны были выявиться невыгодность и нерентабельность эксплуатации для Донугля и, как естественный выход отсюда, денационализация и сдача шахт в аренду, в концессии или другое».

«К числу прочих задач организации принадлежала также выработка специальных планов действия на случай возможной интервенции в смысле предохранения шахт от эксплуатации или, наоборот, — их затопления, если таковое представлялось целесообразным и шахты впоследствии без труда и ущерба снова могли быть быстро откачены.

Наконец, в программу организации входила выработка специального плана искусственного сокращения путем порчи механизмов и оборудования добычи отдельных шахт с целью создания затруднений республике на случай войны с иностранными государствами.

Для более успешного выполнения работ, — говорит в своих показаниях инженер Матов, — я обычно прежде всего принимал меры к тому, чтобы на наиболее ответственные должности как моих помощников по Донуглю, так и главных руководителей на местах назначались из членов организации.

Так создалась среди вредителей руководящая группа. В дальнейшем в процессе следствия выявилось, что серьезные вопросы вредительства обсуждались на особых совещаниях руководящей группы. Обсуждение происходило чрезвычайно конспиративно; особо важные вопросы разрешались в расширенных совещаниях, куда приглашались обыкновенно видные члены и руководители периферийных организаций.

Организация развивалась настолько, распространила так далеко свое влияние, в частности в области своих заграничных связей, что рационально могли быть разрешены все задания, которые она начала себе ставить, лишь при наличии соответствующего аппарата в командной верхушке управления промышленности Союза в Москве. К этому толкали и желание установить связь с другими отраслями промышленности, и крупная роль, которую играла организация в деле реализации заграничных заказов по закупке импортного оборудования и, наконец, в той области, где организация соприкоснулась с работой чисто вредительско-шпионского, военно-политического характера. Такой центр образовался в 1926 г., когда организация уже представляла собой серьезную политическую силу. Руководящую роль в этом центре играли старые углепромышленники Рабинович, Скарута, Бояринов, Именитов и др.

Задачей московского центра являлось объединение существующих уже организаций, создание новых, влияние на центральные промышленные органы и связь с инженерно-техническими организациями. Была установлена связь с другими отраслями промышленно-

сти Донецкого бассейна путем вовлечения в организацию представителей технического персонала 3 других трестов.

Исключительная по размеру разрушительная работа организации проведена в области закупки импортного оборудования. При размещении заказов среди иностранных фирм организация руководствовалась директивами, полученными от Дворжанчика, которые сводились к тому, чтобы члены организации при ведении переговоров по закупке импортного оборудования входили в соглашение с фирмами о выдаче в пользу организации определенного процентного вознаграждения с продажной стоимости заказанного.

Обвиняемый Казаринов, будучи заведующим импортным отделом треста Донуголь, во время своего пребывания в Германии вошел в соглашение с рядом фирм о выплате комиссионных процентов организации. От двух немецких фирм, поставщиков треста Донуголь, Казаринов, по своему собственному показанию, получил от одной 8 тысяч и от другой 7 тыс. марок.

Участие организации в закупке импортного оборудования нашло свое выражение в покупке за границей ненужных или несоответствующих машин. «Убытки, нанесенные республике, — указывает подсудимый Казаринов, — действиями организации в деле импорта измеряются сотнями тысяч рублей и делятся на две группы: непосредственные убытки от закупки ненужного или несоответствующего имущества и убытки от затоваривания средств оборудованием, лежащим без использования».

Целый ряд иностранных фирм был не только связан с отдельными членами организации, но и с самой организацией в целом. Иностранные фирмы предоставляли вознаграждение вредителям, причем суммы получались непосредственно организацией. Целый ряд обвиняемых устанавливает, что вредители заказывали не только ненужные, но и негодные предметы оборудования и машины.

Примером для этого может служить случай с непригодными врубными машинами германской фирмы «Кнап», с которой договор был заключен одним из членов организации инженером Горлецким. Эти машины были приняты, несмотря на явную непригодность. За приемку этих машин председатель назначенной приемочной комиссии, обвиняемый инженер Кузьма, получил 2 ½ тыс. рублей от представителя фирмы. Немецкий монтер, работавший по установке этих машин, обвиняемый Батштибер сознался, что он тоже давал взятку заведующему шахтой по приказанию своего непосредственного на-

чальника немецкого инженера Зеегольда и подписал акт о пригодности машин, не соответствующий действительности.

Цель сдачи и приемки негодных машин, – показывает Батштибер, – была двоякая: сдать негодные машины и после быстрого их разрушения получить новые заказы и осуществить этим путем цель разрушения хозяйства Советского государства.

Кроме этих прямых показаний Батштибера на согласованность действий указывает заявление инженера Зеебольда на квартире инженера Гаврюшенко, что «иностранцы не станут поддерживать хозяйственное строительство большевиков путем поставки хороших машин и что они, напротив, будут тормозить это строительство поставкой старых, негодных машин».

Эти факты приобретают особенно важное значение, если их рассматривать в связи со всей деятельностью организации, которая была выявлена ходом следствия. Вредительская организация Донугля имела связь не только с объединением бывших владельцев донецких шахт в разных странах, но и с рядом немецких фирм, заинтересованных в помещении заказов на машины и предметы оборудования.

В показаниях обвиняемых особенно подчеркивается связь с А.Е.Г., где работал брат обвиняемого по этому делу Башкина – русский эмигрант. Директором этого отдела был Блейман.

В этом отделе состоялось, по показаниям обвиняемого Казаринова, в марте 1927 г. совещание, на котором присутствовал и представитель старых владельцев Дворжанчик, где Башкин предложил взять проценты с иностранных поставщиков треста Донугля в пользу организации.

Предложение Башкина, показывает дальше присутствующий на этом совещании Казаринов, встретило поддержку Блеймана, изъявившего свое согласие от имени А.Е.Г. облагать свои будущие продажи известным процентом в пользу организации. Приняв это предложение, Башкину было дано поручение хранить и пересылать получаемые деньги организации, в чем обещал свою помощь Блейман.

Показания других обвиняемых подтверждают факт связи русского отдела А.Е.Г. и его директора Блеймана с руководителями организации.

Русский отдел АЕГ фактически служил организационным центром связи между вредительской организацией инженеров и капиталистическими хозяевами за границей. На совещании в русском отделе обсуждались вопросы дальнейшей тактики этих капиталистических организаций, объединения и координации действий. Третьим вопросом

был вопрос о финансировании, где уже становится явным шантаж немецких фирм в сторону этих вредителей. Не может быть никакого сомнения, что каковы бы ни были мотивы согласия Блеймана, как представителя немецкой фирмы АЕГ на вышеназванные отчисления, самый факт его участия в этом совещании доказан, а равно и полная осведомленность Блеймана в существовании контр-революционной организации и о практических целях этой организации.

Этот факт придает показаниям Батштибера, имевшего дело с членом той же самой вредительской организации, определенное основание утверждать, что представители этой фирмы знали, что кроме целей, чисто коммерческих, поставкой негодных машин преследовались и другие.

Обвиняемый Башкин, работавший в качестве главного механика на Власовском руднике, узнал о связи своего брата с центром вредительской организации от приезжавшего немецкого инженера Геслера. В августе 1926 г. инженер АЕГ Отто был командирован в Рутченковские и Горловские рудники, а в марте 1927 г. прибыл в Рутченково монтер АЕГ Мейер. Оба эти служащие были командированы в СССР после вышеупомянутого совещания в русском отделе АЕГ.

О том, что приезд Отто и Мейера преследовал не только деловые цели, сообщил обвиняемому Башкину немецкий инженер Вегнер, который сказал, что он сам (Вегнер), инженер Отто и монтер Мейер имеют задания по вредительской работе и ее увязке с местной организацией.

Следствием установлено, что монтер Мейер, работая по установке турбины на Власовском руднике, дал Башкину подробные указания, каким образом можно нанести вред турбине. За осуществление вредительской работы над турбиной Башкин получил от Мейера 500 руб. Мейер не отрицал факта разговоров относительно возможности нанести вред турбине, но отрицает вредительскую цель этих указаний.

Инженер А.Е.Г. Отто, который упоминается Башкиным на ряду с Мейером, как имеющий задание по вредительской работе, раньше неоднократно находился в России, причем в начале 1914 г. с ведома германских военных властей он располагал специальной отсрочкой от военной службы на три года (по недостаточно проверенным показаниям двух русских инженеров, Отто был в свое время военным шпионом в царской России). Перед самым приездом в СССР в 192? г. Отто, по его собственным словам, состоял членом «Стального шлема» в Германии. Отто отрицает свое содействие вредительской ра-

боте организации и свое сознательное содействие организации и передачу ей директив из-за границы. Но улики против него подтверждаются обвиняемым Казариновым, к которому явился Отто по приезде из-за границы для передачи конспиративных писем.

Вот вкратце основные факты, выявившиеся в течение следствия по этому делу. Раскрытие шахтинского дела помогло ликвидировать работу этого центра. Следственные власти предали суду по данному делу лишь лиц, наиболее уличенных, выделив дело в отношении лиц, не игравших руководящей роли по вредительству на периферии, либо хотя и игравших руководящую роль в Москве, но не в отношении каменноугольной промышленности.

Всего по этому делу преданы суду 53 человека, в том числе 5 бывших шахтовладельцев и совладельцев, 37 инженеров, в большинстве своем занимавших руководящую роль в каменноугольной промышленности, 8 техников. Они обвиняются в том, что состояли членами вредительской контрреволюционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 г., поставившей своей целью подрыв советской каменно-угольной промышленности в контрреволюционных целях. Для достижения этой цели они производили срыв производства на местах, срыв в работе организационного центра каменноугольной промышленности Донецкого бассейна, треста Донуголь. Для достижения этой цели означенные контрреволюционные организации не только использовали советские учреждения, противодействуя их нормальной деятельности, но и связывались с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и организациями, выполняя их враждебные в отношении СССР задания, передавая им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получая от заграничных контрреволюционных объединений и их органов денежные средства для проведения и дальнейшего развития своей контрреволюционной деятельности. Эти действия караются 7-ю частью 58 статьи уголовного кодекса РСФСР (экономическая контрреволюция). Среди обвиняемых трое германских подданных, один инженер и двое монтеров, которым предъявляется обвинение по частям 7-й и 11-й 58 ст. уголовного кодекса по обвинению в пособничестве к организации.

		<u>Кто защищает</u>
1) <b>Березовский</b> Николай Николаевич, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер, имевший до революции сбережений в сумме до 20 тыс. рублей – виновным себя признал;	признал	Ордынский
2) <b>Калганов</b> Николай Ефимович, род. в 1887 г., не судимый, горный техник, до революции имел сбережений в сумме до 5 тыс. рублей – виновным себя признал;	признал	Меранвиль
3) <b>Самойлов</b> Василий Никифорович, род. в 1880 г., не судимый, быв. собственник-шахтовладелец, горный техник – виновным себя признал;	признал	Ордынский
4) <b>Бабенко</b> Сергей Александрович, род. в 1888 г., не судимый, горный техник – виновным себя признал;	признал	Пятецкий-Шапиро
5) <b>Чернокнижников</b> Степан Ефимович, род. в 1884 г., не судимый, инженер – виновным себя признал	признал	Пятецкий-Шапиро
6) <b>Башкин</b> Абрам Борисович, род. в 1887 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;	признал	Рязанский
7) <b>Никишин</b> Михаил Ефимович, род. в 1892 г., не судимый, электротехник – виновным себя признал;	признал	Пятецкий-Шапиро
8) <b>Петров</b> Василий Филиппович, род. в 1887 г., не судимый, горный инженер – виновным себя признал	признал	Пятецкий-Шапиро
9) <b>Потемкин</b> Григорий Петрович, род. в 1881 г., не судимый, инженер – виновным себя признал	признал	Рязанский

- |   |   |                      |
|---|---|----------------------|
| 10) <b>Матов</b> Юрий Николаевич, признал<br>род. в 1882 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                     |   | Смирнов              |
| 11) <b>Братановский</b> Сергей Павлович, признал<br>род. в 1885 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                              |   | Смирнов              |
| 12) <b>Соколов</b> Валентин Олимпович, признал<br>род. в 1886 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                |   | Ордынский            |
| 13) <b>Казаринов</b> Алексей Иванович, признал<br>род. в 1885 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                |   | Денике               |
| 14) <b>Шадлун</b> Георгий Акимович, признал<br>род. в 1880 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                   |   | Коммодов и Розенблум |
| 15) <b>Бояринов</b> Николай Антонович, признал<br>род. в 1890 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                |   | Добрынин             |
| 16) <b>Детер</b> Александр Васильевич, признал<br>род. в 1887 г., не судимый, инженер – виновным себя признал;                                |   | Левенберг            |
| 17) <b>Кржижановский</b> , Николай Константинович, признал<br>род. в 1888 г., инженер, не судим, виновным себя признал;                       |   | Добрынин             |
| 18) <b>Файерман</b> , Павел Маркович, признал<br>род. в 1877 г., горный техник, не судим, виновным себя признал;                              |   | Добрынин             |
| 19) <b>Одров</b> , Владимир Клавдианович, признал<br>род. в 1889 г., инженер, не судим, виновным себя признал;                                |   | Коммодов и Розенблум |
| 20) <b>Суцевский</b> , Дмитрий Михайлович, признал<br>род. в 1889 г., до революции имел сбережений около 30 тысяч. р., инженер, не судим, ви- | признал<br><u>частично</u> (непо-<br>средственно не<br>вредительство- | Денике               |



новным себя признал;	вал, но был связью)	
21) <b>Будный</b> , Семен Захарович, род. в 1875 г., служащий, не судим, виновным себя признал частично;	признал <u>частично</u>	Меранвиль
22) <b>Люри</b> , Владимир Владимирович, род. в 1895 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;	<u>не признал</u> (его показания значеня не имеют)	Коммодов и Розенблюм
23) <b>Ржепецкий</b> , Владислав Станиславович, род. в 1875 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;	признал <u>частично</u>	Коммодов и Розенблюм
24) <b>Бояршинов</b> , Николай Прокофьевич, род. в 1878 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;	признал <u>частично</u>	Рязанский
25) <b>Мешков</b> , Леонид Николаевич, род. в 1876 г., инженер, не судим, виновным себя признал частично;		Коммодов и Розенблюм
26) <b>Калнин</b> , Петр Эрнестович, род. в 1878 г., не судим, виновным себя признал частично;	признал <u>частично</u>	Денике
27) <b>Горлов</b> , Иван Григорьевич, род. в 1888 г., горный техник, не судим, виновным себя признал частично;		Добрынин
28) <b>Элиадзе</b> , Александр Яковлевич, род. в 1880 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;	<u>отказался</u>	Пятицкий-Шапиро
29) <b>Колодуб</b> , Емельян Кириллович, род. в 1863 г., техник, б. шахтовладелец, не судим, виновным себя признал частично;	признал <u>частично</u>	Короленко
30) <b>Некрасов</b> , Иван Иванович, род. в 1888 г., инженер, не судим,		Коммодов и Розенблюм

- виновным себя признал частично;
- 31) **Стояновский**, Иван Кириллович, род. в 1888 г., инженер, не судим, виновным себя не признал
- 32) **Семенченко**, Платон Иванович, род. в 1878 г., служащий, не судим, виновным себя не признал;
- 33) **Владимирский** Владимир Васильевич, род. в 1883 г., инженер, имел до революции сбережений до 20.000 р., не судим, виновным себя не признал;
- 34) **Овчарек** Мечислав Антонович, род. в 1890 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;
- 35) **Кувалдин** Владимир Михайлович, род. в 1877 г., механик не судим, виновным себя не признал;
- 36) **Некрасов** Александр Евдокимович, род. в 1882 г., горный техник, не судим, виновным себя не признал;
- 37) **Нашивочников** Василий Николаевич, род. в 1883 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;
- 38) **Васильев** Федор Тимофеевич, род. в 1883 г., горный техник, не судим, виновным себя не признал;
- 39) **Беленко** Венедикт Иванович, род. в 1894 г., техник, не судим, виновным себя не признал;
- 40) **Колодуб** Андрей Кириллович, род. в 1874 г., техник, не судим, виновным себя не признал;
- Коммодов и Розенблюм
- Пятецкий-Шапиро
- Плятт
- Плятт
- Короленко
- Короленко
- Левенберг
- Левенберг
- Левенберг
- Короленко

знал;

41) **Антонов** Петр Ильич, род. в 1890 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Малянтович

42) **Кузьма** Леонард Бернгардович, род. в 1891 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Левенберг

43) **Горлецкий** Николай Николаевич, род. в 1870 г., инженер, до революции имел сбережений до 30.000 р., не судим, виновным себя не признал;

Малянтович

44) **Чинакал** Николай Андреевич, род. в 1887 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Малянтович

45) **Валиковский** Андрей Константинович, род. в 1882 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Плятт

46) **Скорутто** Николай Иосифович, род. в 1877 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Плятт

47) **Рабинович** Лазарь Григорьевич, род. в 1860 г., инженер, б. углепромышленник, не судим, виновным себя не признал;

Оцеп

48) **Именитов** Соломон Григорьевич, род. в 1865 г., инженер, не судим, виновным себя не признал;

Рязанский

49) **Мейер** Макс Карлович, род. в 1876 г., рабочий, не судился, германский подданный, виновным себя не признал;

Вормс

50) **Отто** Эрнст Эмильевич, род. в 1894 г., инженер, не судился,

Оцеп

германский подданный, виновным себя не признал;

51) **Бадштибер**, Вильгельм Иоганнович, род. в 1892 г., рабочий, не судился, германский подданный, признал частично себя виновным;

Долматовский

52) **Штельбринг** Виктор Эдуардович, род. в 1891 году, инженер, не судился, виновным себя не признал;

Меранвиль

53) **Юсевич** Адриан Яковлевич, род. в 1884 г., инженер, не судился, виновным себя не признал.

Маянтович

- Л. 8–10. Типографский экземпляр того времени, вырезка из газеты «Экономическая жизнь» от 8 мая 1928 г. На л. 9–10 текст в три колонки. В колонке слева наклеен список обвиняемых (вырезка из газеты): на л. 9 – с номера 1 по 27 («1) Березовский Николай Николаевич [...] 27) Горлов Иван Григорьевич [...]»), на л. 10 – с номера 28 по 53 («28) Элиадзе Александр Яковлевич [...] 53) Юсевич Адриан Яковлевич [...]»). В средней колонке на л. 9–10 напротив некоторых фамилий обвиняемых написано от руки признал или не признал себя виновным; в правой колонке «Кто защищает» также от руки – фамилии адвокатов, выступающих защитниками.

### **Информация газеты «Правда» о предстоящем процессе по «Делу об экономической контрреволюции в Донбассе».**

**9 мая 1928 г.**

Дело об экономической контрреволюции в Донбассе будет слушаться в специальном присутствии Верховного Суда СССР.

Специальное присутствие будет заседать в составе председательствующего А.Я. Вышинского – ректора I МГУ, членов Верхсуда – М.И. Васильева-Южина, В.П. Антонова-Саратовского, донецкого шахтера тов. Курченко, московского рабочего т. Киселева и запасных членов тт. Еремина и Соколова.

Государственное обвинение будет поддерживать старший пом[ощник] прокурора республики тов. Н.В. Крыленко и прокурор УКК Верхсуда РСФСР тов. Г.К. Фогинский и общественные обвинители.

Защита допущена к ознакомлению с материалами следствия.

Предполагается, что дело начнется слушанием 15 мая в Колонном зале Дома Союзов.

*Вырезка из газеты «Правда». " от 9.V. 1928 г. № 106 (3938).*

**Из письма полномочного представителя СССР в Германии  
Н.Н. Крестинского наркому иностранных дел Г.В. Чичерину  
о влиянии Шахтинского процесса  
на развитие отношений с Германией**

**25 июня 1928 г.**

**С. СЕКРЕТНО.**

3. В связи с первыми двумя пунктами доклада (вопросом о новом правительстве и вопросом о наших будущих отношениях с этим правительством) считаю нужным сказать несколько слов о предстоящей ликвидации донецкого процесса. Я внимательно слежу за отражением этого процесса в нашей прессе. У меня получается впечатление, что кой-кому (я имею в виду представителей обвинения и товарищей, ведущих в прессе отчеты о процессе) кажется, что если бы даже привлеченные немцы были, может быть, и невиновны, то их лучше осудить, чтобы не получилось конфуза, что наша обвинительная власть привлекла невиновных. Мне такая установка кажется неправильной. Ход процесса в достаточной мере доказал, даже и предубежденным, что у наших органов было достаточно оснований отнестись с подозрением к сидящим на скамье подсудимых немцам и привлечь их к суду. Поэтому, никакой компрометации наших следственных властей не произойдет, если немцы будут оправданы. Оправдание же их внесет такое умиротворение в настроение германского общественного мнения, что неизбежным последствием его в качестве естественной реакции явится постепенное улучшение всех видов отношений между СССР и Германией – культурных, экономических и политических. Поэтому мне казалось бы политически более правильным вынести оправдательный приговор даже в том случае, если у суда останутся некоторые сомнения.

Я не буду подробнее в письме останавливаться на этом вопросе, подлежащем исключительной компетенции суда, мне хотелось лишь обратить Ваше внимание на то, что обвинительный приговор, хотя

бы даже и слабый, будет расценен здесь не как приговор против отдельных лиц. Германское общественное мнение считает улики против каждого отдельного подсудимого недостаточными. Обвинительная власть не сумела удержаться от того, чтобы не внести в допрос отдельных подсудимых, особенно Отто, политического момента, я сказал бы внутренне-германского политического момента. При таком положении вещей представители индустрии будут считать, что приговор направлен частично против германской промышленности. Представители правых партий и штальгельма будут считать, что приговор направлен частично против них. Вот почему я думаю, что оправдательный приговор в значительной степени упростил бы положение, а обвинительный, как бы он ни был мотивирован, создаст новые осложнения и трудности.

- Л. 146. Машинописная незаверенная копия того времени. Вверху напечатано: «Выписка из письма т. Крестинского т. Чичерину от 25 июня 1928 г.». Внизу слева машинописные пометы о количестве отпечатанных («18 экз.») и розданных экземпляров: «Копии даны: Членам Политбюро, т.т. Вышинскому, Крыленко». На л. 145 – сопроводительное письмо от 27 июня 1928 г.: «ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО, и т. т. Вышинскому и Крыленко. По поручению т. Чичерина, направляю для сведения выписку из письма т. Крестинского за № 510-17-к от 25-го июня 1928 г. Личный Секретарь Наркома (Короткин)». (Машинописная копия того времени. Гриф секретности штампом. Вверху слева рукописная помета «шахт[тинцы]», ниже также от руки «№ 547/2с»).

### **Информация газеты «Правда» о завершении Шахтинского процесса**

**6 июля 1928 г.**

#### **ДЕЛО ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В ДОНБАССЕ**

11 обвиняемых приговорены к высшей мере социальной защиты – расстрелу; 4 оправданы; остальные приговорены к лишению свобо-

ды на разные сроки от 1 г. до 10 лет; для нескольких подсудимых приговор условный.

С утра 5 июля у Дома Союзов установилась в ожидании пропуска в Колонный зал «живая очередь» в несколько сот человек. К концу дня толпа у Дома Союзов достигла численности в несколько тысяч человек. Для охраны порядка были установлены наряды пешей и конной милиции.

В 8 часов 30 мин. вечера из совещательной комнаты раздался первый звонок, означавший, что суд предполагает выйти для оглашения приговора часа через три. В 9 часов вечера раскрылись двери Колонного зала, который в течение получаса наполнился сверху донизу. Заняты не только все места, но и все проходы за колоннами и за трибуной суда. Полна ложа дипломатического корпуса, иностранная печать представлена еще более полно, чем в первый день процесса.

В 10 час. вечера заняли свои места представители государственного обвинения, несколько позже появились представители общества иного обвинения и защита в полном составе.

В 10 час. 15 мин. в зал вводятся подсудимые. Они группами окружают своих защитников и вступают с ними в оживленный разговор:

Постепенно в зале водворяется тишина. Ровно в 12 час. ночи, после 52-часового совещания выходит Специальное Присутствие Верховного суда.

– Заседание Специального Присутствия возобновляется, – говорит тов. Вышинский. – Объявляю приговор.

Чтение приговора продолжалось 1 час 20 минут.

## **ПРИГОВОР.**

Приговор делится на две части. В первой общей части, которую мы за поздним временем даем в кратком изложении, дается исторический обзор возникновения контрреволюционной вредительской организации и ее общая характеристика. Все основные тезисы обвинительного заключения получили в приговоре специального присутствия Верховного суда полное подтверждение. Эти основные тезисы сводятся к следующему.

Суд признал доказанным, что антисоветские контрреволюционные настроения части технической интеллигенции в первые годы существования советской власти привели к установлению связи этой части инженеров и техников с бывшими собственниками, получению

от них директив и денег и передаче им сведений о состоянии рудников и об общем положении в Донецком бассейне.

Далее приговор отмечает постепенное объединение бывших собственников, эмигрировавших за границу и образовавших там свои центры в Польше и во Франции. Эти белоэмигрантские торгово-промышленные группировки вошли в связь с иностранными официальными учреждениями и организациями.

Приговор признает, что вредительские действия контрреволюционного инженерства в Донбассе в первый период носили неорганизованный характер. К концу 1923 и началу 1924 года относится оформление организации, получившее свое завершение в образовании харьковской центральной группы, обосновавшейся в Донугле. Организация имела свою программу, которая была направлена не только на непосредственное экономическое вредительство, но и ставила себе политические контрреволюционные цели.

В области экономического вредительства приговор особо останавливается на мелком шахтном строительстве, которое, по существу, выражало правильную идею, соответствовавшую государственным нуждам того периода, но извращенную вредителями, стремившимися, в конечном счете, вызвать в определенный период времени кризис каменноугольной промышленности.

Далее приговор подробно характеризует вредительские действия, проводившиеся по линии нового капитального шахтного строительства (УНС), а также по линии управления Донуглем. Здесь вредительство проводилось по всем главнейшим отделам треста. Приговор особо отмечает участие во вредительской организации всего директората Донугля во главе с главным директором Бояршиновым.

Наконец, приговор характеризует сношения организации с заграничными группировками и указывает на те каналы, через которые к ней притекали денежные суммы, а также останавливается на образовании московской группы вредительской организации.

Переходя к квалификации преступления, приговор делит всех подсудимых на три группы: одна группа признана виновной по ст. ст. 57,7 и 58,11 УК, другая группа признана виновной по ст.ст. 58,3 (государственная измена), 58,7 и 58,11 УК и, наконец, третья, наименее численная, группа признана виновной по ст. 58,12 (соучастие и не-доносительство).



**РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ ПРИГОВОРА.**

На основании ст. 326, части 1, УПК РСФСР специальное присутствие Верховного суда СССР приговорило:

1) Потемкина, Г.П., 2) Штельбринга, В.Э., 3) Отто, Э.Э., 4) Майера, М.К. – считать по суду оправданными;

5) Овчарек, М.А. – к лишению свободы на **1 год со строгой изоляцией без поражения в правах** и, за силой ст. 57 УК РСФСР, приговор считать **условным** сроком на **3 года**;

6) Бадштибера, В.И. – к лишению свободы на **один год без строгой изоляции и без поражения в правах** и, за силой ст. 53 УК РСФСР, приговор считать **условным** сроком на **один год**. По обвинению того же Бадштибера, В.И., по ст. ст. 17 и 58 – считать по суду **оправданным**;

7) Никишина, М.Е., на основании ст. 58-12 – к **2 годам лишения свободы** со строгой изоляцией без поражения в правах и на основании ст. 117, ч. 1 – к одному году лишения свободы без строгой изоляции, а за силой ст. 49 УК РСФСР – к **2 годам лишения свободы со строгой, изоляцией без поражения. в правах, и за силой ст. 53 УК РСФСР приговор считать условным на 3 года**;

8) Горлова И.Г. – на основании ст. 58-12 – к **2 годам лишения свободы со строгой изоляцией** и без поражения в правах и за силою ст. 57 УК приговор считать **условным** на три года;

9) Файерман П.М. – на основании ст. 58-12 УК – к **1 году лишения свободы** со строгой изоляцией без поражения в правах;

10) Именитова С.Г. – на основании 58-12 УК – к **1 году 6 мес. лишения свободы со строгой изоляцией и без поражения в правах**;

11) Кузьму Л.Б. – на основании ст. ст. 17, 58-7 и 58-11 УК – к **3 годам лишения свободы** со строгий изоляцией, без поражения в правах, с конфискацией одной пятой части **его имущества**;

12) Беленно Б.И. – на основании ст. ст. 58-7 п. 58-11 УК – к **3 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах, с конфискацией одной пятой части его имущества**;

13) Калнина П.Э. – на основании ст. 58-12 УК – к **3 годам лишения свободы** со строгой изоляцией без поражения в правах;

14) Элиадзе А.Я. – на основании ст. 58-12 УК – к **3 годам лишения свободы** со строгой изоляцией и без поражения в правах;

15) Семенченко Г.И., 16) Люри В.В., 17) Ржепецкого В.С., 18) Владимирского В.В. – на основании 58-7 и 58-11 ст. ст. УК – на 3 года лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах каждого и с конфискацией одной пятой имущества каждого;

19) Одрова В.К. и 20) Некрасова Ивана – на основании ст.ст. 58-7 и 58-11 УК – на 4 года со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией одной пятой имущества каждого из них;

21) Бабенко С.А., 22) Чернокнижникова С.Е., 23) Петрова В.Ф., 24) Васильева Ф.Т., 25) Кувалдина В.М., 26) Стояновского И.К., 27) Соколова В.О., 28) Валиковского А.К., 29) Самойлова В.Н. – на основании ст. ст. 58-7 и 58-11 УК – к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией без поражения в правах и с конфискацией одной трети имущества каждого;

30) Колодуба Емельяна – на основании ст. ст. 17, 58<sup>7</sup> и 58<sup>11</sup> УК – к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией с поражением в правах, предусмотренных пп. «а», «б», «в», «г» ст. 31 УК, сроком на 3 года и с конфискацией одной трети его имущества;

31) Мешкова Л.Н., 32) Чинокала Н.А., 33) Антонова П.И., 34) Нашивочникова В.Н. – на основании ст. ст. 58<sup>7</sup> и 58<sup>11</sup> УК – к 6 годам лишения свободы, со строгой изоляцией с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в», «г», ст. 31 УК сроком на 3 года и с конфискацией одной трети имущества каждого;

35) Рабиновича Л.Г. – на основании ст.ст. 17, 58<sup>7</sup> и 58<sup>11</sup> УК – к 6 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 31 УК, сроком на 3 года с конфискацией 1/3 его имущества.

36) Колодуба, Андрея, 37) Некрасова, Александра, 38) Калганова, Н.Е., 39) Башкина, А.Б., – на основании ст.ст. 58<sup>7</sup> и 58<sup>11</sup>УК – к 8 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах, предусмотренных в п.п. «а», «б», «в» и «г» ст. 37 УК, сроком на 5 лет и с конфискацией половины имущества каждого.

40) Скорутто, Н.И., на основании ст.ст. 58<sup>3</sup>, 58<sup>7</sup> УК – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией всего имущества.

41) Детер, А.В. и 42) Сущевского, Д.М., на основании ст.ст. 58<sup>7</sup> и 5<sup>11</sup> УК – к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией,

**с поражением в правах сроком на 5 лет и с конфискацией всего имущества каждого.**

43) Горлецкого, Н.Н., 44) Березовского, Н.Н., 45) Шадлуна, Т.А. 46) Казаринова, А.И., 47) Бояршинова, Н.П. – на основании ст.ст. 58<sup>7</sup>, 58<sup>11</sup> УК, 48) Матова, Ю.Н., 49) Братановского, С.П., 50) Бояринова, Н.А., 51) Кржижановского, Н.К., 52) Юсевича, А.Я. и 53) Будного, С.З. – на основании ст.ст. 58<sup>3</sup>, 58<sup>7</sup>, 58<sup>11</sup> – **к высшей мере социальной защиты – расстрелу с конфискацией всего имущества каждого.**

Вместе с тем специальное присутствие Верховного суда Союза Советских Социалистических Республик считает необходимым представить на усмотрение президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР нижеследующее:

Значительное большинство осужденных по настоящему делу к высшей мере социальной защиты – расстрелу еще в стадии предварительного следствия и затем на судебном следствии не только признали свою вину перед пролетарским государством, но и стремились раскрыть перед ним все обстоятельства совершенных<sup>а</sup> ими тяжких преступлений.

Учитывая это обстоятельство, а равно и то, что громадное большинство осужденных представляет собой квалифицированную техническую силу, которую возможно использовать в соответствующих условиях на практической работе, **специальное присутствие Верховного суда СССР в отношении Березовского, Казаринова, Матова, Братановского, Шадлуна и Бояршинова ходатайствует о замене им расстрела иной мерой социальной защиты.**

**Всем приговоренным к срочному лишению свободы зачесть сроки их предварительного заключения.**

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

\*\*\*

После оглашения приговора председательствующий предлагает коменданту немедленно освободить из-под стражи подсудимых Потемкина, Штельбринга, Отто и Майера, а в отношении остальных принять соответствующие меры охраны.

В 1 ч. 20 м. ночи заседание суда объявляется закрытым.

---

<sup>а</sup> Так в документе.

-Вырезка из газеты «Правда» от 6 июля 1928 г., № 155 (3987)

**«Справка о настроениях рабочих в связи с приговором по Шахтинскому делу».**

**11 июля 1928 г.**

Сов[ершенно] секретно.

По материалам Московского Комитета и Ленинградского Обкома, поступившим в ЦК, видно, что приговор по Шахтинскому делу вызвал живейшие отклик на предприятиях и активное обсуждение его. Рабочие значительного числа предприятий (судя по полученным материалам) недовольны приговором, считая его чрезвычайно мягким. На этой почве были попытки организации коллективного протеста. Приведем несколько примеров (из бесед и выступлений рабочих):

Ленинград.<sup>а</sup>

«Когда рабочая масса узнала о Шахтинском деле – ее возмущению[,] казалось не было границ. Рабочие требовали сурового наказания... А в результате – приговор вышел таким слабым (тип. Володарского)[.]. «прокурор расстрелял обвиняемых только своей речью; когда дело дошло до приговора, то сдрейфили и получился пшик[.]» (Балтзавод).

«Навредили на миллионы рублей, а их почти никого не расстреляли; нужно было человек 25 расстрелять» (Красный Арсенал).

Москва:

«В железнодорожных мастерских на Брянке рабочие все время следили за процессом и отмечали в записных книжках кого, по их мнению, нужно расстрелять. Вынесенный приговор расходится с этими заметками и рабочие поэтому недовольны».

«Приговор мягок, нужно было всем вынести смертный приговор... Пожалуй, международное положение и недостаток специалистов побуждают нас к вынесению такого приговора» (Русаковский трампарк).

«Шуму сделали много, а на деле игра в прятки... молодые специалисты затираются, а вредителей хотят снова использовать на работе[.]». (Служба движения Сев. ж. д.).

В связи с недовольством приговором на предприятиях идут разговоры о необходимости протеста с целью изменения приговора.

---

<sup>а</sup> Здесь и далее подчеркнуто в документе

Москва:

«Некоторые беспартийные рабочие проявляют большую активность и ведут агитацию за сбор подписей протеста для направления в ЦИК с целью изменения и вынесения более жестокого приговора» (Типография Центросоюза).

«На фабрике им. Фрунзе для этой же цели рабочие требуют созыва митинга протеста».

Ленинград:

Отмечаются:

«разговоры значительных групп рабочих (25–30 человек) о необходимости подать коллективное заявление с протестом (завод имени Калинина) и разговоры о том, что надо было бы выйти на улицу с демонстрацией протеста» («Красн. Гвоздильщик», Балтзавод).

«На некоторых заводах ведутся откровенные разговоры о необходимости в той или иной форме выражать протесты».

«В старой кузнице Путиловского завода рабочие хотели устроить собрание протеста, но коллективу удалось их от этого удержать».

Наряду с этим партийные ячейки ведут слабую разъяснительную работу среди рабочих, причем низовой партактив в значительной мере сам разделяет недовольство рабочих приговором.

«Это недовольство в большинстве случаев разделяется и низовым партийным активом, отклики которого на приговор, в основном однородны с откликами беспартийных рабочих... актив благодаря этому не сможет вести раз'яснительной работы»... (Сообщение ЛК от 7/ХІІ).

«Ячейки по этому вопросу не вели никакой раз'яснительной работы» (Сокольнический район. Москва).

Часть приговора, которая касается германских инженеров[,] расценивается как желание Соввласти избежать осложнения международного положения.

Москва:<sup>6</sup>

«Мы понимаем международное значение процесса, но все же считаем, что приговор мягок и мы показали себя слабыми» (7 типогр<sup>в</sup>

«Немцев всех освободили потому, что боимся Европы»... (Русакровский трампарк).

Ленинград:

---

<sup>6</sup> Вписано от руки

<sup>в</sup> Далее текст не прочитывается

«Германских инженеров не наказали как следует потому, что правительство сдрейфило» (Московско-Нарвский Райжилсоюз).

Наряду с этим ЛК отмечает такие выступления.

«Как же это невинных германских инженеров держали в тюрьме, а их оправдали; это получается дискредитация».

11/VII-28 г.

ЗАВЕД. ПРОМЫШЛЕННЫМ СЕКТОРОМ  
ИНФОРМОТДЕЛА ЦК ВКП(б)

А. НАТОЧАНЫЙ

- АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д. 330. Л. 153–154. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На л. 153 вверху справа рукописная помета «т. Сталину». Ниже по центру напечатано «ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ Ц.К. В.К.П. (б)», заголовок «СПРАВКА О НАСТРОЕНИЯХ РАБОЧИХ [...]». На л. 154 внизу слева машинописью адрес рассылки 12 экземпляров документа: «Разослано: т.т. Сталину, Молотову, Коссиору, Смирнову, Москвину, Криницкому, Бауману, Орджоникидзе, Янсону» с датой «11/VII-28 г.».

### **Информация газеты «Правда» о постановлении Президиума ЦИК СССР и приведении в исполнение приговора по Шахтинскому делу**

**11 июля 1928 г.**

### **ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СССР ПО ШАХТИНСКОМУ ДЕЛУ.**

По вопросу о применении частной амнистии к приговоренным Верховным Судом Союза к высшей мере социальной защиты (расстрелу) по шахтинскому делу Президиум ЦИК Союза ССР постановил гр. гр. <sup>а</sup>**Н.Н. Березовскому, А.И. Казаринову, Ю.Н. Матову, С.П. Братановскому, Г.А. Шадлуну и Н.П. Бояршинову высшую меру социальной защиты (расстрел) заменить 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией, с поражением в правах на 5 лет и конфискацией всего имущества.**<sup>б</sup>

В отношении гр. гр. Н.Н. Горлецкого, Н.К. Кржижановского, А.А. Юсевича, С.З. Будного и Н.А. Бояринова Президиум ЦИК Союза постановил приговор Верховного суда Союза ССР утвердить.

---

<sup>а-б</sup> Здесь и далее выделено в документе

**ПРИГОВОР ПРИВЕДЕН В ИСПОЛНЕНИЕ.**

9 июля сего года приговор по делу об экономической контрреволюции в Донбассе в отношении осужденных к расстрелу Горлецкого, Кржижановского, Юсевича, Будного и Бояринова приведен в исполнение.

- Вырезка из газеты «Правда» от 11.VII.28 г. № 159 (3991)–

**Постановление Президиума ЦИК СССР  
в связи с ходатайством о награждении сотрудников ОГПУ,  
проводивших следствие по «Шахтинскому делу»**

**от 9 января 1929 г.**

Секретно.

СЛУШАЛИ:

15. О награждении орденом Красного Знамени тт.: Е.Г. Евдокимова, В.А. Балицкого, А.А. Слуцкого, А.Б. Инсарова, В.И. Антоновича, Л.С. Аррова, З.М. Ушакова, А.Б. Розанова, И.М. Блат, Е.П. Еленевича, М.Д. Яхонтова, П.Я. Медведева, Ю.Л. Зверева, К.И. Зонова, Г.Е. Прокофьева.

ПОСТАНОВИЛИ:

Отклонить.

(Вн[есено] ОГПУ, пр. Президиума ЦИК Союза ССР № 70, п. 10).

И. о. Секретаря ЦИК Союза ССР – А. Толоконцев

- АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д. 330. Л. 173. Машинописный подлинник на бланке выписок из протокола заседания Президиума ЦИК СССР, подпись – автограф, круглая печать ЦИК СССР. Вверху слева машинописная помета «ЦК ВКП(б)», ниже написано от руки «ПБ пр. 45 п. 7». Гриф секретности машинописью вверху справа, ниже напечатано «экз. № 1». Внизу слева делопроизводственные пометы (машинописью и от руки), дата составления выписки «11/I 29 г.» (от руки).

## **ПРИЛОЖЕНИЕ 3**

### **Письмо осужденного на процессе по «делу Союзного бюро меньшевиков» 1931 г. М. П. Якубовича Генеральному Прокурору СССР Р. А. Руденко о методах фальсификации следствия и инсценировки судебного процесса**

**5 мая 1967 г.**

Генеральному прокурору СССР

В связи с проверкой, производящейся Прокуратурой СССР по делу, по которому я был осужден в 1931 г., я представляю следующие объяснения.

Никакого "Союзного бюро меньшевиков" в действительности никогда не существовало. Осужденные по этому делу не все знали друг друга и не все принадлежали когда-либо в прошлом к меньшевистской партии. Так, А.Ю. Финн-Енотаевский - в прошлом один из организаторов Московского Рабочего Союза в 1895 г. - со времени II съезда РСДРП в 1903 г. принадлежал к большевикам и, хотя отошел от партийной организации во время империалистической войны 1914-1917 гг., никогда никакой связи с меньшевиками не имел. А.Л. Соколовский в прошлом принадлежал к сионистам-социалистам, к так называемым "эс-эсовцам", но никогда не был меньшевиком. Большинство обвиняемых в той или иной степени имели, однако, в прошлом связь с меньшевистской партией. Некоторые - весьма слабую и случайную /напр. Н.Г. Петунин и Б.М. Берлацкий/, другие принадлежали к ее основным и даже руководящим кадрам /И.И. Рубин, И.Г. Волков, А.М. Гинзбург, В.В. Шер, [М.П.] Якубович/. Но и те и другие уже давно порвали с меньшевиками при разных обстоятельствах и по разным мотивам. Единственный участник процесса, действительно сохранивший связь с меньшевистским партийным центром за границей /как я узнал от него впоследствии в Верхнеуральском политизоляторе/ и даже являвшийся председателем или секретарем меньшевистского "Московского Бюро" - В.К. Иков - ни одним словом не обмолвился перед следствием и на суде о своих действительных партийных связях и о своей действительной партийной деятельности, и даже само существование "Московского Бюро" осталось



невскрытым на суде и на следствии. Между прочим, В.К. Иков был единственным из осужденных по делу "Союзного Бюро", который, по отбытии назначенного ему судом 8-летнего срока заключения в 1939 году возвратился на жительство в Москву и оставался здесь до 1951 г., когда был вновь арестован по другому делу.

Следователи ОГПУ и не стремились ни в какой степени вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию Икова или кого-либо из других обвиняемых. У них была готовая схема "вредительской" организации, которая могла быть сконструирована только при участии крупных и влиятельных работников государственного аппарата, а настоящие подпольные меньшевики такого положения не занимали и поэтому для такой схемы не годились. По-видимому, эта схема была подсказана работникам ОГПУ руководителями двух уже ранее намеченных вредительских процессов – Промпартии и Т[рудовой] К[рестьянской] П[артии] – Рамзиным и Кондратьевым, которые впоследствии выступали свидетелями обвинения на процессе "Союзного Бюро". Им необходимо было для стройности политической композиции дополнить нарисованную ими схему наличием третьей политико-вредительской организации – социал-демократической. Так мне объяснил/ между прочим, подсаженный ко мне на несколько дней в камеру – очевидно для разъяснения следственной ситуации – один из крупнейших участников ТКП профессор Л.Н. Юровский, признавший себя "министром финансов" в "теневом кабинете" Н.Д. Кондратьева.

Идея Кондратьева была с готовностью подхвачена его личным приятелем В.Г. Громаном, которого сотрудники ОГПУ, явившиеся арестовать Кондратьева, застали у него на квартире, что и явилось первоначальным поводом для возбуждения следствия против Громана. Громану было обещано следствием, что в случае содействия с его стороны в организации процесса вредителей-меньшевиков, ему будет гарантировано возвращение к работе с последующей полной амнистией. Впоследствии, когда осужденные по процессу "Союзного Бюро" были доставлены в Верхнеуральский политизолятор, Громан в помещении "вокзала" с отчаянием и негодованием восклицал: "Обманули! Обманули!" Готовность Громана взять на себя организацию процесса была подкреплена его алкоголизмом. Следователи подпайвали его и получали все желательные для них показания. Уже во время процесса, в ожидании отправки после судебного заседания во внутреннюю тюрьму ОГПУ, когда меня возили в одной легковой ма-

шине вместе с Громаном, я был свидетелем такого разговора с ним из следователей: "Ну как, Владимир Густавович, сейчас подкрепимся коньячком?!" – "Хи-хи-хи, – посмеивался Громан, – уж как всегда!" Деятельным помощником в создании вредительской версии явился К.Г. Петунин – человек малоинтеллигентный, примкнувший к меньшевистской партии после Февральской революции и вскоре после Октябрьской победы большевиков покинувший ее. По его рассказам в Верхнеуральске, он "скалькулировал", что наиболее выгодным в создававшихся для него после ареста условиях является действительное содействие следствию в конструировании вредительского процесса, за что он получил от ОГПУ соответствующее вознаграждение в виде возвращения на свободу и предоставления работы... В противном случае он может попасть на длительный срок в заключение и даже погибнуть. Петунину принадлежала мысль составить "Союзное Бюро" по принципу ведомственного представительства – из числа руководящих работников соответствующих аппаратов, о которых он слышал, что они бывшие меньшевики. Не зная, однако, в точности политического прошлого названных лиц, он допустил такую неточность, как включение в составленный им список "эс-эсовца" Соколовского. Следователи были мало озабочены подобной "неточностью" – им надо было получить "признание" намеченных жертв, а были ли они в действительности меньшевиками, им было безразлично.

Тогда началось извлечение признаний. Некоторые, подобно Громану и Петунину, поддались на обещания будущих благ, так же быстро поддался Б.М. Берлацкий, который впоследствии в тюрьме сошел с ума. Других, пытавшихся сопротивляться, "вразумляли" методами физического воздействия – избивали /били по лицу, по голове, по половым органам, валили на пол и топтали ногами, душили за горло и т.п./, держали без сна на конвейере, сажали в карцер /полуодетыми и босиком на морозе или в нестерпимо жаркий без окон/. Для некоторых было достаточно одной угрозы подобных воздействий, с соответствующей их демонстрацией. Для других они применялись в разной степени – строго индивидуально, в зависимости от сопротивляемости. Больше всего упорствовали А.М. Гинзбург и я.

Мы ничего не знали друг о друге и сидели в разных тюрьмах: я в северной башне Бутырской тюрьмы, Гинзбург во внутренней тюрьме ОГПУ. Но мы пришли к одинаковому выводу: мы не в силах выдерживать применяемого воздействия и нам лучше умереть. Мы вскрыли себе вены. Но нам не удалось умереть. После покушения на само-

убийство меня уже больше не били, но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все равно – какой угодно позор, какая угодно клевета на себя и на других – лишь бы заснуть. В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания. Меня еще удерживала мысль, что я один впал в такое малодушие, и мне было стыдно за свою слабость. Но мне дали очную ставку с моим старым товарищем В.В. Шером, которого я знал как человека, пришедшего в рабочее революционное движение задолго до победы революции из богатой семьи, то есть как человека безусловно идейного. Когда я услышал из уст Шера, что он признал себя участником вредительской меньшевистской организации и назвал меня как одного из ее членов, – я тут же на очной ставке окончательно сдался. Дальше я уже несколько не сопротивлялся и писал любые показания, какие мне подсказывали следователи – Д.З. Апресян, А.А. Наседкин, Д.М. Дмитриев. В ходе следствия часть обвиняемых, в том числе и меня, вывозили для усиления средств физического воздействия в Суздаль, где содержали в старой монастырской тюрьме, предназначенной в царское время для заключения так называемых еретиков. Там, в ответ на требование написать какое-то неправдоподобное признание, я сказал следователю Наседкину: "Поймите, ведь этого никогда не было и быть не могло". Наседкин, человек очень нервный и лично в истязаниях участия не принимавший, ответил мне: "Я знаю, но Москва требует".

Было ли какое-нибудь вредительство в Наркомторге? В планировании использования товаров, в чем меня и Л.Б. Залкинда обвиняли? Не только не было, но и быть не могло. Ведь планы завоза промышленных товаров рассматривались с подробными обоснованиями на заседаниях коллегии Наркомторга. В заседаниях коллегии принимали участие ответственные и опытные партийные работники и эксперты от разных ведомств – ВСНХ, Наркомфина, крупнейших хозяйственных объединений, например, Текстильного Синдиката. Председательствовал на Коллегии А.И. Микоян, который критически, даже придирчиво просматривал каждую цифру, прежде чем согласиться на ее утверждение. О каком вредительстве в такой обстановке могла бы идти речь? Разве все, кроме меня, были слепцы? Да, я пользовался доверием Коллегии, Наркома и всех ответственных работников, меня знавших /включая Ф.Э. Дзержинского, с которым я непосредственно работал в комиссии СТО по государственным фондам,

где он был председатель, а я при нем управляющим делами/. Но это доверие было завоевано обоснованностью и убедительностью докладов, которые я делал, а также многими годами работы в советском государственном аппарате, начиная с его первоначальной организации, наконец, "советской политической линией", которую я проводил сперва в рядах меньшевистской партии, а затем, порвав с ней в 1920 г., когда убедился, что не смогу повернуть ее на советский путь.

В следственном деле есть показания, написанные моей рукой, в которых перечисляются вредительские акты с указанием номеров, "исходящих" из Наркомторга. Но ведь в тюрьме я ни одного документа не видел и их мне никто не показывал. Эти номера взяты "с потолка" и рассчитаны на то, что их никто не будет проверять. Но был один факт прямого нарушения мною правительственного постановления о забронировании товарных контингентов для Магнитостроя и Кузнецкстроя. И этот факт усиленно использовался следствием как центральный обвинительный материал против меня и доказательство раскрытого вредительства. Но как я совершил это нарушение? Народный комиссар торговли А.И. Микоян вызвал меня и передал устное распоряжение И.В. Сталина снять эти товарные контингенту с Магнитостроя и Кузнецкстроя и, вопреки постановлению СТО, передать их Москве. Я колебался. Но А.И. Микоян сказал: "Что? Вы не знаете, кто такой Сталин?". Нет, я знал. И, конечно, выполнил его распоряжение. А через несколько дней в "Правде" появилась заметка о том, что Якубович не выполняет постановлений правительства и самовольно дает товарным фондам, предназначенным для Магнитостроя, другое направление. Я принес эту заметку т. Микояну. Он обещал поговорить со Сталиным. Не знаю, говорил ли. Когда меня спустя немного времени арестовали, то следователи обвинили меня во вредительстве, разоблаченном "Правдой". Я предлагал спросить Микояна, спросить Сталина. Но следователи надо мною хохотали. Вот в этом "вредительстве" я тоже "сознался". Когда "Союзное Бюро" уже было "сформировано" на междуведомственной основе, его пополняли по указанию следователей, дополнительными членами. В их числе, между прочим, оказался и В.К. Иков. Неожиданно для основных участников. Как происходило это пополнение, можно судить по примеру М.И. Тейтельбаума. Уже состав "Бюро" был определен и согласован следствием и обвиняемыми, когда меня вызвали из камеры к следователю Апресяну. В его кабинете я застал Тейтельбаума, которого никто из обвиняемых в своих показаниях не называл.

Я знал Тейтельбаума много лет как партийного работника социал-демократа. В прошлом он был большевиком во время первой мировой войны перешел к меньшевикам, в 1917 г. состоял секретарем Московского комитета меньшевиков, после Октябрьской революции порвал с меньшевиками и работал в заграничном аппарате Наркомвнешторга. Когда я вошел, Апресян поднялся и вышел, оставив нас вдвоем. Тейтельбаум обратился ко мне: "Я уже давно сижу в тюрьме, меня били и требовали признания в том, что я брал взятки за границей с капиталистических фирм. Я не выдержал истязаний и "признался". Это ужасно – ужасно жить и умереть с таким позором. Но следовательно Апресян вдруг сказал мне: "Может быть, вы хотите переменить показания, признаться, что участвовали в контрреволюционной организации, в меньшевистском "Союзном Бюро"? Тогда у вас будет не уголовное, а политическое преступление" – "Да, хочу", - ответил я. – "Как это сделать?" – Апресян говорит: "А я сейчас позову Якубовича, вы его знаете?" – "Знаю", – "Если он согласится принять вас в Союзное Бюро, я не возражаю". Вот он и позвал вас. Товарищ Якубович, умоляю вас, включите меня в это Союзное Бюро. Лучше я умру, как контрик, а не как меньшевик и негодяй". Тут в комнату вошел Апресян.

"Ну как, договорились?" – обратился он ко мне с усмешкой. Я молчал. На меня смотрели с мольбой глаза Тейтельбаума. "Я согласен, – сказал я, – я подтверждаю участие Тейтельбаума в Союзном Бюро". "Ну, вот и хорошо, – сказал Апресян, – пишите все показания, а старые я уничтожу". Вот так формировалось "Союзное Бюро".

Ни один из обвиняемых по делу "Союзного Бюро" не принадлежал к числу моих личных друзей и ни с кем из них я не поддерживал до возникновения этого дела дружеских отношений. В.В. Шера, в прошлом моего друга, я не встречал до этого в течение нескольких лет. Мои действительные друзья и товарищи этих лет не были названы мною и к делу "Союзного Бюро" не привлекались. Это были Ю.М. Двойлацкий, Л.Е. Гальперин, М.Л. Никифоров/И.В. Шостак. Никто из них никогда меньшевиком не был. Гальперин /по партийной кличке "Коняга"/был членом ЦК большевиков во времена подполья, остальные были членами ВКП/б/ в описываемое время.

За несколько дней до начала процесса состоялось первое "организационное" заседание "Союзного Бюро" в кабинете старшего следователя Д.М. Дмитриева и под его председательством. В этом "заседании" кроме 14 обвиняемых, принимали участие следователи Ап-

ресян, Наседкин, Радищев. На заседании обвиняемые знакомились друг с другом, согласовывали и репетировали свое поведение на суде. На первом "заседании" эта работа не была закончена, и оно было повторено.

Я был в смятении, как вести себя на суде? Отрицать данные на следствии показания? Попытаться сорвать процесс? Устроить мировой скандал? Кому он пойдет на пользу? Разве это не удар в спину Советской власти, коммунистической партии? Я не вступал в нее, уйдя от меньшевиков, но ведь я политически и морально был с нею и остаюсь с нею. Какие бы преступления ни совершал аппарат ОГПУ, я не должен изменять партии и государству. Не скрою, что я думал и о другом.

Если я откажусь от данных мной показаний, что со мною сделают палачи-следователи? Страшно об этом подумать. Если б только смерть! Я хочу смерти, я ее искал и пытался умереть. Но ведь они умереть не дадут, они будут медленно пытаться, пытаться бесконечно долго. Не будут давать спать, пока не наступит смерть. А когда она наступит? Раньше, вероятно, придет безумие. Как на это решиться? Во имя чего? Если бы я был врагом коммунистической партии и советского государства, я нашел бы нравственную опору своему мужеству в ненависти к ним. Но ведь я не враг. Что же может побудить меня на такое отчаянное поведение на суде?

С такими мыслями и в таком душевном состоянии меня вызвали из камеры и привели в кабинет, где сидел Н.В. Крыленко, назначенный государственным обвинителем на наш процесс. Я знал Н.В. Крыленко давно, еще с дореволюционных времен. Знал близко. А в 1920 г., когда я был Смоленским губпродкомиссаром, он приезжал в Смоленск в качестве уполномоченного ЦК партии и ВЦИК Советов по наблюдению за хлебозаготовками. Некоторое время он жил в моей квартире, мы спали в одной комнате. Словом, я и Крыленко хорошо знали друг друга.

Предложив мне сесть, Крыленко сказал: "Я не сомневаюсь в том, что вы лично ни в чем не виноваты. Мы оба выполняем наш долг перед партией - я вас считал: и считаю коммунистом - я буду обвинителем, вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это наш с вами партийный долг. Но на процессе могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Я буду рассчитывать на вас. Я попрошу председателя в случае необходимости дать вам слово. А вы найдете, что сказать". Я молчал. "Договорились?" - спросил Крыленко. Я пробормотал что-то непонятное, но в том смысле, что обещаю

выполнить свой долг. Кажется, на глазах у меня были слезы. Крыленко приветственно помахал рукой. Я вышел.

На процессе действительно возникло осложнение, предвиденное Крыленко. Так называемая "Заграничная делегация" меньшевистской партии обратилась к суду с пространной телеграммой-протестом, опровергающей материалы происходящего процесса. Крыленко огласил эту телеграмму и, окончив чтение, попросил председательствующего Н.М. Шверника предоставить слово подсудимому Якубовичу. Мое положение было бы затруднительным, если бы "Заграничная делегация" в своей телеграмме, честно отвергая лживые измышления о якобы совершавшемся по ее указанию вредительстве, высказала бы сочувствие к обвиняемым, вынужденным насильем давать ложные показания. Что мог бы я противопоставить таким заявлениям? Но "Заграничная делегация" сама облегчила мою роль. Отвергая обвинительный материал, она вместе с тем заявила, что подсудимые не имеют и никогда не имели никакого отношения к социал-демократической меньшевистской партии, что это не более как провокаторы, подкупленные Советским правительством.

Тут уж я мог говорить правдиво и честно, избобличая "Заграничную делегацию" во лжи и лицемерии, напоминая о роли и заслугах в истории меньшевистской партии ряда подсудимых и обвиняя меньшевистское руководство в измене революции и предательстве интересов социализма и рабочего класса.

Я говорил с эмоциональным подъемом и силой убеждения. Это была одна из моих лучших политических речей. Она произвела большое впечатление на аудиторию переполненного Колонного зала /я это чувствовал по моему ораторскому опыту/ и, пожалуй, была кульминационным пунктом процесса - обеспечила его политический успех и значение. Мое обещание, данное Н.В. Крыленко, было выполнено.

На другой день, начиная свои показания перед судом, А.Ю. Финн-Енотаевский заявил, что он полностью присоединяется ко всему сказанному мною в адрес "Заграничной делегации" и добавил, что я выступал в данном случае от имени всех обвиняемых.

Процесс прошел гладко – с внешним правдоподобием, несмотря на допущенные следствием грубые ошибки в его монтаже. В особенности в эпизоде с якобы имевшим место нелегальным приездом в Советский Союз члена меньшевистского ЦК Р.А. Рейн-Абрамовича. Надо было знать Абрамовича, как знал его я, чтобы по-

нять всю нелепость утверждения о возможности его нелегального приезда в СССР. Во всем составе "Заграничной делегации" не было человека, менее способного на подобный риск. Как на предварительном, так и на судебном следствии мне удалось уклониться от подтверждения моего свидания с ним. Но Громан и некоторые другие подсудимые наперебой рассказывали о своих с ним встречах. Я слышал впоследствии, что Абрамович опубликовал на Западе непроверяемые доказательства своего алиби.

В своей обвинительной речи Крыленко потребовал применения высшей меры наказания к пяти подсудимым, включая меня. Он не оскорблял меня в этой речи - сказал, что не сомневается в моей личной честности и бескорыстности, назвал меня "старым революционером", но характеризовал меня, как фанатика своей идеи, а идеи мои признал контрреволюционными. Поэтому и требовал моего расстрела. Я был ему благодарен за данную им мне характеристику, за то, что он не унижал меня перед смертью, не смешивал с грязью.

В своей защитительной речи я сказал, что преступления, в которых я сознался, заслуживают высшей меры наказания, что требования государственного обвинителя не являются преувеличенными, что я не прошу у Верховного Суда сохранения мне жизни. Я хотел умереть. После дачи мною ложных показаний на следствии и на суде я. ничего не хотел кроме смерти – не хотел жить, покрытый позором. Когда после выступления я садился на место на скамье подсудимых, Громан, сидевший рядом со мной, схватил меня за руку и в гневе и отчаянии проговорил полушепотом: "Вы с ума сошли! Вы нас всех губите! Вы не имели права перед товарищами так говорить!"

Но нас не приговорили к смерти.

Когда после приговора нас выводили из зала, я столкнулся в дверях с А.Ю. Финн-Енотаевским. Он был старше по возрасту всех подсудимых и старше меня на двадцать лет. Он мне сказал: "Я не доживу до того времени, когда можно будет сказать правду о нашем процессе. Вы моложе всех, у вас больше, чем у всех остальных, шансов дожить до этого времени. Завещаю вам рассказать правду".

Исполняя это завещание моего старого товарища, я пишу эти объяснения и давал устные показания в Прокуратуре СССР.

Михаил Якубович.

5.V.1967 г

Источник: [antology.igrunov.ru/70-s/memo/yakubovich](http://antology.igrunov.ru/70-s/memo/yakubovich).



## ПРИЛОЖЕНИЕ 4

### **СПРАВКА И. СЕРОВА О ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ «АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА», НАПРАВЛЕННАЯ И. СЕРОВЫМ В.М. МОЛОТОВУ. 7 ИЮЛЯ 1956 Г.**

Совершенно секретно  
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.

Направляю Вам справку по вопросам, изложенным в протоколе Комиссии ЦК КПСС от 2 июля 1956 г.

*И. СЕРОВ*

7 июля 1956 г  
№ 1687-С

Совершенно секретно

#### СПРАВКА

по материалам дела антисоветского  
«право-троцкистского блока»

#### **I. Возникновение дела**

По делу антисоветского «право-троцкистского блока» были привлечены к уголовной ответственности и Военной Коллегией Верховного Суда СССР осуждены:

1. БУХАРИН Николай Николаевич
2. РЫКОВ Алексей Иванович
3. ЯГОДА Генрих Григорьевич
4. КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич
5. РОЗЕНГОЛЬЦ Аркадий Павлович
6. ИВАНОВ Владимир Иванович
7. ЧЕРНОВ Михаил Александрович
8. ГРИНЬКО Григорий Федорович
9. ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович
10. ИКРАМОВ Акмаль
11. ХОДЖАЕВ Файзулла
12. ШАРАНГОВИЧ Василий Фомич
13. ЗУБАРЕВ Прокопий Тимофеевич
14. БУЛАНОВ Павел Петрович
15. ЛЕВИН Лев Григорьевич
16. КАЗАКОВ Игнатий Николаевич

17. МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ Вениамин Адамович (Абрамович)
18. КРЮЧКОВ Петр Петрович – к высшей мере уголовного наказания – расстрелу;
19. ПЛЕТНЕВ Дмитрий Дмитриевич – к 25 года тюремного заключения;
20. РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич – к 20 годам тюремного заключения и
21. БЕССОНОВ Сергей Алексеевич – к 15 годам тюремного заключения.

Как видно из материалов дела, до ареста БУХАРИНА Н.И., РЫКОВА А.И., КРЕСТИНСКОГО Н.Н. и других органы НКВД и Прокуратура СССР проверенными данными об организованной деятельности названных лиц и существовании т.н. «право-троцкистского блока» не располагали

Имеющиеся к тому времени показания ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, СОКОЛЬНИКОВА и РЕЙНГОЛЬДА о преступной деятельности БУХАРИНА и РЫКОВА были отвергнуты Прокуратурой СССР как недостоверные

Прокурор СССР ВЫШИНСКИЙ А.Я., проведя специальное расследование, пришел к выводу об отсутствии доказательств вины БУХАРИНА и РЫКОВА и в связи с этим 23 сентября 1936 г. направил для согласования на имя СТАЛИНА И.В. проект постановления о прекращении уголовного преследования против БУХАРИНА и РЫКОВА, возбужденного по материалам процесса «троцкистско-зиновьевского центра».

Однако после этого органы НКВД развили бурную деятельность по сбору новых «доказательств» существования организованной антисоветской деятельности правых и, в частности, БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО. В декабре 1937 г. – феврале 1938 г. арестовываются участники так называемой бухаринской «школки», и появляются показания АСТРОВА, ЦЕТЛИНА, АЛЕКСАНДРОВА и других, в это же время начинает давать показания на БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО и ранее осужденный по другому делу РАДЕК.

БУХАРИН и РЫКОВ, ознакомившись с предъявленными им материалами, категорически отрицали какую-либо свою вину в проведении антисоветской деятельности, они признавали лишь то, что в 1928-1929 гг. вели борьбу против генеральной линии партии, но утверждали, что в последние годы искренне поддерживали руководство партии и не имели с ним никаких принципиальных расхожде-

ний. Отрицая свою вину, БУХАРИН, в частности, указывал на действительно имевшиеся серьезные противоречия и нелепости в показаниях арестованных и просил назначить для проверки их специальную следственную комиссию.

В феврале 1937 г. после доклада ЕЖОВА Пленуму ЦК ВКП(б) БУХАРИН и РЫКОВ были арестованы.

Несколько ранее был привлечен к уголовной ответственности РАКОВСКИЙ Х.Г.

НКВД СССР в спецсообщении на имя СТАЛИНА И.В., испрашивая согласие на арест РАКОВСКОГО, указывал, что последний показаниями ПЯТАКОВА, КАСПАРОВОЙ, НИКОЛАЕВА, ТЕР-ВАГАНЯНА и других, а также агентурными материалами изобличается как один из активных участников троцкистско-зиновьевской террористической организации

В действительности никаких агентурных материалов о преступной деятельности РАКОВСКОГО в органах НКВД не имелось, а показания названных выше лиц были неконкретны и сомнительны в своей достоверности.

Так, ТЕР-ВАГАНЯН, ссылаясь на СМИРНОВА И.Н., показал о том, что РАКОВСКИМ в 1932 г. был «написан новый контрреволюционный документ». Показаний же СМИРНОВА по этому поводу не имелось.

Арестованный НИКОЛАЕВ дал неконкретные показания о принадлежности РАКОВСКОГО к запасному «особо законспирированному центру» в составе ПЯТАКОВА, СОКОЛЬНИКОВА и РАДЕКА, о чем ему якобы стало известно со слов ДРЕЙЦЕРА. Однако никто из указанных НИКОЛАЕВЫМ лиц таких показаний не давал.

КАСПАРОВА показала, что РАКОВСКИЙ в двуручнических целях заявил о своем отходе от оппозиции, а в действительности не порывал с ней и в 1933 г., излагая свои антисоветские суждения, в письмах сообщал ей о создании троцкистско-зиновьевского блока на террористической основе.

К делу на РАКОВСКОГО была также приобщена выписка из показаний ПЯТАКОВА, в которой указывается, что «у РАКОВСКОГО существует какая-то своя линия связи с ТРОЦКИМ». В действительности же ПЯТАКОВ таких показаний не давал.

В марте – мае 1937 г. были арестованы БЕССОНОВ С.А., ЗУБАРЕВ П.Т., ЯГОДА Г.Г., БУЛАНОВ П.П. и КРЕСТИНСКИЙ Н.Н.

На БЕССОНОВА имелись показания БУХАРЦЕВА о том, что БЕССОНОВ им был завербован в 1936 г. в троцкистскую организацию, а

также показания КУШНЕРА, характеризовавшего БЕССОНОВА как «неразоблаченного врага партии», допускавшего клевету на руководителей ВКП(б).

На ЗУБАРЕВА до его ареста, как видно из приобщенной к делу справки, имелись показания ЮЛИНА, МЕДНИКОВА и ЕЛЬКОВИЧ. Они называли его в числе руководителей контрреволюционной организации на Урале.

Какие материалы послужили основание к аресту КРЕСТИНСКОГО, БУЛАНОВА и ЯГОДЫ из дела установить не представляется возможным.

В октябре – декабря 1937 г. по показаниям ЯГОДЫ были арестованы КРЮЧКОВ и ЛЕВИН, а на основании показаний ЛЕВИНА тогда же арестованы ПЛЕТНЕВ, КАЗАКОВ и МАКСИМОВ-ДИКОВСКИЙ, обвинявшиеся в злодейском умерщвлении В.В. КУЙБЫШЕВА, В.Р. МЕНЖИНСКОГО, М. ГОРЬКОГО и его сына М.А. ПЕШКОВА.

Проходящие по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ И.А., ШАРАНГОВИЧ В.Ф., ГРИНЬКО Г.Ф., ИКРАМОВ А. и ХОДЖАЕВ Ф. были арестованы в июле-сентябре 1937 г.

Основанием к аресту ЗЕЛЕНСКОГО послужили показания обвиняемых ЛОБОВА и КОМАРОВА (в настоящее время оба реабилитированы) о том, что он присутствовал на антисоветских собраниях участников организации правых.

В отношении ШАРАНГОВИЧА фактически имелись показания только одного РАЧИЦКОГО, назвавшего его в числе участников антисоветской организации.

ХОДЖАЕВ был подвергнут аресту на основании показаний РЫСКУЛОВА и РЫКОВА.

РЫСКУЛОВ показал, что ХОДЖАЕВ вместе с ним в 1930 г. вошел в состав антисоветского пантюристского центра, который впоследствии установил связь с организацией правых и одобрил их террористические планы. А РЫКОВ о ХОДЖАЕВЕ сказал, что он «в той или иной степени» сочувствовал правым.

К моменту ареста ИКРАМОВА имелись показания АНТИПОВА, РУМЯНЦЕВА (оба реабилитированы), БУХАРИНА, ИРМАТОВА и БАЛТАБАЕВА о том, что он являлся одним из руководителей антисоветской националистической организации в Узбекистане.

Кроме того, арестованный АПРЕСОВ показал, что ему, как агенту английской разведки, в 1932 г. стало известно о причастности ИКРАМОВА к английским разведорганам.

В октябре – ноябре 1937 г. были арестованы РОЗЕНГОЛЬЦ А.П., ЧЕРНОВ М.А. и ИВАНОВ В.И.

О РОЗЕНГОЛЬЦЕ до его ареста показали ЛОГАНОВСКИЙ и РАКОВСКИЙ.

ЛОГАНОВСКИЙ утверждал, что РОЗЕНГОЛЬЦ, будучи наркомом внешней торговли, поддерживал подозрительные связи с представителями польского посольства в Москве и проводил вредительскую деятельность в области внешней торговли.

По показаниям РАКОВСКОГО РОЗЕНГОЛЬЦ проходит как агент английской разведки.

Арест ЧЕРНОВА был произведен на основании показаний РАДЧЕНКО о том, что он с 1931 г. «был организационно связан с центром правых» и проводил вредительскую деятельность, и утверждений ГАЛЕВИУСА и ГАЙСТЕРА о том, что ЧЕРНОВ, как нарком земледелия, покровительствовал участникам вредительской организации в сельском хозяйстве.

В отношении ИКРАМОВА имелись показания арестованных по другим делам КАМИНСКОГО и ГОРОХОВА о том, что они со слов других лиц знали о его принадлежности к антисоветской организации правых, и показание СОБОЛЕВА, что в его присутствии ИВАНОВ высказывал антисоветские суждения.

## II. Сущность обвинения

БУХАРИН Н.И., РЫКОВ А.И., ЯГОДА Г.Г. и другие привлеченные по настоящему делу лица были признаны виновными в том, что они:

1. по заданию иностранных разведок организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», ставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу иностранных государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья;

2. систематически занимались шпионажем в пользу иностранных государств, снабжая их разведки важнейшими государственными секретными сведениями.

В частности, КРЕСТИНСКИЙ и ЧЕРНОВ обвинялись в принадлежности к германским разведорганам, РОЗЕНГОЛЬЦ – германским и английским разведорганам, РАКОВСКИЙ – английским и японским разведорганам, ШАРАНГОВИЧ – польским разведорганам и ГРИНЬКО – польским и германским разведорганам;

3. систематически организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства и транспорта;

4. организовали террористические акты против С.М. КИРОВА, В.В. КУЙБИШЕВА, В.Р. МЕНЖИНСКОГО, А.М. ГОРЬКОГО, его сына М.А. ПЕШКОВА, а также пытались совершить отравление ЕЖОВА.

БУХАРИН, кроме того, был признан виновным в том, что в период заключения Брестского мира возглавлявшаяся им группа т.н. «левых» коммунистов вместе с группой ТРОЦКОГО и «левыми» эсерами пыталась сорвать заключение мирного договора, арестовать В.И. ЛЕНИНА, Я.М. СВЕРДЛОВА и И.В. СТАЛИНА и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

\*На предварительном следствии и при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР все арестованные признали себя виновными в предъявленном им обвинении.

### III. [Анализ следственных и агентурных материалов]

В ходе проверки дела на участников т.н. «антисоветского правотроцкистского блока» были изучены относящиеся к ним следственные материалы, а также агентурные разработки, хранящиеся в КГБ при СМ СССР. Одновременно все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, были проверены по государственному историческому и особому архивам, где хранятся материалы царской охраны и трофейные фонды германских, польских и французских разведывательных и контрразведывательных органов.

Все обвиняемые, привлеченные к ответственности по настоящему делу, признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. Однако в ходе проверки выяснилось, что в большей своей части эти признания были вынужденными<sup>1</sup> и не отражали истины.

Так, РАКОВСКИЙ Х.Г., показав о своем активном участии в «право-троцкистском блоке» и сотрудничестве с японскими и английскими разведорганами, после суда неоднократно заявлял о своей невиновности и утверждал, что на следствии его принудили дать заведомо ложные показания.

[Агент «Анри»], содержащийся вместе с РАКОВСКИМ в Орловской тюрьме, 17 марта 1940 г. доносил, что РАКОВСКИЙ:

«целиком опровергает свою вину, считая все, что было на процессе и следствии сплошной комедией. Иногда вскользь он утверждал, что все свои показания он дал под давлением». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 181)

Другой [агент «Дима»], также находившийся с РАКОВСКИМ в одной камере, 2 апреля 1941 г. сообщил, что РАКОВСКИЙ в беседах с ним категорически отрицал свою причастность к правотроцкистскому блоку, говорил, что протоколы его допроса фальсифицировались и при этом заявлял:

«Я возмущался, когда АРОНСОН (следователь) написал протокол, в котором говорилось, что мы хотели восстановить капитализм. «Слушайте, - сказал я ему, - ведь это безграмотно». Он бросил скомканный протокол в лицо. Вообще, когда я писал не так, как им хотелось, то они всегда делали так ...» (Там же, л.д. 322)

Допрошенный 3 июля 1956 г. бывший сотрудник НКВД СССР АРОНСОН Я.А. подтвердил, что следствие в отношении РАКОВСКОГО действительно проводилось в обстановке грубого нарушения норм социалистической законности.

После суда РАКОВСКИЙ, ссылаясь на свой преклонный возраст и болезненное состояние, неоднократно подавал заявления, в которых ходатайствовал о помиловании. Однако просьбы РАКОВСКОГО оставались без удовлетворения.

В связи с этим 17 мая 1941 г. [агенту «Финну»] РАКОВСКИЙ говорил:

«Я решил изменить свою тактику: до сих пор я просил лишь о помиловании, но не писал о самом моем деле. Теперь я напишу заявление с требованием о пересмотре моего дела, с описанием всех «тайн Мадридского двора» - советского следствия. Пусть хоть народ, через чьи руки проходят всякие заявления, знает, как у нас «стряпают» дутые дела и процессы из-за личной политической мести. Пусть я скоро умру, пусть я труп, но помните ... когда-нибудь и трупы заговорят». (арх. дело № 300956, т. 9, стр. 239-240)

Показания РАКОВСКОГО о якобы проводившейся им преступной деятельности опровергаются также и тем, что названные им на допросах, как его сообщники, ГВАХАРИЯ, БАБАЯН и САБАНИН в настоящее время реабилитированы и дела на них прекращены. БОГОМОЛОВ, о котором РАКОВСКИЙ говорил, как об участнике контрреволюционной организации, в суде виновным себя не признал.

КРЕСТИНСКИЙ в ходе следствия показал, что он являлся активным участником «антисоветского право-троцкистского блока» и в

октябре 1933 г. во время пребывания в отпуске за границей, при содействии БЕССОНОВА, в городе Меране имел встречу с Л. ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ. Во время этой встречи ТРОЦКИЙ, по словам КРЕСТИНСКОГО, передал ему директиву о создании в Советском Союзе объединенных сил троцкистов, правых и военных заговорщиков; о необходимости применения в борьбе террора, вредительства и диверсий, а также о заключении соглашений с иностранными правительствами для свержения советского государственного строя.

Однако эти показания КРЕСТИНСКОГО не находят подтверждения в оперативных материалах ИНО НКВД СССР, осуществлявшего агентурное наблюдение за ТРОЦКИМ за границей. В архивных документах ИНО НКВД не имеется никаких данных о пребывании ТРОЦКОГО и СЕДОВА в Меране, нет также данных и вообще об их встрече с КРЕСТИНСКИМ.

Сам ТРОЦКИЙ после опубликования материалов процесса корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд Трибюн» заявил, что он

«...не имел никаких сношений с КРЕСТИНСКИМ, начиная с 1927 г., и не встречался, а также не переписывался с ним непосредственно или через третье лицо.

...он никогда не был в Меране и до получения информации сегодня от своего секретаря не знал, где находится это место ...» (арх. дело № 13005, т. 3, л.д. 285)<sup>1</sup>

БЕССОНОВ, подтвердив на допросах факт встречи КРЕСТИНСКОГО с ТРОЦКИМ и СЕДОВЫМ в 1933 г. в городе Меране, после суда заявлял, что все его показания являлись вымышленными.

[Агент «Благин»], содержащийся с БЕССОНОВЫМ в Соловецкой тюрьме, 6 мая 1939 г. сообщил, что БЕССОНОВ о процессе по делу «антисоветского право-троцкистского блока» отзывался так:

«Весь процесс это сплошная выдумка НКВД, никаких истинных преступлений никто из обвиняемых не совершал...» (арх. дело № 101492, т. 1, л.д. 27).

Другой [агент «Никитин»] 29 сентября 1939 г. доносил:

«БЕССОНОВ о процессе право-троцкистского центра (1938 г.) говорил, что весь он представляет из себя сплошное надувательство, очень грубую фальсификацию. Что, например, КРЕСТИНСКИЙ действительно еще в 1922 г. и последующих годах принимал деньги от германского правительства и передавал ТРОЦКОМУ, но что все это не представляет из себя ничего контрреволюционного, так как по Версальскому договору Германия не могла обучать на своей терри-



тории военные кадры, то она сговорилась с СССР об организации нескольких военных школ в Казани и других городах СССР и за это платила деньги полпреду КРЕСТИНСКОМУ для Наркомвоенмора ТРОЦКОГО. Об этом было известно в партийных и советских кругах руководителей». (арх. дело № 101492, т. 2, л.д. 83-84)

29 апреля 1939 г. /агент «Грачев»/ по этому же поводу сообщал:

«Характеризуя процесс как просто «комедию» з/к БЕССОНОВ говорил, что все, что говорилось на процессе обвиняемыми – это были принужденные показания и в самом деле никто не замыслил против советский власти ничего» (Там же, т. 1, л.д. 22).

В ходе проверки получены и другие данные, бесспорно свидетельствующие о вымышленности показаний КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА.

На допросе 28 октября 1937 г. КРЕСТИНСКИЙ, например, показал, что участники право-троцкистского блока, подготавливая свержение советской власти, обсуждали вопрос об образовании нового правительства, в состав которого намеревались включить своих сообщников: РУДЗУТАКА, АНТИПОВА, АКУЛОВА, ЛОБОВА, УНШЛИХТА, КАМИНСКОГО, БОЛОТИНА, КАЛМАНОВИЧА, УХАНОВА и АНТОНОВА-ОВСЕЕНКО.

Эти лица в свое время были арестованы и привлечены к ответственности по обвинению в проведении организованной антисоветской деятельности. В 1955-1956 гг. дела на РУДЗУТАКА, АНТИПОВА и других названных выше лиц были проверены и Военной Коллегией Верховного Суда СССР прекращены за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления.

В настоящее время также реабилитированы ГАМАРНИК, КНОРИН, РУМЯНЦЕВ, ВЕГЕР и другие, о которых КРЕСТИНСКИЙ показывал, как о «врагах народа».

В свете изложенного показания РАКОВСКОГО, КРЕСТИНСКОГО и БЕССОНОВА о якобы совершенных ими преступлениях признаны быть состоятельными никак не могут.

БУХАРИН, помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялся в том, что в 1918 г., действуя в сговоре с ТРОЦКИМ и лидерами левых эсеров, он организовал заговор, ставивший целью сорвать Брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить В.И. ЛЕНИНА, И.В. СТАЛИНА и Я.М. СВЕРДЛОВА. Наряду с этим, БУХАРИНУ вменялось в вину и осуществление эсеркой Ф. КАПЛАН злодейского покушения на жизнь В.И. ЛЕНИНА.

Это обвинение было основано на показаниях арестованных по другим делам МАНЦЕВА, КАРЕЛИНА, КАМКОВА, ЯКОВЛЕВОЙ и ОСИНСКОГО.

На предварительном следствии, как это говорится в обвинительном заключении, подписанном ВЫШИНСКИМ, БУХАРИН «под тяжестью улик» показал:

«Я должен признать, что у нас был непосредственный контакт с «левыми» эсерами, который базировался на платформе насильственного свержения советского правительства во главе с ЛЕНИНЫМ, СТАЛИНЫМ и СВЕРДЛОВЫМ, с последующим арестом ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА и созданием нового правительства из «левых» коммунистов и «левых» эсеров» (арх. дело № 967582, т. 5, л.д. 122)

Вопрос о сговоре БУХАРИНА с «левыми» эсерами расследовался еще до ареста БУХАРИНА, причем последний категорически отрицал наличие у него когда бы то ни было преступной связи с «левыми» эсерами. На очной ставке с арестованным АСТРОВЫМ, производившейся 13 января 1937 г. в ЦК ВКП(б), БУХАРИН на вопрос И.В. СТАЛИНА ответил:

«Какой смысл мне врать насчет Брестского мира. Однажды пришли левые эсеры и сказали: «давайте создадим кабинет. Мы арестуем ЛЕНИНА и составим кабинет». Я это после рассказал Ильичу. «Дайте мне честное слово, что вы об этом никому не скажете» – сказал Ильич. Потом, когда я дрался вместе с вами против ТРОЦКОГО, я это привел в качестве примера, вот до чего доводит фракционная борьба. Это произвело тогда взрыв бомбы».

Существенно изменив эти показания в ходе предварительного следствия, БУХАРИН признал, что в 1918 г. состоял в сговоре с «левыми» эсерами. Однако на судебном процессе в последнем слове БУХАРИН в свои прежние показания внес такие коррективы, которые по существу свели на нет его признания<sup>1</sup> о намерении в блоке с «левыми» эсерами совершить арест и убийство ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. БУХАРИН, в частности, заявил:

Я признаю тот факт, что был один разговор с КАРЕЛИНЫМ и КАМКОВЫМ, причем инициатива шла от «левых» эсеров, насчет ареста на 24 часа ЛЕНИНА и дальнейшем блоке с «левыми» эсерами. Но на первый разговор ответ был отрицательным, а насчет того, что

впоследствии при посредстве ПЯТАКОВА велись переговоры с «левыми» эсерами и это можно рассматривать, как сформулировал, если не ошибаюсь, гражданин Прокурор, как попытку свержения советской власти насильственным путем – это я признаю, такой момент был. Намерение физического уничтожения – это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель ...» (арх. дело № 967582, судебный отчет стр. 684)

Показания арестованного МАНЦЕВА относительно сговора БУХАРИНА с «левыми» эсерами о свержении советской власти и аресте ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА не могут быть признаны достоверными, поскольку МАНЦЕВ давал их после того, как был осужден к расстрелу. Из материалов дела на МАНЦЕВА видно, что он был арестован 22 октября 1937 г. по обвинению в принадлежности к троцкистской террористической организации. Признав себя в этом виновным, он показал, что его активной антисоветской деятельности предшествовала борьба против партии в группе т.н. «левых коммунистов», возглавлявшейся БУХАРИНЫМ. Однако о связи БУХАРИНА с «левыми» эсерами в 1918 г. МАНЦЕВ тогда ничего не показывал.

25 декабря 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР МАНЦЕВ был осужден к расстрелу. В соответствии с законом от 1 декабря 1934 г. приговор в отношении МАНЦЕВА подлежал немедленному исполнению, о чем имелось специальное упоминание в тексте приговора. Тем не менее этот приговор длительное время не исполнялся, а 31 января 1938 г. от МАНЦЕВА были получены показания о том, что в 1918 г. БУХАРИН вступил в сговор с «левыми» эсерами с целью свержения советской власти и ареста ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После того как МАНЦЕВ дал такие показания, по протесту Председателя Верховного Суда СССР, приговор о его расстреле был отменен и дело направлено на доследование. Спустя четыре месяца после процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока, на котором МАНЦЕВ выступил в качестве свидетеля, он без производства доследования был вновь осужден к высшей мере наказания и 19 августа 1938 г. расстрелян.

Другой свидетель обвинения, выступавший на процессе по делу антисоветского блока, бывший член ЦК партии «левых» эсеров КАМКОВ Б.Д., как видно из показаний арестованного БРЮХАНОВА, содержавшегося вместе с ним в одной камере, заявлял ему:

«Все три последние процессы такой же шантаж, как и предыдущие. В них нет ни капли правды. Никакой контрреволюционной заговорщической работы не было ни у ЗИНОВЬЕВА, ни у БУХАРИНА. Шпионаж, диверсии, вредительство, террор, умерщвление – все сплошной обман, сфабрикованный НКВД. Показания добыты у обвиняемых пытками, шантажом, избиениями, угрозами, угрозами расправиться с семьями, арестами жен и т.п. средствами физического и психического воздействия. Одновременно применялись средства подкупа, задабривания обвиняемых, обещалась жизнь и прочее...» (арх. дело № 967389, отдельный пакет).

После окончания процесса БУХАРИНА и других КАМКОВ был предан суду по обвинению в том, что примыкал к нелегальной террористической организации в Архангельске и распространял в тюрьме среди арестованных «гнусную клевету в связи с прошедшими судебными право-троцкистскими процессами».

29 августа 1938 г. при рассмотрении дела в Военной Коллегии Верховного Суда СССР КАМКОВ виновным себя ни в чем не признал и был приговорен к расстрелу.

Во время пребывания БУХАРИНА под стражей к нему в камеру помещался арестованный ЗАРИЦКИЙ Н.Д., который, будучи допрошен 3 июля 1956 г., показал:

«С БУХАРИНЫМ я пробыл в течение 4-5 месяцев, до исполнения приговора в отношении его ...

Еще в процессе следствия, и особенно в течение судебного процесса, БУХАРИН возмущался неправильностью предъявленных ему обвинений. Он мне говорил, что его обвиняют в подготовке к совершению террористических актов против руководителей Партии и Правительства, в попытке совершить террористический акт против ЛЕНИНА.

Он пытался убедить меня, что он все последние годы был очень близок к ЛЕНИНУ, вхож был в его семью, был по существу на положении сына, и никак не мог даже думать о совершении какого-либо акта, направленного против ЛЕНИНА.

Он также говорил мне о том, что лично хорошо относился с СТАЛИНУ, что СТАЛИН в ряде случаев оказал ему и его родственникам содействие в бытовых вопросах, и потому он никогда не мог и помышлять об его убийстве.

БУХАРИН возмущался, что его допрашивают о каких-то преступных связях с лицами, которых он вообще никогда не знал.

Когда шел судебный процесс, БУХАРИН мне заявил, что на суде люди дают вымышленные показания, говорят о существовании центра, в который якобы входил и он, хотя о существовании такого он не имеет понятия».

До ареста и находясь под следствием, БУХАРИН длительное время не признавал себя ни в чем виновным. За это время он написал много писем и заявлений на имя И.В. СТАЛИНА, в которых доказывал свое алиби. Это, а также и приведенные выше факты свидетельствуют о том, что к последующим признаниям БУХАРИНА нельзя относиться с доверием. Тем более, что в результате проверки установлено, что значительная часть его показаний, бесспорно, опровергнута, как вымышленная. В частности, полностью реабилитированы 15 партийных и советских работников, которые фигурируют в показаниях БУХАРИНА как его сообщники.

РЫКОВ на следствии и в суде признал, что являлся руководящим участником антисоветского право-троцкистского блока и проводил активную вражескую деятельность.

Проверкой, однако, установлено, что эти показания РЫКОВА в подавляющей части являются ложными.

9 августа 1937 г. РЫКОВ, например, заявил:

«На предыдущих допросах, давая показания о резервных кадрах нашей организации, я не сказал основного, а именно, что по директиве центра правых, в частности, по директиве, переданной мною АНТИПОВУ, был создан резервный центр организации правых. В состав этого центра вошли: АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ». (арх. дело № 967582, т. 1, л.д. 138)"

Эти показания РЫКОВА являются полностью вымышленными, ибо, как выяснилось при проверке, АНТИПОВ, СУЛИМОВ, УХАНОВ, СЫРЦОВ и ХАЛАТОВ в прошлом были арестованы по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации правых необоснованно, в связи с чем в 1955-1956 гг. они полностью реабилитированы.

На допросе от 23 июня 1937 г. РЫКОВ показал:

«...центральной фигурой организации правых на Урале был КАБАКОВ, которого мы тщательно законспирировали. КАБАКОВА я лично в процессе неоднократных бесед вовлек в организацию правых... КАБАКОВА, как крупнейшего члена нашей организации, я держал в курсе наших заговорщических планов. В частности, КАБАКОВ был мною посвящен в план т.н. дворцового переворота». (арх. дело № 967582, т. 1, л.д. 97-99)

КАБАКОВ в 1937 г. был арестован на основании этих показаний и осужден к расстрелу. В настоящее время КАБАКОВ реабилитирован.

В ходе следствия РЫКОВ также показал, что с 1928 г. в Ленинграде существовал центр организации правых, в который входили АНТИПОВ, ЛОБОВ, КОМАРОВ, ЖУКОВ, УГАРОВ, КОДАЦКИЙ и ЧУДОВ.

При проверке выяснилось, что и эти показания РЫКОВА не соответствуют действительности. Все названные выше лица ныне реабилитированы.

Из показаний РЫКОВА видно, что КАРАХАН, якобы являвшийся участником организации правых, по заданию ТОМСКОГО, вел переговоры с представителями фашистской Германии, которым дал понять, что, в случае прихода право-троцкистского блока к власти, для капиталистических стран будут сделаны известные уступки.

Эти показания РЫКОВА также не находят подтверждения, поскольку КАРАХАН, привлеченный в 1937 г. к ответственности, в суде виновным себя ни в чем не признал.

В показаниях РЫКОВА фигурирует и товарищ П. ТОЛЬЯТТИ, как человек, разделяющий взгляды правых и сочувственно относящийся к их борьбе против ЦК ВКП(б). Вымышленность этих показаний говорит сама за себя.

Из числа записанных в показаниях РЫКОВА его сообщников, к настоящему времени реабилитировано свыше 30 человек.

Несостоятельные показания о преступной деятельности дал и обвиняемый ШАРАНГОВИЧ.

Так, на допросе от 13 августа 1937 г. ШАРАНГОВИЧ заявил, что к организованной антисоветской деятельности он был привлечен в 1932 г. СУЛИМОВЫМ, а в 1933 г. бывший 3-й секретарь ЦК компартии Белоруссии ЖЕБРОВСКИЙ завербовал его для работы в пользу польской разведки.

Позже ШАРАНГОВИЧ несколько изменил свои показания и стал утверждать, что к сотрудничеству с польской разведкой он был привлечен сотрудником посольства СССР в Варшаве ВНОРОВСКИМ.

Проверкой, однако, установлено, что СУЛИМОВ и ЖЕБРОВСКИЙ, как невинно осужденные, ныне реабилитированы. Что касается ВНОРОВСКОГО, то в архивных материалах разведорганов буржуазной Польши никаких данных о его связи с польской разведкой не обнаружено.

Вместе с тем, ШАРАНГОВИЧ на следствии утверждал, что по шпионской работе он якобы был связан с БОГУЦКИМ и СЛАВИНСКИМ.

БОГУЦКИЙ и СЛАВИНСКИЙ, осужденные в прошлом как государственные преступники и шпионы, в настоящее время реабилитированы.

Также прекращены за отсутствием состава преступления дела и на ряд лиц, которых ШАРАНГОВИЧ называл как участников контрреволюционной организации, и в том числе на бывшего председателя СНК Белорусской ССР ГОЛОДЕДА.

РОЗЕНГОЛЬЦ, ГРИНЬКО, ЧЕРНОВ, ИКРАМОВ и ХОДЖАЕВ дали на следствии показания, тоже не внушающие доверия.

РОЗЕНГОЛЬЦ, признав себя виновным в принадлежности к антисоветскому право-троцкистскому блоку, показал:

«После ареста РЫКОВА я осуществлял контакт с правыми через РУДЗУТАКА и частично через АНТИПОВА и ЖУКОВА ...

Я сообщил РУДЗУТАКУ о вредительской работе, которую провожу во внешней торговле, о связи с ТРОЦКИМ. В конце 1936 г. (или начале 1937 г.) я имел с РУДЗУТАКОВ подробный разговор о последнем периоде моих деловых отношений с РЫКОВЫМ и о согласованной ранее наметке состава будущего правительства». (арх. дело № 967582, т. 6, л.д. 38-39).

Как показал далее РОЗЕНГОЛЬЦ, РУДЗУТАК внес предложение ввести в состав нового правительства АНТИПОВА, ЛОБОВА, ЖУКОВА, КОДАЦКОГО и КОМАРОВА.

Названные РОЗЕНГОЛЬЦЕМ РУДЗУТАК, АНТИПОВ, ЛОБОВ, ЖУКОВ, КОДАЦКИЙ и КОМАРОВ, как это уже упоминалось выше, в настоящее время реабилитированы.

В 1955–1956 г.г. также прекращены дела за отсутствием состава преступления на МУРАДЬЯНА, ЭЛИАВА Ш., РАБИНОВИЧА, ШИНДЕЛЯ, БЕЛЕНЬКОГО Б.С., КАНДЕЛАКИ, СУДЬИНА, ВЕЙЦЕРА и других, о которых РОЗЕНГОЛЬЦ на следствии упоминал, как о своих сообщниках по вражеской деятельности.

То же самое следует сказать о показаниях ГРИНЬКО и ЧЕРНОВА. Последний, например, на следствии утверждал, что летом 1936 г., по указанию РЫКОВА, он связался с участником запасного центра правых ЛЮБИМОВЫМ и от него узнал о том, что в состав этого центра входили БУБНОВ и БАУМАН. Как далее показал ЧЕРНОВ, свою вражескую деятельность он контактировал с троцкистами через РУХИМОВИЧА.

Все эти лица ныне реабилитированы, поскольку установлено, что все они были осуждены по ложным материалам.

Проверкой установлено, что ГРИНЬКО и ЧЕРНОВ подписали вымышленные показания в отношении 46 человек ответственных советских и партийных работников, дела на которых сейчас прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

ИКРАМОВ в ходе следствия давал крайне путанные показания. Вначале ИКРАМОВ утверждал, что, являясь одним из лидеров националистической организации, он в 1935 г. через АНТИПОВА установил связь с центром правых.

По словам ИКРАМОВА, АНТИПОВ тогда ориентировал его, что:

«Руководящий центр правых в борьбе против советской власти считает необходимым применять все доступное ... средства, как то вооруженное восстание, вредительство в различных отраслях народного хозяйства, диверсию и террор против руководителей партии и советского правительства» (Арх. дело № 967582, т. 12, л.д. 94).

Одновременно ИКРАМОВ признал, что по его директивам в Узбекистане в широких масштабах проводилась вредительская работа. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что в ряде случаев показания ИКРАМОВА о конкретной вредительской деятельности были явно надуманными. Так, на допросе 10-12 октября 1937 г. ИКРАМОВ заявил, что он и его сообщники:

«...умышленно срывали партийное просвещение за счет марксистско-ленинского воспитания масс; мы пропагандировали необходимость изучения общеобразовательных предметов или, как мы говорили между собой, поднимали общий уровень без марксизма ...

Половину изданной на узбекском языке политграммоты Ингулова продали в другие республики, несмотря на крайнюю нужду в ней в Узбекистане» (Арх. дело № 967582, т. 12, л.д. 55).

На допросе от 28 февраля 1938 г. ИКРАМОВ, ничем не мотивируя, существенно изменил свои показания о времени и обстоятельствах установления блока с правыми, заявив, что контакт с центром правых им был установлен не в 1935 г., а в 1933 г., и не через АНТИПОВА, а через БУХАРИНА. При этом ИКРАМОВ показал, что в состав центра правых входили БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ и УГЛАНОВ.

ТОМСКИЙ, как известно, в 1936 г. покончил жизнь самоубийством. В предсмертном письме, в адрес И.В. Сталина, ТОМСКИЙ указывал, что, ознакомившись с определением суда о привлечении его к следствию в связи с показаниями арестованных по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра», он отвергает выдвинутые против него обвинения как клевет-



нические. Не отрицая своих прошлых политических ошибок, Томский вместе с тем писал, что он не может перенести, когда его ставят в один ряд с фашистами, а поэтому кончает жизнь самоубийством и желает партии новых побед.

Названный ИКРАМОВЫМ в качестве члена центра правых УГЛАНОВ, будучи арестован, в суде показал, что он до 1933 г. проводил активную оппозиционную деятельность, но затем никакой антипартийной работы не вел.

Вызывают серьезные сомнения в правдоподобности и показания ХОДЖАЕВА о его преступной деятельности. ХОДЖАЕВ, в частности, утверждал, что в 1928 г. бывшим председателем Госплана Узбекской ССР БУРНАШЕВЫМ он был привлечен к преступной работе по отторжению Узбекистана от СССР.

Произведенной проверкой установлено, что упоминаемый в показаниях ХОДЖАЕВА БУРНАШЕВ был в прошлом осужден невинно, в связи с чем Главной Военной Прокуратурой сейчас поставлен вопрос о его реабилитации.

Хотя ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ и признали себя виновными по всем пунктам предъявленного обвинения, однако, показания в заговоре правых не внушают доверия. Свыше 30-ти человек из числа советского и партийного актива, о которых ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ показывали как о своих сообщниках по преступной деятельности, в настоящее время реабилитированы, ибо доказана полностью их невинность.

ЗЕЛЕНСКИЙ, ИВАНОВ и ЗУБАРЕВ, помимо участия в антисоветском право-троцкистском блоке, обвинялись также в сотрудничестве с царской охранкой.

Проверкой установлено, что показания ЗЕЛЕНСКОГО, ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА об их сотрудничестве с царской охранкой не находят достаточного подтверждения в материалах Государственного исторического архива, хранящего фонды полицейских органов и корпуса жандармов царской России.

По данным архива, с Самарским губернским жандармским управлением с 1916 г. сотрудничал агент «Слепой» - ЗЕЛЕНСКИЙ Исай Абрамович. Обвиняемый же по настоящему делу ЗЕЛЕНСКИЙ Исаак Абрамович в 1915 г. по постановлению Особого совещания при министре внутренних дел за принадлежность к РСДРП из Сорново был выслан на три года под гласный надзор полиции в Иркутскую губернию<sup>III</sup>.

Из документов Государственного исторического архива также усматривается, что ЗЕЛЕНСКИЙ имел брата по имени Исай.

В отношении же ИВАНОВА и ЗУБАРЕВА никаких документов, которые могли бы хотя бы косвенно подтвердить их причастность к царской охранке, в архивах не обнаружено. Однако ЗУБАРЕВ, в частности, изобличался в суде также и показаниями бывшего пристава ВАСИЛЬЕВА, который показал, что он завербовал ЗУБАРЕВА.

При наличии таких материалов дать категорическое заключение по вопросу о причастности ЗЕЛЕНСКОГО, ЗУБАРЕВА и ИВАНОВА к царской охранке в настоящее время нельзя. Эти обстоятельства подлежат дополнительной проверке.

В приписываемой подсудимым по делу «антисоветского право-троцкистского блока» практической преступной деятельности важнейшее место отводилось организации убийств А.М. Горького, В.В. Куйбышева, В.Р. Менжинского, сына Горького – М.А. Пешкова, а также покушению на отравление Ежова.

Это обвинение предъявлялось лидерам право-троцкистского блока, в том числе и ЯГОДЕ, и привлеченным к ответственности по делу известным врачам ПЛЕТНЕВУ Д.Д., ЛЕВИНУ Л.Г., КАЗАКОВУ И.Н., бывшему секретарю НКВД СССР БУЛАНОВУ, секретарю А.М. Горького – КРЮЧКОВУ П.П. и помощнику В.В. Куйбышева – МАКСИМОВУ-ДИКОВСКОМУ В.А.

Все названные подсудимые признали себя виновными в предъявленном обвинении. Однако имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти признания являются несостоятельными.

Так, ПЛЕТНЕВ, признавший на следствии и в суде свою вину в организации по заданию Ягоды умерщвления А.М. ГОРЬКОГО и В.В. КУЙБЫШЕВА, после осуждения 11 июня 1939 г. обратился к товарищу В.М. МОЛОТОВУ со следующим заявлением:

«Я осужден по делу Бухарина. Я на следствии признал предъявленные мне обвинения, и на суде я не отрекся от них. Я был оклеветан. Обвинение, выставленное против меня, ложно. Мое сознание было вынужденным. Но я не считал возможным сделать об этом заявление на суде подобно Крестинскому. Я нахожусь в тюрьме уже с декабря 1937 г. Я страдаю морально в предельной степени. Здоровье мое резко ухудшилось. Мне уже 66 лет. Пунктом, на котором строилось обвинение, было свидание с Ягодой, на котором он будто бы угрозами мне и моей семье потребовал моего участия в умерщвлении Горького. Этого свидания ни в августе, ни в июне по последую-

щей версии никогда не было. Ягоду я вообще видел только один раз в жизни во время приступа у него грудной жабы. Видел его я консультативно. Никаких разговоров с Ягодой у меня не было, кроме как о его болезни. Я всю жизнь с октября 17 года был верен советской власти и отдавал под руководством партии все силы и знания моей Родине. Теперь я всего этого лишен. Я клянусь всем светлым для меня в своей невиновности. Я прошу о пересмотре моего дела. Прошу меня для этого опросить или предоставить мне возможность подать в закрытом конверте подробное заявление». (наблюдательное производство №7343-9, л.д. 6)

Заявления это Секретариатом товарища МОЛОТОВА В.М. было переслано Бериин.

В последующее время ПЛЕТНЕВ неоднократно еще обращался с аналогичными заявлениями. По поводу одного из них бывший Прокурор СССР БОЧКОВ сообщил в Секретариат товарища В.М. МОЛОТОВА:

«Доводы, изложенные в жалобе ПЛЕТНЕВА Д.А. и, в частности, его отказа от своих показаний, являются провокационной вылазкой и продолжением вражеской работы ... В пересмотре дела отказано, о чем Плетневу Д.Д. сообщено». (наблюдательное производство, № 7343-9, л.д. 26).

В подтверждение обвинения в убийствах, выдвинутых против ЯГОДЫ, ПЛЕТНЕВА, ЛЕВИНА, КАЗАКОВА, КРЮЧКОВА, БУЛАНОВА и МАКСИМОВА-ДИКОВСКОГО, в суд были вызваны, как эксперты, видные деятели медицины профессор ВИНОГРАДОВ В.Н., профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ Н.А. и другие, которые дали заключение о том, что ГОРЬКИЙ, МЕНЖИНСКИЙ, КУЙБИШЕВ и ПЕШКОВ погибли в результате применявшихся к ним ПЛЕТНЕВЫМ, КАЗАКОВЫМ и ЛЕВИНЫМ заведомо неправильных методов лечения.

В отношении покушения на Ежова эксперты сделали такой вывод: «...следует считать абсолютно доказанным, что было организовано и выполнено отравление Н.И. Ежова ртутью через дыхательные пути, что явилось наиболее действенным и опасным методом хронического ртутного отравления». (судебное производство, стр. 547)

Профессор ВИНОГРАДОВ и профессор ШЕРЕШЕВСКИЙ, будучи опрошены в 1956 г., заявили, что никаких документов, подтверждающих факт неправильного лечения Куйбышева, Горького, Менжинского и Пешкова, им представлено не было и что заключение они выно-

сили только на основании показаний подсудимых, которые во всем признавали себя виновными.

Так, Виноградов, в частности, указал:

«Заключения мною и другими экспертами давались на основании общих вопросов без предъявления какой-либо подробной документации (историй болезней с подробными дневниками, анализами и снимками). Таким образом, наши ответы на поставленные вопросы носили чисто теоретический характер. Утверждать подлинность этого факта на основании тех материалов, которые имелись перед нами, мы не могли».

ШЕРЕШЕВСКИЙ по этому поводу заявил:

«...наше заключение явилось производным от показаний обвиняемых и каким-либо дополнительным доказательством их вины служить не могло, поскольку документов медицинского характера, подтверждающих сам факт лечения больных именно таким образом, как об этом говорилось в показаниях обвиняемых, нам представлено не было».

Одновременно ШЕРЕШЕВСКИЙ и ВИНОГРАДОВ охарактеризовали ПЛЕТНЕВА как выдающегося ученого с мировым именем. А в отношении ЛЕВИНА, обвиняемого в умерщвлении Горького, ШЕРЕШЕВСКИЙ сообщил:

«ЛЕВИН был лечащим врачом Горького и, насколько я знаю, безгранично любил его. Когда он говорил о нем, он просто преображался. И это никак не увязывается с его обвинением в умышленном умерщвлении А.М. Горького».

При проверке также выяснилось, что материалы о так называемом «отравлении» ЕЖОВА были полностью сфальсифицированы.

ФРИНОВСКИЙ об этом на допросе 16 апреля 1939 г. показал:

«НИКОЛАЕВ-ЖУРИД при моем участии и по указанию Ежова сфальсифицировал дело по так называемому ртутному отравлению Ежова. Дело это вел лично НИКОЛАЕВ. Ежов подал мысль о том, что он болеет от отравления, я и НИКОЛАЕВ за это ухватились и под большим нажимом добились об этом показаний от БУЛАНОВА, потом от курьера Ягоды..., а затем и от самого Ягоды.

НИКОЛАЕВ откуда-то достал аптечную банку с ртутью, которую превратил в вещественное доказательство ртутного отравления Ежова. НИКОЛАЕВ же обеспечивал и соответствующее заключение экспертов об отравлении». (арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 62)

Эти показания ФРИНОВСКОГО подтвердил и ЕЖОВ.

Проверкой по Государственному особому архиву СССР материалов, указывающих на связь проходящих по делу лиц с иностранными разведывательными органами, не обнаружено.

Лица, привлеченные к ответственности по этому делу, как и те, которые прошли по предыдущим открытым процессам, обвинялись в том, что свою преступную деятельность они проводили по указаниям ТРОЦКОГО. В связи с этим ТРОЦКИЙ в своей статье «Итоги процесса» 12 марта 1938 г. писал:

«Из тех итогов, который Вышинский должен подвести последней серии процессов, советское государство выступает как централизованный аппарат государственной измены. Глава правительства и большинство народных комиссаров (Рыков, Каменев, Рудзутак, Смирнов, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Гринько, Иванов, Осинский и др.); важнейшие советские дипломаты (Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Богомолов, Юренев и др.); все руководители Коминтерна (Зиновьев, Бухарин, Радек); главные руководители хозяйства (Пятаков, Смирнов, Серебряков, Лифшиц и пр.), лучшие полководцы и руководители Красной Армии (Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Муралов, Мрачковский, Алкснис, адмирал Орлов и пр.); наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Серебряков, Богуславский, Мрачковский); глава и члены правительства Российской советской республики (Сулимов, Варвара Яковлева); все без исключения главы трех десятков советских республик, т.е. вожди, выдвинутые движением освобожденных национальностей (Буду Мдивани, Окуджава, Кавтарадзе, Червяков, Голодод, Скрыпник, Любченко, Нестор Лакоба, Файзулла Ходжаев, Икрамов и десятки других; руководители ГПУ в течение последних десяти лет – Ягода и его сотрудники; наконец, и это важнее всего, члены всемогущего Политбюро, фактической верховной власти страны: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин, Рудзутак, - все они состояли в заговоре против советской власти даже в те годы, когда она находилась в их руках. Все они, в качестве агентов иностранных держав, стремились разорвать построенную ими советскую федерацию в клочья и закабалить фашизму народы, за освобождение которых они боролись десятки лет.

В этой преступной деятельности премьеры, министры, маршалы и послы неизменно подчинялись одному лицу. Не официальному вож-

дю, нет – изгнаннику. Достаточно было Троцкому пошевелить пальцем, и ветераны революции становились агентами Гитлера и Микадо. По «инструкции» Троцкого, через случайного корреспондента ТАСС, руководители промышленности, транспорта и сельского хозяйства разрушали производительные силы страны и ее культуру. По пересланному из Норвегии или Мексики приказу «врага народа», железнодорожники Дальнего Востока устраивали крушение воинских поездов, и маститые врачи Кремля отравляли своих пациентов.

Вот какую поразительную картину советского государства вынужден дать Вышинский, на основании разоблачений последних процессов! Но здесь возникает затруднение ... Если все узловые пункты аппарата заняты троцкистами, состоящими в моем подчинении, почему, в таком случае, Сталин находится в Кремле, а я в изгнании?». (арх. дело № 13005, т. 3, л.д. 308-309)<sup>IV</sup>

#### IV. Обстановка на следствии и в суде

Следствие по делу т.н. «антисоветского право-троцкистского блока» и рассмотрение его в суде проводилось в период 1937 и начала 1938 гг., характеризовавшемся массовыми репрессиями советских граждан, грубейшими нарушениями социалистической законности, жестокими избиениями подследственных и различными провокационными приемами, с помощью которых органы расследования вымогали от арестованных признания, а суды выносили заведомо необоснованные приговоры.

В силу того, что подавляющее большинство работников НКВД, имевших отношение к делу т.н. антисоветского право-троцкистского блока, были впоследствии расстреляны, исследовать в настоящее время полностью обстановку, в которой проводилось следствие по этому делу не представляется возможным.

Тем не менее, даже те, далеко не исчерпывающие материалы, добытые в процессе проверки, свидетельствуют о грубом произволе и провокациях, в результате которых добывались признания арестованных.

Ряд бывших сотрудников НКВД, допрошенных в ходе проверки, показали о существовании в 1937-1938 гг. такого порядка, когда сам факт помещения подследственного в Лефортовскую тюрьму уже обязывал следователя избивать его. Ночью по кабинетам следователей ходил ЕЖОВ вместе с другими руководящими работниками и лично показывал, как следует «добывать нужные» показания.

Допрошенный в 1956 г. бывший работник НКВД СССР АРОНСОН Я.А., принимавший участие в расследовании дела антисоветского право-троцкистского блока, по этому поводу показал:

«...Период конца 1937 г. и начала 1938 г., когда велось следствие по данному делу, являлся периодом массового избияния арестованных. Я помню, как тогда в тюрьму часто приезжал, обычно ночью, ЕЖОВ и ходил по кабинетам следователей. Весь разговор его обычно сводился к следующему: «Кого допрашиваете, что дает? Дайте ему как следует! ЕЖОВА сопровождали ВЛАДЗИМИРСКИЙ и др., которые подчас сразу же показывали, как нужно давать».

Работавшая в 1937-1938 гг. начальником санчасти Лефортовской тюрьмы РОЗЕНБЛУМ А.А., будучи допрошена в 1956 г. заявила:

«Работая в санчасти Лефортовской тюрьмы, я видела многих арестованных в тяжелом состоянии после нанесенных им побоев на следствии, в частности, я оказывала медпомощь МАРЬЯСИНУ, который был жестоко избит на следствии.

В очень тяжелом состоянии находился в санчасти бывший сотрудник НКВД БЛАТ, который пытался покончить жизнь самоубийством, и который был также тяжко избит ...

...КРЕСТИНСКОГО с допроса доставили к нам в санчасть в бессознательном состоянии. Он был тяжело избит, вся спина его представляла из себя сплошную рану, на ней не было ни одного живого места. Пролежал, как я помню, он в санчасти дня три в очень тяжелом состоянии.

К ЯГОДЕ я заходила часто. Обычно он жаловался на сердце ... один раз видела у него на лице под глазом большой кровоподтек».

Об избияниях арестованных показали и другие бывшие сотрудники НКВД.

Так, свидетель ЛЕРНЕР Н.М., принимавший участие в допросах ЯГОДЫ, 2 июня 1956 г. заявил:

«...ЯГОДА мне неоднократно жаловался о том, что его избивают на допросах. Я ему не верил и говорил ему об этом.

Однажды, это было в Лефортовской тюрьме, я допрашивал ЯГОДУ. Ко мне в кабинет зашли ЕЖОВ, ФРИНОВСКИЙ и КУРСКИЙ, и по предложению ЕЖОВА я вышел из кабинета. Когда, спустя некоторое время, мне разрешили вернуться, я увидел на лице ЯГОДЫ синяк под глазом. ЯГОДА, показывая мне синяк, спросил меня: «Теперь вы верите, что меня бьют?».

Кроме того, также со следами побоев на лице я лично видел БУЛАНОВА».

Упомянутый выше АРОНСОН также подтвердил, что ему было известно об избиении на следствии арестованных РЫКОВА, ШАРАНГОВИЧА и ЯГОДЫ и показал:

«Лично сам я слышал жалобу на избиение от РЫКОВА. РЫКОВУ должны были проводить очную ставку с НИКОЛАЕВСКИМ. РЫКОВА привели первым, выглядел он жалко, подавленно. Не помню точно, я или ЛУЛОВ спросили у него: «В чем дело, почему вы так выглядите». На это РЫКОВ ответил, это я очень хорошо запомнил: «Я пал духом», а на последующий вопрос, – Почему? – ответил: «Били»».

Как сообщил внутрикамерный агент «БЛАГИН», БЕССОНОВ говорил сокамерникам:

«Он, БЕССОНОВ, подписал предъявленное ему обвинение, потому что иначе ему угрожали фашистской расправой. Будучи в Лефортово, он видел бывших членов ЦК, которые подверглись избиению во время следствия, при этом назван был ПТУХА, бывший член ЦК ВКП(б), ЛАВРЕНТЬЕВ, член ЦК и другие. КРЕСТИНСКИЙ подвергся сильному избиению, он носил гипсовую повязку во время судебного процесса». (арх. дело № 101492, т. 1, л.д. 27)

Приведенные выше показания об избиениях арестованных по делу антисоветского право-троцкистского центра, конечно, не раскрывают полностью всей картины, ибо данный период характеризовался наибольшим разгулом насилия в следствии и именно тогда избиения приобрели такой характер, что случаи убийства на допросах стали не единичными.

Свидетельница РОЗЕНБЛЮМ А.А. по этому поводу показала:

«Врачом Лефортовской тюрьмы я работала с декабря 1936 г. по 31 января 1938 г. За этот период времени было зарегистрировано 49 человек, которые умерли в Лефортовской тюрьме от побоев и истощения» (дело по обв. Анвельта)<sup>у</sup>

Так были, как теперь установлено, \*убиты на следствии: 14 октября 1937 г. заведующий отделом науки ЦК ВКП(б) БАУМАН К.Л., 1 декабря 1937 г. начальник политуправления Наркомсовхозов, старый большевик СОМС К., 11 декабря 1937 г. работник Коминтерна АНВЕЛЬТ, 5 мая 1938 г. заместитель начальника УНКВД Ленинградской области СОСТЭ М.Я., 9 ноября 1938 г. Маршал Советского Союза БЛЮХЕР и др.



Следует отметить, что арестованных толкало на самооговор и оговор других не только прямое физическое, но и психическое насилие. Угрозы репрессии родных, угрозы побоев, доносящиеся крики избиваемых арестованных – все это использовалось следователями для получения «признаний».

Бывший следователь АРОНСОН об этом показал:

«Я лично мер физического воздействия к РАКОВСКОМУ не применял, очевидно, потому он ничего и не показал мне о шпионаже (в шпионаже РАКОВСКИЙ «признал» себя виновным у других следователей). Допускаю, что я мог применять к нему другие меры воздействия – меры психического порядка: угрозы к нему лично, угрозы арестом членов семьи. Мне помнится, в частности, что РАКОВСКОМУ было объявлено об аресте его жены, и судьба ее ставилась в зависимость от его показаний. Такова была система допросов арестованных, введенная в обязательном порядке тогдашним руководством НКВД СССР».

Сам Раковский об обстановке следствия по его делу, как это видно из донесения агента «Дима», рассказывал в камере Орловской тюрьмы<sup>VI</sup> так:

«...когда вам чуть ли не с первого дня дают понять, что вы должны лгать на себя и на других, марать свое имя и честь, то вами овладевает бешенство, возмущение. Вы начинаете бороться, сопротивляться, но потом, когда вам говорят, как мне сказал АРОНСОН: «Старик, не выдержите, дадите показания», когда вам говорят, что уничтожат вашу семью, что вас расстреляют, вы сдаетесь».

Когда мне сказали, что мою жену посадят в Лефортово, я закрычал и схватился за голову – это означало, что она умрет. Страх за семью, сознание, что посылаешь ее на смерть, страх и желание жить, полная безнадежность, а потом партийная автоматика, привычка подчиняться партии – заставляют лгать и делать черт знает что. Все это ложь, тут во всех этих делах нет ни капли правды». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 321)

Далее он же говорил:

«Я катался из Бутырок в Лефортово, а из Лефортово на Лубянку. Я каждую ночь ждал расстрела. В Лефортово, в этом ужасном остроге, где были слышны крики пытаемых людей, стоны женщин, выстрелы во время расстрелов и постоянный шум авиамоторов, мне вдруг обрезали ногти – я понял, что меня хотят пытать. Вскоре меня вызвали ночью. Я предстал перед НИКОЛАЕВЫМ, АГАСОМ и еще од-

ним типом, который у них осуществлял пытки. Когда я вошел, мне сказали, что я шпион. «Я шпион?» «Да, вы. И вы нам расскажете о вашей деятельности сами». Я понял, что это конец, что единственный путь к спасению ведет через максимальное обвинение себя. Это диалектика... Тут пошло все – и японцы, и англичане. Я иногда запутывался сам в том, что я наговорил». (там же, л.д. 322)

БЕССОНОВ, отбывая наказание в тюрьме, категорически отрицал свою вину, а о причинах, толкнувших его на ложные показания, говорил так:

«Допрашивавший меня сначала лейтенант, а затем майор госбезопасности предупредили, что, если я не дам нужных им показаний, то сделают из меня котлету. И действительно, спустя несколько дней, меня вызвали поздно вечером в какую-то, доселе неизвестную мне, комнату. Там уже было 5 молодцов, а на столе лежали необходимые принадлежности – резиновая дубинка, перчатки, палка и еще что-то.

Майор, потирая руки, спросил меня о показаниях, а я, увидев это, перетрусил немного, т.к. об избиениях до смерти я уже знал... Решил врать. Ну и стал, таким образом, контрреволюционером. А суд ведь был сплошной комедией». (там же, т. II, л.д. 61)

Ярко о системе побоев, угроз, шантажа и провокации сообщал из тюрьмы и осужденный врач ПЛЕТНЕВ. В заявлении от 8 июня 1940 г. он писал:

«Три года я мытарюсь от следствия к следствию, от суда к суду, из тюрьмы в тюрьму при полной моей невинности...

...дело об умерщвлении ГОРЬКОГО и КУЙБИШЕВА. Я обращался к вам по поводу него, но следственный аппарат не допустил никакого разговора по этому поводу, настаивая несколько раз на взятии назад мной заявлений, чего я не сделал.

...дело возникло по показаниям ЯГОДЫ, который, по личному его заявлению, вызвал меня к себе в половине августа 1934 г. и угрозами потребовал от меня соучастия с доктором ЛЕВИНЫМ в умерщвлении ГОРЬКОГО. На мое отрицание этого факта, со стороны следователя ГЕРЗОНА последовало мордобитие. Я указал, что этот факт не мог иметь места, так как я с 20 июля 1934 г. по начало октября был в заграничной командировке. На следующий день справками из паспортного отдела ... мои слова были подтверждены и установлен факт моего алиби в августе 1934 г. Тогда следователь мне сказал: «Если высокое руководство предполагает, что вы виновным, то хотя бы вы были на 100% правы, вы будете все равно виновны на 100%». По-

следовали угрозы мне, жене и, наконец, предложена альтернатива начальником СПО ЛИТВИНЫМ, начальником следственной части КА-ГАНом и следователем ГЕРЗОНОМ, или при моем упрямстве пожизненное заключение в тюрьме и смерть в ней, или при «сознании» подача заявления «об уточнении» времени свидания с ЯГОДОЙ в июне 1934 г., а я ЯГОДУ вообще видел первый раз в жизни в 1935 г. – и через 2-3 месяца после суда полное освобождение и научная работа – одним словом, «повторение судьбы РАМЗИНА». Это же косвенно было подтверждено ЕЖОВЫМ. Результат известен. Я настолько доверял органам правительства, что мне и в голову не могла прийти мысль о лжи и шантаже со стороны кого-нибудь, тем более члена Политбюро... Помогите мне, ведь я невинно погибаю. Только прошу Вас лично заинтересоваться, а не передавать в следственный аппарат. Там царит предубежденность. Если НКВД взял, значит, виновен. Поставьте себя на момент в мое положение, и вы увидите всю глубину моего страдания. Верьте мне. Я еще многое мог бы сказать в свое оправдание...» (тюремное личное дело, л.д. 206–207)

«Обработка» арестованных по делу право-троцкистского центра не прекращалась ни днем, ни ночью. На допросах этим занимались следователи, а в камерах специально подсаженные люди. Об одном из таких людей РАКОВСКИЙ, после его осуждения, рассказывал сокамерникам:

«В Лефортово ко мне посадили ЛИБЕРМАНА... Мне давали писать показания в камеру. Когда я их приносил, то если они им не нравились, они рвали их и бросали мне в лицо. Когда же я консультировался с ЛИБЕРМАНОМ, то мои показания всегда удовлетворяли следователей. Он служил передаточной инстанцией, он диктовал мне их волю, через него я спрашивал их совета...

В конце концов, мне было все равно, я ведь лгал, и он не мог мне повредить, а наоборот – облегчал мой труд». (арх. дело № 300956, т. 9, л.д. 324)

Определенный интерес в этом отношении представляет судьба бывшего начальника 5 отдела УНКВД по Саратовской области ЗАРИЦКОГО Н.Д.

ЗАРИЦКИЙ был арестован за грубую фальсификацию следственных материалов, фабрикацию фиктивных доказательств, якобы подтверждавших наличие не существовавшей в действительности организации правых (это в то-то время!). По существу обвинения ЗАРИЦКОГО не допрашивали, ограничившись отображением заявления, и

осудили к двум годам лишения свободы, а затем подсаживали к другим арестованным. Он сидел последовательно в одной камере с бывшими секретарями обкомов партии КАБАКОВЫМ, РЫНДИНЫМ, ХАТАЕВИЧЕМ, а потом в течение 4-5 месяцев вдвоем с БУХАРИНЫМ.

После того как БУХАРИНА расстреляли, дело ЗАРИЦКОГО без всякого исследования было пересмотрено. Приговор отменен, а ЗАРИЦКОГО восстановили в партии и на оперативной работе в органах НКВД.

Подобные поощрения арестованных за «заслуги» по разоблачению правых были не единичны.

Так было прекращено дело по обвинению АСТРОВА, называвшего себя активным участником контрреволюционной террористической организации правых, который одним из первых стал изобличать БУХАРИНА, в том числе и на очных ставках в Политбюро ЦК ВКП(б).

Так была сохранена жизнь РАДЕКУ и СОКОЛЬНИКУ, формально не менее виновным, чем их однодельцы, которые еще до ареста БУХАРИНА и РЫКОВА явились свидетелями обвинения против них.

Из имеющихся в архивах КГБ материалов видно, что СОКОЛЬНИКОВ осенью 1937 г. из тюрьмы был доставлен в Москву для использования в качестве свидетеля на предстоящем процессе БУХАРИНА, РЫКОВА и других, но в связи с его отказом выступить в суде, возвращен обратно.

Когда же СОКОЛЬНИКОВ и РАДЕК стали в тюрьме разоблачать фальшь прошедших процессом, их убили.

С этой же целью был отменен приговор в отношении МАНЦЕВА, который будучи осужденным к расстрелу, стал давать показания о причастности БУХАРИНА в 1918 г. к заговору левых эсеров и его намерении арестовать ЛЕНИНА, СТАЛИНА и СВЕРДЛОВА. После процесса по делу право-троцкистского блока без каких-либо дополнительных следственных действий, МАНЦЕВ был вновь осужден и тогда расстрелян. Ныне он полностью реабилитирован.

О том, как арестованные давали признания по заказу следователей ясно видно из показаний бывшего сотрудника НКВД ЦЕРПЕНТО П.И.

«Летом 1937 г. АНТИПОВА допрашивал лично ЛИТВИН... В этом протоколе допроса было записано, что АНТИПОВ в сентябре 1936 г. получил от РЫКОВА указание о создании резервного центра правых. Когда эти показания были представлены РЫКОВУ, то РЫКОВ категорически отрицал встречу с АНТИПОВЫМ в сентябре 1936 г. и настаивал на том, что это было в 1932 г.

Тогда ЛУЛОВ в моем присутствии уговорил РЫКОВА подтвердить показание АНТИПОВА, сказав, что ему, РЫКОВУ, выгодно так показывать...

В период подготовки процесса над РЫКОВЫМ, БУХАРИНЫМ и другими (в конце 1937 г.) мне от ГЛЕБОВА стало известно, что теперь АНТИПОВ пишет совершенно новые показания, в которых, в частности, говорит о том, что резервный центр правых был создан в 1932 г. Тогда же ГЛЕБОВ мне предложил в соответствии с этими новыми показаниями передопросить РЫКОВА.

Когда же я выразил удивление тому, что АНТИПОВ сумел обвести ЛИТВИНА, дав ему не соответствующие, ложные показания, ГЛЕБОВ мне сказал, что удивляться тут нечему, так как АНТИПОВ такого рода арестованный, который готов дать любые показания и в любом направлении.

По распоряжению ГЛЕБОВА перед процессом мне пришлось уговаривать РЫКОВА признать свои первые показания, в которых говорилось о создании резервного центра правых в 1932 г., а не 1936 г.» (арх. дело № 982027, т. 1, л.д. 222-223)<sup>vi</sup>

Как далее показал ЦЕРПЕНТО, РЫКОВ, подписывая один из новых вариантов «своих» показаний, заявил:

«Один советует не показывать на АНТИПОВА, а другой (то есть я) требует показаний на него. Не знаю, кого слушать». (арх. дело № 982027, т. 1, л.д. 30-31)

Как известно, на первом же заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 2 марта 1938 г. арестованный КРЕСТИНСКИЙ не признал себя виновным и отказался от тех показаний, которые им были даны на следствии. При этом КРЕСТИНСКИЙ прямо сказал, что показания он ранее давал не добровольно и на следствии не отказывался от них только из опасения, что его заявление не дойдет до руководителей партии и правительства. (судебный отчет. стр. 54, 58)<sup>vii</sup>

Этот отказ вызвал смятение среди членов Военной Коллегии, и суд объявил перерыв. Однако на следующий день КРЕСТИНСКИЙ вновь подтвердил показания, данные им на следствии, и сказал, что накануне он якобы машинально заявил о своей невиновности под влиянием чувства ложного стыда (Там же. стр. 146).

Проверкой установлено, что в процессе следствия КРЕСТИНСКИЙ давал показания, подвергаясь зверским избиениям, и, следовательно, отказ его от этих показаний в суде имел под собой реальную почву.

Об обстоятельствах, связанных с показаниями КРЕСТИНСКОГО в суде, бывший сотрудник НКВД СССР АРОНСОН показал:

«Я, как и многие другие сотрудники, присутствовал на судебном процессе. На первом же заседании КРЕСТИНСКИЙ отказался от ранее данных им показаний и заявил о своей невинности. Это заявление вызвало замешательство у ВЫШИНСКОГО, который руководил процессом.

В перерыве мы, следователи, обсуждали происшедшее и говорили о том, как выйти из этого положения. НИКОЛАЕВ (вел дело РАКОВСКОГО) тогда сказал, что он попытает уладить инцидент. Когда обвиняемых везли с суда, КРЕСТИНСКОГО повезли вместе с РАКОВСКИМ. На следующий день КРЕСТИНСКИЙ признал себя виновным и подтвердил все ранее данные им показания. Я думаю, и так потом говорили следователи, что КРЕСТИНСКОГО не били, а его уговорил РАКОВСКИЙ. Рассказывали, что РАКОВСКИЙ, который имел вообще большое влияние на КРЕСТИНСКОГО, говорил ему примерно так: «Нужно признать вину, все признают себя виновными, а на не признающегося суд будет смотреть как на не раскаявшегося врага и бесспорно расстреляют, тогда как за признание сохраняют жизнь. У признавшегося семья не пострадает, а при отказе она будет также репрессирована». Это так повлияло на КРЕСТИНСКОГО, что он до конца процесса уже не пытался отказываться от показаний, данных на следствии».

Характерно в этой связи и поведение на суде государственного обвинителя ВЫШИНСКОГО. Когда суд вызвал для допроса КРЕСТИНСКОГО, ВЫШИНСКИЙ не допустил его немедленного допроса и предварительно задал ряд вопросов именно РАКОВСКОМУ.

КРЕСТИНСКИЙ стал допрашиваться лишь после того, как РАКОВСКИЙ подал ему пример – признал себя полностью виновным и назвал КРЕСТИНСКОГО своим сообщником.

Особо тщательно органами следствия готовились арестованные к суду и очным ставкам, которые проводились при участии руководителей партии и правительства. Здесь все делалось строго по разработанному плану, арестованные неоднократно репетировали «свои» показания.

Как известно, некоторым лицам из числа проходящих по делу правотроцкистского блока еще до их привлечения к уголовной ответственности давались очные ставки, на которых ранее арестованные изобличали их в совершении тяжких государственных преступлений.

Из показаний арестованного бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР ФРИНОВСКОГО видно, что на эти очные ставки выводились специально проинструктированные арестованные.

ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

«Арестованных готовили специально, вначале следователь, после начальника отдела. Подготовка заключалась в зачитке показаний, которые давал арестованный на лицо, с которым предстояла ставка, объясняли, как очная ставка будет проводиться, какие неожиданные вопросы могут быть поставлены арестованному и как он должен отвечать.

По существу происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе ЕЖОВ или делал вид, что он случайно заходил в комнату следователей, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал, твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли и, между прочим, вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства.

Обыкновенно ЕЖОВ перед такими очными ставками нервничал, даже и после того, как разговаривал с арестованным. Были случаи, когда арестованный при разговоре с ЕЖОВЫМ делал заявление, что его показания неверны, он оклеветан» (Арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 37-38).

Перед судом подготовка арестованных шла по двум направлениям. С одной стороны, путем разных обещаний (как правило – сохранения жизни), уговаривали твердо стоять на определенных показаниях. С другой стороны – заранее формулировать ответы арестованных и последние опять-таки репетировали их.

Тот же ФРИНОВСКИЙ об этом показал:

«Долго говорил он (ЕЖОВ) с ЯГОДОЙ, разговор этот касался, главным образом, убеждения ЯГОДЫ в том, что его не расстреляют.

ЕЖОВ несколько раз беседовал с БУХАРИНЫМ и РЫКОВЫМ и тоже в порядке их успокоения, заверял, что их ни в коем случае не расстреляют.

Раз ЕЖОВ беседовал с БУЛАНОВЫМ, причем беседу начал в присутствии следователя и меня, а кончил беседу один на один, попросив нас выйти. Причем БУЛАНОВ начал разговор в этот момент об отравлении ЕЖОВА. О чем был разговор, ЕЖОВ мне не сказал. Когда он попросил зайти вновь, то говорил: «Держись хорошо на процессе, буду просить, чтобы тебя не расстреливали». (арх. дело № 975181, т. 2, л.д. 39)

РАКОВСКИЙ об этом же рассказывал в Орловской тюрьме:

«Когда шел процесс, то следователи не покидали меня, обнадёживали, говорили о том впечатлении, которое на меня производила эта гнусная комедия». (арх. дело № 300956, т. 7, л.д. 325)

Допрошенный в качестве свидетеля бывший сотрудник НКВД ЛЕРНЕР, который был причастен к расследованию этого дела, на допросе в июле 1956 г. показал:

«Следствие по делу ЯГОДЫ я не вел до конца, последние 6–8 месяцев я занимался другими делами, и отношения к следствию по делу не имел.

Однако когда начался процесс, очевидно, учитывая, что у меня с ЯГОДОЙ наладились неплохие взаимоотношения, по указанию руководства Наркомата, я присутствовал на всем судебном процессе и в перерывах его играл с ЯГОДОЙ в шахматы ...

Во время процесса, вернее, во время перерывов процесса, ЯГОДА часто спрашивал у меня, расстреляют его или нет.

Мне также известно, что перед процессом ЯГОДЕ было дано свидание с его женой АВЕРБАХ. Причем, еще ранее, по указанию руководства Наркомата, я неоднократно заявлял ЯГОДЕ о том, что его жена находится на свободе, хотя в действительности она была арестована.

Поэтому, перед свиданием, жену ЯГОДЫ переодевали и приводили в такое состояние, чтобы создать впечатление, что она на свидание пришла не из тюрьмы, а будто бы она находится на свободе. Для этого камуфляжа специально пригласили парикмахера, который приводил ее в порядок, надевали на нее соответствующие наряды и вернули ей на это время изъятые ранее у нее ручные часы.

Со слов бывшего начальника УНКВД Ленинградской области ЛИТВИНА мне известно, что ЯГОДУ расстреливали последним, а до этого его и БУХАРИНА посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных».

После осуждения РАКОВСКИЙ рассказывал своим сокамерникам:

«Тезисы моего выступления на суде, моего последнего слова я согласовывал со следователями ... Последнее время все было к моим услугам вплоть до маслин». (арх. дело № 300956, т. 7, л.д. 325)

Этот рассказ РАКОВСКОГО находит полное свое подтверждение в архивных документах НКВД. Причем из них видно, что такое положение имело место не только в отношении РАКОВСКОГО, но и в отношении других обвиняемых по настоящему делу.



Так, в архивных делах на РАКОВСКОГО и ГРИНЬКО обнаружены отпечатанные на машинке тезисы их будущих показаний в суде. При сличении этих тезисов с показаниями, которые РАКОВСКИЙ и ГРИНЬКО давали в суде, выяснилось, что они тождественны в структурном и смысловом отношении, а отдельные фразы из них почти дословно повторяются в стенограмме судебного заседания.

Более того, в этих же архивных материалах были обнаружены и проекты «последних слов» подсудимых РАКОВСКОГО, РЫКОВА и ГРИНЬКО, а в материалах на РАКОВСКОГО оказалось даже два варианта «его» последнего слова в суде.

Как установлено проверкой, фальсификация документов следственного дела не ограничилась следствием, а продолжалась и в суде.

В архиве Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР обнаружена расшифрованная стенограмма судебного заседания по делу антисоветского право-троцкистского блока с различными рукописными поправками и вставками.

Изучение этой стенограммы и сличение ее с официальным текстом протокола<sup>х</sup> судебного заседания показывает, что зафиксированные в суде показания впоследствии были изменены, причем в ряде случаев эти изменения носили характер усиления и извращения показаний подсудимых.

Так, показания подсудимого БЕССОНОВ о его встрече с ТРОЦКИМ в 1934 г. при корректировке были дополнены следующей фразой: «ТРОЦКИЙ сказал, что он очень хорошо знает меня по письмам ПЯТАКОВА и по рассказам Н.Н. КРЕСТИНСКОГО», чем изменялось не только существо показаний БЕССОНОВА, но прямо указывалось на наличие у ТРОЦКОГО связи с ПЯТАКОВЫМ и КРЕСТИНСКИМ, о чем в данном случае БЕССОНОВ и не показывал.

Во время допроса ЯГОДЫ в суде вопрос о его виновности в организации убийства КУЙБЫШЕВА, как это видно из стенограммы, вообще не выяснялся.

Тем не менее, стенограмма была дополнена следующим:

«ВЫШИНСКИЙ. В организации убийства КУЙБЫШЕВА признаете себя виновным?

ЯГОДА. Признаю».

В последнем слове подсудимый РЫКОВ заявлял:

«...я вел в 1935 г. разговор с КОТОВЫМ, возглавлявшим террористические организации в Москве».

В результате корректировки эта фраза в последнем слове РЫКОВА оказалась записанной так: «Я в 1935 г. давал задание по террору КОТОВУ, возглавлявшему террористические организации в Москве».

Этим же редакторами из стенограммы было удалено заявление РЫКОВА о том, что ШАРАНГОВИЧ, как участник контрреволюционной организации, стал ему известен только на судебном процессе.

Подобного характера изменения были внесены и в показания других лиц, а затем эта искаженная стенограмма, завизированная заместителем Прокурора СССР РОГИНСКИМ, была издана как официальный текст протокола судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

В связи с установленными фактами грубого нарушения закона при расследовании дела о право-троцкистском центре как в процессе предварительного следствия, так и в суде, представляет значение и тот факт, что все оставленные в живых обвиняемые впоследствии от своих показаний отказались и рассказывали о процессе как о сфальсифицированном следствии и судом. Все они (РАКОВСКИЙ, БЕССОНОВ и ПЛЕТНЕВ) 11 сентября 1941 г. были расстреляны по приговору Военной Коллегии, которая, грубо нарушив закон, вынесла этот приговор не только без вызова обвиняемых в суд, но даже не имея никакого дела по их обвинению.

Таким образом, в результате анализа всех материалов дела и дополнительной проверки можно утверждать, что большинство из осужденных по настоящему делу лиц в свое время принимало активное участие в оппозиционной борьбе, однако, обвинение их в том, что в последующие годы они создали право-троцкистский блок и проводили организованную антисоветскую деятельность сфальсифицировано и в этой части они подлежат реабилитации

Некоторые обстоятельства, вмененные в вину отдельным обвиняемым, так, например, причастность к охранке ЗУБАРЕВА, ЗЕЛЕНСКОГО и ИВАНОВА, националистическая деятельность ИКРАМОВА и ХОДЖАЕВА и т.д., подлежат дополнительной проверке.

*РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 456. Л. 66-109. Подлинник. Машинописный текст. Правка неизвестного. Подпись И.А. Серова.*

## ПРИЛОЖЕНИЕ 5

### ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СУДЕБНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ 1920–1930-х гг.

**1920 г., 11–16 января** – Процесс по делу «Совета объединенных приходов города Москвы».

**1920 г., 20–30 мая** – Процесс над колчаковскими министрами (Омск).

**1920 г., 20–30 мая** – Процесс по делу «Тактического центра» (Москва).

**1921 г., 22–28 февраля** – Процесс над участниками антибольшевистского мятежа (Ишим).

**1921 г., 15 сентября** – Процесс над бароном Р.Ф. Унгерном (Новониколаевск).

**1922 г., 26 апреля – 8 мая** – Процесс над московскими священнослужителями и мирянами.

**1922 г., 8 июня – 7 августа** – Процесс над социалистами-революционерами (Москва).

**1922 г., 10 июня – 5 июля** – Процесс над петроградскими священнослужителями и мирянами.

**1923 г., 21 апреля – 18 мая** – Процесс по делу «Базаровско-незнамовской организации» (Новониколаевск).

**1925 г., 24 июня – 3 июля** – Процесс над группой немецких студентов (Москва).

**1925 г., 27–29 августа** – Процесс по делу Б.В. Савинкова (Москва).

**1927 г., 25 июля – 12 августа** – Процесс по делу Б.В. Анненкова (Семипалатинск).

**1927 г., 20–23 сентября** – Процесс по делу «террористов-белоземigrants» (Ленинград).

**1928 г., 24–29 апреля** – Процесс по делу Вели Ибрагимова (Симферополь).

**1928 г., 18 мая – 6 июля** – Процесс по делу «экономической контрреволюции в Донбассе» (Шахтинский) (Москва).

**1929 г., 29 августа – 27 октября** – Процесс по делу о должностных преступлениях, взяточничестве на рыбных промыслах (Астрахань).

**1930 г., 25 ноября – 7 декабря** – Процесс по делу «Промпартии» (Москва).

**1931 г., 1–9 марта** – Процесс по делу «Союзного бюро РСДРП(м)» (Москва).

**1933 г., 12–19 апреля** – Процесс по делу британских инженеров (дело «Метро-Виккерс») (Москва).

**1936 г., 19–24 августа** – Первый Московский процесс, официальное название – процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», также известен как «процесс 16-ти»; главные обвиняемые – Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев.

**1937 г., 23–30 января** – Второй Московский процесс, официальное название – процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра», также известен как «процесс 17-ти»; главные обвиняемые Г.Л. Пятаков, К.Б. Радек, Л.П. Серебряков, Г.Я. Сокольников.

**1938 г., 2–13 марта** – Третий Московский процесс, официальное название – Процесс антисоветского «право-троцкистского блока», известен также как «процесс 21-го», или «Большой процесс», последний из так называемых Московских процессов; главные обвиняемые Н.И. Бухарин, А.И. Рыков.

Учебное издание

**Красильников** Сергей Александрович

**СОВЕТСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ  
ПРОЦЕССЫ в 1920–1930-е гг.:  
ПРИЧИНЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ**

Учебное пособие

Верстка *Е.П. Войтенко*

Подписано в печать 20.09.2014.

Формат 60×84/16. Уч.-изд. л. 18,75. Усл. печ. л. 17,4.

Тираж 120 экз. Заказ №

Редакционно-издательский центр НГУ.  
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

В пособии рассматривается феномен советских судебных политических процессов в межвоенный период (1920–1930-е гг.) в качестве одного из важнейших инструментов утверждения большевистского политического режима. На основе изучения ряда крупнейших процессов эпохи (над лидерами партии социалистов-революционеров (1922 г.), над группами инженерно-технических работников Донбасса (Шахтинский, 1928 г.), научно-технических кадров («Промпартия», 1930 г., «Союзное бюро меньшевиков», 1931 г.), над «партийными оппозиционерами» [Московские показательные, 1936–1938 гг.]) раскрываются механизмы подготовки и реализации политических, репрессивных, судебных и пропагандистских решений, связанных с осуществлением указанных процессов. Пособие включает приложение, сформированное из документов и материалов судебных процессов.

Издание рассчитано на студентов и аспирантов исторических факультетов и отделений университетов.

ISBN 978-5-4437-0301-5



9 785443 703015